
Центр изучения современной Японии
The Center for Contemporary Japanese Studies

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

ЯПОНИЯ, ОТКРЫТАЯ МИРУ

JAPAN,
OPEN TO THE WORLD

МОСКВА
«АИРО-XXI»
2007

Руководитель проекта Э. В. Молодякова
Project leader E. V. Molodyakova
Редактор Н. П. Дмитриевская
Edited by N. P. Dmitrievsky

Япония, открытая миру / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.:
АИРО–XXI. 2007. – 308 с.

Коллективная монография, подготовленная российскими учеными-японоведами дает комплексную картину Японии первого десятилетия XXI в. Единым стержнем всех глав является мысль о том, как Япония открывает себя миру, как японцы взаимодействуют с другими народами. Монография состоит из двенадцати глав, которые условно можно разделить на три блока. В первом из них рассмотрены проблемы «самооценки» японской нации, политика правящей элиты, главной целью которой является целенаправленное создание максимально благоприятного образа своей страны в окружающем мире, а также многоаспектная дипломатическая деятельность. Второй блок включает главы, в которых говорится о многих сторонах экономической деятельности страны, что представляется чрезвычайно важным, поскольку страна, обладая мощным экономическим потенциалом, выходит из стагнации. В главах третьего блока освещены некоторые проблемы, касающиеся деятельности Японии в культурной и гуманитарной сферах эпохи глобализации. Авторами глав являются ведущие специалисты в каждой изучаемой области. Книга рассчитана как на ученых, преподавателей и студентов, так и на широкий круг читателей, интересующихся глобальными проблемами современности.

Проект «Япония, открытая миру» выполнен в 2007 г. в рамках деятельности Центра по изучению современной Японии, созданного на базе заключенного в 19991 г. Соглашения между Академией наук СССР (ныне Российская академия наук) и Японским фондом (Япония) о поддержке и развитии японоведческих исследований в России.

The Project “Japan, Open to the World” was conceived and produced in 2007 by the Center for Contemporary Japanese Studies, established under the agreement, concluded in 1991 between the Academy of Sciences of the USSR (now the Russian Academy of Sciences) and the Japan Foundation (Japan) to promote the studies of Japan in Russia.

ISBN 978-5-91022-037-3

© Центр изучения современной Японии, 2007
The Center for Contemporary Japanese Studies, 2007
© «АИРО–XXI», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Introduction	7
Предисловие (Э. В. Молодякова)	22
Глава первая. Япония в мире: эволюция самооценки (А. Е. Жуков)	39
Глава вторая. Между Японией и миром: «буферы» и «информаторы» (В. Э. Молодяков)	63
Глава третья. Дипломатия Коидзуми Дзюньитиро (Кимура Хироси)	95
Глава четвертая. Япония в глобальных и региональных экономических организациях (Д. В. Стрельцов)	119
Глава пятая. Иностранный капитал на японских рынках (И. Л. Тимонина)	138
Глава шестая. Япония – Восточная Азия: новые контуры экономического взаимодействия (И. П. Лебедева)	162
Глава седьмая. Япония в условиях техноглобализма: лоцман мирового инновационного пространства (Ю. Д. Денисов)	191
Глава восьмая. Проблемы открытого рынка труда Японии на пороге XXI в. (Т. Н. Матрусова)	210
Глава девятая. Проблема иммиграции в контексте демографической ситуации в Японии (Маркарьян С. Б.)	225
Глава десятая. Интернациональные браки как возможный «нацпроект» Японии (А. Е. Куланов)	246
Глава одиннадцатая. Япония – ЮНЕСКО: сотрудничество во имя «Всемирного наследия» (Э. В. Молодякова)	263
Глава двенадцатая. Японская комикс-культура: на пути к покорению мира (Е. Л. Катасонова)	282

CONTENTS

Introduction (Molodyakova E. V.)	7
Chapter 1. Japan in the World: Evolution of Self-Assessment (A. E. Zhukov)	39
Chapter 2. Between Japan and the World: “Buffers” and “Informants”. (Molodyakov V. E.)	63
Chapter 3. Koizumi’s Diplomacy (Kimura Hiroshi)	95
Chapter 4. Japan in the Global and Regional Economic Organizations. (D. V. Streltsov)	119
Chapter 5. Foreign Capital on the Japanese Market (Timonina I. L.)	138
Chapter 6. Japan-East Asia: New Outlines of Economic Cooperation (Lebedeva I. P.)	162
Chapter 7. Japan under Techno-Globalization: the Pilot of the Word Innovation Space. (Y. D. Denisov)	191
Chapter 8. The Problems of the Open Labour Market in the Beginning of the 21 st century (Matrusova T. N.)	210
Chapter 9. The Immigration Problem in View of Demographic Situation in Japan (Markarian S. B.)	225
Chapter 10. International Marriages as the Possible “National Project” for Japan (Kulanov A. E.)	246
Chapter 11. Japan-UNESCO: Cooperation for the Sake of the “World Heritage” (Molodyakova E. V.)	263
Chapter 12. Japanese Comics-Culture: on the Road to Winning the World (Katasonova Y. L.)	282

INTRODUCTION

In the history of Japan, perhaps, like in no other nation in the world, the policy of “closing” and “opening” of the country was of particular significance. Every time this policy was caused by the endogenous or exogenous factors, depending on the circumstances. Traditionally, it is said, that there were two “openings” of Japan. The first was the result of the Meiji restoration, which marked the beginning of the period of far-reaching reforms. These reforms gave an impetus to the rapid modernization of the country. The second “opening” – the post-war system reforms in the conditions of total democratization. In the 1990s the country started radical reforms of nearly all spheres of life of the Japanese society. In this connection, the world began to speak about the new – third – “opening” of Japan, or the new “restoration”, Meiji style. This, evidently, proves the significance of the changes in the country.

So far Japan followed the model of the “overtaking development”, when there were ready patterns of other developed countries, advanced know-how and economic institutions, which proved effectiveness. Today, being a developed nation itself, Japan could offer the world its own development pattern. However, to that end it is necessary to apply the forces, which were not used up to now. Japan needs new social and economic concept, because neither the current Japanese paternalist system with the leading role of the state, nor the borrowed American version of capitalism, meet the requirements of the modern dynamic business culture in the age of the rapid development of high technologies. Besides, the Japanese political elite strives for more active participation in the world politics, realizing, that it is not enough for Japan to confine itself to the economic activities only, if the country wants to have an influence on the global decision-making processes. Japan wants to take the place on the international scene, corresponding to its economic strength, and, while generally backing the American policy, Tokyo is currently taking more active part in the work of various organizations of the developed countries, as well as the UN economic, cultural and peacekeeping programs. All these factors determined

not only the title of the project, where “open” is the key word, but the concept and structure of this work.

The authors of the project tried, first of all, to present the comprehensive picture of Japan in the first decade of the 21st century. For this purpose they examine different spheres of life of the Japanese society. Besides, all the chapters have one general idea: how Japan opens itself to the world, how the Japanese interact with other nations.

The study consists of 12 chapters, which can be roughly divided into three major blocks. The first deals with the problems of national self-identification, self-assessment of the Japanese nation, the policy of the ruling elite with its primary objective of purposive forming the positive image of the country on the international scene, as well as the multipurpose diplomatic activities. The second block of chapters examines various aspects of the national economic life, which is of paramount importance, because Japan, the country with the great economic potential, is getting over stagnation. The economic upturn in Japan began in the middle of 2003. In this connection, the study reveals, how the foreign capital works in the Japanese market; how Japan opens its labour market; the implication of immigration; Japan's place in the system of techno-globalization and its participation in the international economic institutions. The chapters of the third block tell of the position of the Japanese mass culture in the world; the Japan's contribution to the UNESCO cultural programs; of the personal contacts between the Japanese and the foreigners, and the Japanese attitude to the international marriages, which are currently becoming a pressing social problem.

All these issues are examined in detail in the corresponding chapters of the study. This introduction just gives the general idea of their content.

Today Japan is one of the leading industrial democracies and enjoys equal rights with other members of the Western community. Naturally, the Japanese ponder over their national originality, distinctive culture, the place of their country in the world. In other words, it is an issue of “self-assessment” of the nation. One can distinguish two aspects of this “self-assessment”. First: What do the political elite and other powerful forces think about the situation in the country? Second: How do the Japanese in general evaluate the role of their country on the international scene? Despite the great variety of opinions, there is one general trend, which determines the development vector. This trend displays itself in the foreign policy doctrines, on the one hand, and is reflected in the dynamics of the public opinion shifts, on the other hand.

Since the middle of the 19th century the historical development of Japan was determined to a great extent by the changes in its relations with the outside world. Japan's dependence on the external influences and circum-

stances was so great, that the development of the Japanese society was strongly affected by various international factors. Consequently, for a century and a half the desire for consolidation of its position on the international scene remained the corner-stone of the Japanese policy.

Certainly, the Japan's idea of its place in the world, as well as the world itself, has been changing during this period. However, Japan always adhered to the principle (which was established in the period, when there was a threat of Japan's turning into a colony) of permanent competition with the external world with the view of taking a worthy place on the international scene and, subsequently, acquiring the status of a great power. In various times and with changing success, the emphasis in this competition was placed on military, economic or cultural and ideological methods of struggle. But Japan always acted on the international scene as a kind of a unified corporation.

The last decades of the 20th and the beginning of the 21st centuries were characterized by the radical changes of the global structure. These changes affected, actually, all the sides of the international community's life. In the aggregate, they were named the “globalization process”. Naturally, Japan faced the new challenges. New problems aroused as to the national “self-assessment” at different levels and in various contents. This relates to both the new foreign policy priorities and the social situations, because the Japanese mono-ethnic society didn't accustom itself to coexistence with the foreigners. The Japanese establishment and the wide sections of population gave quite a contradictory response to the new situation. This was caused by a number of objective and subjective factors. The Japanese establishment generally continues to adhere to the traditional idea of Japan's role in the world, placing an emphasis on consolidating the country's position as a powerful national state. Japan is a long-time claimant for the permanent membership in the UN Security Council; it participates in the international anti-terrorist operations; intensifies its policy in Asia, including the Middle East. Besides, in some cases Tokyo dissociates itself from the policy of the United States. However, such peculiarity of the Japanese society as the group orientation of an individual is currently being eroded. At the same time, the individualism, Western style, is on the rise in Japan. All these will inevitably result in changing the Japanese ideas about themselves and their place in the world.

The ruling Japanese elite was late to realize the significance of propaganda, directed abroad; of the country's image-making with the view of purposive creating the positive image of Japan. The Japanese establishment started to make efforts in this direction just about a century and a half ago. Despite all the changes and upheavals, this is a single process, consisting of

successive stages; and many principles and methods were preserved up to now, being adapted to specific circumstances. Generally, Japan's image in the world (except the period of 1930s-1940s) was rather positive, although it didn't always satisfy the ambitions of the governing elite. Other nations could have criticized and even ridiculed Japan and the Japanese, but, with the exception of some very rare and special occasions, general attitude towards them was rather favourable. Thus, special attention should be paid to the methods, by which the Japanese create the positive image of their country in the world.

In their longing for winning favour of the Great Powers' public opinion, the Japanese image-makers gave preference to the "soft" methods – they did not impose their idea of Japan on other nations, but let them see the "positive" image of Japan by themselves. At first it was the image of "picturesque" Japan, a nation of artists and lovely geishas. It was formed, primarily, by the foreigners – travelers and artists, well-known in their countries. In due course these efforts appeared to be insufficient: Japan needed more advertising and publicizing by the Japanese themselves. Commercial success and expansionist actions of Japan started to irritate the global rulers of that time – the USA and European states, whose criticism of the Tokyo's official policy was becoming more and more sharp. Certainly, the Japanese establishment propagandized its political line, but in time the effect of the official statements and explanations diminished – other nations didn't believe them and didn't take them seriously. The only chance to change the situation was to present to the world the Japanese, who would be able to win confidence of the foreigners. These Japanese should have used the notions, which are familiar and clear to the Europeans; appeal to their ideas, so that the foreigners would begin to listen and, subsequently, trust them. Such people are usually called "buffers" and "informants". One American journalist sharply called them the "charming apostles of half-truth, who translate Japan to the Western nations". This phenomenon is examined by the example of five Japanese, who played major part in the global image-making of their country. Each of them personifies a certain period in the Japanese history, with its bright and dark sides. The Meiji era is represented by thinker and art-critic Okakura Kakuzo (1862–1913); the Taisho era – publicist and diplomat Nitobe Inazo (1862–1933); the pre-war period of the Showa era – diplomat Saito Hiroshi (1886–1939); the post-war period of the Showa era – economist Okita Saburo (1914–1993); the modern Heisei era – publicist and official Sakaiya Taichi (b 1935).

The Japanese elite endeavours to implement various image-making projects in order to answer the new challengers, but only time will show, if they are effective enough.

The first years of the 21st century are closely associated with the name and the policy of the then Prime Minister Koizumi Junichiro, who became the third (after Nakasone Yasuhiro and Sato Eisaku) premier-long-liver on the Japanese political scene. It is no mere chance, that this period is called the "Koizumi era". When Koizumi Junichiro assumed a post of Japanese Prime Minister, he didn't have much experience in the fields of foreign policy, diplomacy and national security affairs, laying special emphasis on the new domestic political projects. However, Koizumi, probably, will be most remembered for his bold departure in foreign policy. It was Koizumi who made the alliance with the USA the underlying principle of the Japanese foreign policy. He tied Japan's fortunes tightly to those of the United States; he repeatedly stressed, that the United States is the only one country in the world which has made it public that it views the military attack on Japan as the one directed against its own country. In fact, building strong relations with the United States of America constitutes a cornerstone of Japanese foreign strategy, and, only based on this, deepening relations with other nations become possible, the more so that Tokyo is deeply concerned about the rapid growth of China and the North Korea's nuclear threat.

During the Koizumi administration Japan's relations with its three major neighbours – China and two Koreas – greatly strained and even deteriorated. The Chinese phrase "While economy is hot, politics is cold" clearly describes the contradictory nature of Sino-Japanese relations. In other words, while economic ties between Japan and China continue to develop, their political relations are in the deep freeze. In December 2004, the Koizumi Cabinet announced Japan's new "National Defense Program Outline," in which China and North Korea were mentioned as potential threats to Japanese security. The document stated, that the developments in North Korea represented "a serious destabilizing factor in East Asia as a whole", including Japan. Referring to China, the same document said, that in recent years PRC "has been modernizing its military capability, focusing on nuclear and missile forces, as well as its naval and air forces".

It was for the first time, that a Japanese defense program outline mentioned China by name. Beijing, in its turn, stated, that Japan was adjusting its military security policies, developing and deploying the anti-missile shield system. Besides, behind the deterioration of the Japan-China relationship lays the rise of nationalism in both countries. In addition, there are serious problems in the bilateral relations, which might cause military conflicts, in particular, the natural resources in the disputed region of the East China Sea; the territorial dispute about the sovereignty over the Senkaku Islands; the Japanese backing of the United States in the conflict around Taiwan.

Despite the deterioration of bilateral relations, both countries are interested in breaking the deadlock and continuing the negotiation process. However, the settlement of the existing problems, certainly, would not be easy and would demand well-directed efforts. The official visits of Japanese Prime Minister Abe Shinzo to China and South Korea were the first steps in this direction.

Japan strengthens its cooperation with the USA on global issues, hoping, that this will help it to solve the regional problems. Primarily, this is the issue of the Japan-North Korea relations in the context of the six-nation negotiations on the nuclear weapon, as well as other sensitive (for the Japanese) problems (e.g., the kidnapped Japanese). Some changes for the better in bilateral relations and certain Pyongyang's concessions to Tokyo became possible only in exchange for a package of the Japanese food and medical assistance to North Korea.

In the post-Cold War period, in the unipolar world, where a single outstanding power, the United States, dominates the world affairs, it is quite natural, that the USA has become the number one country for both Russia and Japan. In his foreign policy Koizumi did not show much interest in improving Japan's relationship with Russia. Perhaps, Koizumi realized, that he wouldn't achieve any success in this area. In Japan they think, as a rule, that the Russo-Japanese relations boil down to the "northern territories", and the only solution of this problem is the return of all four islands. This is considered to be the major condition of concluding the peace treaty. In Russia there are various points of view on this key problem of bilateral relations. Some people think, that Moscow should return the islands, because Russia doesn't have the opportunity – or desire – to develop the territory; or that it should do this in exchange for the Japanese economic investment in Russia and effectual bilateral cooperation in the region. (One should take into account, that the rise of China makes Japan and Russia the natural allies.) Others utterly reject the return of the islands to Japan.

Russia's official stand is as follows: it is necessary to put into practice the provisions of the Joint Declaration of 1956, to take it as a basis for signing the peace treaty. This is the way to reaching a compromise on the territorial problem. So far Japan didn't give an answer to the Russian initiative, and the dialog on this issue reached a deadlock. However, despite the lack of mutually acceptable solution of the territorial problem at the moment, it would be wrong to say, that negotiations were useless or unpromising. The development of the Russo-Japanese relations continues in all spheres. This proves, that such situation, in principle, suits both countries, while the complete wreck of negotiations would cause a serious strain in bilateral relations. Thus, continuing negotiations is currently the most rea-

sonable solution, since, as we know from experience, such problems are solved after all. The more so that, as President Putin remarked, good will must help to find a solution, which suits both sides.

International institutions are directly related to the continuing debate about Japan's ties with the outer world. In the beginning of the 21st century the Japanese establishment was confronted with the new challenges, and currently it is pondering over the ways of solving the new economic and security problems, closely connected with international developments, as well as examining the changeable foreign policy priorities and the subsequent hopes both at home and abroad. Apart from the problems and challenges, connected with the changing international environment, the internal economic and political reorganization in Japan is more and more incorporating the nation in the system of international relations, agreements and commitments.

The growing influence and significance of the international economic organizations contribute to the more close interdependence of the countries and globalization. In this context, the multilateral approach acquires new importance. Most governments admit, more or less, that it is necessary to combine their efforts in order to solve a number of problems, such as ecology, international economic and trade regulations, civil conflicts, etc. More emphasis is placed on the multilateral agreements. The Japanese political elite realize this logic of global development. As the integration in the world deepens, the international institutions have even greater influence, and those in the country, who are entitled to make decisions, should hold appropriate positions in these institutions, as far as possible.

It is noteworthy, that Japan's foreign economic strategy in the post-war period was based precisely on the priority of multilateral approach, i.e., the doctrine of participating in multilateral economic and political organization, of both global and regional scale. It was precisely by taking root in such organizations, that Tokyo was persistently working for the international recognition of Japan and taking a proper place in the world community. In the process of foreign policy, foreign economic and budget planning, Japan always gave preference to such organizations, as GATT (General Agreement on Tariffs and Trade), IMF (International Monetary Fund), the United Nations Organization. However, in bilateral economic relations, even with its major partners, Japan traditionally took a rather passive position. It was only in 1999, that Tokyo began to realize the significance of bilateral formats, when it started bilateral talks with Singapore. At the same time, one should note, that Japan continues to regard the bilateral formats of economic cooperation as the minor ones, which just "complement" the regime

of WTO (World Trade Organization) and other major economic institutions.

Today, under conditions of globalization, all the leading world economies, as well as major corporations, working on the markets of the “triad” – North America – European Union – Japan, naturally, participate in export and import of direct investment on the macro- and micro-economic levels. However, till quite recently Japan remained a rather closed country – *de jure* and *de facto* – for direct foreign investment (DFI). Currently, the situation is changing, and the Japanese government unequivocally proclaims the policy of attracting foreign investment to the country.

Currently, the inflow of the direct foreign investment (DFI) to Japan and its accumulation are incomparable with both domestic investment and the volume of capital export of the Japanese companies. The contribution of the foreign business to the Japanese economy is rather moderate in comparison with the volume of DFI in the economy of such countries, as the USA, Germany, China, which are the major recipients of investment. The principal causes of such situation are as follows: first, the Japanese domestic market is rather “closed”; second, the cost of production in Japan is rather high.

In 2003 the then Prime Minister Koizumi Junichiro announced a plan to double the DFI in Japan in five years, and proposed a package of urgent steps in legislative, organizational and financial spheres. The DFI is directed to various areas of the Japanese economy, but most of all to the service industries (about 2/3 of all direct foreign investment in Japan).

In the early 2000s the economic cooperation between Japan and the outside world has undergone major changes, as well as the quality of the Japanese participation in the globalization process. For the first time in the post-Meiji history the country began to formulate the policy of attracting the DFI. This, in reality, means the access of the foreign business to various spheres of the Japanese economy.

Such policy clearly reflects the aspirations of the political and economic elite. These aspirations manifest themselves in formulating a system of objectives and priorities, in creating the organizational, financial and technical mechanism, in the existence of the three levels (national, regional and corporate) for all the main parties of the economic process. In the early years of the new century there was some growth of DFI in Japan.

At the same time, rather high indexes of the dynamics of DFI's inflow and accumulations in Japan should not mislead anyone. The starting level of this process was very low (in 1990 the accumulation was less than \$10 billion). That's why the total volume of DFI in Japan is rather small in comparison with other industrial countries, and it doesn't comply with the

scale of the Japanese economy. Besides, the dynamics of the DFI's flow to Japan is rather unstable. However, it is important, that the Japanese government set a certain political line in this sphere, but much will depend on the strategy of the international and, certainly, Japanese companies as business partners.

The pattern of the country's participation in the world economic relations and in the international division of labour shows, in particular, the degree of the openness of national economy. Till the middle of the 1980s the Japan's pattern of the foreign economic relations was a classic version of a “vertical” pattern, which implies the organization of autonomous manufacturing complex on the national territory, and is characterized by the low degree of inter-branch and intra-branch cooperation with the foreign countries, etc. This pattern differs from the one that is typical of the majority of industrial countries. That is the “horizontal” pattern, which is characterized by a sizable proportion of the processing industry's commodity exchange in the foreign trade; deepening of cooperation and integration, etc.

Since the middle of the 1980s Japan began to transform its pattern of the foreign economic relations into a more “horizontal” one. (It was the time, when Japan started heavy capital export.) It is noteworthy, that transformation of the Japanese pattern was realized not so much by developing cooperation with industrial countries, as by intensifying cooperation with the middle-level developed countries – the new industrial economies (NIE) of Asia. In the 1980s Japan started to move some of its industrial production to the Asian NIEs, while developing high-technology production and science-intensive industry on its own territory. Year after year the volume of deliveries of industrial products to Japan from these countries was increasing (textile, food commodities, clothes, metals, agrochemicals, household appliances and electronics).

In the 1990s – early 2000s the significance of the East Asia countries for the Japanese foreign economic ties greatly increased. On the one hand, a lot of nations (China, ASEAN countries) became Japan's major economic partners. On the other hand, Japan's ties with the countries of the region have become a significant sector of the Japanese foreign economic relation's system. The opening of the Japanese economy to the world, mastering of the new forms of participation in the international division of labour, is implemented, primarily, due to the East Asian direction of Japan's foreign economic ties.

Currently, the structure of trade between Japan and East Asia is gradually changing: the share of deliveries of the intermediate products is increasing, and the share of deliveries of the finished products is reducing. This shift is an impressive evidence of the deepening and intensification of

the division of labour process between Japan and East Asia, of forming the close manufacturing ties between the Japanese and Asian enterprises. The direct investment of the Japanese companies (their volume amounted to \$86 billion by the end of 2005) has become the financial base of the rapid expansion of trade between Japan and East Asian nations.

Since the early 1990s the small-scale and medium-sized enterprises, following the example of the large companies, rushed into East Asia. With their arrival in the region the division of labour between Japan and East Asia has acquired the new quality. The process of building a system of the optimal manufacturing location has begun in East Asian region in general, with the allowance for competitive advantages of every country. Large Japanese companies often close down their enterprises in some countries and launch business in others; the manufacture of certain components and products of final demand is concentrated at particular enterprises; the orders for some subcontract work are transmitted to the Asian enterprises, etc. This process is gaining momentum and has great sway over the development of the Japanese economy in general, and the business system in particular.

Current Japan not just actively operates in many high technology areas, but also shows the path to the more efficient, innovative development. Tokyo orientates the manufacturers of scientific-and-technological product towards the most promising directions of economic activity. The peculiar Japanese methods of analytical forecasting significantly increase the efficiency of the scientific research, and the results of forecasting are widely used not only in Japan, but also abroad.

The essence of the Japanese forecasting methods is the thorough and detailed analysis of topical character of the planned scientific research, as well as the basic organizational problems. The Japanese experts have been effectively using these methods for about 35 years. The analysis is repeated every five years with reference to the new subjects of scientific research and new organizational problems. This ensures the regular adjustment of the system of scientific priorities and facilitates, to a great extent, the choice of the innovation policy for the companies. The last such forecast, which was completed in 2005, is of special scientific research and new organizational problems. This ensures the regular adjustment of the system of scientific priorities and facilitates, to a great extent, the choice of the innovation policy for the companies. The last such forecast, which was completed in 2005, is of special interest, since it contains the analysis of 858 separate scientific-and-technological themes, as well as 130 key innovative directions of the current scientific-and-technological, productive and organizational activities. Each subject was thoroughly analyzed as to the impact

on the science, economy and society. They also named the countries, which are in the lead on separate directions.

It is noteworthy, that the world community has free access to the results of the Japanese forecasts. Since the 1980s these forecasts are published in English as well, and since 2001 they are placed in Internet on the site of the Innovation Institute of Scientific-and-Technological Policy. Thus, Japan can be regarded with good reason not just as one of the world leaders in science and technology, but also as a wise and experienced “pilot” in the global innovation space, whose knowledge and experience are open to everybody.

It seems that the fundamental changes in the Japanese economy in the second half of the 20th century didn't affect at all the sphere of labour proper and labour relations. For many decades the primary objective of the state labour policy in Japan was maintaining the relations of the long-term employment in the large companies, based on the system of “life employment”. This caused, first of all, the division of the labour market in two segments – the open and the closed ones, – intended for the large companies, and small and middle-sized business, respectively. In the first case, the labour mobility was restricted to one large firm; in the second case, the labour mobility was not tied so closely to one company. The conditions of employment of labour force in these two segments of the job market were different (primarily, as to the employment stability).

Such labour policy, which maintained the exclusive relations between the labour and the management only within big business, actually, ignored the existence of the open labour market and even hindered its development. Consequently, the labour relations on the open job market assumed rather peculiar, and, sometimes, abnormal forms. However, one should take into account, that such labour policy was a deliberate choice of the Japanese elite, and it corresponded to the realities of that time.

Traditionally the Japanese big business relied on the domestic labour market. Today, however, the conditions, in which the Japanese business operates, are changing. These changes include the readjustment of economic and production structure, building of the information society, the rapid ageing of the population, differentiation and diversification of the job market.

The process of globalization and the aggravation of international competition contribute to the changes in the Japanese society. Globalization makes the Japanese accepting new values and standards of relations, including those in the labour area. Besides, the young Japanese are rather susceptible to the western values and standards of behaviour, and, unlike

the older generation, they are not inclined to devote their life to nothing but work.

All these undermine the system of life employment. Big business is gradually turning away from its own closed job market. Today there is a pressing necessity to liberalize the labour relations, to form the mechanisms and institutions, which would provide the development of the open labour market in Japan. As usual, the government is rather careful and cautious, so that the radical reform of the existing system of the provision of employment would not destroy it completely. The introduction of the alternative forms of intermediary employment services is conducted on the phased basis. In particular, the authorities legalized the work of the private job centers. This move has improved the conditions for the part-time employees on the open labour market. Formerly, the major Japanese companies traditionally used part-time labour force for achieving minor production goals. Currently, the situation is changing: the Japanese companies, even the major ones, show new interest in the labour power, employed with the help of the private job centers.

However, the new mechanism of the commercial provision of employment on the Japanese job market has caused various thorny problems in the management sphere, and demands further elaboration. Besides, the government should take additional strong measures in order to improve relations on the labour market.

One should also take into account, that the Japanese job market is under considerable pressure of immigration, which should be examined in the context of the demographic situation in the country. In the beginning of the 21st century the population increase in Japan actually ceased, and since 2005 there is a trend of its reduction. In other words, for the first time in the last decades the population of Japan is on the decrease, and the population loss amounted to 3,500 people. Although the figures are rather small, this population trend should be regarded as alarming, since there is a gradual decline of the working age population. Certainly, the country still has some labour reserves. Primarily, these are further drawing the women and the elderly people in the labour process. The government by special statutory acts and decrees tries to create favourable conditions for the working women with children and to secure jobs for the elderly people, who want to continue working. However these reserves can't fully compensate the lack of work force. It is also possible to save the manpower by moving the production abroad and by introducing the labour-saving methods, but in any case Japan can't do without the inflow of foreign labour force.

The inflow of immigrants to Japan started in the 1980s; however even today the immigrant population is rather small, compared with other coun-

tries, – less than 2% of the Japan's population. Such situation remains immutable, despite the fact, that the government gradually softens the immigration control. Foreign workers are employed, primarily, in processing industry, service business and commercial business. The most hard and unskilled work is usually performed by illegal immigrants. Naturally, the foreign workers get lower wages, than the Japanese. Immigrants have many problems with social protection, as well as in socializing with the local population, which generally disapprove of the inflow of foreign manpower. The solution of the majority of the immigrants' problems is assigned to the local authorities and non-governmental organizations.

Closely connected with the immigration problem and the demographic situation is the problem of international marriages. Under the current conditions of globalization such marriages are becoming more and more common in many countries; hence the problem demands thorough examination. Usually these are the inter-racial marriages. If that is the case, the young people often don't realize well enough, that their marriage, which is a serious event in itself, entails the change of the status of separately husband and wife in both their countries. Till quite recently the private contacts of the Japanese with the citizens of other countries, actually, didn't attract much attention. Today, however, these contacts are regarded not as some marginal problem in the rather closed and homogeneous Japanese society, but as a significant aspect of globalization. While the Japanese society is becoming more and more open, the inflow of the immigrants is increasing, and the problem of international marriages is becoming even more acute. A lot of legal issues should be settled, some legislative acts in force should be amended. In particular, there was a problem of the national identification of children, born in the international marriages. According to the legislation in force up to 1985, children, born of the Chinese and the Korean husbands and the Japanese wives were considered the Chinese and the Japanese respectively, with all the consequences ensuing therefrom, with limitation of rights, connected with their resident status.

In accordance with the new Law on citizenship, the children acquired the right to get nationality of one of the parents. In fact, the peculiarities of the Japanese civic legal security of the family relations create many obstacles in the way of international marriages. Despite the formal conformity of the Japanese legal normative acts with the legislation of the developed countries, up to now much depends on the personal opinion of the Japanese officials and jurists. They regard the legal relations in the family as inherent Japanese values, which can't be regulated by the European principles and ideas. Nevertheless, international marriages have become visible token of modern Japan.

Preservation of cultural heritage is among the primary objectives of any nation, who think about its future. Without it one would be incapable of understanding the history and culture of the nation. World cultural heritage belongs to the mankind as a whole. The situation with the preservation of cultural properties differs in various countries. In this regard Japan was lucky: only once – in the end of the World War II – the islands were occupied; however most of the historical monuments were not damaged. Besides, the Japanese government has been always paying special attention to the preservation and conservation of the national cultural properties, as well as promoting the Japanese culture in general through its cultural diplomacy.

In this sphere Japan effectively cooperates with UNESCO (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization). Recognizing the significance of the preservation of cultural heritage, the Japanese government actively interacts with various countries, backs their efforts to protect national treasures. To that end Japan established the Japanese Trust Fund for the Preservation of the World Cultural Heritage and the Japanese Trust Fund for the Preservation and Promotion of Intangible Cultural Heritage.

In 1972 UNESCO at its XVII session adopted the World Heritage Convention. Twenty years later, in 1992, Japan joined up with the Convention, thus it became the 125th country, that signed the document. At that time Japan, due to its successful economic development, set new foreign policy goals and began to take more active part in the work of the organizations of the developed countries and in various UN economic, peace-keeping and cultural programs.

In accordance with the Convention, the World Heritage Committee, consisting of 21 state parties, takes various decisions relating to the world heritage. Japan has been contributing actively in this field, being on this Committee for six years since 1993. During 15 years Japan has made a lot for implementing the provisions of the Convention; also it took active part in the work of UNESCO in general. Japan's efforts were appreciated, and in October 2005 the Japanese diplomat Matsuura Koichiro (former ambassador in France) was reelected for another four-year term as UNESCO General Director.

In 1999 in the city of Nara, which is actually an open-air museum, the Asian Pacific cultural center was established within the department of cooperation for protection of the UNESCO cultural heritage. This can be regarded as the acknowledgement of the Japanese services to the preservation of cultural properties both in the country and around the world.

One of the main trends in the world culture in the XXI century is the wide spread of "global cultural phenomena", connected, primarily, with the development of technologies and means of communication, which can provide the access of millions of consumers around the world to some originally

national product. First of all, this is true about the mass culture projects, promoted by TV, Internet, press. Many of these projects become a visible element of the modern culture. The "global cultural phenomena" include the Japanese comic strips and animated cartoons (manga and anime), which successfully combined the historical cultural traditions and modern technologies. Such developments made it possible to form the extensive cultural and business spheres.

Creativity and specific features of the Japanese artistic mentality have acquired such forms of self-expression, which made manga and anime intelligible and interesting for all age groups beyond the national borders. Some traditional plot, related to the historical values of the Japanese culture, is adapted to the global perception, and the product itself leads to the creation of "sub-cultural" chain – from TV to the toy and clothing markets. The graphic manner of presentation and dynamism of the plot development constitute the basis of the new technological product, which can be implemented in the form of TV serial, video or press publication.

Several decades back manga and anime were perceived as "inner world" of the Japanese culture; today, however, they are a kind of a cultural bridge between East and West. These notions came into general use and are widely regarded as the universal ones. Internet contributed greatly to the promotion of this product. It ensures not just effective trans-border transition of information between the users, but also affords an opportunity of personal participation through on-line games, based on manga and anime plots.

This process has steady dynamics (hundreds of millions of comic strips are published and dozens of films are produced annually), and this is accompanied by mass measures and creation of "tying industry", and results in billion-strong turnover. For Japan manga and anime have become a significant export product in sphere of intellectual property.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пожалуй, нет ни одного государства в мире, в историческом развитии которого такую бы огромную роль сыграла политика «закрытия» и «открытия» страны. Каждый раз эта политика была вызвана эндогенными и экзогенными факторами, которые преобладали в том или ином случае. Традиционно говорят о двух «открытиях» Японии. Первое «открытие» было обусловлено реставрацией Мэйдзи, которая положила начало периоду коренных реформ, открывших путь ускоренной модернизации страны. Вторым «открытием» считаются послевоенные системные реформы в условиях тотальной демократизации. В 90-е годы XX в. страна начала коренное реформирование практически всех сфер жизнедеятельности общества, и в связи с этим в мире заговорили о новом, третьем «открытии» Японии, или о новой «реставрации» по типу реставрации Мэйдзи. Речь, безусловно, идет не о сути, а о значимости происходящих в стране изменениях.

До настоящего времени Япония следовала модели «догоняющего развития», когда есть уже готовые схемы развития других промышленно развитых стран, имеются в наличии продвинутые технологии, когда можно заимствовать доказавшие свою эффективность экономические институты. Теперь, как высокоразвитая страна, Япония в принципе сама должна предложить миру лучшую модель развития, для чего необходимо задействовать все не востребованные ранее, находящиеся в латентном состоянии силы. Нужна новая социально-экономическая концепция, поскольку ни японская патерналистская система при руководящей роли государства, ни безусловное заимствование американской разновидности капитализма уже не соответствуют динамичной предпринимательской культуре в условиях бурного развития высоких технологий. При этом политическая элита страны озабочена необходимостью расширения участия в глобальной политике, осознав, что нельзя ограничиться только экономической ролью, если страна хочет реально влиять на выработку согласованных решений. Стремясь занять место в мировой политике, соответствующее экономическому потенциалу, в целом поддерживая политику США, Япония активизирует свое

участие в работе организаций промышленно развитых стран и в различных экономических, культурных и миротворческих программах ООН. Все это определило не только название проекта, в котором ключевым словом является «открытие», но концепцию и структуру работы.

Авторы проекта, прежде всего, постарались представить комплексную картину Японии первого десятилетия XXI в. При этом, по возможности, единым стержнем всех глав является мысль о том, как Япония открывает себя миру, как японцы взаимодействуют с другими народами.

Монография состоит из двенадцати глав, которые условно можно разделить на три блока. В первом из них рассмотрены проблемы «самооценки» японской нации, политика правящей элиты, главной целью которой является целенаправленное создание максимально благоприятного образа своей страны в окружающем мире, а также многоаспектная дипломатическая деятельность. Второй блок включает главы, в которых говорится о различных сторонах экономической деятельности страны, что представляется чрезвычайно важным, поскольку, страна, обладая мощным экономическим потенциалом, выходит из стагнации. Экономический подъем начался с середины 2003 г. В этом контексте показано, как работает иностранный капитал на японском рынке, как Япония открывает свой рынок труда, каково значение иммиграции, показано место страны в системе техноглобализации и ее участие в международных экономических организациях. В главах третьего блока освещены некоторые проблемы, которые касаются деятельности Японии в культурной и гуманитарной сферах эпохи глобализации. Например, рассказывается о том, какое место японская массовая культура занимает на мировой арене, как страна участвует в культурных программах ЮНЕСКО, как японцы общаются с иностранцами и как относятся к интернациональным бракам, поскольку это становится немаловажной социальной проблемой. Обо всем этом подробно говорится в соответствующих главах монографии. В предисловии дается лишь общее представление об их содержании.

В настоящее время Япония является одной из ведущих индустриальных демократий и полноправным членом западного сообщества. Вполне естественно, что японцы задумываются о том, какова их национальная самобытность, что они представляют собой как культурная общность, каково место их страны не только в культурном, но и экономическом и политическом плане. Другими словами, речь идет о «самооценке» нации. Можно выделить два аспекта такой «самооценки». Во-первых, – это оценка положения страны и стоящих перед ней задач политическими кругами и иными влиятельными силами. Во-

вторых, – это оценка международной роли своей страны всеми слоями населения. Несмотря на широкий спектр мнений, всегда присутствует некая общая тенденция, которая определяет вектор развития. В первом случае она, как правило, находит выражение во внешнеполитических доктринах, а во втором – отражается в динамике изменений общественного мнения по тем или иным вопросам.

В принципе с середины XIX в. лейтмотивом исторического развития Японии были изменения ее взаимоотношений с окружающим миром. Зависимость страны от внешних воздействий и обстоятельств была настолько велика, что все развитие японского общества в значительной мере определялось международными факторами. В течение полутора веков стремление упрочить свое положение в мире оставалось краеугольным камнем японской политики.

Конечно, понимание Японией своей роли в мире, как и сам миропорядок на протяжении этого времени существенно менялись. Но неизменным оставался заложенный еще в эпоху угрозы превращения Японии в колонию принцип непрерывного соревнования с внешним миром с целью достижения «достойного» места в мировом сообществе, а затем и статуса великой державы. В разное время и с разным успехом в этом соревновании выходили на первый план военные, экономические и культурно-идеологические методы борьбы. Но всегда Япония выступала на мировой арене как своего рода единая корпорация.

Последнее десятилетие XX в. и начало XXI в. характеризовались глубокими изменениями в глобальном устройстве, которые затрагивают буквально все аспекты жизни мирового сообщества. В совокупности они получили название «процесса глобализации». Развитие глобализации поставило Японию перед новыми вызовами. В этих условиях в стране появились новые проблемы в плане «самооценки» нации, причем во всех смыслах и на всех уровнях. Речь идет как об определении заново приоритетов во внешней политике, так и о культурно-бытовых проблемах – моноэтническое японское общество не привыкло к сосуществованию с иностранцами. Реакция на новую ситуацию со стороны японского политического истеблишмента и широких слоев населения оказалась несколько противоречивой. Это обусловлено сочетанием ряда объективных и субъективных факторов. Японские политические круги в целом продолжают придерживаться традиционных представлений о роли Японии в мире, ставя во главу угла укрепление позиций страны в качестве мощного национального государства. Япония ведет борьбу за место постоянного члена Совета безопасности ООН, участвует в международных антитеррористических акциях и активизирует собственную политику в Азии, в том числе

на Ближнем Востоке. При этом она в некоторых случаях дистанцируется от политики США. Однако среди населения постепенно идет процесс заметного размывания такой особенности японского общества, как групповая ориентация индивида. Отмечается рост индивидуализма в западном его понимании. Все это в перспективе неизбежно ведет к новым представлениям японцев о самих себе и о своем месте в мире.

Правящая элита Японии относительно поздно осознала важность пропаганды, направленной на внешний мир, государственного имиджмейкинга, главной целью которого является целенаправленное создание максимально благоприятного образа своей страны. Его история насчитывает всего полтора столетия. Несмотря на перемены и потрясения, это единый процесс, этапы которого находятся в преемственном отношении друг к другу, а многие принципы и методы сохраняются до настоящего времени, приспосабливаясь к конкретным условиям. В целом имидж Японии в мире, не считая периода 30–40-х годов XX в., был благоприятным, хотя не всегда отвечал амбициям ее правящей элиты. Над Японией и японцами могли смеяться, их критиковали, но, за сравнительно редкими и особо мотивированными исключениями, не ненавидели. Это заставляет с особым вниманием отнестись к методам и способам формирования положительного образа Японии в мире.

Стремясь расположить к себе общественное мнение «великих держав», японские имиджмейкеры отдавали приоритет «мягкому» моделированию. Они не навязывали заграничному потребителю готовую модель, но позволяли ему «самостоятельно» увидеть тот образ страны, который считали желательным. Сначала это был образ «живописной Японии», страны художников и красавиц-гейш, который формировался усилиями преимущественно иностранцев – путешественников и деятелей культуры, известных у себя на родине. С течением времени этого стало недостаточно: Японии надо было активнее популяризировать и пропагандировать себя усилиями самих же японцев. Коммерческие успехи и экспансионистские акции страны не прибавляли ей симпатий у тогдашних хозяев мира – США и европейских держав, со стороны которых все чаще звучало осуждение курса официального Токио. Правящие круги, разумеется, вели свою пропаганду, но эффект от официальных заявлений и разъяснений был все меньше и меньше – им попросту не верили и не принимали всерьез. Единственной возможностью что-то реально изменить стало появление японцев, которые завоевали бы искреннее доверие иностранцев. Такие люди должны были оперировать понятиями, знакомыми и понятными европейцам, апеллировать к их представлениям, чтобы сначала заставить себя слушать, а потом верить. Их принято называть «буферами» и

«информаторами». Один американский журналист остроумно назвал их «очаровательными апостолами полуправды, объяснявшими Японию западным народам». Данный феномен рассмотрен на примере деятельности пяти японцев, сыгравших, притом успешно, значительную роль в глобальном имиджмейкинге своей страны. Каждый из них символизирует определенную эпоху японской истории, со всеми ее светлыми и темными сторонами. Эпоху Мэйдзи представляет мыслитель и искусствовед Окакура Какудзо (1862–1913), эпоху Тайсё – публицист и дипломат Нитобэ Инадзо (1862–1933), довоенный период эпохи Сёва – дипломат Сайто Хироси (1886–1939), послевоенный период эпохи Сёва – экономист Окита Сабура (1914–1993), нынешнюю эпоху Хэйсэй – публицист и администратор Сакая Таити (р. 1935). Японская элита пытается ответить на вызовы времени новыми проектами в области имиджмейкинга, но насколько они эффективны, покажет будущее.

Первая половина текущего десятилетия XXI в. прочно связана с именем и политикой бывшего премьер-министра Коидзуми Дзюнъитиро, который стал третьим (после Накасонэ Ясукиро и Сато Эйсаку) премьером-долгожителем на политическом олимпе страны. Не случайно этот период называют «эрой Коидзуми». Не обладая при вступлении в должность большим опытом в области внешней политики, дипломатии и национальной безопасности, делая акцент на новом внутривластном курсе страны, тем не менее, он, возможно, больше всего запомнится своими решительными действиями во внешней политике. Именно Коидзуми в большей степени, чем кто-либо другой, сделал основополагающим принцип приоритета альянса с Соединенными Штатами. Он накрепко связал судьбу своей страны с судьбой США. Коидзуми подчеркивал, что это – единственная страна в мире, которая заявила, что будет рассматривать любое военное нападение на Японию, как нападение на саму себя. По сути, укрепление связей с Вашингтоном является краеугольным камнем японской внешнеполитической стратегии, на основе которой возможно развитие отношений с другими странами, тем более что Япония все больше обеспокоена быстрым развитием КНР, а также ядерной угрозой со стороны КНДР.

В период пребывания Коидзуми в должности премьера отношения Японии с тремя главными соседями в Восточной Азии – КНР и двумя Кореями значительно осложнились и даже ухудшились. Китайское выражение «потепление в экономике, похолодание в политике» четко отражает противоречивость японо-китайских отношений. Другими словами, в то время как экономические связи между обеими странами

продолжают развиваться, их политические отношения оказались замороженными. Кабинет Коидзуми в конце 2004 г. обнародовал новые «основные направления программы национальной обороны», в которых Китай и Северная Корея упоминались в качестве стран, представляющих потенциальную угрозу безопасности Японии. Положение в КНДР признано «серьезным дестабилизирующим фактором для всей Восточной Азии, включая Японию», а в отношении Китая замечено, что он «в последние годы модернизирует свой военный потенциал, делая особый упор на ядерном и ракетном оружии, а также на военно-воздушных и военно-морских силах».

Впервые в оборонной программе прямо упомянут Китай, который в свою очередь заявил, что Япония, модернизирует свою политику в сфере безопасности, развивая и размещая систему противоракетной обороны. Обострение японо-китайских отношений также обусловлено ростом национализма в обеих странах. Кроме того, между Японией и Китаем существуют серьезные проблемы, которые могут стать причиной возникновения вооруженных конфликтов, в частности, природные ресурсы в спорном районе Восточно-китайского моря, территориальный спор вокруг о-вов Сэнкаку, поддержка Японией США в их конфликте с Китаем из-за Тайваня.

Несмотря на осложнения в двусторонних отношениях, обе стороны заинтересованы в преодолении тупика и развитии переговорного процесса, но, безусловно, выход из сложившейся ситуации будет непростым и потребует значительных усилий. Шагом на этом пути явился первый официальный визит премьер-министра Абэ Синдзо в КНР и Республику Корея.

Укрепляя еще больше сотрудничество с США по глобальным вопросам, Япония рассчитывает, что это поможет в решении ее региональных интересов. В первую очередь, имеется в виду отношения с Северной Кореей в контексте шестисторонних переговоров по ядерному оружию, а также по другим чувствительным для японцев проблемам (например, похищенных в свое время японских граждан). Определенные подвижки в отношениях двух стран, уступки со стороны КНДР стали возможны лишь в обмен на японскую продовольственную и медицинскую помощь.

После окончания «холодной войны» в однополярном мире, где в международных делах доминируют США, как для Японии, так и для России отношения с ними стали приоритетными. Занимаясь внешней политикой, Коидзуми не проявлял особого интереса к проблеме улучшения отношений с Россией, очевидно, предвидя, что здесь он не сможет добиться каких-либо успехов. В Японии, как правило, полагают,

что двусторонние японо-российские отношения сводятся только к «северным территориям» и единственный путь решения этой проблемы – возвращение четырех островов. Это признается главным условием заключения мирного договора. В России существуют различные точки зрения на решение этой узловой проблемы двусторонних отношений. Одни полагают необходимым отдать острова, поскольку Россия не может или не хочет осваивать принадлежащие ей территории, или сделать это ради японских инвестиций в нашу экономику и эффективного сотрудничества двух стран в регионе, поскольку неумолимое усиление Китая объективно делает Россию и Японию союзниками. Другие не приемлют передачу островов Японии ни при каких условиях.

Позиция российской стороны в настоящее время заключается в готовности претворить в жизнь достижения Совместной декларации 1956 г., взять ее за основу подписания мирного договора. Это – путь к достижению компромисса с Японией в решении территориальной проблемы. Япония пока не сумела ответить на эту инициативу России, и диалог по этой проблеме перешел в пассивную стадию. Несмотря на то, что до сих пор не найдено взаимоприемлемого решения территориального вопроса, нельзя говорить о бесполезности переговоров и о бесперспективности их продолжения. Переговоры пока не дают результатов, но, тем не менее, отношения между Россией и Японией развиваются нормально во всех сферах. Это свидетельствует о том, что обе страны в принципе устраивает такое положение, в то время как отказ от переговоров привел бы к серьезной напряженности в отношениях. Таким образом, продолжение переговоров является в настоящее время наиболее разумным вариантом, поскольку, как показывает опыт, проблемы рано или поздно разрешаются. Тем более, как отметил президент РФ В. В. Путин, «при доброй воле мы всегда найдем варианты, которые бы устроили обе стороны».

Международные институты имеют непосредственное отношение к постоянным дебатам о взаимодействии Японии с остальным миром. Многие вызовы, с которыми сталкивалась политическая элита в разной степени и по различным мотивам всегда касалась различных международных институтов. И в начале XXI в. лидеры страны задумываются о том, как лучше решать новые проблемы в сфере экономики и безопасности в международном плане, а также рассматривают изменяющиеся внешнеполитические приоритеты и связанные с ними надежды как внутри страны, так и за рубежом. Помимо проблем и вызовов, связанных с изменяющимся международным окружением, внутренняя экономическая и политическая перестройка в Японии все глубже встраивает ее в систему международных отношений и обязательств.

Растущее значение международных экономических организаций и региональных экономических соглашений способствуют усилению взаимозависимости и глобализации, и наоборот. В связи с этим значительно расширяется контекст многостороннего подхода. Большинство правительств в большей или меньшей степени признают, что решение таких проблем, как экология, международные экономические и торговые правила, гражданские конфликты, требуют коллективных усилий. Все больший упор делается на многосторонние договоренности. Японская политическая элита понимает эту логику мирового развития. По мере углубления международной интеграции международные институты приобретают все большее значение, и те, кто принимает решения, должны, по возможности, занимать в этих институтах соответствующее положение.

Следует отметить, что вся внешнеэкономическая стратегия Японии послевоенного периода как раз и была основана на примате мультилатерализма, т. е. доктрины участия преимущественно в многосторонних экономических и политических организациях глобального и регионального масштаба. Именно за счет закрепления (участия) в таких структурах Токио последовательно добивался стратегической цели международного признания страны, закрепления за ней достойного места в мировом сообществе. Приоритет в процессе внешнеполитического, внешнеэкономического и бюджетного планирования всегда отдавался таким организациям, как ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), Международный валютный фонд, ООН. В противоположность этому, в двусторонних экономических отношениях, даже с ключевыми партнерами, Япония традиционно придерживалась пассивной и безынициативной позиции при обсуждении тарифных соглашений двусторонних форматов или форматов с малым количеством стран-участников. Лишь начиная с 1999 г. Токио постепенно приходит к пониманию важности двусторонних форматов, запустив процесс переговоров с Сингапуром. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в целом Токио продолжает считать двусторонние форматы экономического сотрудничества «дополняющими» режим, задаваемый ВТО и иными масштабными экономическими организациями, которым по-прежнему придается первоочередное значение.

В условиях экономической глобализации ни одна из ведущих экономик мира, ни одна из крупных корпораций, действующих на рынках «триады» – Северная Америка–Евросоюз–Япония, – не может не участвовать на макро- и микроуровне в экспорте и импорте прямых инвестиций. Вместе с тем до последнего времени Япония и де-юре и де-факто оставалась относительно закрытой для прямых зарубежных инвестиций (далее ПЗИ). В настоящее время ситуация меняется, и

правительство Японии прямо и недвусмысленно провозглашает курс на привлечение иностранных инвестиций в страну.

В настоящее время приток ПЗИ в Японию и их накопление несопоставимы ни с ВВП и внутренними инвестициями в стране, ни с объемами экспорта капитала японскими компаниями. Вклад иностранного бизнеса в экономику Японии относительно невелик по сравнению с ролью ПЗИ в экономике таких стран, как США, Германия, КНР, являющихся крупными реципиентами инвестиций. Главными причинами незначительных по сравнению с масштабами экономики объемов ПЗИ в Японию является относительная «закрытость» внутреннего рынка страны и высокая стоимость производства в стране.

В 2003 г. бывший в то время премьер-министром Коидзуми объявил о плане удвоения накопленных прямых зарубежных инвестиций в Японии в течение пяти лет и предложил целый пакет неотложных мер. Крупный бизнес в основном поддерживает политику правительства по привлечению прямых иностранных инвестиций. Проведение этой политики предусматривается на национальном и региональном уровнях. Она имеет системный и комплексный характер и охватывает законодательную, организационную, финансовую сферы. Иностранный капитал в виде прямых инвестиций идет в самые разные сферы японской экономики, но больше всего в сектор услуг, на который приходится около 2/3 потока ПЗИ в страну.

В начале первого десятилетия XXI в. наблюдаются существенные сдвиги в сфере экономического взаимодействия Японии с окружающим миром и изменения, касающиеся характера участия страны в глобализационных процессах. В Японии впервые за всю послевоенную историю начала формироваться политика привлечения в страну прямых иностранных инвестиций. Это, по сути, означает доступ иностранного бизнеса в различные экономические сферы.

Такая политика отражает ясно выраженную волю политической и экономической элиты страны и имеет, как уже упоминалось, системный и комплексный характер. Это выражается в формулировании системы целей и приоритетов, создании организационного, финансового и технического инструментария, наличии трех уровней (общегосударственного, регионального и корпоративного), которые охватывают всех основных участников процесса. В первые годы нового столетия заметно некоторое увеличение притока ПЗИ в Японию.

Вместе с тем довольно высокие показатели динамики притока и накопления ПЗИ в Японии не должны вводить в заблуждение. Стартовый уровень этого процесса был очень низким (в 1990 г. накопление не достигало и 10 млрд. долл.). Поэтому и в настоящее время кумулятивные объемы ПЗИ в Японии на порядок ниже, чем в других промышленно развитых странах и не соответствуют масштабам экономики

страны. К тому же динамика притока прямых зарубежных инвестиций в Японию очень неустойчива. Очень важно, что японское правительство задало определенный вектор политике в данной сфере, но многое будет зависеть от стратегии международных и, конечно, самих японских компаний как партнеров по бизнесу.

Одним из показателей степени открытости экономики той или иной страны является модель ее участия в мировых хозяйственных связях и международном разделении труда. Примерно до середины 80-х годов модель внешнеэкономических связей Японии представляла собой классический вариант «вертикальной» модели, которая предполагает организацию в пределах национальной территории автономного производственного комплекса, характеризуется низкой степенью межотраслевой и внутриотраслевой кооперации с зарубежными странами и другими чертами. Эта модель сильно отличалась от типичной для большинства промышленно развитых стран «горизонтальной» модели, которая характеризуется во внешней торговле значительной долей взаимобмена продукцией обрабатывающей промышленности, углублением кооперации и интеграции между ними и т. д.

Придание японской модели внешнеэкономических связей большей «горизонтальности» началось с середины 80-х годов, когда страна приступила к масштабному экспорту капитала. При этом особенностью этого процесса стало то, что трансформация японской модели шла не столько за счет развития связей с промышленно развитыми государствами, сколько за счет расширения и углубления сотрудничества со странами среднего уровня развития – новыми индустриальными экономиками (НИЭ) Азии. В 80-е годы один за другим Япония начала переводить в НИЭ Азии «нижние этажи» своей промышленной структуры, осваивая и развивая на собственной территории высокотехнологичные, наукоемкие производства. Одновременно из года в год возрастали объемы поставок из этих стран в Японию различной промышленной продукции – текстиля, продовольственных товаров, швейных изделий, металлов, химических удобрений, различной бытовой электротехники и электроники.

В период 90-х годов XX в. – начала первого десятилетия XXI в. роль стран Восточной Азии во внешнеэкономических связях Японии еще более возросла. С одной стороны, существенно расширился круг стран (Китай, члены АСЕАН), ставших для Японии значимыми партнерами. С другой стороны, отношения с государствами этого региона превратились в наиболее зрелый сектор всей системы внешнеэкономических связей страны. И все большее открытие японской экономики миру, освоение Японией все более зрелых форм участия в международном разделении труда происходят, прежде всего, за счет восточно-азиатского направления ее внешнеэкономических связей.

В структуре торговли Японии с Восточной Азией происходит постепенное повышение доли поставок промежуточной продукции и относительное снижение обмена готовой продукцией. Такой сдвиг является ярким свидетельством углубления и расширения процессов разделения труда между Японией и странами Восточной Азии, формирования тесных производственных взаимосвязей между японскими и азиатскими предприятиями. Материальной базой быстрого расширения торговли между Японией и странами Восточной Азии являются прямые инвестиции японских компаний, объем которых на конец 2005 г. составил более 86 млрд. долл.

С начала 90-х годов в Восточную Азию вслед за крупными компаниями устремились мелкие и средние предприятия. С их приходом в регион разделение труда между Японией и Восточной Азией приобрело новое качество. Начался процесс формирования системы оптимального размещения производства в масштабах всего восточно-азиатского региона с учетом конкурентных преимуществ, существующих в каждой стране. Проявлением этого являются многочисленные случаи закрытия крупными японскими компаниями своих предприятий в одних странах и открытие – в других, усиление концентрации производства тех или иных деталей, компонентов или изделий конечного спроса на определенных предприятиях, передача заказов на определенные виды субподрядных работ азиатским предприятиям и т. д. Этот процесс набирает все большую силу и оказывает все большее влияние на развитие японской экономики и, в частности, на систему предпринимательства.

Япония наших дней не только активно действует во многих высокотехнологичных областях, но открывает всему миру пути, ведущие к более эффективному инновационному развитию. Она ориентирует научно-техническую и экономическую деятельность производителей на наиболее перспективные направления. Разработанные японцами особые приемы аналитического прогнозирования, существенно повышающего социально-экономическую эффективность научных исследований, результаты прогнозов широко используются не только в Японии, но и за ее пределами.

Суть японской методики прогнозирования заключается в тщательном и детальном анализе актуальности тематики планируемых научных исследований, а также основных организационных проблем, с которыми связано их проведение. Успешно реализовать данную методику позволяют как высокий профессиональный опыт японских экспертов, выполняющих этот анализ, так и 35-летний опыт ее практического использования. Каждые пять лет такой анализ повторяется применительно к новой научной тематике и с учетом новых организационных проблем. Это обеспечивает регулярную корректировку

системы научных приоритетов и значительно облегчает компаниям выбор оптимального инновационного курса. Последний такой прогноз, заверченный в 2005 г., представляет особый интерес, поскольку он не только включает в себя анализ 858 отдельных научно-технических тем, но и выявляет 130 ключевых инновационных направлений современной научно-технической, производственной и организационной деятельности. Каждое из них подробно проанализировано в плане их влияния на науку, экономику и общество, указано, какие именно страны лидируют на этих направлениях.

Результаты своих прогнозов японцы делают предельно доступными для всего мирового сообщества. С конца 80-х годов прошлого столетия эти прогнозы издаются в Японии также и на английском языке, а с 2001 г. размещаются в Интернете на сайте Инновационного института научно-технической политики. Таким образом, имеются все основания рассматривать современную Японию не только как одного из главных научно-технических лидеров, но и «как мудрого и опытного лоцмана мирового инновационного пространства, знания и опыт которого открыты для всех».

Огромные изменения, которые произошли в экономике Японии во второй половине XX в., казалось, совсем не затронули сферу труда и трудовых отношений. Государственная трудовая политика долгие десятилетия была ориентирована, прежде всего, на поддержание долгосрочных отношений найма в крупных компаниях на основе системы «пожизненного найма». Важнейшим следствием существования этой системы явилось разделение рынка труда на две части – закрытую и открытую, которые соответственно обслуживали крупные компании и мелкий и средний бизнес. В первом случае мобильность рабочей силы осуществлялась в пределах крупной фирмы, а во втором ее мобильность не была столь жестко привязана к какой-нибудь одной компании. Рабочая сила на этих двух сегментах рынка труда была поставлена в различные условия с точки зрения стабильности найма.

Такая политика в области труда, которая поддерживала автономные взаимоотношения между трудом и менеджментом лишь в пределах крупного бизнеса, если не вообще игнорировала существование открытого рынка труда, то сильнейшим образом подавляла его развитие. В результате такого подавления трудовые отношения на открытом рынке труда принимали своеобразные, подчас уродливые, формы. Однако такая политика формирования рынка труда была вполне сознательно выбрана правящей элитой и вполне соответствовала реалиям своего времени.

В настоящее время условия функционирования крупного японского бизнеса с его традиционной опорой на собственный внутренний рынок

труда меняются. В последние полтора-два десятилетия в Японии на этот процесс оказывают влияние многие факторы, которые имеют структурный, непреходящий характер и вызывают кардинальные изменения в обществе. Среди этих факторов следует назвать перестройку производственно-экономической структуры, формирование информационного общества, быстрое старение населения, индивидуализацию и диверсификацию рынка труда.

Особую роль в этих изменениях играют процессы глобализации японской экономики и резкого усиления международной конкуренции. Глобализация кардинально меняет все японское общество, заставляя воспринимать новые ценности и нормы взаимоотношений, в том числе в области труда. Огромное значение имеют изменения ценностных ориентаций японской молодежи, которые в отличие от старших поколений весьма восприимчивы к западным образцам поведения и не стремятся посвящать свою жизнь только работе.

Это приводит к разрушению устоев пожизненного найма, постепенному отходу крупного бизнеса от ориентации на собственный закрытый рынок труда. На повестку дня выходит необходимость либерализации трудовых отношений, создание механизмов и институтов, обеспечивающих развитие в стране открытого рынка труда. Как всегда, правительство действует достаточно аккуратно и осторожно, чтобы радикальная перестройка существующей системы трудоустройства не привела к ее полному разрушению. Введение альтернативных форм посреднических услуг по трудоустройству населения, проводится поэтапно. В частности была легализована деятельность частных агентств по трудоустройству, что улучшило положение частично занятых работников на открытом рынке труда. Если в прошлом крупные японские компании традиционно использовали временную рабочую силу в целях, не связанных с решением основных производственных задач, то в настоящее время положение меняется. Теперь рабочая сила, нанятая с помощью этих агентств, привлекает все большее внимание японского бизнеса, даже крупного.

Однако появившаяся на открытом рынке труда Японии новая модель трудоустройства рабочей силы с помощью института коммерческого лизинга способствует возникновению сложных проблем в области управления и нуждается в дальнейшей доработке. Необходимы также более решительные меры со стороны государства по дальнейшему совершенствованию отношений на рынке труда.

Серьезное давление на рынок труда в Японии оказывает иммиграция, которую наиболее продуктивно рассматривать в контексте сложившейся в стране демографической ситуации. В начале XXI в. практически прекратился прирост численности населения, а с 2005 г. наметилась

тенденция ее сокращения. Другими словами, впервые за последние десятилетия население Японии пошло на убыль, уменьшившись на 3,5 тыс. человек. Цифры сами по себе незначительные, но это первый тревожный звонок. Поскольку такая тенденция обозначилась в условиях значительного изменения структуры населения, в которой постепенно сокращается численность экономически активной его части. Безусловно, в стране еще есть резервы рабочей силы. Прежде всего, — это дальнейшее вовлечение в трудовой процесс женщин, а также лиц старших возрастов. Правительство специальными законодательными актами и постановлениями стремится создать благоприятные условия для работающих женщин с детьми и обеспечить работой пожилых людей, которые желают продолжать трудиться. Но эти источники не могут в полной мере восполнить недостаток экономически активной рабочей силы. Есть также возможность экономии рабочей силы за счет вывода производств за границу и внедрения трудосберегающих технологий. Однако обойтись без притока иммигрантов Япония не сможет.

Приток иммигрантов в страну начался в 80-е годы прошлого столетия, но и на сегодняшний день их число в процентном отношении к коренному населению по сравнению с другими странами невелико — менее 2%. Такое положение сохраняется, несмотря на то, что правительство постепенно смягчает иммиграционный контроль. Иностранные рабочие заняты главным образом в обрабатывающей промышленности, в сфере услуг, торговле. На самых тяжелых и непрестижных работах трудятся, как правило, нелегально прибывшие в страну иностранцы. Разумеется, заработная плата у иностранных рабочих ниже, чем у японцев. У них возникает много проблем с социальной защищенностью, общением с местным населением, которое в большинстве своем не приветствует приток мигрантов. Решение большинства проблем, связанных с иммиграцией, возложено на местные органы власти и неправительственные организации.

В тесной связи с проблемой иммиграции и демографической ситуацией в Японии находится и проблема интернациональных браков. В глобализирующемся мире такие браки не обходят стороной большинство стран, а потому требуют очень серьезного и глубокого изучения. В большинстве случаев речь идет о межкультурных браках. В этом случае вступающие в брак молодые люди слабо осознают, что и без того трудный переход холостых людей в статус семейной пары влечет изменение статуса каждого из супругов в отдельности в каждой из стран. Частные контакты японцев с представителями разных стран до самого последнего времени практически не привлекали внимания. Но в настоящее время такие контакты воспринимаются уже не

как маргинальное явление, заметное на фоне закрытого японского общества, а как один из аспектов проблемы глобализации, которая все сильнее воздействует на гомогенное японское общество. В результате постепенного открытия общества, увеличения потока мигрантов, естественно, встает проблема интернациональных браков. Она влечет за собой необходимость решения многих юридических вопросов, пересмотр соответствующего законодательства. В частности, потребовалось решение проблемы национальной идентификации детей, рожденных в таких браках. В соответствии с действовавшим до 1985 г. законодательством, рожденные в браке китайцев/корейцев и японок дети считались китайцами или корейцами со всеми вытекающими последствиями, получая ограничения в правах, согласующихся со статусом резидентов.

В соответствии с новым Законом о гражданстве дети имеют право получать национальность одного из родителей по их усмотрению. Вообще, нюансы японского гражданско-правового обеспечения семейных отношений с иностранцами создают много препятствий для заключения межнациональных браков. Несмотря на формальное соответствие японских нормативно-правовых актов законодательству развитых стран, в Японии до сих пор важную роль играют субъективные взгляды соответствующих чиновников и юристов. Они считают, что семейно-правовые отношения относятся к внутренним японским ценностям и на них не могут распространяться европейские понятия о правовом регулировании жизни в семье. Тем не менее, интернациональные браки – зримая примета современной Японии.

Необходимость сохранения культурного наследия – непреложная истина для любого народа, который задумывается о своем будущем. Без того, что накопилось на протяжении всего периода существования того или иного народа, невозможно правильно понять его историю и культуру. Мировое культурное наследие является достоянием всего человечества. В разных странах складывалась различная ситуация с сохранением культурных ценностей. Японии в этом плане повезло: лишь однажды в конце второй мировой войны она пережила вторжение на свои острова, но, к счастью, большинство исторических памятников практически не пострадало. К тому же японское правительство уделяло и уделяет чрезвычайно серьезное внимание политике по сохранению и увековечиванию национальных культурных ценностей на территории всей страны, а также проводит масштабную работу по пропаганде своей культуры в целом в рамках культурной дипломатии.

В этих рамках Япония чрезвычайно плодотворно сотрудничает с ЮНЕСКО (Организация ООН по вопросам образования, науки и

культуры). Признавая важность сохранения ценнейшего культурного наследия, японское правительство активно взаимодействует с разными странами, поддерживая их усилия по сохранению национальных сокровищ. С этой целью был создан Японский трастовый фонд сохранения всемирного культурного наследия и аналогичный фонд сохранения и поощрения нематериального культурного наследия.

Озаботившись проблемой сохранения всемирного культурного наследия, в 1972 г. на своей XVII сессии ЮНЕСКО приняла Международную конвенцию об охране культурного наследия. Япония присоединилась к этой конвенции лишь спустя 20 лет, в 1992 г., став 125 страной, подписавшей этот документ. И это было не случайно, поскольку именно в это время в соответствии с успешным развитием экономики Япония определяла новые задачи своей внешнеполитической деятельности, активизировала участие в работе организаций промышленно развитых стран и различных экономических, миротворческих и культурных программах ООН.

В соответствии с Международной конвенцией, Комитет по всемирному наследию, состоящий из представителей 21 государства, принимает различные решения по вопросам всемирного наследия. Япония активно участвует в его работе. Начиная с 1993 г., т. е. сразу же после присоединения к Конвенции, Япония в течение шести лет была его членом. За неполные 15 лет Япония сделала очень много для реализации задач, поставленных конвенцией, и в целом активно участвовала в деятельности ЮНЕСКО. Усилия страны по достоинству были оценены переизбранием в октябре 2005 г. на пост генерального директора этой организации дипломата Мацуура Коитиро, бывшего до этого назначения послом во Франции. В 1999 г. в г. Нара, который фактически является музеем под открытым небом, был учрежден Азиатско-тихоокеанский культурный центр при отделе сотрудничества по защите культурного наследия ЮНЕСКО. Это можно также рассматривать как признание немалых заслуг Японии по сохранению культурных ценностей как внутри страны, так и в мировом масштабе.

Одной из главных тенденций мировой культуры в настоящее время является широкое распространение «глобальных культурных феноменов», связанных, прежде всего, с развитием технологий и средств коммуникации, которые способны обеспечить доступ миллионов потребителей во всем мире к тому или иному изначально национальному продукту. В первую очередь это относится к проектам массовой культуры, которые продвигаются через телевидение, Интернет, печатную продукцию. Многие из них становятся заметной частью современной культуры. В число «глобальных культурных феноменов»

входят японские комиксы и мультипликационные фильмы (*манга* и *анимэ*), в которых удачно соединились исторические культурные традиции и новые технологии. Это позволило сформировать широкую культурную и бизнес-сферу.

Креативность и специфика художественного мышления японцев нашли такие формы самовыражения, которые сделали *манга* и *анимэ* интересными и доступными для понимания всеми возрастными группами вне национальных границ. Тот или иной традиционный сюжет, связанный с историческими ценностями японской культуры, адаптируется к глобальному восприятию, а сам продукт ведет к созданию «субкультурной» цепочки – от телевидения до рынка игрушек и одежды. Графичность подачи материала вместе с динамично развивающимся сюжетом составляет основу качественно нового технологического продукта, который может реализовываться и в виде телевизионного сериала, и видео, и печатной продукции.

Еще несколько десятилетий назад *манга* и *анимэ* воспринимались как «внутренний мир» японской культуры, а в настоящее время они являются своего рода культурным мостом между Востоком и Западом. Эти понятия прочно вошли в обиход и воспринимаются в значительной мере как универсальные. Огромный вклад в продвижение этого продукта сыграл и продолжает играть Интернет. Он обеспечивает не только эффективный трансграничный перенос информации между пользователями, но и дает возможность личного участия через онлайн-игры, построенные на сюжетах *манга* и *анимэ*.

Этот процесс имеет постоянную динамику (ежегодно издаются сотни миллионов страниц с комиксами и выпускаются десятки фильмов); сопровождается массовыми мероприятиями и созданием «сопутствующей индустрии». В конечном счете все это имеет многомиллиардные обороты. Для Японии *манга* и *анимэ* становятся одним из значимых экспортных продуктов в сфере интеллектуальной собственности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЯПОНИЯ В МИРЕ: ЭВОЛЮЦИЯ САМООЦЕНКИ

Последнее десятилетие XX в. и начало XXI в. характеризовались глубокими изменениями в глобальном устройстве, которые затрагивают буквально все аспекты жизни мирового сообщества. В совокупности они получили название процесса глобализации.

Глобализация поставила мир, в том числе, конечно, Японию, перед целым рядом вызовов нового типа. Их можно увидеть и в экономике, и в политике, и в сфере культурной и общественной жизни.

В мире, где финансовые потоки свободно перетекают по всему миру и, как правило, неподконтрольны национальным правительствам, ранее эффективные экономические механизмы контроля и регулирования перестают работать. Так, прежде успехи японской внешнеэкономической политики обеспечивались не в последнюю очередь тем, что Япония всегда выступала на мировой арене как своего рода единая корпорация. Теперь же отдельные секторы ее экономики оказались в значительной степени лишены покровительства государства из-за невозможности целенаправленно влиять на экономическую ситуацию в мире в целом. Выяснилось, что в таких условиях они далеко не во всех случаях отличаются высокой конкурентоспособностью¹. Национальная экономика оказывается неподвластной действенному политическому вмешательству.

До недавнего времени основным игроком в мировой политике и субъектом международного права было суверенное государство. Конечно, государства нередко объединялись в надгосударственные образования (союзы, военно-политические и экономические блоки и т. п.). Однако участие в них определялось так или иначе понятиями интересами государства, было делом осмысленной (пусть в некоторых случаях вынужденной) государственной политики.

¹ См.: Тимонина И. Л. Япония в мировом экономическом сообществе: вызовы глобализации. – Япония и современный мировой порядок. М., 2002, с. 118–120.

Однако ситуация драматически меняется и в этой сфере. По словам английского социолога З. Баумана, «отделение экономики от политики и избавление первой от регулирующего влияния последней, в результате чего политика лишается полномочий эффективно действующего института, означает нечто большее, чем простое перераспределение социальной власти. ... Само существование политики как института – т. е. “способность делать коллективный обязывающий выбор и выполнять принятое решение” – становится проблематичным»². На смену государствам приходят не имеющие четко очерченного управляющего центра негосударственные образования, обслуживающие глобальные финансовые, торговые и информационные потоки, и кровно заинтересованные в упразднении любых барьеров на их пути. Развитие такой, по своей сути, сетевой глобальной системы управления в перспективе ведет к тому, что реальная власть станет анонимной, а государственный суверенитет будет номинальным.

Одной из важнейших сторон национального суверенитета является культурный суверенитет. И здесь наблюдается примерно та же картина. Массовая культура, зародившаяся в свое время в США, стремительно теряет остатки каких-либо национальных черт. Впитав в себя европейский, японский, и, возможно, иные компоненты, она может производиться и потребляться в любой точке планеты. Подобно пассажирскому авиалайнеру, который проектируют в Лос-Анджелесе, собирают в Сизтле, а детали привозят из множества городов Соединенных Штатов, из Японии, Голландии, России и Мексики, современное производство массовой культуры (кинофильм, аудиодиск, телесериал) не связано ни с именем конкретного создателя, ни с местом производства. Центральной фигурой давно стал продюсер. Собственно, весь цикл проектирования, производства и распространения (продажи в той или иной форме) такого произведения подчиняется тем же законам, что и производство товаров ширпотреба.

По мнению З. Баумана, «глубочайший смысл идеи глобализации – это неопределенный, неуправляемый и самостоятельный характер всего, что происходит в мире»³. Такой мир кажется довольно неудобным, и пребывание в нем или даже приближение к нему влечет за собой новый кризис – кризис идентичности.

Выражение «национальная идентичность» прочно укоренилось в современном политическом и научном лексиконе. Этот термин постепенно приобрел два основных значения. Во-первых, – это осознание своей принадлежности к определенной нации, понимаемой в данном

случае как культурная общность (иными словами, национальная самобытность). Во-вторых, – это осознание самой нацией своего места в мире, причем не только в культурном, но и в политическом и экономическом плане.

В обоих смыслах определение национальной идентичности сводится к самооценке. Но если в первом случае речь идет о самооценке индивида, основанной на тех или иных личностных факторах, то во втором определить субъект самооценки гораздо сложнее. Сама ее возможность предполагает наличие неких общенациональных ценностей, а также этнопсихологических особенностей, определяющих отношение большинства населения к ним. Можно сказать, что речь здесь идет о «национальной идее».

Говоря о «самооценке» нации, можно выделить два аспекта, в которых этот вопрос должен рассматриваться. Во-первых, это оценка положения страны и стоящих перед ней задач политическими кругами и иными влиятельными силами. Во-вторых, это оценка международной роли своей страны широкими слоями населения. Конечно, и в том, и в другом случае спектр мнений оказывается весьма широким. Однако всегда присутствует некая общая тенденция, которая определяет вектор развития. В первом случае она, как правило, находит свое выражение во внешнеполитических доктринах, во втором – отражается в динамике изменений общественного мнения по тем или иным вопросам.

В Японии вопрос о национальной идентичности всегда стоял очень остро, что определялось историей страны. Оставляя в стороне проблемы многовекового существования на культурной и политической периферии великой китайской цивилизации, можно сказать, что, начиная с середины XIX в., лейтмотивом исторического развития Японии были изменения ее взаимоотношений с окружающим миром. Зависимость Японии от внешних воздействий и обстоятельств была настолько велика, что развитие всех сторон жизни общества в значительной мере определялось международными факторами. Соответственно, в течение полутора веков стремление упрочить свое положение в мире оставалось краеугольным камнем японской политики.

Конечно, понимание Японией своей роли в мире, как и сам миропорядок на протяжении этого времени существенно менялись. Но неизменным оставался заложенный еще в эпоху, когда существовала угроза превращения страны в колонию, принцип непрерывного соревнования с внешним миром с целью достижения «достойного» места в мировом сообществе, а затем и статуса великой державы. В разное время и с разным успехом в этом соревновании выходили на передний

² Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004, с. 99.

³ Там же, с. 87.

план военные, экономические или культурно-идеологические методы борьбы.

Новые условия привели и к появлению новых проблем в плане национальной идентичности, причем во всех смыслах и на всех уровнях. Речь идет как о переосмыслении приоритетов во внешней политике, так и о культурно-бытовых проблемах – моноэтническое японское общество не привыкло к сосуществованию с иностранцами. Реакция на новую ситуацию со стороны как японского политического истеблишмента, так и широких слоев населения оказалась довольно сложной. Чтобы разобраться в ней, необходимо обратиться к истории формирования современных японских внешнеполитических приоритетов и к особенностям формирования отношения современных японцев к внешнему миру.

После краха Японской империи в 1945 г. идея великодержавности в этой стране утратила свой военный компонент. Вместе с тем сам принцип завоевания достойного места в мире в полной мере сохранился, перейдя в экономическую форму. Еще в завершающий период американской оккупации была сформулирована «доктрина Ёсида» – концепция сосредоточения национальных ресурсов на решении в первую очередь экономических задач при опоре на военно-политический союз с США. Это позволило японской правящей элите добиться весьма благоприятных условий для экономического развития, поскольку дало возможность минимизировать собственные военные расходы за счет американских гарантий безопасности.

Ставка на приоритет экономических задач исторически оправдалась. За послевоенные годы Япония превратилась в державу со вторым после Соединенных Штатов экономическим потенциалом. При этом ее достижения стали результатом синтеза демократической модели политического устройства и рыночной экономики с элементами традиционной культуры, проявлявшимися во всех сферах общественной жизни. Соединение этих двух начал придало внутренним структурам японского общества особую гибкость и адаптивность, высокую способность к выживанию и развитию. Япония стала одним из наиболее ярких примеров того, как можно добиться высокой экономической эффективности и конкурентоспособности в современном мире, сохранив при этом национальную самобытность.

Однако за все приходится платить. Хотя после вступления в силу в 1952 г. Сан-Францисского мирного договора Япония формально стала равноправным членом международного сообщества, избранная ей в рамках «доктрины Ёсида» односторонняя ориентация на США побуждала ее следовать в фарватере американской мировой стратегии. Фактически речь шла о сознательном делегировании части государст-

венного суверенитета другой стране – вещь в наше время обычная, но тогда довольно нетипичная. Возможно, в принятии такого решения сыграли свою роль некоторые особенности японского менталитета. По замечанию М. Г. Носова, присущие японскому обществу группизм и иерархическая структура в определенном смысле были перенесены на дипломатию: «Исторически сложилась ситуация, когда японцы почувствовали себя членами группы, в которой американцы занимали лидирующее положение. Это отнюдь не означало, что в отношениях между ними не возникали ... конфликты, но в основе отношений до сих пор сохраняется иерархия подчиненности младшего старшему»⁴.

Вместе с тем такое положение не могло сохраняться неизменным. Экономическая и технологическая мощь Японии объективно входила в противоречие с ее ролью «младшего партнера» и ее сравнительно незначительной ролью в международных делах. Иностранные журналисты даже приклеили Японии насмешливую кличку «экономическое животное». Все это вызывало дискомфорт у политической элиты страны, особенно на фоне ожесточенных нападок левых сил по поводу «утраты национального суверенитета»⁵.

Правда, еще в середине 50-х годов Япония сделала попытку перейти к осуществлению более самостоятельной внешней политики. Премьер-министр Хатояма Итиро попытался поставить вопрос о придании равноправного характера договору безопасности. Параллельно он предпринял шаги, направленные на прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений с СССР, а также на нормализацию отношений с КНР.

Тогда новый курс японской внешней политики не удалось реализовать в полной мере в первую очередь из-за крайне негативной реакции США. Тем не менее, дипломатические отношения с Советским Союзом были восстановлены, после чего СССР поддержал просьбу Японии о вступлении в ООН, чему он ранее препятствовал (в дальнейшем участие в деятельности ООН стало одним из важнейших направлений японской внешней политики).

Со временем тенденция к диверсификации внешнеполитических связей Японии стала проявляться более отчетливо. На протяжении

⁴ Носов М. Г. Япония и внешний мир: вступая в мировое сообщество. – Япония в поисках новых рубежей. М., 1998, с. 209.

⁵ «Ощущение американского превосходства в военно-политической сфере или европейского в том, что касается активного участия во внешней политике, не позволяет японцу выставить себе те оценочные баллы, которые он заслуживает на основе собственных представлений о себе. Противоречия между высокой самооценкой, основанной на экономических и социальных успехах, и достаточно унижительной на уровне психологического восприятия зависимости от США нарушают гармонию в формировании самоощущения, что в первую очередь сказывается на стереотипах общения с внешним миром». – Там же, с. 203.

всего послевоенного периода прилагались усилия добиться сбалансированности экономической и политической составляющих во взаимоотношениях Японии с внешним миром. Еще в 1957 г. премьер-министр Киси Нобусукэ выдвинул идею создания Азиатского фонда развития, что ознаменовало собой активизацию азиатского направления японской дипломатии и стало отправной точкой реализации долгосрочной стратегии укрепления своих позиций на континенте с помощью использования торгово-экономических инструментов. При этом внешнеэкономические связи рассматривались как надежный фундамент японской внешней политики, а последняя – как инструмент развития внешнеэкономических связей⁶.

Важным рубежом с точки зрения поиска самостоятельной международной роли было начало 70-х годов. Тогда на фоне возвращения Окинавы под японскую юрисдикцию, а также нормализации отношений с КНР было объявлено о завершении периода послевоенного урегулирования (за исключением проблемы «северных территорий») и начале нового этапа японской внешней политики⁷. Премьер-министр Танака Какуэй провозгласил переход к «многосторонней» дипломатии. Суть новой концепции заключалась в расширении круга партнеров по международному сотрудничеству при сохранении приоритетного характера японо-американских отношений⁸.

Вместе с тем изменение японской внешнеполитической доктрины во многом стало следствием конфликтов с США по экономическим вопросам. Начавшись с проблем, связанных с введением квот на импорт отдельных видов японских товаров в Соединенные Штаты, они распространились на широкий спектр экономических отношений между двумя странами. Под американским давлением Япония была вынуждена принимать меры, направленные на открытие внутреннего рынка и сокращение несбалансированности японо-американской торговли.

⁶ Вот как это формулировалось в 1972 г.: «Будучи азиатской страной, Япония уделяет важнейшее внимание отношениям с другими азиатскими странами. Поэтому Япония ... должна сотрудничать со всеми заинтересованными странами и прилагать соответствующие усилия к достижению разрядки на азиатском континенте путем переговоров.

Не менее важно для Японии предложить азиатским странам экономическое сотрудничество для достижения ими экономической независимости, что создаст основу мира и стабильности в регионе. Япония должна ... прилагать усилия для развития экономического сотрудничества с другими странами Азии и одновременно предпринимать взвешенные дипломатические действия». – Diplomatic Bluebook for 1972. Review of Foreign Relations. April 1972 – March 1973; Japan Reference Series No. 3–73, Tokyo, 1973, ch. 2. Keynotes of Japanese Diplomacy, Section 1. Basic Problems. Japan in Asia.

⁷ Diplomatic Bluebook for 1972, ch. 2, Section 1. Basic Problems.

⁸ Diplomatic Bluebook for 1972, ch. 2, Section 1, Basic Problems. Implementation of a Well-Balanced Diplomacy.

Японское министерство иностранных дел интерпретировало эту ситуацию следующим образом: «В последние годы экономическая мощь Японии сильно возросла. Для того чтобы обеспечить собственный экономический рост в будущем, Япония должна, действуя совместно с Соединенными Штатами и странами Европейского сообщества, сделать свой позитивный вклад в формирование и развитие мирового экономического порядка»⁹. Далее утверждалось, что ранее Япония рассматривала мировую экономику как некую совокупность условий, к которым следует приспосабливаться. Однако «теперь, когда Япония стала одной из великих экономических держав», она должна учитывать интересы мировой экономики в целом и взять на себя «соразмерную своей экономической мощи» ответственность за мировое экономическое развитие¹⁰.

Хотя «ответственность», прежде всего, касалась мер по преодолению торгового дисбаланса с США, в документе были отмечены и иные направления ее реализации, в частности, усилия для разрешения широко обсуждавшихся тогда противоречий между «Севером» и «Югом»¹¹. Это соответствовало азиатскому вектору японской внешней политики и как бы обозначило нишу, в которой она могла развиваться относительно независимо от американского доминирования. В дальнейшем это направление получило свое развитие в «доктрине Фукуда» (1977 г.), обозначившей особую заинтересованность Японии в развитии сотрудничества с АСЕАН и странами Индокитая. Наконец, на рубеже 70–80-х годов в Японии родилась концепция «тихоокеанского сообщества» как организации многостороннего сотрудничества стран бассейна Тихого океана. Эта идея была фактически реализована в 1989 г. путем создания организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), членами которой стали, в том числе, США и КНР.

Продолжалось также активное участие Японии в деятельности ООН, роль которой, как предполагалось, должна повыситься в результате развития все более разнообразных международных связей¹².

⁹ Diplomatic Bluebook for 1972, ch. 2, Section 3, Expanding Fields for Japan's Contributions.

¹⁰ Diplomatic Bluebook for 1972, ch. 2, Section 4, Japan's External Economic Attitude.

¹¹ В связи с этим предполагалось увеличить объем японской помощи развивающимся странам (который и без того занимал второе место после США). Также намечалось расширить географию помощи, распространив ее на Центральную и Южную Америку, страны Ближнего и Среднего Востока и Африку. – Diplomatic Bluebook for 1972, ch. 2, Section 6, Contributions to Solving the North-South Problem.

¹² Впрочем, в первой половине 70-х годов потенциал ООН, особенно миротворческий, расценивался в Японии не особенно высоко: «К сожалению, на протяжении четверти века, прошедшей со дня основания ООН, ее деятельность не вполне соответствовала возлагавшимся на нее ожиданиям народов мира». – Diplomatic Bluebook for 1972, ch. 2. Section 3. Strengthening of the United Nations and Japan's Cooperation.

Кроме того, начиная с 1975 г. Япония стала участником ежегодных совещаний глав государств и правительств ведущих развитых стран мира. Это заметно повысило ее международный статус и позволило ей позиционировать себя как важную и неотъемлемую часть «западного мира». Одновременно Япония как бы становилась представителем Азии и неевропейского мира в целом в этом элитарном политическом «клубе».

Наконец, в 70-е годы в Японии оформилась концепция «культурной дипломатии», которая наряду с политической и экономической дипломатией и экономическим сотрудничеством была названа «одним из четырех столпов» внешней политики. Суть ее заключалась в улучшении образа Японии в глазах других стран и народов путем организации культурных обменов и пропаганды японской культуры за границы. Кстати, именно в рамках этой концепции в октябре 1972 г. был основан известный Японский фонд. Характерно, что «культурная дипломатия» была адресована в первую очередь развивающимся странам, нуждающимся не только в экономическом, но и в «хорошо сбалансированном социальном и культурном развитии»¹³.

В 80-е годы в Японии активно обсуждался вопрос о том, каким путем и в каких формах страна могла бы стать одним из лидеров мировой политики. Намечая один из таких путей, Накасонэ Ясухиро писал в 1983 г., еще до того как он занял пост премьера: «Прежде всего, мы должны изменить наше традиционное мышление. Из “догоняющих” мы превратились в “догоняемых”. Нам необходимо выбрать собственный путь и самим идти по нему»¹⁴. Позднее, уже после ухода из большой политики, Накасонэ развернул эту мысль в книге, опубликованной в 1992 г.: «Япония, начав со стадии отсталой экономики, поставила перед собой задачу догнать Европу и Америку и в основном ее выполнила. ... За ней следуют Республика Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур и другие новые индустриальные страны (НИС). Вслед за ними друг за другом идут Малайзия, Таиланд, Индонезия, Бразилия, а также страны Восточной Европы. Россия, Китай, Индия и некоторые другие будут стараться догнать их»¹⁵.

На рубеже 80–90-х годов из окон японского министерства иностранных дел мир выглядел следующим образом. Оставаясь наиболее сильной экономической и военной державой и лидером «промышленно развитых демократий», Соединенные Штаты постепенно переставали безраздельно доминировать в мировой экономике. Их доля в мировом

¹³ Diplomatic Bluebook for 1972, ch. 2, Section 7. Promotion of International Mutual Understanding and Cultural Exchange.

¹⁴ Цит. по: Носов М. Г. Япония и внешний мир..., с. 199.

¹⁵ Накасонэ Я., Мураками Я., Сато С., Нисибэ С. После «холодной войны». М., 1993, с. 30.

ВВП сократилась примерно с 50% непосредственно после окончания второй мировой войны до 28% в 1988 г. Доля же стран Европейского сообщества и Японии возросла до 21% и 12% соответственно. Одновременно Советский Союз, сохраняя свой статус «военной сверхдержавы», вступил в полосу экономической стагнации, что вызвало сомнения в его способности в дальнейшем поддерживать свою экономическую и военную мощь. Относительный упадок, переживаемый США и СССР, привел к известному снижению их возможности воздействовать на международные события и соответственно к росту влияния других государств и групп стран. Так возник многополярный мир, что само по себе оказало дестабилизирующее воздействие на международные отношения¹⁶.

Исходя из этого, к концу 80-х годов были определены основные векторы японской внешнеполитической стратегии. Они включали в себя: а) военно-политический союз с США; б) активную региональную дипломатию (преимущественно экономическую); в) стремление утвердиться в качестве одного из лидеров «западного мира»; г) попытки повысить свой авторитет в Азии и среди развивающихся стран вообще; д) деятельное участие в ООН и других международных организациях.

Различная направленность этих векторов не была отражением противоречивости японской внешней политики. Основы ее остались фактически неизменными. Как сказал в своем выступлении в парламенте 10 февраля 1989 г. премьер-министр Такэсита Нобору, «мы не должны забывать, что своим послевоенным процветанием Япония во многом обязана международному порядку, поддерживаемому объединенными усилиями стран свободного мира во главе с Соединенными Штатами»¹⁷. А министр иностранных дел Уно Сосукэ в своей речи на том же заседании призвал к «большей солидарности и сотрудничеству с Соединенными Штатами и другими странами Запада», поскольку, несмотря на «перестройку» в СССР, никаких фундаментальных сдвигов в отношениях Восток–Запад не произошло¹⁸.

Как писал М.Г.Носов, «став равноправным членом объединения государств, страна не только вносит свой вклад в деятельность группы, но и получает стимул соответствовать стандартам поведения своих

¹⁶ Diplomatic Bluebook 1989. Japan's Diplomatic Activities. Ch. I. Japanese Foreign Policy in the Changing International Environment. Section 1. The Changing International Environment. The Setting for the Changes in the International Community.

¹⁷ Diplomatic Bluebook 1989. Appendix, ch.I, Policy Speech by Prime Minister Noboru Takeshita to the 114th Session of the National Diet, 10.02.1989.

¹⁸ Diplomatic Bluebook 1989. Appendix, ch. I, Foreign Policy Speech by Minister for Foreign Affairs Sousuke Uno to the 114th Session of the National Diet, 10.02.1989.

партнеров», поскольку одной из определяющих черт менталитета японцев «является стремление присоединиться к “группе” с последующим завоеванием прочных позиций внутри нее»¹⁹. Можно сказать, что именно таким «завоеванием прочных позиций внутри группы» определялась многовекторная политика японской дипломатии.

К этому следует добавить, что никаких серьезных изменений относительно условий японского участия в «группе» в то время не случилось. Япония по-прежнему не намеревалась увеличивать свой военный вклад в оборону Запада, что вызывало нарекания с американской стороны²⁰. То же самое можно сказать и о миротворческих операциях ООН, к участию в которых Япония тогда стала проявлять повышенный интерес, связанный, по-видимому, с намерением добиваться места постоянного члена Совета Безопасности. Это участие мыслилось, прежде всего, как финансовое. В тех же случаях, когда речь шла о посылке людей (как, например, в Камбоджу или Центральную Америку), Япония четко оговаривала, что они могут быть задействованы только в таких «приемлемых» для нее областях, как транспорт, связь, медицина и наблюдение за выборами²¹.

По стечению обстоятельств наступление новой эпохи в японской внешней политике (как, впрочем, и во всей системе международных отношений) почти совпало с окончанием «эры Сёва» и приходом «эры Хэйсэй». События рубежа 90-х годов хорошо известны; поэтому можно ограничиться их простым перечислением. Это – крах Варшавского договора, падение берлинской стены и объединение Германии, война в Персидском заливе, распад СССР, войны на Балканах с последующим иностранным вмешательством в них. Стремительный демонтаж системы глобального противостояния двух военно-политических блоков привел к полному изменению мировой конфигурации. Здесь надо упомянуть и проявившееся в 90-е годы действие не столь драматичных, но с точки зрения возникновения нового баланса сил в Азиатско-тихоокеанском регионе очень существенных долговременных факторов, таких, как быстрое экономическое и

¹⁹ Носов М. Г. Япония и внешний мир..., с. 209.

²⁰ «В Соединенных Штатах и, особенно, в Конгрессе широко распространено мнение, что Япония и другие союзные страны должны делить с ними бремя по поддержанию мира и процветания во всем мире. Япония считает, что все союзники могут вносить свой вклад в общее дело разными способами и нести свой груз ответственности по-разному – не только в сфере обороны, но и во многих других областях». – Diplomatic Bluebook 1989, ch. 1. Major Trends in the International Community and Tasks for Japanese Foreign Policy, Section 2. National Security of Japan. National Security Policy of Japan.

²¹ Diplomatic Bluebook 1989, ch. II, Section 5. Promotion of the International Cooperation Initiative. Cooperation for Peace. Cooperation with the United Nations in its Peace-Keeping Operations by Provision of Funds and Manpower.

военное усиление Китая и затяжной экономический кризис в самой Японии.

В результате Япония была вынуждена заняться переоценкой ориентиров в сфере внешней политики и безопасности. Огромный опыт, накопленный поколениями японских политиков, оказался в значительной мере обесценен. Создалась ситуация, которую министр иностранных дел Ватанабэ Митио назвал «неясной» и «далекой от достижения прочного мира». Впрочем, ничего другого нельзя было ожидать от эпохи настолько глубоких перемен, что он сам охарактеризовал их как «лишь изредка случающиеся в мировой истории»²².

Прежде всего, встал вопрос о судьбе Японо-американского договора безопасности в условиях, когда «холодная война» полностью закончилась. Здесь быстро возобладало мнение, что в связи с общей дестабилизацией в мире и усилением региональных конфликтов японо-американский военно-политический союз сохранил свою ценность. Для Японии «критически важно обеспечение мира и стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе. Поскольку присутствие Соединенных Штатов является совершенно необходимым с точки зрения обеспечения безопасности в Азии и на Тихом океане, Япония предоставляет максимальную поддержку американским вооруженным силам, размещенным на ее территории»²³. Такая позиция нашла свое отражение и в совместном заявлении по вопросам японо-американской системы обеспечения безопасности (1995 г.), в котором подчеркивалась необходимость ее укрепления, причем при расширении сферы двусторонней оборонной ответственности до пределов всего региона. Таким образом, краеугольный камень всей послевоенной японской внешней политики сохранился нетронутым.

Вместе с тем, новые условия создали предпосылки для существенной переоценки ответственности Японии за состояние дел в мире. Теперь она трактовалась как «исключительно важная». Теперь ее роль «не ограничивалась только экономикой, а простиралась и в область политики. ... Действительно, Япония оказалась активно вовлеченной в такие сферы, как контроль над вооружениями и разоружение, урегулирование региональных конфликтов, оказание поддержки прежнему Советскому Союзу, содействие движению к демократии в развивающихся странах, мирный процесс на Ближнем Востоке и проблемы охраны окружающей среды во всемирном масштабе»²⁴.

²² Diplomatic Bluebook 1992. Japan's Diplomatic Activities. Tokyo, 1993. On Publishing the 1992 Diplomatic Bluebook.

²³ Diplomatic Bluebook 1992, ch. I, The World in the Midst of Historic Transition and Japan. Section 2. Objectives and Priorities of Japan's Foreign Policy. Ensuring World Peace and Stability.

²⁴ Diplomatic Bluebook 1992, ch. I, Section 2. Objectives and Priorities of Japan's Foreign Policy.

Обращает на себя внимание и выдвижение принципа повсеместного распространения так называемых универсальных ценностей в качестве одной из основ японской внешней политики. Япония объявила, что при решении вопроса о предоставлении помощи иностранным государствам она будет «обращать самое пристальное внимание на усилия по проведению демократизации и поддержке рыночной экономики, а также на положение с основными правами человека и свободами в странах-реципиентах»²⁵. Другими словами, японская помощь развивающимся странам приобрела отчетливо выраженную политическую окраску.

Завоевание «почетного места» в международном сообществе предполагает и столь же «почетное» членство в международных организациях. В связи с этим одним из наиболее перспективных направлений с точки зрения расширения влияния страны в международных делах японские политики считают повышение статуса Японии в ООН. Можно сказать, что и этот вектор японской внешней политики сохранил свою значимость в новых условиях.

Одним из важнейших инструментов для решения этой задачи служит финансовый вклад Японии в деятельность организации. В последние годы он колебался в пределах 20% (19,468% в 2006 г.)²⁶ от общей суммы бюджета ООН. Таким образом, страна занимает второе место после США (22%). Ежегодный взнос Японии превышает совокупный взнос остальных четырех постоянных членов Совета Безопасности ООН – Великобритании, Франции, Китая и России²⁷. Япония также занимает лидирующие позиции в предоставлении помощи 150 странам (с точки зрения объемов помощи – преимущественно азиатским государствам)²⁸. При этом она в отличие от большинства стран-доноров ООН полностью выполняет свои финансовые обязательства перед организацией.

Этому обстоятельству придается большое значение, поскольку предполагается, что огромные размеры финансовых вливаний в ООН должны обеспечивать Японии возможность участия в обсуждениях ключевых вопросов мировой политики и непосредственно влиять на их решение. Так, выражалось недоумение, что, когда Совет Безопасности оказался расколотым по поводу войны в Ираке, непостоянные члены СБ, представлявшие развивающиеся страны, «чьи вклады в ООН не превышают 1% бюджета», при принятии решений имели значи-

²⁵ Diplomatic Bluebook 1992, ch. I, Section 2. Promoting Universal Values.

²⁶ Diplomatic Blue Book. The Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2006, p. 149.

²⁷ Иомиури симбун. 30.10.2003.

²⁸ Там же. В 2003 г. размеры японской помощи развивающимся странам составили более 800 млрд. иен.

тельно больший вес, чем Япония, которая в то время не входила в Совет Безопасности²⁹.

За время своего членства в ООН Япония девять раз занимала место непостоянного члена Совета Безопасности. Начиная с 90-х годов она официально добивается статуса его постоянного члена. Однако достижение этой цели непосредственно связано с проведением реформы ООН и с внесением изменений в устав организации.

Почти все государства, входящие в ООН, согласны с тем, что Совет Безопасности в его нынешнем составе³⁰ является своего рода пережитком послевоенного времени и не отражает расстановку сил в мире в XXI в. Вместе с тем в связи с его реформированием имеются большие разногласия. Существует несколько вариантов реформ, поддержанных различными группами стран, что отражает реальные международные противоречия в современном мире.

Например, Соединенные Штаты стремятся предотвратить слишком большое расширение Совета Безопасности и поддерживают только кандидатуру Японии в качестве его постоянного члена. А Италия предлагает расширение состава совета с 15 до 25 стран лишь за счет увеличения числа непостоянных членов. Этот план одобряет значительное число стран, среди которых Пакистан, стремящийся не допустить усиления позиций Индии, и Китай, который без энтузиазма относится к перспективе укрепления влияния Японии в ООН³¹. В результате политико-дипломатические конфликты вокруг реформы Совета Безопасности вряд ли позволят в обозримом будущем принять какое-либо конкретное решение по данной проблеме (для этого требуется набрать 2/3 голосов участников Генеральной Ассамблеи).

То же самое можно сказать и о решении другой проблемы, болезненно воспринимаемой Японией – об исключении из устава ООН упоминаний о ней как о «вражеской стране»³². Насколько известно,

²⁹ Там же.

³⁰ Согласно действующему сейчас уставу Совет Безопасности состоит из 15 членов. Десять из них избираются на два года и представляют разные регионы. Пять государств – это постоянные члены СБ с правом вето: США, Россия, Китай, Великобритания и Франция.

³¹ Die unvereinbaren Nationen. – Der Stern. 12.07.2005. О формировании позиции Японии по проблеме реформирования Совета Безопасности ООН в предшествующие годы см.: Булдакова Е. И. Реформа ООН: позиции Японии и Германии. – Япония 2002–2003. Ежегодник. М., 2003.

³² «Несмотря на то, что пункты, включающие в себя выражение “вражеская страна”, в 1995 г. были объявлены “устаревшими” в резолюции Генеральной Ассамблеи, они не были удалены и до сих пор присутствуют в Уставе ООН. ... Япония продолжит предпринимать усилия для их удаления с учетом перспективы реформы ООН». – Diplomatic Blue Book. The Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2004, p. 153. Похожий пассаж появляется в «Голубой книге» японского МИДа каждый год.

по этому поводу не поступило возражений ни от одного из членов ООН. В принятой в 1995 г. резолюции Генеральной Ассамблеи было указано, что соответствующие статьи будут упразднены во время пересмотра и подготовки новой редакции Устава ООН. Однако, поскольку комплексное реформирование организации наталкивается на большие трудности, эта проблема также остается нерешенной³³.

Другим существенным моментом, на протяжении долгого времени затруднявшим достижение Японией «полноценного» членства в Совете Безопасности, было неучастие ее воинских контингентов в миротворческих операциях ООН. Причина заключалась в известных ограничениях на посылку японских военнослужащих за рубеж, вытекавших из девятой статьи японской конституции и Закона о силах самообороны. Именно это обстоятельство зачастую выдвигалось в качестве основного аргумента против включения Японии в состав Совет Безопасности. На протяжении 60–70-х годов такие вопросы возникали неоднократно, и всякий раз Япония уклонялась от участия в миротворческих операциях под предлогом конституционных запретов³⁴. В ряде случаев посылались только гражданские наблюдатели.

Проблема участия сил самообороны в миротворческих операциях обострилась во время первой войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг. Тогда Япония полностью поддержала резолюцию Совета Безопасности, направленную против иракской агрессии. Но она решительно отказалась от прямого участия в вооруженных силах антииракской коалиции, формировавшихся под эгидой ООН, ограничившись финансовым участием. Это вызвало сильное недовольство Конгресса США, который даже принял специальную резолюцию, рекомендовавшую понизить уровень отношений со странами, отказывающимися принимать участие в действиях коалиционных сил. Такая резолюция была не единственной: в 1994 г. Сенат призвал президента Клинтона не поддерживать стремление Японии стать постоянным членом Совета Безопасности до тех пор, пока ее вооруженные силы не начнут участвовать в операциях ООН.

³³ В связи с этим в Японии на неофициальном уровне даже высказывались предложения приостановить финансирование ООН вплоть до разрешения этой проблемы. — См.: Йомиури симбун. 30.10.2003.

³⁴ Как выразился в 1980 г. тогдашний премьер-министр Дз. Судзуки, «так называемые операции сил ООН имеют различные цели и назначение. В случае если они подразумевают использование силы, нам кажется, что конституция не разрешает участие в них войск самообороны. Если эти операции не подразумевают использование силы, конституция не запрещает участие в них войск самообороны, однако законы, определяющие их функции, не предусматривают их участие в подобных действиях, что и не позволяет им участвовать в операциях ООН». — Цит. по: Носов М. Г. Япония и миротворческая деятельность ООН. — Япония и глобальные проблемы человечества. М., 1999, с. 268.

Таким образом, в начале 90-х годов Япония столкнулась с настоящей необходимостью предпринять конкретные шаги, чтобы лучше соответствовать критериям, применяющимся к члену Совета Безопасности, и не раздражать своих наиболее важных внешнеполитических партнеров. Для этого следовало изменить ряд внутренних законов, принять новые, а также предложить новое толкование конституции страны или внести в нее изменения. В частности, последний вариант поддержал бывший премьер-министр Я. Накасонэ. Явно находясь под впечатлением от эффективности действий войск коалиции в Персидском заливе (которое он отнес к числу «важнейших признаков кардинального поворота в мировой истории»), поставив его на второе место по значимости после «распада советской коммунистической империи»³⁵, Накасонэ писал: «Что касается нынешней конституции японского государства, то ... она была принята в условиях отсутствия суверенитета японского народа и лишь в малой степени отражала его волю... Поэтому сегодня в связи с резким изменением международного положения и внутренних обстоятельств, вполне естественно заново оценить конституцию, выявить ее хорошие и плохие стороны и на основе добровольного волеизъявления народа привести ее в соответствие с требованиями времени»³⁶.

Однако на этом этапе дискуссия о принципах участия Японии в международных силах ООН по поддержанию мира идея Накасонэ о пересмотре «оккупационной» конституции не получила ни политической, ни общественной поддержки. Дело ограничилось принятием парламентом Японии в июне 1992 г. Закона о взаимодействии при осуществлении операций по поддержанию мира и других операций ООН. Под «другими операциями» подразумевались международные акции по оказанию гуманитарной помощи и по наблюдению за выборами³⁷. Закон содержал в себе множество ограничений относительно применения оружия (исключительно для самообороны), но все же создал правовую основу для отправки японских военнослужащих за пределы национальной территории. Таким образом, было устранено

³⁵ Накасонэ Я., Мураками Я., Сато С., Нисибэ С. После «холодной войны», с. 31. Там же Накасонэ писал: «С целью недопущения возникновения конфликтов между национальными государствами в свое время родилась концепция коллективной безопасности, воплотившаяся в создании Лиги Наций. Тем не менее, ни она, ни пришедшая ей на смену ООН не реализовали в полной мере свои полномочия. Однако, начиная с войны в Персидском заливе, система коллективной безопасности под эгидой ООН стала реализовывать свои функции. Это исторически впечатляющий феномен за почти 70-летний период с момента создания Лиги Наций».

³⁶ Там же, с. 35.

³⁷ Diplomatic Blue Book. The Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2004, p. 156.

одно из главных правовых препятствий для более полноценного участия Японии в миротворческих действиях ООН.

В последующие годы активность Японии в рамках различных миссий ООН стала быстро возрастать. Японские миротворцы действовали в Камбодже, Мозамбике и на Голанских высотах. С 2002 г. около 700 японских саперов одновременно несли службу в только что получившем независимость Восточном Тиморе. Япония также участвовала в ряде операций по доставке гуманитарной помощи, в том числе и для Ирака³⁸. Выступая в феврале 2004 г. в японском парламенте, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан высоко оценил вклад Японии во все сферы деятельности ООН³⁹.

Однако это еще не означало достижения полной гармонии в отношениях Японии как с ООН, так и со своим ближайшим союзником – Соединенными Штатами. С наступлением эпохи «борьбы с терроризмом» США возобновили нажим на Японию, чтобы добиться от нее отправки воинских контингентов для непосредственного участия в военных операциях, которые стали охватывать все новые районы мира⁴⁰.

В июле 2004 г. заместитель госсекретаря США Ричард Армитидж во время встречи с японским парламентарием от ЛДП Накагава Хидэнао заявил, что девятая («мирная») статья конституции Японии является главным препятствием на пути укрепления японо-американского военного союза, и что японцы должны решить вопрос о пересмотре конституции как можно скорее.

Р. Армитидж особо подчеркнул, что Соединенные Штаты всецело поддерживают желание Японии стать постоянным членом Совета Безопасности ООН. Однако такие страны в ряде случаев обязаны применять военную силу для защиты интересов мирового сообщества. Если конституция не позволяет Японии соответствовать этому требованию, ей будет крайне трудно стать постоянным членом Совета Безопасности⁴¹. Таким образом, Армитидж фактически призвал Японию развернуть свои военные силы за рубежом для участия в реальных

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid., p. 150.

⁴⁰ Как писал В. В. Михеев, в условиях глобализации «политические события в той или иной стране, которые согласно распространенным представлениям о недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств являются ее внутренним делом, приобретают глобальное значение, т. е. оказывают воздействие на политическую ситуацию в других странах. Либо влияют на такие всемирные интересы, как обеспечение прав человека... Политическая глобализация сопровождается введением в мировую практику новых механизмов обеспечения мира, таких, как миротворческие операции или международные санкции против «плохих» режимов». – *Михеев В. В.* Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М., 2001, с. 12.

⁴¹ The Japan Times. 23.07.2004.

боевых действиях, не ограничиваясь лишь восстановительными работами и оказанием гуманитарной помощи, как это происходит в настоящее время.

Вскоре после этого, в августе 2004 г., такое же пожелание было высказано на более высоком уровне. Государственный секретарь США Колин Пауэлл произвел «настоящий переполох», когда заявил японским журналистам, что девятая статья конституции, декларирующая отказ от войны, должна быть пересмотрена, если Япония желает стать постоянным членом Совета Безопасности ООН. Правда, позднее глава секретариата кабинета министров Хосода Хироюки сообщил, что заявление Пауэлла не является официальной позицией американского правительства и что США поддерживали стремление Японии получить постоянное членство в Совете Безопасности без каких-либо дополнительных условий⁴².

Хотя конституция давно уже не воспринимается в Японии как некий сакральный документ, неуместные замечания руководителей Госдепартамента США заставили японского премьер-министра выступить в ее защиту. «Я думаю, что нет проблемы в том, чтобы Япония стала постоянным членом Совета Безопасности ООН, хотя наша конституция и несколько отличается от конституций других стран-членов этого органа», – заявил Коидзуми Дзюньитиро журналистам на пресс-конференции, проводившейся в официальной резиденции премьер-министра в Токио. Таким образом, он подтвердил намерение Японии стать постоянным членом Совета Безопасности, не пересматривая при этом конституцию страны⁴³.

Тем не менее, вопрос об изменении конституции активно обсуждался и в японских политических кругах, правда, в несколько ином аспекте. Так, сам Коидзуми заявил, что ее необходимо пересмотреть, чтобы позволить японским военным участвовать в совместных боевых действиях с американскими войсками, если США придется применить силу для защиты Японии в соответствии с Японо-американским договором безопасности⁴⁴.

Такое предложение возникло как реакция на правовое противоречие между японской конституцией и подписанными Японией международно-правовыми документами, такими, как Сан-Францисский мирный договор и Устав Организации Объединенных Наций. Японское правительство интерпретирует эти документы как международно-правовые акты, предоставляющие Японии законное право на коллективную

⁴² The Japan Times, 25.08.2004.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ The Japan Times. 23.07.2004.

оборону – в том числе и на оказание военной помощи союзникам, если они подверглись нападению. Однако ныне действующая конституция запрещает реализацию этого права.

В итоге, как и десятью годами ранее, выход из правового казуса был найден не в изменении конституции, а в принятии пакета новых законов, призванных обеспечить легальную основу для обеспечения национальной безопасности. 6 июня 2003 г. при широком консенсусе правящей и оппозиционных партий были утверждены три закона, которые касались противодействия вооруженному нападению. Параллельно были проведены японо-американские переговоры о достижении соглашения, позволяющего осуществлять на взаимной основе снабжение японских и американских вооруженных сил в условиях такого нападения (подписано в феврале 2004 г.)⁴⁵.

Однако уже в ноябре 2005 г., Либерально-демократическая партия Японии обнародовала планы пересмотра конституции, работа над которыми велась много лет. В новом проекте конституции оговаривается приверженность страны миру, однако вооруженные силы признаны решающим фактором для его сохранения. «Мы должны учитывать опасности конфликтов, с которыми может столкнуться международное сообщество в течение следующих 50 лет», – заявил в связи с этим премьер-министр Коидзуми ⁴⁶.

Последнее замечание сделано не случайно. На протяжении десятилетий основным источником опасности для Японии считался Советский Союз. Затем «советская военная угроза» перестала существовать, но она сменилась новыми угрозами.

Повышение роли Китая в мировой политике, его лидирующее положение на мировом рынке, стремительное военное усиление стали вызывать растущее беспокойство в японских политических и военных кругах. Несколько лет назад японское оборонное ведомство разработало три возможных сценария нападения Китая на Японию, которые были включены в доклад, представленный в сентябре 2004 г. комитету по вопросам обороны японского парламента. Документ не был опубликован, но, по сообщению информированных источников, эти сценарии включали в себя нападение Китая из-за спора о правах на освоение месторождения природного газа в Восточно-Китайском море, из-за требования о возвращении о-вов Сэнкаку, а также в результате военного столкновения в Тайваньском проливе. Согласно тем же источникам, в докладе указывалось, что «Китай продолжит усиливать

⁴⁵ Diplomatic Blue Book. The Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2004, p. 139.

⁴⁶ Colin Joyce. Japan Seeks to Scrap Law that Bans it from Having an Army. – <http://www.telegraph.co.uk/news/main.jhtml?xml=/news/2005/11/23/wjap23.xml&sSheet=/portal/2005/11/23/ixportal.html>

свои вооруженные силы и боеспособность, чтобы продемонстрировать силу Тайваню и Соединенным Штатам. Именно Китай станет самой мощной военной державой в Азиатско-тихоокеанском регионе в ближайшем будущем»⁴⁷.

Вместе с тем в японской печати высказываются и гораздо менее алармистские взгляды в отношении Китая. Например, согласно точке зрения, высказанной в редакционной статье в «Асахи симбун», все-стороннее усиление Китая не должно негативно отразиться на Японии. В своих взаимоотношениях с Китаем ей следует проявлять особое терпение, делая упор на экономику, региональное сотрудничество и выработку единой позиции по проблеме Северной Кореи ⁴⁸.

Отношения Японии с Северной Кореей пребывают в глубоком кризисе со времени образования КНДР. Тяжелое историческое наследие, память о японском колониальном гнете, но и о Корейской войне, многочисленные скандалы, связанные с похищениями граждан Японии северокорейскими спецслужбами и т. п. дополнились теперь еще и северокорейской ядерной программой.

Следует отметить, что вопрос о северокорейской ядерной программе действительно стоит для Японии очень остро. Это – чрезвычайно болезненная проблема не только для политиков, но и для широкой общественности страны. Большинство японцев испытывает к властям КНДР глубокое недоверие, а недоверие порождает страх. Поэтому вопрос о ситуации на Корейском полуострове стал одним из немногих, привлекающих внимание рядовых японцев, в общем-то не слишком интересующихся положением в мире.

Согласно опросу общественного мнения по вопросам внешней политики, проведенному информационным отделом при секретариате кабинета министров, в 2003 г. положение на Корейском полуострове вызывало наибольший интерес у 74,4% опрошенных. Для сравнения, ситуация на Ближнем Востоке волновала 33,9%, а в Западной Европе – 1,7% респондентов⁴⁹.

Понятно, что в такой ситуации японская политическая элита отреагировала на проведение КНДР испытаний ядерного устройства

⁴⁷ Defense Strategists Look to China's Attack Threat (edit.). – The Japan Times. 09.11.2004. В то же время в докладе отмечалось, что «в настоящее время Китай проявляет осторожность в вопросах применения военной силы при решении международных споров, поскольку понимает, что силовые методы будут препятствовать его собственному экономическому развитию». В нем также подчеркивалась необходимость предпринимать активные дипломатические шаги, чтобы избежать возможных военных конфликтов с КНР, а для эффективно-го противодействия угрозе с ее стороны – еще больше укрепить военный союз с США

⁴⁸ Асахи симбун. 19.11.2003.

⁴⁹ <http://www8.cao.go.jp/survey/h16/h16-gaikou/images/2-4/html> Цит. по: Чупров С. В. Как японцы относятся к политике. – Портрет современного японского общества. М., 2006, с. 45.

демонстративно резко. Некоторые японские политики выдвинули предложение о создании Японией ядерного оружия. Комментируя это предложение, правительство в ответ на запрос, поступивший от одного из японских парламентариев, сделало двусмысленное заявление о том, что у него нет намерения создавать ядерное оружие, но «с точки зрения закона, даже девятая статья конституции не запрещает нашей стране располагать всем минимально необходимым для самообороны»⁵⁰.

Несмотря на то, что Абэ Синдзо, незадолго до этого вступивший в должность премьер-министра, выступил перед депутатами японского парламента с недвусмысленным заявлением об отказе от создания ядерного оружия⁵¹, рассуждения о возможности начала гонки ядерных вооружений в Восточной Азии вызвали определенное беспокойство в Соединенных Штатах. Так, бывший министр обороны США (в 1994–1997 гг.) Уильям Перри заявил, что главное – не допустить именно такого развития событий. «Как Япония, так и Южная Корея обладают достаточным потенциалом, чтобы в кратчайшие сроки достичь полноценного статуса ядерных стран. До сих пор они не сделали этого, так как были уверены в нашем ядерном “зонтике”. Теперь же они могут пересмотреть свою политику. Мы должны ... обсудить этот вопрос и убедить их, что они все еще находятся под нашей защитой и у нас есть достаточно воли и силы, чтобы защитить их от атаки»⁵².

В дополнение к списку возможных санкций в отношении КНДР из 13 пунктов, представленному ООН, и направленному на прекращение любых военных поставок, а также материалов, которые могут быть использованы при производстве оружия массового поражения, Япония дополнительно выдвинула ряд жестких требований. Так, всем странам мира было предложено запретить северокорейским судам и самолета-

⁵⁰ Colin Joyce. Japan Moves to Shed Pacifist Status. – <http://www.telegraph.co.uk/news/main.jhtml?xml=/news/2006/11/15/wjapan15.xml> Собственно, в таком утверждении не содержится ничего нового. Такого рода «теоретические» высказывания политиков встречались в Японии еще в 70-е годы XX в.

⁵¹ Несмотря на новую внешнюю угрозу «наши принципы, отвергающие создание ядерного оружия, останутся неизменными», заявил Абэ. – *Usborne David*. Russia and China May Stand in Way of United Response to Nuclear Test. – *The Independent*, 11.10.2006. Вместе с тем, Абэ использовал «корейский фактор» для проведения ряда внутриполитических мероприятий. В ноябре 2006 г. он объявил о подготовке к созданию Совета национальной безопасности по американскому образцу. Кроме того, в своем первом кабинете Абэ ввел новую должность советника по национальной безопасности. Это также соответствует американской системе: у американского президента имеется сотрудник министерского уровня, который консультирует его по вопросам безопасности. Абэ также сообщил, что, по его мнению, в Японии необходимо создать разведывательную службу наподобие ЦРУ или MI-5 для борьбы с террористической угрозой. – *Colin Joyce*. Japan Moves to Shed Pacifist Status. – <http://www.telegraph.co.uk/news/main.jhtml?xml=/news/2006/11/15/wjapan15.xml>

⁵² Perry William J. In Search of a North Korea Policy. – *The Washington Post*, 11.10.2006, p. A19.

там пользоваться их портами и аэродромами. Япония также заявила, что ее собственный режим санкций будет включать в себя полный запрет на торговлю с Северной Кореей и на посещение Японией гражданами КНДР⁵³.

Такая политика японского правительства, в целом, соответствовала ожиданиям избирателей. Опрос общественного мнения, проведенный газетой «Асахи симбун» 19–20 февраля 2005 г. показал, что 61% респондентов на вопрос «Как следует Японии реагировать на расширение ядерной программы КНДР?» выбрал ответ «Нужно принять жесткие меры типа экономических санкций» и только 30% – «Углубить переговорный процесс в условиях международного сотрудничества». Другой опрос со сходными вариантами вопросов и ответов, проведенный месяцем позже в Токио и Киото агентством «Информация 2001» показал очень близкие результаты (соответственно, 65,4% и 27,4%)⁵⁴.

Вообще, восприятие японским общественным мнением проблем, связанных с внешней политикой и ролью страны в мире представляет собой довольно сложную картину. Не всегда выбранные респондентами варианты ответа на тот или иной конкретный вопрос позволяют судить о побудительных причинах их выбора. Соответственно, интерпретация результатов опроса может оказаться весьма неточной.

Одним из примеров такого рода является отношение японской общественности к планам изменения конституции страны. Для Японии – это в очень большой степени внешнеполитическая проблема. Правящие круги публично мотивируют необходимость ее изменения «неяпонским» характером конституции (создана по проекту американских оккупационных властей) и наличием в ней «устаревшей» девятой статьи, которая препятствует нормальному строительству и функционированию японских вооруженных сил и выполнению Японией ряда своих международных обязательств. О других предполагаемых нововведениях общественности известно немного.

Материалы телефонных опросов общественного мнения, проведенных в сентябре 2004 г. газетой «Нихон кэйдай», показывают, что 33% опрошенных выступали тогда против изменения конституции, 49% – за и 17% не определились с ответом. Когда был задан вопрос об изменении одной только девятой статьи, респонденты дали примерно такие же ответы (соответственно 38%, 47% и 16%), что косвенно свидетельствует о том, что вопрос о девятой статье респонденты считали центральным. Это, правда, не вполне подтверждается результатами

⁵³ David Usborne. Russia and China May Stand in Way of United Response to Nuclear Test. – *The Independent*. 11.10.2006.

⁵⁴ Цит. по: *Чуэров С. В.* Как японцы относятся к политике, с. 46, 47.

ответов на вопрос о приоритетных аспектах при пересмотре конституции – изменение девятой статьи оказалось на третьем месте, уступив соответственно 5% и 1% обеспечению прав на здоровую окружающую среду и невмешательство в личную жизнь, а также созданию последовательной концепции местного самоуправления⁵⁵. Впрочем, разрывы оказались невелики, а японские газеты при проведении телефонных опросов обычно не указывают величину возможной погрешности.

Полугодом позже подобный опрос был проведен информационным агентством «Кёдо цусин». Были использованы списки избирателей на выборах в обе палаты парламента (без указания по каким критериям были отобраны респонденты). Всего было опрошено немногим больше тысячи человек.

Результаты оказались следующими: 21,2% поддержали идею изменения конституции, 39,8% выбрали ответ «скорее да, чем нет», 10,1% выступили против и 19,7% – «скорее против, чем за». Остальные 9,2% затруднились с ответом. Однако, когда был задан вопрос об изменении девятой статьи, за ее пересмотр выступили 31,3% респондентов, а против – 41,3%. 24,3% избирателей не имели своего мнения по этому поводу⁵⁶. Получается, что совокупный 61% сторонников пересмотра конституции выступал за него вовсе не из желания отменить девятую статью, а по каким-то иным соображениям.

Это подтверждается и данными, полученными в результате опроса, проведенного «Майнити симбун» в конце апреля 2007 г. В нем также участвовало чуть больше тысячи человек, 51% из которых выступил в пользу пересмотра конституции и 19% – против. Но большинство сторонников пересмотра (77%) сделали свой выбор лишь исходя из того обстоятельства, что конституция существует уже целых 60 лет, и, по-видимому, устарела и не подходит для современной Японии. И лишь 10% связывали необходимость пересмотра с «американским происхождением» Основного закона страны⁵⁷.

⁵⁵ www.nikkei-r.co.jp/nikkeipoll/qandres/y200409a.htm Цит. по: Чугров С. В. Как японцы относятся к политике, с. 41–44.

⁵⁶ The Japan Times, 28.04.2005.

⁵⁷ Mainichi Daily News, 3.05.2007. Результаты опроса были опубликованы под заголовком «Большинство поддерживает конституционную реформу, но не по тем причинам, что ЛДП». Американский исследователь Дуглас Люммис, постоянно проживающий в Японии, полагает, что японские средства массовой информации сознательно заостряют внимание на девятой статье и других «внешних» аспектах пересмотра конституции. В результате большинство народа ничего не знает о других нововведениях, которые их ожидают. Между тем, по его мнению, если новая конституция будет принята, то права человека и свободы будут низведены в Японии до уровня, который существовал при конституции Мэйдзи. Так, в статьях 12 и 13 предлагаемого проекта указывается, что права человека могут осуществ-

* * *

Размышляя о реакции Японии на внешнеполитические вызовы последних 15–20 лет, можно прийти к следующему выводу. Разрабатывая пути достижения страной мирового лидерства, японские политические круги в целом продолжают придерживаться традиционных представлений, ставя во главу угла укрепление позиций страны в качестве мощного национального государства. Точно также остаются прежними и основные векторы японской внешней политики, сформировавшиеся за несколько послевоенных десятилетий и обрисованные здесь ранее. Новым явлением стало, пожалуй, лишь возвращение понятия суверенной военной мощи в японскую внешнеполитическую доктрину. Впрочем, и она, как и прежде, не мыслится вне тесной военно-политической кооперации с Соединенными Штатами.

В свете перспектив дальнейшего развития глобализации, обрисованных в начале этой статьи, такая позиция кажется несколько архаической и даже близорукой. Осознают ли японские политики характер тех вызовов, с которыми им вскоре придется столкнуться? Превосходно осознают, причем уже давно. Еще в «Голубой книге» японского МИДа за 1989 г. можно прочитать: «Прогресс науки и технологии придал мировой экономике новый импульс развития вширь и вглубь, поскольку информация, люди, товары и капиталы перемещаются теперь быстрее, дальше и в больших объемах, чем когда бы то ни было ранее. Этот феномен – экономики без границ – особенно отчетливо наблюдается в промышленно развитых демократических государствах, а также в развивающихся странах, ориентированных на рыночную экономику. По мере того, как мировая экономика становится все более взаимозависимой во всех ее аспектах, ни одна страна не сможет добиться благосостояния в отрыве от мировых процессов. ... Вместе с тем, экономика без границ вызывает множество трений между внутренними и международными интересами. Одна из таких проблем – это борьба между глобализмом и национализмом, между стремлением участвовать в мировых рынках и стремлением сохранить суверенитет. И даже если народы станут лучше осознавать, что все более интегрированный мировой рынок необходим для жизнеспособности и развития их собственных экономик, надо помнить о том, что процесс

латься до тех пор, пока они не вступят в противоречие с национальными интересами или общественным порядком. Таким образом, «неотъемлемые» права человека в новой японской конституции превращаются в «условные». Это создает легальную основу для издания репрессивных законов, направленных на подавление любых форм гражданского протеста. – Johnston Eric. Revision Risks Freedoms, U.S. Academic Warns. – The Japan Times, 09.05.2007.

интеграции не всегда будет идти гладко, и что остается возможность того, что интеграционные тенденции обратятся вспять»⁵⁸.

Возможно, именно здесь кроется ответ на вопрос, почему японская внешняя политика сохраняет ярко выраженный национальный характер. Говорят, что японцам присуще врожденное чувство опасения ко всему непредсказуемому – а что может быть более непредсказуемым, чем глобализация. Японские политики приучены не класть все яйца в одну корзину. В конце концов, страна, построившая свое благосостояние на основе внешней торговли, готова действовать в условиях «экономики без границ» лучше большинства других. Поэтому Япония может смотреть в «глобализованное» будущее с определенным оптимизмом. По крайней мере, она вступает в него в числе стран, которые занимают «верхние этажи» современного мира, и у нее есть основания ожидать, что она получит от глобализации больше сладких плодов, чем горьких. И при этом она продолжает строить свою текущую политику, не отрываясь от современной реальности, в которой национальный суверенитет и государственность еще не утратили своего значения.

Собственно, Япония еще весьма далека от создания у себя в стране мультикультурного, интернационализованного, глобализованного общества⁵⁹, хотя процесс, несомненно, развивается в этом направлении. Так, социологи отмечают заметное размывание такой особенности японского общества, как групповая ориентация индивида. Отмечается рост индивидуализма в западном его понимании. Молодые японцы стремятся пробовать себя на разных поприщах, чтобы полнее раскрыть свой творческий потенциал. Все это в перспективе неизбежно приведет к изменению национальной идентичности, к новым представлениям японцев о самих себе и о своем месте в мире, что найдет свое отражение и в японской политике.

⁵⁸ Diplomatic Bluebook. 1989, ch. I. Japanese Foreign Policy in the Changing International Environment. Section 1. The Changing International Environment.

⁵⁹ По данным опросов, проведенных по заданию секретариата кабинета министров в 2000 г., только 9,7% респондентов ответили, что когда-либо имели случай разговаривать или общаться с иностранцами, а 40% даже никогда не видели иностранцев. – *Burgess Chris*. Multicultural Japan Remains a Pipe Dream. – The Japan Times, 27.03. 2007.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И МИРОМ: «БУФЕРЫ» И «ИНФОРМАТОРЫ»

Правящая элита Японии относительно поздно осознала важность пропаганды, направленной на внешний мир, точнее, государственного имиджмейкинга, главной целью которого является целенаправленное создание максимально благоприятного образа своей страны в окружающем мире. История японского государственного имиджмейкинга насчитывает почти полтора столетия. Несмотря на перемены и потрясения, это единый процесс, этапы которого находятся в преемственном отношении друг к другу, а многие принципы и методы сохраняются до настоящего времени, приспосабливаясь к конкретным условиям. В целом имидж Японии в мире, не считая периода 30–40-х годов XX в., был благоприятным, хотя не всегда отвечал амбициям ее правящей элиты. Над Японией и японцами могли смеяться, их критиковали, но за сравнительно редкими и особо мотивированными исключениями не испытывали ненависти к ним. Это заставляет с особым вниманием отнестись к методам и способам формирования положительного образа Японии в мире.

Первой акцией японского государственного имиджмейкинга стало участие в Лондонской всемирной выставке 1862 г., за шесть лет до консервативной революции Мэйдзи исин (1868 г.), которая вывела страну на путь форсированной модернизации по западному образцу. Внутренние неурядицы не помешали участию Японии в Парижской всемирной выставке 1868 г. С тех пор имиджмейкинг стал государственным делом. Правящая элита понимала значение эффективного пиара как для внутренней, так и для внешней политики (большинство политических деятелей, многие банкиры и бизнесмены контролировали одну или несколько газет как национального, так и локального масштаба).

Стремясь расположить к себе общественное мнение «великих держав», японские имиджмейкеры отдавали приоритет «мягкому»

моделированию – не навязывали заграничному потребителю готовую модель, но позволяли ему «самостоятельно» увидеть тот образ страны, который считали желательным. Сначала это был образ «живописной Японии», страны поэтов, художников и красавиц-гейш, который формировался усилиями преимущественно иностранцев – путешественников и деятелей культуры (Пьер Лоти, Редьярд Киплинг, Клод Фаррер, Константин Бальмонт, Бернгард Келлерман), известных и влиятельных у себя на родине. Для популяризации этого образа особенно много сделал широко известный в конце XIX – начале XX вв. прозаик и эссеист Лафкадио Хёрн, переселившийся в Японию и ставший ее активным имиджмейкером.

С течением времени этого стало недостаточно. Японии надо было активнее популяризировать и пропагандировать себя усилиями самих же японцев. Коммерческие успехи и экспансионистские акции страны не прибавляли ей симпатий у США и европейских держав, со стороны которых все чаще звучало осуждение курса официального Токио. Правящие круги, разумеется, вели свою пропаганду, но эффект от официальных заявлений и разъяснений был все меньше и меньше – им попросту не верили и не принимали всерьез. Единственной возможностью что-то реально изменить стало появление японцев, которые завоевали бы искреннее доверие иностранцев, прежде всего представителей «великих держав». Учитывая типичное в ту пору презрение «белых», т. е. оперировать понятиями, знакомыми и понятными европейцам, апеллировать к их представлениям, чтобы сначала заставить себя слушать, а потом и верить. Для этого требовалось безукоризненное знание английского (в меньшей степени французского) языка, европейской христианской культуры, обычаев и менталитета потенциальных потребителей пропаганды. Достичь этого можно было только путем длительной жизни за границей, причем без отрыва от собственных национальных корней, ибо космополитичные японцы едва ли смогли бы внятно поведать о традициях своей страны. Япония начала открываться миру только в 60-е годы XIX в. Однако прежде, чем такие люди появились, должно было пройти несколько десятилетий.

Современный голландский японовед Карл ван Вольфферен, автор нашумевшей книги «Загадка японского могущества» (1989), назвал эту категорию людей «буферами» и «информаторами», дав развернутое определение их деятельности: «Под «буферами» я имею в виду тех, кому доверена задача делать контакты с иностранцами максимально гладкими. Это сугубо японское явление, легко узнаваемое как в государственных учреждениях, так и в мире бизнеса. Живущие в Японии иностранные дипломаты и бизнесмены имеют с ней дело через посред-

ника – сообщество англоговорящих и предположительно интернационализированных буферов, смягчающих удары, которые непредсказуемый внешний мир может нанести их структурам.

Эти буферы, – продолжает Вольфферен, – могут быть на удивление откровенными, проявлять подлинное понимание трудностей иностранца и часто создают впечатление если не готовности удовлетворить желание партнера, то, по крайней мере, серьезности, с которой представляемые ими структуры относятся к его проблемам. У Японии есть полдюжины супер-буферов, которые посвящают большую часть своего времени *разъездам по всему миру, урегулированию конфликтов и объяснению действий Японии на международных конференциях* (Курс. наш – В. М.). Некоторых из них, таких, как Окиа Сабура или покойного Усиба Нобухико, даже делали представителями правительства по вопросам внешней торговли, но в этом качестве они только усиливали путаницу, поскольку, несмотря на должность, не имели права что-либо решать и соответственно не могли реально вести переговоры.

Порой более влиятельные министры или лидеры экономических организаций и даже сам премьер-министр играют роль буфера в общении с иностранными торговыми представителями. Иностранные визитеры, возвращающиеся домой, уверенные, что на сей раз они говорили с действительными хозяевами положения и что они находятся под впечатлением от их готовности принять эффективные меры, обманывают самих себя. Людей с такими широкими полномочиями в Японии нет.

С категорией буферов частично совпадает класс информаторов..., которые постоянно беседуют с заезжими знаменитостями и журналистами. Остальной мир узнает о Японии со слов гораздо более малочисленной группы лиц, чем обычно думают. Визитеры, встретившиеся с «надежным источником» в лице одного из информаторов, зачастую остаются под впечатлением, что они услышали интересное личное мнение. Большинству невдомек, что эти информаторы всего лишь повторяют банальные суждения на злобу дня или более общего характера... Они могут вносить в это некоторые персональные нотки, но суть послания все время одна и та же... Речи высокопоставленных информаторов могут содержать критику отдельных сторон политики правительства или действий бюрократии и бизнеса. Но они почти всегда поддерживают общие утверждения ведущих институтов системы, что Япония является плюралистской демократией с экономикой свободного рынка, что в открытии (японского. – В.М.) рынка достигнут прогресс, что рост индивидуализма надо поощрять, что большинство японцев начинает осознавать необходимость стать более космополитичными, что иностранцы не прилагают должных усилий в соревновании

с ними и что конфликты с Японией происходят в основном от недостатка понимания с их (иностранцев. – В. М.) стороны».

Перечисленные Вольференом положения отражают состояние дел на конец 80-х годов прошлого века. Что-то из сказанного им утратило актуальность, что-то нет. Но по-прежнему актуальными остаются его выводы: «Вместе взятые действия японских буферов и информаторов являются пропагандистским актом, который не воспринимается в этом качестве, поскольку почти всегда скрыт в облачении искренних усилий “объяснить” Японию миру». «Верить в то, что эти предсказуемые утверждения отражают личное мнение, – заключает Вольфрен, – значит проявить неуважение к умственным способностям наиболее высокопоставленных переговорщиков Японии. Их подлинное личное мнение часто очень интересно и может существенно отличаться от сказанного во всеуслышание. Но доступ к этому мнению требует долгого знакомства, большого количества сакэ или – много реже – внезапного понимания с их стороны, что вы вообще не склонны воспринимать официальную линию всерьез»¹.

Возможно, пространную цитату из книги современного аналитика можно заменить более короткой, но не менее выразительной. В 1942 г. Хью Байес, многолетний токийский корреспондент «Таймс» и «Нью-Йорк таймс», назвал подобных информаторов «очаровательными апостолами полуправды, объяснявшими Японию западным народам»². Тон сказанного можно списать на военное время, но проблема остается, причем остается почти не исследованной. Автор настоящей работы рассматривает ее не первый раз³, но впервые «переходит на личности».

В японской историографии принята периодизация по правлениям императоров. Это деление условно и не связано напрямую с ключевыми событиями мировой истории, но по-своему символично. Исключением является уникальный по продолжительности и по насыщенности историческими событиями период Сёва (1926–1988 гг.), который принято делить на довоенный и послевоенный. Таким образом, перед нами пять периодов: Мэйдзи (1867–1912 гг.), Тайсё (1912–1926 гг.), довоенный Сёва (1926–1945 гг.), послевоенный Сёва (1945–1988 гг.) и Хэйсэй (с 1989 г.) – которые представлены пятью персоналиями. Двое из них пользуются заслуженной известностью в Японии

¹ Van Wolferen Karel. The Enigma of Japanese Power. People and Politics in a Stateless Nation. L., 1989, p. 11–12.

² Byas Hugh. Government by Assassination. N.Y., 1942. p. 10.

³ Молодяков В. Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX веков. Москва–Токио, 1996; Он же. Моделирование образа Японии. – Япония: переворачивая страницу. М., 1998; Он же. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007 (в соавторстве с А. Е. Кулановым).

и за ее пределами, один полностью забыт, еще один, скорее всего, обречен на почетное забвение. Что касается последнего – ныне здравствующего – то его в равной степени может ожидать и первое, и второе.

Период Мэйдзи: Оакура Какудзо (1862–1913)

Одной из любимых фраз Оакура было: «Сердце старой Японии до сих пор бьется сильно». В конце XIX в., когда новая Япония с удовлетворением подводила первые итоги интенсивной модернизации по западному образцу, это звучало вызовом. Японцам полагалось гордиться тем, насколько они приблизились к «цивилизованному миру», и не полагалось знать, как «цивилизованный мир» насмехался над их потугами. Славу старой Японии провозгласил один из самых образованных, передовых и, можно сказать, самых космополитичных людей страны – Оакура Какудзо: искусствовед, получивший признание в США, эссеист, блестяще владевший английским языком и нашедший читателей по обе стороны Тихого океана, эстет, буддист и традиционалист, взявший на себя миссию объяснить людям Запада «идеалы Востока». Так называлась одна из его известнейших книг.

Из пяти героев нашего исследования Оакура был в наименьшей степени связан с государственными структурами и пропагандистскими усилиями. Можно сказать, он вовсе не был связан с ними, но сделал для создания позитивного имиджа Японии очень много, поскольку его лучшие книги переиздаются до сих пор, находя все новых читателей.

Сын торговца шелком из Йокогама – одного из первых городов Японии, открытых для европейцев, – он получил традиционное образование в сочетании с изучением английского языка и литературы⁴. И на том, и на другом настоял отец, не отрывавшийся от корней, но имевший обширную клиентуру среди иностранцев. Следующим этапом оказался Токийский университет, где преподавал выпускник Гарварда Эрнест Феноллоса, сыгравший решающую роль в жизни Оакура, который был всего на десять лет моложе. Феноллоса не говорил по-японски, поэтому Какудзо стал его переводчиком и «поводырем» как в университете, так и в походах по антикварным лавкам и мастерским художников: молодой американец всерьез занялся изучением японского искусства, а его еще более юный друг неплохо разбирался в нем. Можно сказать, что Феноллоса видел раннемэйдзийскую Японию своими глазами, но слышал ее ушами Оакура и говорил с ней его языком.

⁴ В соответствии с темой статьи автор использовал популярную биографию Оакура для иностранных читателей: Horioka Yasuko. The Life of Kakuzo, Author of «The Book of Tea». Tokyo, 1963.

Окончив университет, Окакура поступил на службу в министерство просвещения, не забыв обеспечить работой и старшего товарища. В пароксизме вестернизации многие прогрессисты готовы были отвергнуть всю культуру прошлого как «феодальную», а значит «отсталую» и едва ли не «постыдную» для современной державы. Количество уничтоженных в то время памятников традиционной архитектуры, прежде всего замков, вызывает в памяти не менее печальный опыт советского времени. Произведения традиционных видов искусства считались не стоящими внимания и продавались по бросовым ценам, не говоря уже о цветных гравюрах *ukiё-э*, в листы которых заворачивали чай и пряности. Спасению старой Японии помогли, прежде всего, влюбленные в нее иностранцы, вроде Феноллоса, а к мнению гостей из-за океана японцы в то время особенно прислушивались. Влияние этих факторов определило одну из магистральных тем деятельности Окакура – стремление донести до людей Запада аутентичное знание о цивилизациях и культурах Востока.

Отправившись в конце 1886 г. в Европу и Америку вместе с Феноллоса для изучения западного искусства и художественного образования, Окакура неизменно носил японский костюм (*кимоно*, *хаори* и *хакама*), позже дав этому любопытное объяснение в письме к сыну: «Начиная с первого путешествия в Европу, я почти всегда носил кимоно. Советую тебе путешествовать за границей в кимоно, если ты считаешь, что твой английский язык достаточно хорош. Но никогда не надевай японскую одежду, если говоришь на ломаном английском»⁵. В этих словах – ключ к позиции Окакура. Он говорил и писал на безукоризненном английском, как бы подчеркивая, что ни в чем не уступает своим слушателям, читателям и возможным оппонентам. Это подкреплялось выдающимися, по любым стандартам, знаниями западной истории и культуры. Кимоно же подчеркивало принадлежность к принципиально иной культуре. Окакура соединял в себе две цивилизации, ненавязчиво показывая свое превосходство над теми, кто овладел сокровищами только одной.

Первым направлением популяризации традиционной Японии для Окакура было изобразительное и прикладное искусство. Его работу в данном направлении увенчала законченная в 1902 г. книга «Идеалы Востока на примере искусства Японии», написанная по-английски⁶, и организация выставок художественных сокровищ Японии в США. Один из пиков этой деятельности пришелся на 1904–1905 гг., когда японцы во время войны с Россией провели грандиозную пиар-кампанию

⁵ Там же, р. 24.

⁶ *Okakura Kakuzo. Collected English Writings. Tokyo, vol. 1, 1984, p. 174.*

в англоязычном мире с целью привлечь его симпатии на свою сторону. Главной темой кампании было то, что вестернизированная «передовая Азия» сражается против реакционной и архаичной «империи кнута и погромов» за идеалы прогресса, т. е. за идеалы Запада.

В конце 1901 г. Окакура на год приехал в Индию, где сблизился с индуистским гуру Свами Вивекананда и поэтом-мыслителем Рабиндранатом Тагором. Здесь к нему в полной мере пришло осознание общности цивилизационных, культурных и религиозных «идеалов Востока» – Индии, Китая и Японии, индуизма, конфуцианства и буддизма (традиционной японской религии синто Окакура сопоставимого внимания не уделял) – единство которых он до того видел главным образом в области искусства. От внешних эстетических форм к внутреннему философскому содержанию – таково было основное содержание книги об «идеалах Востока», написанной в Индии, в процессе интенсивных духовных исканий. Окакура не отвергал модернизацию Японии, но рассматривал и оценивал ее успехи в новом ключе: как наиболее сильная и уже признанная «белыми» страна (неравноправные договоры были отменены всего несколькими годами ранее), она призвана стать лидером Азии и защитником ее общего достояния. Книга вышла в Лондоне в 1903 г., но в не меньшей степени была адресована англоязычному читателю в Азии, «азиатским братьям и сестрам». Этой фразой Окакура – вскоре после приезда в Индию – начал новую книгу, которую хотел назвать «Мы одно» или «Мы едины» (*We are One*).

Рукопись осталась незаконченной и увидела свет только в 1938 г., но легла в основу его следующей английской книги «Пробуждение Японии», начатой осенью 1903 г. Вскоре неугомонный автор в поисках новых впечатлений отправился за океан, поднявшись на борт корабля 10 февраля 1904 г. – в тот самый день, когда Япония, уже напавшая на Порт-Артур, объявила войну России. В Америке деятельность Окакура была в основном связана с искусством, музейной и выставочной работой (здесь его ждало полное признание), но политические события не могли оставить его равнодушным. «Пробуждение Японии», законченное уже в США и увидевшее свет в Нью-Йорке и в Лондоне в конце 1904 г., оказалось очень злободневной книгой.

Окакура выражался ясно, четко, порой, даже жестко. «До недавнего времени Запад никогда не принимал Японию всерьез. А сегодня очень занятно видеть, как успешный исход наших усилий занять свое место в семье народов кажется многим угрозой христианству... Грустно сознавать, насколько ошибочно Запад до сих пор судит о нас, несмотря на обилие информации в его распоряжении... И даже плохо информированные люди не в состоянии понять глубинное зна-

чение нашего возрождения и наши подлинные цели»⁷. Объяснению их должна была послужить книга, адресованная и «непонимающему» Западу, и «пробуждающемуся» Востоку.

«Наши друзья любят поражаться, с какой легкостью мы переняли западную науку и промышленность, конституционное правление и организацию, необходимую для ведения гигантской войны. Они забывают, что движение, обеспечившее Японии ее нынешнее положение, в не меньшей степени обязано своей силой внутренней зрелости... Для народа, как и для индивидуума, подлинный прогресс состоит не в накоплении внешнего знания, но в осознании своей внутренней сущности»⁸. В чем же она заключается?

«С огромной благодарностью Западу за то, чему он научил нас, мы по-прежнему должны видеть в Азии подлинный источник нашего вдохновения. Это она передала нам свою древнюю культуру и посеяла семена нашего возрождения. Мы должны радоваться тому, что из всех ее детей именно нам было позволено доказать, что мы – достойные наследники... До пробуждения мы пребывали в той же летаргии, в которой ныне пребывают Китай и Индия»⁹. Это цитата из первой главы, которая многозначительно называется «Ночь Азии». Единственный свет в этой ночи – Япония, которая сумела пробудиться, благодаря внутренней силе, а не «черным кораблям» коммодора Перри.

Постепенно в тексте появляются откровенные антиевропейские инвективы. На расхожую в то время формулу «желтая опасность» Окакура отвечает «белым бедствием»: «Для большинства восточных народов приход Запада ни в коей мере не был безусловным благословением»¹⁰. Запад бездуховен, коварен и жесток; цель оправдывает средства, а все его цели имеют сугубо материальный характер, в то время как «благородный Восток до сих пор видит разницу между целью и средством»¹¹. Говоря об антииностранном восстании ихэтуаней в Китае в 1900 г., Окакура вспоминает лозунг «изгнания варваров» («*dзёи*»), популярный в Японии периода *бакумацу* (1853–1867 гг.). Это уже не оправдание перед Западом, это – вызов.

Особого внимания заслуживает данная Окакура трактовка *Мэйдзи* исин, в которой он видит «реставрацию и реформацию», «прежде всего возврат»¹². При этом он не забывает перечислить современные поли-

⁷ Okakura K. Collected English Writings. Tokyo, vol. 1, 1984, p. 177.

⁸ Там же, p. 178.

⁹ Там же, p. 178.

¹⁰ Там же, p. 214.

¹¹ Там же, p. 215.

¹² Там же, p. 240.

тические институты, благополучно существующие и действующие в Японии, которая сумела сочетать их с верностью традициям. Окакура настоятельно подчеркивал, что слухи о смерти старой Японии сильно преувеличены и что не стоит обольщаться относительно ее вестернизации. Мэйдзийский лозунг «*вакон ёсай*» («японский дух – западная техника») жив как никогда.

В последней главе Окакура пишет о войне с Россией, объясняя ее исконной агрессивностью «москвитов» как потомков «готов, вандалов, гуннов и монголов» и не забывая лишний раз напомнить о кишиневском погроме 1903 г., который вызвал большой резонанс в Европе и в Америке¹³. Это не слишком отличалось от общей линии японской пропаганды и не помешало Окакура в 1908 г. приехать в Москву для изучения ее художественных сокровищ.

Как автора книги «Пробуждение Японии» Окакура едва ли можно считать «буфером» или «информатором» в вольфегеновском понимании – это был «голос Японии», которая заставляла считаться с собой. Вышедшая в Нью-Йорке двумя годами позже «Книга о чае» смягчила возможные негативные последствия инвектив против «белого бедствия» – сегодня Окакура помнят (или стараются помнить?) именно благодаря ей. В 1913 г. он принял предложение японского правительства поехать в США в качестве «профессора по обмену» (exchange professor), но этому помешала внезапная смерть. Помешала она и еще одному предприятю – переводу «Идеалов Востока» на японский язык, за который взялся молодой публицист Окава Сюмэй, выпускник Токийского университета, специализировавшийся на классической философии Индии и Китая. Именно влияние идей и сочинений Окакура (личное знакомство оказалось недолгим) побудило Окава заняться серьезным изучением японского прошлого. Трудно представить себе, что этот «ультранационалист» и ведущий теоретик японской консервативной революции до 25 лет не читал «Кодзики», которые в зрелые годы готов был цитировать по любому поводу.

«Пробуждение Японии» неоднократно переиздавалось и читалось по всему миру. Высоко оценил книгу Тагор, трактат которого «Национализм» (1917; переведена на русский язык в 1922 г.), посвященный пробуждению Азии, был во многом основан на опыте Японии. Не удивительно, что именно Окава в 1916 г. организовал приезд индийского гуру в Японию для чтения лекций и сам переводил их. Валерий Брюсов едва ли читал Окакура (хотя вполне мог слышать или читать о нем), но перекликался с ним в статье 1913 г. «Новая эпоха во

¹³ Там же, p. 264.

всемирной истории»: «Гул японских побед пронесся далеко по Азии, всколыхнул не только Китай, но даже, казалось бы, чуждую Индию, нашел свой отголосок и в странах Ислама, почувствовавших, что борьба идет с общим врагом»¹⁴. Один из наиболее примечательных откликов на книгу Окакура появился почти 30 лет спустя. О нем следует сказать подробнее.

Автором его был Сиратори Тосио, дипломат по профессии, политический аналитик по призванию, возмутитель спокойствия по складу характера. Летом 1933 г. он был освобожден от должности начальника департамента информации МИДа, на которой прославился на весь мир во время «Маньчжурского инцидента», и отправлен посланником в Стокгольм – как можно дальше от Токио. В начале 1934 г. он написал статью «Новое пробуждение Японии» на английском языке, которым хорошо владел. Она увидела свет в трех изданиях – в официозе МИДа «Contemporary Japan», который позволял себе некоторое вольномыслие, чтобы вызвать доверие у иностранных читателей¹⁵; в бюллетене шведско-японского общества; наконец, в престижном бостонском журнале «Atlantic Monthly» – и получила определенный резонанс. Вот несколько ключевых цитат, вызывающих в памяти тезисы Окакура:

«Японцы оказались способными учениками. Сегодня Япония так же современна, как и весь остальной мир... Пора подвергнуть институты Запада холодному и сознательному анализу в свете идеалов Востока. Только на этом пути мы можем рассчитывать на развитие японской цивилизации, которая сохранит наше моральное наследство и обогатит его гармоничной ассимиляцией всего, что есть хорошего на Западе. Япония остается единственной страной, в которой даже сейчас новое и старое гармонично сосуществуют. На Западе, к сожалению, разрыв с прошлым кажется полным и окончательным; Азия, кроме Японии, все еще способна воспринимать лишь наиболее поверхностные проявления современной цивилизации.

Японию называют местом встречи Востока и Запада. В мировой цивилизации мы надеемся на большее, нежели роль моста или постоянного двора. Мы хотим, чтобы Восток и Запад не только встретились в Японии, но и слились здесь в новое, согласованное единство, сияние которого могло бы осветить самые отдаленные уголки земного

¹⁴ Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии 1902–1924. М., 2003. с. 110.

¹⁵ Об этом издании см.: *Storry Richard. The English-Language Presentation of Japan's Case during the China Emergency of the Late Nineteen-Thirties.* – European Studies on Japan. Ed. Ian Nish and Charles Dunn. Tenterden, 1979; *Молодяков В.Э.* Лукавое зеркало. Советско-японские отношения на страницах журнала «Contemporary Japan», 1932–1941 гг. – Япония. Ежегодник. 2002–2003. М., 2003.

шара. Такова миссия, о которой мечтает новая Япония»¹⁶. Это было уже открытым предупреждением. Времена поменялись.

Период Тайсё: Нитобэ Инадзо (1862–1933)

Каждый японец знает Нитобэ Инадзо в лицо – с 1984 г. и до недавнего времени его портрет украшал купюру в 5 тыс. иен. Имя его известно меньше, а почему он попал на денежные знаки, было и вовсе неведомо большинству соотечественников. Образованные люди его, конечно, знают, причем не только на родине, потому что едва ли кто из японцев сделал столь много для создания позитивного образа своей страны в мире.

«Я хочу стать мостом через Тихий океан», – сказал Нитобэ еще в студенческие годы¹⁷. Ровесник Окакура, он получил международную известность еще в правление императора Мэйдзи, благодаря книге «Бусидо. Душа Японии» (1899) – первой сколько-нибудь успешной попытке современного японца «объяснить» Западу особенности своей культуры и менталитета. Она настолько известна, в том числе в России, где не раз переводилась и издавалась (впервые в 1905 г.), что останавливаться на ней мы не будем. Напомним лишь один факт: во время русско-японской войны японский посланник в Вашингтоне Такахира Когоро вручил эту книгу президенту Теодору Рузвельту, который пришел от нее в такой восторг, что фактически принял сторону Японии, в том числе во время мирных переговоров в Портсмуте. «Можно с уверенностью сказать одно, – пишет современный японский исследователь К. Кусахара, – поражения Японии Соединенные Штаты не желали. Они надеялись, что Япония остановит экспансию России в южном направлении. Как знать, если бы Рузвельт вовремя не прочитал «Бусидо», он, возможно, не проникся бы такими симпатиями к Японии и не выступил бы так решительно в ее поддержку. Так что роль, которую Нитобэ сыграл в этой войне, я рискну сравнить с ролью верховного командования». Возможно, здесь есть некоторое преувеличение, но трудно не согласиться с утверждением автора, что книга Нитобэ «стала любимым чтением иностранцев, стремившихся узнать настоящую Японию... Западным людям, считавшим всех не-христиан дикарями-язычниками, он дал понять, что в Японии, как и на Западе, существует развитая культура индивидуума с высокими взглядами на этику и мораль. Разъяснение этого, в том числе через постоянное об-

¹⁶ Сиратори Т. Новое пробуждение Японии. Геополитические комментарии, 1933–1945. М., 2007 (в печати).

¹⁷ The Works of Inazo Nitobe. Tokyo, vol. 2, 1972. p. VII.

ращение к прошлому западного мира, и есть одна из главных особенностей книги «Бусидо»»¹⁸.

Тем не менее, выбор Нитобэ в качестве представителя японского имиджмейкинга периода Тайсё (а также с началом периода Сёва) связан с его деятельностью в качестве официального имиджмейкера-информатора и даже «буфера» – официального представителя Японии в Совете Лиге наций и заместителя ее генерального секретаря в 1919–1926 гг. Основные книги Нитобэ, посвященные «объяснению» Японии миру, тоже вышли в свет после смерти императора Мэйдзи, когда автору уже исполнилось полвека.

Нитобэ родился в г. Мориока на севере Хонсю, в семье крупного чиновника. Подобно Окакура он учился в Токио и с детства изучал английский язык, но в отличие от него уже в 16 лет принял христианство и избрал куда более приземленную специальность – сельское хозяйство, первым в Японии получив докторскую степень по агрономии. В качестве колониального администратора он организовал выращивание сахарного тростника на Тайване. На педагогическом поприще Нитобэ прославился как организатор, возглавлявший несколько учебных заведений, как лектор, читавший новаторские курсы по колониальной политике, и как публицист-моралист, умевший находить общий язык с молодежью. Как эссеист и публицист он сочетал глубокое знание и понимание Востока и Запада. В августе 1911 г. именно его выбрали в качестве первого «профессора по обмену» для поездки в США. За год Нитобэ прочитал в ведущих университетах страны 166 лекций о разных аспектах истории и современной жизни Японии – от климата и традиционных верований до системы высшего образования и положения женщин. Материал лекций стал основой книги «Японская нация: ее земля, ее народ, ее жизнь», вышедшей в Нью-Йорке годом позже. С США была связана и первая его англоязычная книга «Отношения между Соединенными Штатами и Японией: исторический очерк» (1891 г.), известности, впрочем, не получившая.

Начиная с «Бусидо», Нитобэ ненавязчиво, но последовательно проводил мысль об уникальности японской цивилизации, не скатываясь при этом в шовинизм, и о необходимости четкого осознания этого факта иностранцами. Националисты 30-х годов, как и наиболее радикальные представители «школы национальных наук» (*кокугаку*) столетием ранее, трактовали уникальность Японии как ее богоизбранность и превосходство над остальными странами; публицисты эпохи

¹⁸ Прошлое и будущее российско-японских отношений. По следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо. М., 2005, с. 26–29. См. также: Powles. Cyril H. Bushido: Its Admirers and Critics. – Nitobe Inazo: Japan's Bridge Across the Pacific. Ed. John F. Howes. Boulder, 1995.

«японского экономического чуда» и его всемирного признания в 1970–1980-е годы многозначительно рассуждали о «рисовой цивилизации» и «мозге японцев». Нитобэ не прибегал к экзотическим аргументам классика *кокугаку* Хирата Ацутанэ, что Япония создана божествами Идзанаги и Идзанами, а остальная суша появилась в результате сгущения морской пены. Для него главным было убедить англоязычного читателя в том, что по своим корням японская цивилизация принципиально отличается и от европейско-американской, и от прочих азиатских. Здесь принципиальное расхождение с Окакура – Нитобэ не был «панасиатистом»¹⁹. В итоговой книге «Япония: некоторые фазы ее проблем и развития» (1931), развивавшей и дополнявшей книгу 1912 г., Нитобэ уделил 16 страниц «синто, исконной вере японцев», пять страниц «буддизму и его сектам», девять страниц «этическим ценностям буддизма» и по 11 страниц бусидо и влиянию христианства.

Книга Нитобэ «Японская нация» имела подзаголовок «С особым вниманием к ее отношениям с Соединенными Штатами». Отношениям двух стран были посвящены три главы из двенадцати. Значительная часть книги отводилась «вечному» – географическому положению Японии и его влиянию на историю и характер ее народа (не забыт классик политической географии и предшественник геополитики Фридрих Ратцель), расовым и национальным характеристикам японцев, их религиозным верованиям и моральным идеалам. О государственном устройстве и политической жизни не сказано почти ничего, об экономике коротко и без подробностей, зато есть глава «Япония как колонизатор», описывающая достижения первой «небелой» колониальной державы. Не будем забывать, это писалось в эпоху, когда большинство потенциальных читателей Нитобэ – а он апеллировал к широкому читателю – было уверено, что настоящая «цивилизация» существует только у белых людей, да и то не у всех (балканские государства и Россия вызывали у них в этом смысле большие сомнения).

Коротко «послание» автора можно сформулировать следующим образом: японская цивилизация ничуть не хуже европейской и американской. У Японии долгая и славная история, она не знала иностранного владычества и почти не знала междоусобных и религиозных войн, у нее оригинальная духовная культура, открытая к восприятию других культур, и выдающаяся материальная культура, способная усваивать все передовые достижения человечества. В книге 1931 г.,

¹⁹ Роли и влиянию азиатского, прежде всего китайского, наследия в истории и культуре Японии Нитобэ посвятил сборник статей на английском языке «Японские черты и иностранные влияния» (1929), написанных во время работы в Женеве и адресованных европейскому читателю.

имеющей энциклопедический характер, раскрыты те же темы – с примечательным исключением колонизации, затронутой только в историческом аспекте, – но к ним добавлены обширные главы «Правительство и политика» и «Труд, продовольствие и население». Смысл дополнений таков: в Японии, несмотря на уникальность ее политического строя, основанного на «государственном организме» (*кокутай*) и императорской системе, имеются все необходимые атрибуты и институты современного прогрессивного государства, включая всеобщее избирательное право для мужчин, профсоюзы и пролетарские партии. Существующие же проблемы: безработица, социальное неравенство, низкая заработная плата, недостаточные жилищные условия – точно такие же, что в Англии или в США, но правительство прилагает усилия для их успешного разрешения.

Уже в книге «Японская нация» и американских лекциях мы находим четкие формулировки ключевых тезисов Нитобэ в области международных отношений: Япония является передовым краем цивилизации Востока (отражение популярной в США рубежа XIX–XX вв. концепции «Manifest Destiny», ставшей главным оправданием американского империализма); Китай, переживавший смутное время, неспособен к эффективному самоуправлению в соответствии с современными стандартами; главной причиной международных конфликтов является недостаток взаимопонимания или воли к нему; между Японией и США нет неразрешимых проблем или оснований для враждебности, а «желтая опасность» придумана «желтой прессой». Нитобэ не зря называл себя «мостом» именно через Тихий океан: он пользовался уважением, известностью и даже популярностью в Америке (в том числе благодаря жене Мэри Элкинсон, происходившей из состоятельной квакерской семьи), но в остальном англоязычном мире его проповедь имела сравнительно малый резонанс. По-настоящему всемирная известность пришла к нему только в 1919 г., когда он – неожиданно для самого себя – был назначен одним из заместителей генерального секретаря только что созданной Лиги Наций.

Нитобэ стал горячим поклонником идеи Лиги наций с момента ее обнародования президентом США Вудро Вильсоном (с которым он некогда вместе учился в аспирантуре Университета Джонса Гопкинса в Балтиморе). На Парижскую мирную конференцию 1919 г., где решался вопрос о создании Лиги, приехало много японцев, будь то в официальном или в неофициальном качестве, включая одного бывшего и трех будущих премьеров, а также трех бывших и восемь будущих министров иностранных дел. Беда была лишь в том, что там не было ни действующего премьер-министра Хара Кэй, ни действующего главы

МИДа Утида Косай, поэтому Японию не пригласили в Совет четырех, куда вошли президент США и премьеры Великобритании, Франции и Италии. Тем не менее, в Совет Лиги наций Япония вошла в качестве одного из пяти постоянных членов. В кулуарах японские нотабли определили основные критерии отбора кандидатуры своего представителя в Совет: это должен быть ни политик, ни карьерный дипломат, а человек, пользующийся известностью и авторитетом в Японии и за границей и хорошо говорящий по-английски и по-французски. Нитобэ подошел идеально, компенсировав свой неважный французский язык хорошим немецким. Он не участвовал ни в каких политических или дипломатических интригах, поэтому кандидатура устроила всех. Недолго поколебавшись, он принял назначение²⁰. Так начался звездный час его карьеры.

Талант и опыт Нитобэ-пропагандиста пригодились и самой Лиге: многие важные выступления от ее имени генеральный секретарь сэра Эрик Друммонд поручал именно ему, поскольку «он не только прекрасный оратор, но оставляет у аудитории глубокое и долгое впечатление»²¹. Фигур, равных Нитобэ по разнообразию познаний и талантов, в секретариате Лиги действительно не было, поэтому он, к тому же обладавший мягким характером и прекрасными манерами, пользовался всеобщим уважением. Ну а присутствие «азиата» среди первых лиц Лиги наглядно демонстрировало ее всемирный характер, хотя в Устав Лиги так и не было внесено положение о равенстве рас, на чем настаивала японская делегация во время мирной конференции²². Одной из наиболее успешных пиар-акций Нитобэ в этом качестве стали лекции «Что сделала и что делает Лига наций», прочитанные в Международном университете в Брюсселе 13 и 14 сентября 1920 г. – первый публичный отчет организации перед европейской аудиторией. Под эгидой Лиги вышла небольшая книга Нитобэ «Использование и изучение иностранных языков в Японии» (1929 г.), посвященная как китайскому, так и европейским языкам. Помимо сугубо информативных и просветительских целей, она преследовала и пропагандистские, показывая, как умело японцы впитали и усвоили наследие и Востока, и

²⁰ Подробнее см.: *Burkman Thomas W.* The Geneva Spirit. – Nitobe Inazo. Japan's Bridge Across the Pacific.

²¹ Цит. по: *Kitasawa Sukeo.* The Life of Dr. Nitobe. Tokyo, 1953, p. 66. Целью этой небольшой книжки была посмертная «реабилитация» Нитобэ в глазах англоязычного читателя, поскольку тот выступал если не в поддержку, то с оправданием экспансионистской политики Японии в Маньчжурии в начале 30-х годов.

²² Подробнее: *Naoko Shimazu.* Japan, Race and Equality. The Racial Equality Proposal of 1919. L., 1998.

Запада. «Мы гордимся нашей способностью к подражанию»²³, – писал Нитобэ в 1912 г. Потом он стал осторожнее в выражениях, заявив в 1931 г.: «Япония больше, чем есть сама по себе. Она – Азия и Европа в одном... Такова ее миссия во всемирной истории и ее заслуга перед человечеством»²⁴.

Нитобэ оставил свой пост в Женеве в декабре 1926 г. В этом же месяце умер император Тайсё. Весной следующего года Нитобэ вернулся в Японию, где его ждали кресла в палате пэров и в Императорской Академии. В 1929 г. он стал главой японского отделения Института тихоокеанских отношений и советником редакции англоязычного издания газеты «Осака Майнити», а также написал упомянутую выше книгу «Япония: некоторые фазы ее проблем и развития». Трудно было подобрать более подходящего автора для обобщающей популярной книги о Стране восходящего солнца, но пиаровского эффекта она не дала. Рецензенты дружно отметили отсутствие в ней чего-либо принципиально нового. Однако главной причиной неуспеха стал «Маньчжурский инцидент».

Довоенный период Сёва: Сайто Хироси (1886–1939)

Оккупация Маньчжурии Квантунской армией осенью 1931 г. положила начало периоду «чрезвычайного времени», в результате которого Япония стала изгоем «мирового сообщества». Эти события многократно описаны в литературе, поэтому возвращаться к их хронике мы не будем. Рассмотрим лишь, как повели себя в этой ситуации японские «буферы» и «информаторы».

Официальная линия японской пропаганды в маньчжурском вопросе определилась не сразу, что привело к ее частичному успеху, который позже обернулся полным неуспехом. С одной стороны, националистические и панasiatистские идеологи вроде Окава Сюмэй при непосредственной поддержке военных кругов уже с середины 20-х годов «разогревали» общественное мнение внутри страны в пользу дальнейшей экспансии на континенте и жестко критиковали «капитулянтскую» дипломатию министра иностранных дел Сидэхара. С другой стороны, правительство устами того же Сидэхара, либерально и прозападнически настроенных послов в европейских столицах и, конечно же, Нитобэ убеждало всех и вся в исключительно мирном характере своих намерений. Армия не считала нужным считаться со «штатскими», но если в руководстве военного министерства и генерального штаба

²³ The Works of Inazo Nitobe, vol. 2, p. 104.

²⁴ Там же, vol. 4, p. 573.

преобладали относительно умеренные настроения, то среднее офицерство, особенно в Квантунской армии, не только пришло к выводу о необходимости военной экспансии, но и готовило ее. Историки доказали, что «Маньчжурский инцидент» планировался не в Токио. Невдавние исследования дополнили эту картину тем, что почти единодушное одобрение оккупации Маньчжурии японским общественным мнением было вызвано не диктатом военного командования или правительства, но, напротив, многолетним влиянием националистов «снизу», которое подталкивало армию, а затем и все руководство страны к решительным действиям²⁵.

Поначалу министерство иностранных дел просто не знало, как реагировать на происходящее, потому что не имело четкой информации с мест. Премьер Вакацуки и глава МИДа Сидэхара пытались локализовать и как можно скорее урегулировать конфликт, но ситуация сразу же вышла из-под контроля²⁶. Начальник департамента информации МИДа Сиратори, которому по должности полагалось информировать Японию и весь мир о политике правительства, вскоре сменил вехи и, сблизившись с военными и националистическими кругами, стал активным пропагандистом экспансии, чем снискал громкую, но скандальную известность. Пользуясь поддержкой США и Великобритании, гоминьдановский режим Чан Кайши, признанный единственным национальным правительством Китая, начал против Японии широкомасштабную пропагандистскую войну в Лиге наций и в мировых СМИ, одержав явную, хотя и не стопроцентную победу. Отчет комиссии Лиги о событиях в Маньчжурии (так называемая «комиссия Литтона») и ее рекомендации оказались неприемлемыми для Японии, которая в итоге приняла решение о выходе из Лиги наций.

В сфере пиара официальный Токио проиграл. Оставалось надеяться только на посредников. Частичному оправданию политики Японии в ходе «Маньчжурского инцидента» посвятил последние годы жизни Нитобэ²⁷, хотя в 1928 г. он выступал в печати и в палате пэров против агрессивного курса премьера Танака, а на Киотосской сессии Института тихоокеанских отношений в 1929 г. умело защищал позицию и интересы своей страны в Маньчжурии. В октябре 1931 г. Нитобэ, невзирая на нездоровье, отправился на Шанхайскую сессию института,

²⁵ Особо отметим новаторскую работу: Louise Young. Japan's Total Empire. Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism. Berkeley, 1998.

²⁶ Toru Takemoto. Failure of Liberalism in Japan. Shidehara Kijuro's Encounter with Anti-Liberals. Wash., 1979. Ср. новейшую работу: Хаттори Рюдзи. Сидэхара Кидзюро то 20 сэйки-но Нихон: гайко то минсюсюги (Сидэхара Кидзюро и Япония XX века: дипломатия и демократия). Токио, 2005.

²⁷ Uchikawa Eiichiro. Nitobe Inazo: the Twilight Years. Tokyo, 1985. Ch. 4–6.

выступая в качестве «буфера», но его «дружеские предостережения» китайцам остались неслышанными (он так и не смог встретиться с Чан Кайши). В 1932 г. Нитобэ впервые за много лет отправился с лекционным туром за океан, хотя поклялся не ступить на американскую землю после введения в 1924 г. антииммиграционного закона, дискриминировавшего японцев. Большая часть лекций, выпущенных посмертно отдельной книгой в Токио в 1936 г.²⁸, была «повторением пройденного» как по темам, так и по содержанию.

Новое заключалось в том, что действия Японии в Маньчжурии оправдывалась ссылками на «доктрину Монро», концепцию «Manifest Destiny», политику Соединенных Штатов в Техасе, Мексике и Латинской Америке. Японцы не осуждали действия США, а напротив, утверждали, что следовали примеру их миротворческой и цивилизаторской миссии. Нитобэ оспорил фактическую основу китайских заявлений и доклада комиссии Литтона, ссылаясь на то, что Маньчжурия никогда не была и не может считаться частью «собственно Китая» (*Сина хомбу*; China proper), а также обратил внимание на «советский фактор», отметив, что СССР в Азии продолжает империалистическую политику царской России. Главный вывод из сказанного заключался в том, что «маньчжурская проблема» лежит исключительно в сфере отношений Японии и Китая и «чем меньше третьи страны будут вмешиваться, тем быстрее осуществляются надежды на мир». Эта аргументация не была изобретением Нитобэ – с разной степенью основательности и убедительности ее приводила вся японская пресса.

Однако аргументы, даже изложенные с подчеркнутой дипломатичностью и беспристрастностью, не действовали – лично Нитобэ особым нападкам не подвергался, но к его словам отнеслись с глубоким скепсисом. Многие влиятельные американцы – искренне или наигранно – не удомевали, как такой интернационалист, пацифист и христианин мог стать «апологетом агрессии», хотя в Японии милитаристы публично преследовали его за «антипатриотизм». Военный мятеж в Токио 15 мая 1932 г., жертвой которого пал премьер-министр Инукаи, тоже говорил не в пользу Японии. Несмотря на прием у президента Гувера и государственного секретаря Стимсона и возможность выступить перед высокопоставленной аудиторией, а также по радио, миссия Нитобэ не дала никаких результатов, как и поездка в Канаду на сессию Института тихоокеанских отношений в августе 1933 г., после которой он вскоре умер. В аналогичной ситуации оказался в США и его ученик Такаги Ясака, профессор Токийского университета,

²⁸ Можно предположить, что в изменившихся условиях издателя на нее не нашлось ни в США, ни в Великобритании.

христианин и либерал, когда дерзнул не согласиться с отчетом комиссии Литтона²⁹.

В Америке и, в меньшей степени, в Европе в отношении Японии четко сработал принцип «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Бросить этому вызов смогли немногие. Одним из них стал Сайто Хироси – генеральный консул в Нью-Йорке, а затем посол в США. В 1932–1935 гг. он фактически в одиночку провел пиар-кампанию, не упуская ни одной возможности выступить на публике или в СМИ, причем не обязательно по злободневным или болезненным вопросам. В 1935 г. его речи, статьи и эссе были собраны в солидный том «Политика и цели Японии».

Сайто отлично подходил для этой роли. Он был умен, широко образован, импозантен, прекрасно говорил по-английски, хорошо знал и, несомненно, любил Америку, где провел много лет, и где родилась его старшая дочь. Ей и ее младшей сестре, «которым суждено стать связующими звеньями японо-американской дружбы» он посвятил книгу.

Главной темой выступлений Сайто была «маньчжурская проблема», но он предусмотрительно открыл сборник текстом о «психологическом разоружении и отношении Японии к морской проблеме», т. е. к проблеме ограничения морских вооружений, которую хорошо знал. «Дело разоружения, которому сейчас отдается столько внимания и энергии, следует рассматривать в двух аспектах: физическом и психологическом. Никакой реальный прогресс в физическом разоружении невозможен, если он не сопровождается психологическим разоружением»³⁰. Трюизм? Демагогия? Возможно, но именно из таких трюизмов напополам с демагогией состояли речи и заявления большинства тогдашних обвинителей Японии. Сайто возвращал им их аргументы и формулировки.

«В Соединенных Штатах распространено мнение, – продолжал он, – что Япония является империалистической страной, и даже утверждается, что она может представлять угрозу американским интересам. Японцам очень трудно это понять. Мы не признаем наличие такой возможности. Напротив, в Японии широко распространено мнение, что Соединенные Штаты являются империалистами и могут стать угрозой для нас»³¹. Характерными особенностями выступлений Сайто было то, что он никогда не оправдывался, а излагал свою точку зрения

²⁹ World Peace Machinery and the Asia Monroe Doctrine (1932). – Takagi Yasaka. Towards International Understanding. Tokyo, 1954.

³⁰ Saito Hiroshi. Japan's Policies and Purposes. Selections from Recent Addresses and Writings. Boston, 1935, p. 2.

³¹ Ibid.

как можно более позитивно, и то, что он почти не атаковал напрямую своих оппонентов, как это делала японская пресса внутри страны. Несомненно, он неплохо изучил приемы и методы американской пропаганды – как официальной, так и неофициальной, – но не во всем ей следовал.

Подобно Нитобэ, Сайто старался говорить с американцами на их языке «не только в лингвистическом смысле» (как выразился американский посол в Токио Форбс о Сидэхара). Однако аргументы гуманиста и квакера Нитобэ в начале 30-х годов звучали уже не столь убедительно, как до первой мировой войны или на берегах Женевского озера. Сайто чаще обращался к примерам президентов Мак-Кинли и Теодора Рузвельта, при которых США перешли к активной экспансионистской политике, а если и вспоминал популярного в Японии Линкольна, то сравнивал его – в сугубо положительном контексте – с генералом Ноги, героем русско-японской войны. «Мы, японцы, понимаем великий американский принцип равенства прав человека. Ни один народ в Европе не может понять его лучше нас»³². Отдавая несколькими годами ранее дань «великому и любимому президенту», Нитобэ в первую очередь отмечал его моральные качества и любовь к людям³³.

В сравнении с Нитобэ тон выступлений Сайто был более деловым, то, что называют «business-like». Японская пропаганда, особенно с началом войны в Китае и на Тихом океане, грешила излишним морализаторством, утверждая, например, что в восточном мировоззрении и миропонимании нет места насилию и агрессии, а господствует исключительно дух взаимной любви, гармонии и примирения³⁴. Порой это выглядело как пародия на Окакура. Другой расхожей темой стало утверждение, что колониальная политика Японии была продиктована исключительно «благотворительными» и «гуманитарными» соображениями, поскольку легла тяжелым бременем на ее финансы³⁵. Ни в Европе, ни в Америке это никого не убеждало, да и не могло убедить. Друг Сайто, Сиратори Тосио называл японскую экспансию в Азии ни много, ни мало «реформированием человеческого общества» и «куль-

³² Ibid, p. 155.

³³ The Works of Inazo Nitobe, vol. 4, p. 322–331.

³⁴ Характерный пример – книга начальника департамента информации МИДа в 1936–1938 гг., переведенная на несколько иностранных языков: *Кавай Тауто*. Хаттэн Нихон-но мокухё (Цель японской экспансии). Токио, 1938.

³⁵ Однако нельзя отрицать значительного, в том числе финансового, вклада Японии в развитие экономики и хозяйства своих колоний и контролируемых территорий. Подробнее см.: *Ко Бунъю*. Нихон-но сёкуминти-но дзидзицу: Тайван, Тёсэн, Мансю (Правда о японских колониях: Тайвань, Корея, Маньчжурия). Токио, 2003.

турной миссией» Японии, решительно отрицая наличие у нее стремления к территориальным захватам. Подобные утверждения сегодня кажутся неуклюжей попыткой оправдания – то ли очень наивной, то ли очень циничной. Однако такая риторика была в ходу у всех колониальных держав. Американцы никогда «не завоевывали и не правили народами каких-либо других территорий без желания последних; Америка лишь стремится помогать другим странам»³⁶, – без тени смущения писал в 1911 г. бригадный генерал Дж. Клоус в статье «Армия как пионер цивилизации». И таких примеров достаточно.

Сайто довольно часто и умело цитировал высказывания лидеров США и ведущих европейских держав, мнения и оценки прессы и не забывал подкреплять свои утверждения статистикой. Рассказывая об успехах Маньчжоу-го, что стало одной из основных тем его выступлений, он сообщил, что пожертвовал частью своего отпуска для поездки туда, чтобы увидеть все своими глазами³⁷. Признавая, что «ни одна новая власть в таком положении, между Китаем и Россией, не может быть настолько сильной, чтобы обеспечить свою независимость»³⁸, он сосредоточил внимание на прогрессе, которого новый режим достиг в сфере экономики, транспорта и общественной безопасности. Замечу, что успехи эти были несомненны и признавались большинством иностранных наблюдателей, каково бы ни было их отношение к японскому контролю в этом Маньчжоу-го.

Сайто подчеркнуто держался как «информатор», а не как «пропагандист и агитатор». Положение не позволяло ему критиковать, по крайней мере публично, позицию и действия своего правительства, но он никогда не ограничивался механическим, некритическим «озвучиванием» курса Токио, как большинство японских дипломатов и тогда, и сейчас. Он стремился аргументировать эту позицию, как будто это была его личная точка зрения. Сайто не хотел, чтобы его воспринимали как «говорящую машину». Еще одной особенностью его выступлений было тематическое разнообразие, отнюдь не ограниченное текущей политикой. Он любил обращаться к истории японо-американских контактов, причем на уровне личностей, отдав дань многолетнему советнику МИДа Японии Генри Денисону, первому американскому консулу в Токио Таунсенду Гаррису, миссионеру Сиднею Гулику и др. Несколько поэтичных страниц он посвятил даже деревьям сакуры, которые Токио послал в подарок американской столице.

³⁶ Цит. по: *Bendersky Joseph W.* The «Jewish Treat». Anti-Semitic Politics of the U.S. Army. N.Y., 2000, p. 7.

³⁷ *Saito Hiroshi.* Japan's Policies and Purposes..., p.63.

³⁸ Ibid., p. 23.

По «гамбургскому счету» Сайто следует признать одним из лучших посредников между Японией и США (говорить об эффекте его деятельности в других англоязычных странах мы не беремся). Он охотно дарил свою книгу знакомым и незнакомым, а японцы распростирали ее среди американских друзей и деловых партнеров. Сайто делал все, что мог, и не его вина, что не он определял ход истории. Мы уверены, если бы японо-американские отношения сложились по-другому, забытый ныне Сайто Хироси занял бы в их истории гораздо более значительное и почетное место.

Героем последней пиар-акции он стал уже посмертно. В 1938 г. ему пришлось оставить пост посла из-за болезни, которая не позволила ему вернуться домой. Сайто просто не перенес бы плавания через океан. 17 апреля 1939 г. урна с его прахом была доставлена в Иокогама на американском военном корабле «Астория», что было сделано по специальному указанию президента Рузвельта. Американский посол в Японии Дж. Грю и его жена приехали в Иокогама выразить соболезнование жене и дочерям покойного. Японская пропаганда постаралась преувеличить значение этого акта, трактуя его как новую «зарю дружбы», как писала тогдашняя пресса, между странами, а американская – пыталась, наоборот, преуменьшить, поскольку официальный Вашингтон проявлял к Японии показную «строгость». Тем не менее, Грю распорядился приспустить флаг на здании посольства и записал в дневнике, что это был «великий» и «незабываемый» день. На поминальной службе в доме Сайто он обратил внимание на стоявшую у буддийского алтаря бутылку «Old Parr» – любимого виски покойного³⁹...

Опыт Сайто не пропал даром. После начала «Китайского инцидента», т. е. широкомасштабной войны Японии с гоминьдановцами и примкнувшими к ним коммунистами, аналогичную пропагандистскую кампанию предпринял Сума Якитиро, советник посольства в Вашингтоне в 1937–1939 гг. Отношение американцев к Японии и ее официальным представителям к тому времени резко переменялось, но Сума все равно использовал любую аудиторию для того, чтобы озвучить позицию Токио на хорошем английском языке и в понятых слушателям терминах. Его слушали студенты и бизнесмены, члены YMCA (Young Men Christian Association) и «Ротари-клуба», но эффект был далеко не тот, что прежде. В отличие от Сайто, Сума говорил только о политике (хотя пользовался некоторой известностью как драматург и коллекционер китайского изобразительного искусства),

³⁹ Ten Years in Japan. A Contemporary Record Drawn from the Diaries and Private and Official Papers of Joseph C. Grew, United States Ambassador to Japan, 1932-1942. N.Y., 1944, p. 274–280.

говорил убежденно, но не всегда убедительно, откровенно навязывая слушателям свою точку зрения. Это видно из сборника его статей и выступлений по «китайскому вопросу», который был опубликован в Токио в 1940 г.⁴⁰ По возвращении в Японию Сума был назначен главой департамента информации МИДа, престиж которого как «министерства правды» заметно вырос, чего нельзя сказать об эффективности его работы. Вскоре Сума попал в немилость у военных и был отправлен посланником в Испанию.

Послевоенный период Сёва: Окита Сабуро (1914–1993)

Нитобэ хотел быть «мостом через Тихий океан». Окита Сабуро замахнулся на то, чтобы стать «мостом между Японией и миром». Инженер-электротехник по образованию, технократ и стратег по складу ума, прошедший хорошую школу тоталитарной военной экономики, он стал ведущим деятелем послевоенного экономического планирования, успешный опыт которого использовался не только в Японии. Но главное, что он оказался успешным «буфером» (пока не занимал высоких постов) и не менее успешным «информатором», превратившись в главного пиарщика «экономического чуда». В 1979 г. Окита стал первым в послевоенной Японии министром иностранных дел не из числа депутатов парламента (из которых до сих пор выбирается абсолютное большинство министров), а затем был специальным представителем кабинета по вопросам внешней торговли в ранге примерно равном министерскому. На этом посту он сменил бывшего государственного министра Усиба Нобухико, еще одного опытного переговорщика из бывших технократов⁴¹.

Незадолго до смерти Окита подсчитал, что за всю жизнь совершил 376 зарубежных поездок и посетил 81 страну, включая нередкие во-яжи за «железный занавес». Сначала он ездил изучать зарубежный опыт и отстаивал интересы Японии, потом пропагандировал ее достижения и поучал иностранцев. Особенно внимательно его слушали в социалистических и развивающихся странах, которым Окита советовал не бросаться, сломя голову, в стихию рынка, а использовать имеющиеся преимущества государственного регулирования и плановой экономики, как это сделала Япония после второй мировой войны. О планировании Окита знал не понаслышке, ибо много лет занимался именно этим. О своей деятельности он рассказал в двух книгах,

⁴⁰ Suma Yakichiro. Where Japan Stands. Addresses Delivered in America on the Sino-Japanese Conflict. Tokyo, 1940.

⁴¹ Усиба Нобухико. Нихон кэйдзай гайко-но кэйфу. (Генеалогия экономической дипломатии Японии). Токио, 1979.

больше похожих на отчет о командировке или послужной список, как озаглавлена одна из них⁴².

Автор многих научных работ и научно-практических разработок в области экономики, Окиита получил признание и как теоретик, и как практик⁴³. Окиита позиционировал себя в первую очередь как ученый, сумевший доказать жизнеспособность своих теорий и предложений и на основании этого приобретший соответствующий политический вес (правда, несколько его попыток избраться в парламент оказались неудачными). На протяжении многих лет он был близок к руководству ЛДП и к правительству, но не имел репутации ни «политикана», ни «бюрократа», не был замешан в коррупционных скандалах или фракционных дрызгах, поскольку большая часть его деятельности протекала в исследовательских или парагосударственных – но от того не менее влиятельных – структурах. Часто представлявший Японию за рубежом в разных качествах, Окиита мог выступать как человек, с одной стороны, прекрасно осведомленный о положении дел в правящей элите Японии и даже способный, до некоторой степени, влиять на нее, что придавало особый вес его словам. С другой стороны, он нередко имел возможность дистанцироваться от конкретного кабинета министров и других ведомств, выступая как опытный и почти независимый эксперт. Именно таким людям правящая элита Японии доверяет «сугубо неофициально» озвучивать свои новые идеи и предложения на столь же неофициальных, но влиятельных форумах, вроде Римского клуба или Трехсторонней комиссии (Trilateral Commission), одним из создателей и активным участником работы которой был Окиита. На обложке некоторых докладов комиссии его имя стоит рядом с именем Збигнева Бжезинского – примечательное соседство⁴⁴.

Оценить эффективность Окиита в качестве «буфера» главным образом в 50-е годы непросто – он еще не был на виду и не занимал видных постов, чем, возможно, вызвана скромность соответствующих страниц его мемуаров. Исходя из известной особенности японской бюрократической практики, когда основные разработки, предложения и содержащие их документы готовит именно среднее звено, можно предположить, что Окиита сыграл немалую роль в работе ESAFE

⁴² *Okita Saburo*. Тохон сэйсо: ватакуси-но рирэкисё. (Миссии на Востоке и Западе: мой послужной список). Токио, 1981 (переведена на английский язык в 1983 г.); *Он же*. Кэйдзай гайко-ни икиру. (Жизнь в экономической дипломатии). Токио, 1992 (переведена на английский язык в 1993 г.).

⁴³ *Okita Saburo*. The Developing Economies and Japan: Lessons in Growth. Tokyo, 1980. *Он же*. Japan in the World Economy of 1980s. Tokyo, 1989.

⁴⁴ *Owen David, Zbigniew Brzezinski, Saburo Okita*. Democracy Must Work: A Trilateral Agenda for the Decade. N.Y., 1984.

(Economic Commission for Asia and the Far East)⁴⁵, на Бандунгской конференции 1955 г. и в процессе выработки основных планов послевоенного экономического развития Японии, особенно плана удвоения национального дохода, известного как «план Икэда», названного так по фамилии тогдашнего премьер-министра. Этим планом Окиита гордился как его главный разработчик. Он и позже не устал подчеркивать роль ученых-экономистов на государственной службе⁴⁶.

По мере продвижения вверх по официальным и неофициальным лестницам политической элиты и приобретения международной известности Окиита все чаще выступал рупором правящих кругов по вопросам мировой экономики. Он же «объяснял» миру достижения Японии, относившиеся, прежде всего, к экономической сфере. В свете нашей темы особый интерес представляет его книга «Приближаясь к XXI веку: роль Японии», выпущенная в 1990 г. газетой «Japan Times», офицюзом МИДа. В нее вошли статьи и доклады автора, написанные или произнесенные в 1987–1989 гг. на английском языке, в традициях великих Окакура и Нитобэ или благополучно забытых Сайто и Сума. Японская экономика с конца 1986 г. находилась на подъеме, прозванном «бумом Хэйсэй», и ее достижениями можно было по праву гордиться. Многие даже думали, что грядущий век станет «веком Японии». Это необходимо учитывать, перечитывая Окиита сегодня.

Адресаты его «послания» просматриваются без труда – США и развивающиеся страны. Развивающимся странам, в первую очередь азиатским, адресованы главы о готовности Японии оказывать им экономическую помощь деньгами и опытом, к которому автор настоятельно советует присмотреться. Американскую аудиторию Окиита уверял в том, что «Япония не стремится заменить США в качестве мирового лидера – ей достаточно оставаться номером два»⁴⁷, но предостерегал, что правящие круги США «подвергают себя серьезному риску, недооценивая тихую силу и косвенное влияние Японии в мировом масштабе, прежде всего в результате ее потрясающих экономических успехов»⁴⁸. Обе цитаты взяты из статьи для влиятельного журнала «Форин полиси», которая так и называлась «Тихая сила Японии». «Если Япония преуспеет в создании гармоничного постиндустриального общества, – заключил Окиита – она может стать очень многообещающей

⁴⁵ В 1974 г. переименована в ESCAP (United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific)

⁴⁶ *Okita Saburo*. Экономисутто-но якувари. (Роль экономистов). Токио, 1973.

⁴⁷ *Okita Saburo*. Approaching the 21st century: Japan's Role. Tokyo, 1990. P. 128.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 124.

моделью для других стран, как индустриальных, так и развивающихся»⁴⁹. В 1989 г. для таких высказываний были все основания.

Окита постоянно напоминал, что между Японией и Западом, прежде всего Японией и США, существуют большие исторические и цивилизационные различия и что японцы добились успеха во многом благодаря своим особенностям (тезис об «уникальности» он не развивал). «В некоторых сферах японские системы и модели поведения следуют изменить в интересах международной гармонии и большей эффективности, но в других областях традиционные способы остаются действенными и должны быть сохранены»⁵⁰. Подчеркивая, что разница политических и экономических систем Японии и США сводится к исторически обусловленным частностям, Окита предпочитал не конкретизировать их. Так, обронив несколько слов о традиционно большой роли государства в экономике, он объяснял, что Япония позже других включилась в общемировые процессы и постоянно догоняла Запад, поэтому правительство было вынуждено взять этот процесс под свой контроль.

Признавая, что американцы в сфере внешней торговли все равно не доверяют японцам, он заверял их, что «через десять лет наши системы будут гораздо более похожими, чем сейчас»⁵¹, но напоминал, что «лом – не лучшее средство подгонять Токио»⁵². Так Окита озаглавил статью, помещенную 12 июля 1989 г. в «Лос-Анджелес таймс». Посетовав, что «японская экономика меняется, а американские претензии к ней – нет» (подзаголовок статьи), автор поведал читателям, что правящая Либерально-демократическая партия пошла – под давлением извне, т. е. США, – на существенную либерализацию сельскохозяйственного импорта, что оттолкнуло от нее многих избирателей в сельских районах, которые традиционно были политической базой консерваторов. Калифорния, как известно, особой дружелюбностью к японцам, особенно к крестьянам, не отличалась и не отличается при всей «толерантности» и «мультикультурализме», так что об эффективности этой пиар-акции судить трудно. Но писал Окита решительно и даже жестко, предупреждая читателей, конечно, не столько в Лос-Анджелесе, сколько на Уолл-стрит и в Капитолии, что не стоит давить на Японию и требовать от нее «добровольного» ограничения экспорта, если ее товары конкурентоспособнее американских. Столь же резко он выступал и против двойных стандартов, как в бизнесе, так и в по-

⁴⁹ Ibid., p. 145.

⁵⁰ Ibid., p. IV.

⁵¹ Ibid., p. IV.

⁵² Ibid., p., 188.

литике, замахиваясь на непогрешимость Большого Брата. Время было такое: в 1988 г. два японских автора дали своей книге об экономических противоречиях их страны с США выразительный подзаголовок: «Эпоха “чего изволите” закончилась»⁵³.

Окита умер в феврале 1993 г. Он застал начало экономической депрессии, когда «Ньюсуик» из номера в номер делился с читателями соображениями, дотянет ли японская экономика до следующего выпуска журнала, но не дожидаясь поражения ЛДП на выборах в парламент в августе того же года и до формирования первого с 1955 г. кабинета министров без ее участия. В сознании уходящего поколения он продолжает оставаться «мостом в мир» эпохи «экономического чуда». Молодым японцам его имя говорит все меньше и меньше. Даже хороший пиар стареет очень быстро, если ситуация, на которую он работает, радикально меняется.

Период Хэйсэй: Сакаия Таити (р. 1935) ⁵⁴

В сентябре 2002 г. в московской Высшей школе экономики выступал Сакаия Таити, специальный советник правительства Японии, некогда сменивший государственную службу на вольные хлеба аналитика и публициста, а затем вернувшийся в один из кабинетов в качестве министра (как и Окита, не будучи при этом парламентарием). Лекция называлась «Японская экономика – реформирование индустриального общества в интеллектуальное»⁵⁵ и была адресована «представителям европейских стран» (Сакаия читал ее не только в Москве). Десятью годами раньше в России по инициативе японской стороны была издана его книга «Что такое Япония?», в которой автор задался целью всесторонне, но в то же время просто и понятно, в том числе для иностранцев, описать современную японскую цивилизацию.

Интересно и поучительно сравнить ее положения и выводы с тем, что автор говорит и пишет в наши дни. Сакаия не только официальное лицо высокого ранга, но и влиятельный представитель интеллектуальной и бизнес-элиты. Это – человек, который знает, что говорит, и отвечает за свои слова. Когда он говорит, его слушают, когда пишет (он автор многих книг, которые адресованы, прежде всего, японской аудитории), внимательно читают и переводят на другие языки. Слушать

⁵³ Такэнака Хэйдо, Иси Наоко. Нитибэй кэйдзай ронсо. «Иивакэ»-но дзидай ва оватта. (Японо-американские экономические споры. Эпоха «чего изволите» закончилась). Токио, 1988.

⁵⁴ Данный раздел частично основан на опубликованном исследовании автора: Общество идеальных потребителей. – Портрет современного японского общества. М., 2006, с. 161–178.

⁵⁵ Цитируется без сносок по русскому тексту, распространенному посольством Японии в РФ.

и читать Сакаия интересно, но трудно избавиться от ощущения, что он все время что-то не договаривает. Это неудивительно: Сакаия сам заявляет, что его цель – рассеять неверные представления о происходящем в Японии, прежде всего в сфере экономики, и показать истинное положение дел. Иными словами, он пиарит администрацию Коидзуми и ее реформы, следовательно, ждать от него полной откровенности и объективности не приходится.

Внимание автора этих строк привлекло утверждение Сакаия, что в Японии построен «идеальный вариант современного индустриального общества» (эта формула с небольшими вариациями постоянно повторяется в его текстах), которое он призывает превратить в интеллектуальное, т. е. осуществить «интеллектуальную революцию», чтобы навестать намечающееся отставание от США и Западной Европы. «Произошло изменение направленности развития человеческой цивилизации, – констатировал Сакаия в лекции. – ... Если раскрыть суть новых тенденций, то она сводится к следующему. На замену отраслям, ориентированным на рост физических объемов продукции, пришли направления, ориентированные на удовлетворение возрастающих субъективных потребностей людей, направления, благодаря которым люди смогут разнообразить свой досуг. Это означало коренной сдвиг в экономике и жизни общества. В 1985 г. я указал на эти тенденции в выпущенной книге “Интеллектуальная революция”⁵⁶, которая стала бестселлером не только в Японии... Однако выход этой книги так и не изменил менталитет правительственных и деловых кругов Японии».

Причинами интеллектуальной революции Сакаия называет компьютеризацию, глобализацию экономической культуры и трансформацию потребностей: «С началом 80-х годов люди стали проявлять большую заинтересованность не к накоплению материальных ценностей, а к удовлетворению собственных потребностей... Начиная с 80-х годов, передовые страны мира ориентируются на общество новой направленности, на общество интеллектуальных ценностей, которое кардинально отличается от современного индустриального общества». Настойчивое подчеркивание необходимости интеллектуального рывка делает Сакаия честь. Но результатов он пока не видит: «Япония слишком упорно возвращала гармоничное индустриальное общество, а потому она не вошла в состав стран с обществом интеллектуальных ценностей (курс. наш. – В. М.). Проблемы сегодняшней Японии в конечном итоге упираются именно в это».

⁵⁶ Сакаия Таити. Тика какумэй. Когё сякай га овару. Тика сякай га хадзимару. (Интеллектуальная революция. Индустриальное общество кончается. Интеллектуальное общество начинается). Токио, 1985.

Признание, которое ко многому обязывает. Однако, маститый пиарщик лукавит, характеризуя современное японское общество как исключительно «индустриальное». Немедленно возникает вопрос – а как же потребление?! Индустриальным, т. е. ориентированным на массовое серийное *производство*, а не на интеллектуальные ценности, оно было лет 30 назад, но перестало быть таковым во время и в результате «экономики мыльного пузыря» и «шалых денег». Современное японское общество, – прежде всего, общество *потребления*. Причем общество потребления достигло столь высокой степени совершенства, что переделать его в интеллектуальное общество, т. е. в свою противоположность, едва ли возможно.

Сакаия упорно и, без сомнения, намеренно обходит молчанием преимущественно потребительский характер японского общества. Разумеется, каждый человек стремится к максимальному удовлетворению своих потребностей, в том числе материальных, поэтому общество потребления – закономерный итог развития современной цивилизации и один из этапов ее эволюции. Однако с таким апофеозом потребления, причем сугубо материального, как в сегодняшней Японии, трудно рассчитывать на построение интеллектуального общества. Для этого придется коренным образом переориентировать господствующую в нем систему ценностей и менталитет его абсолютного большинства. Проще говоря, заменить нации сознание и мозги. «Стране необходимо “перезагрузиться”, – замечает, пользуясь компьютерной терминологией, известный журналист С. Агафонов, – сменить системный код, ввести новую программу с новыми параметрами»⁵⁷. Возможно ли это? Пиарщики прямого ответа не дают.

Касаясь мировоззренческих и психологических основ современного общества, Сакаия справедливо пишет: «Идеалы, к которым стремились японцы в период своей бедности (курс. наш. – В. М.), действительно осуществились»⁵⁸. Опыт бедности первых послевоенных лет, когда, по его же словам (он родился в 1935 г.), «несбыточной мечтой для японцев было вдоволь наесться очищенного риса»⁵⁹, вкупе с целенаправленной политикой послевоенной элиты по приспособлению «японского духа» к условиям американской оккупации, сыграл колоссальную роль в создании современного общества потребления. Оно формировалось еще тогда, когда было индустриальным. Не столь важно, на что именно ориентировать массы – на производство или на потребление. Важно, что их интересы полностью сосредоточены в

⁵⁷ Агафонов С. Тень сурка. М., 2005, с. 210.

⁵⁸ Сакаия Т. Что такое Япония? М., 1992, с. 34.

⁵⁹ Там же, с. 41.

материальной сфере. Потому что управлять такими массами несравненно легче – это аксиома.

Управлять – главная задача любой элиты. Но у нее есть еще одна задача – отвечать на внешние вызовы, потому что эффективный ответ на них – залог ее силы и власти. В прошлом японская элита, отвечая на внешние вызовы, стремилась сочетать «инострannую технику» с «японским духом» по формуле *вакон ёсай*. Собственной «техники», т. е. технологий, сегодня достаточно, а вот с фундаментальной наукой и интеллектуализацией общества дело обстоит не блестяще. Более того, японские интеллектуалы все чаще говорят о постигшем их страну в последние десятилетия «духовном кризисе» или «кризисе ценностей».

Что касается морального кризиса в современном японском обществе, точнее кризиса ценностей, то он существует, как бы Сакаия это ни отрицал. Неубедительными выглядят его ссылки на низкий процент разводов и малое количество детей, рожденных вне брака. В скандинавских странах процент детей, рожденных вне официально зарегистрированного брака, очень высок, едва ли не до трети. Но никто не бьет тревогу о «падении нравов», поскольку большинство этих детей воспитывается во вполне стабильных, «полных» семьях, обоими родителями. Так ли важно, зарегистрирован их брак в соответствующей управе или нет? Гораздо интереснее было бы проанализировать другие показатели. Это – число детей, воспитывающихся в «неполных» семьях, насилие в семье, насилие в школе, статистика самоубийств детей и подростков и особенно совершенных ими преступлений, включая тяжкие, – в «самой близкой к раю стране». И тут картина нынешнего японского общества будет совсем не такой радужной.

Будучи умелым «информатором», Сакаия часто критикует Японию и японцев, демонстрируя свою беспристрастность, способность высказаться над ограничениями национального менталитета и независимость от Системы. Любопытно, что в книге, написанной на все еще благополучном излете «мыльного пузыря», критики гораздо больше, чем в лекции эпохи кризиса и реформ, когда требовалось показать миру, что «процесс пошел» и ситуация под контролем. Некоторые объекты критики не меняются, например, система образования, прежде всего школьного.

«Система образования ориентировалась на подготовку персонала для участия в массовом выпуске серийной продукции. Какие же сотрудники были нужны предприятиям, ориентирующимся на массовый выпуск серийной продукции? Во-первых, люди с терпеливым характером, умеющие преодолевать невзгоды. Во-вторых, люди уживчивые, склонные к сотрудничеству с коллегами. В-третьих, люди с

идентичными моральными принципами, идентичным уровнем знаний и навыков. В-четвертых, люди, лишенные самобытности и творческих устремлений. Такой стандартизированный подход выхолащивает из образования всю его прелесть, подавляет всякую оригинальность мышления и индивидуальность учеников, но в то же время, – продолжает Сакаия, – как ни странно, дает прочные общие знания и умения, вырабатывает привычку преодолевать трудности, в общем, приводит к определенным положительным результатам. Стандартное образование оказывается весьма эффективным для подготовки рабочей силы, предназначенной для выпуска стандартной массовой продукции»⁶⁰.

Японские школы и университеты продолжают производить идеальную рабочую силу (правда, уже не столько рабочих, сколько клерков) для массового стандартизированного производства и идеальных потребителей для массового стандартизированного потребления. Как с таким «человеческим материалом» осуществить «интеллектуальную революцию», непонятно. «Такая система исправно растит и воспитывает высококлассных исполнителей и менеджеров, но безжалостно отбрасывает за ненадобностью нестандартных лидеров и реформаторов. Пока шел экономический подъем и поступательно росло благополучие, в них не было острой нужды – механизм отлажено работал, вызывая всеобщее восхищение, и каждый новый виток успеха придавал уверенность в надежности японского конвейера. Но вот настал момент, когда ресурсы этого конвейера практически были исчерпаны. Случился сбой по объективным причинам, и оказалось, что систему трансформировать под новые обстоятельства некому... Японская модель не способна эволюционировать: она обречена на постоянное самовоспроизводство, и максимум возможного – это борьба за повышение эффективности и улучшения уже имеющегося»⁶¹.

Об этом «информаторы» предпочитают помалкивать, потому что не поможет даже полное и принципиальное изменение системы школьного образования. Как быть со всеми, кто уже получил такое образование и воспитание – включая учителей? Японцы, конечно, дисциплинированный и исполнительный народ, но превратить их всех по команде в индивидуалистов и, тем более, в интеллектуалов едва ли удастся. Подобная радикальная переориентация вызовет тяжелый моральный и духовный кризис, гораздо тяжелее того, что существует сейчас. Большинство японцев сегодня чувствует себя в своей стране вполне комфортно, и с точки зрения социальной стабильности это прекрасно. Но это комфорт идеального потребителя в идеальном обществе потребления. Если поместить такого человека в интеллекту-

⁶⁰ Там же, с. 60.

⁶¹ Там же, с. 208–209.

альное общество, он почувствует себя, мягко выражаясь, потерянным, поскольку не будет знать, что и как потреблять.

Сегодняшняя Япония продолжает оставаться «потребительским раем», что видно из ее последнего по времени глобального пиар-проекта. 24 ноября 2004 г. газета «Майнити» сообщила о создании Штаба стратегии интеллектуальной собственности кабинета министров, который обнародовал план создания «бренда Японии» для экспорта изделий японской моды и блюд национальной кухни. Ближайшей задачей объявлена разработка эффективной экспортной торговой марки. Над этим готовы трудиться ведущие дизайнеры, модельеры и кулинары. Правительство рассматривает план учреждения особого приза премьер-министра «Лучшему повару Японии». Необходимо отметить, что программа по продвижению в мире японской культуры основывается и на экономических расчетах. Создатели штаба – влиятельные лидеры бизнеса убеждены, что если японская кухня за рубежом станет еще более популярной, это даст возможность серьезно увеличить экспорт сельскохозяйственных товаров, а аграрный комплекс – едва ли самая проблемная отрасль хозяйства Японии.

Действительно, японцы гордятся своей «культурой еды» (*сёку бунка*), отводя телепередачам этой тематики лучшее экранное время. Японская кухня, которую Штаб планирует вывести на третье место в мире по популярности, после французской и китайской, также не нуждается в особых рекомендациях, как «бренды» Кабуки и укиё-э, «Sony» и «Toshiba». Правда, популярность японских ресторанов во многих странах мира (к России это не относится) начинает падать из-за высоких цен и однообразия ассортимента, особенно в жесткой конкуренции с более дешевой и более разнообразной китайской кухней. Но, как верно заметил журналист-японист и имиджмейкер А. Е. Куланов, «далеко не весь мир воспринимает окружающую действительность исключительно через желудок». Будущее покажет, насколько эффективным окажется этот масштабный проект в эпоху «интеллектуальной революции».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дипломатия Коидзуми Дзюнъитиро*

Когда в апреле 2001 г. Коидзуми Дзюнъитиро занял пост премьер-министра, у него не было большого опыта в области внешней политики, дипломатии и национальной безопасности. По сути, все министерские посты, которые он занимал до того времени, имели отношение к внутренним проблемам: министр здравоохранения и социального обеспечения (дважды) и министра почт и телекоммуникаций. Кроме того, Коидзуми пришел к власти, сделав акцент на новом внутривластном курсе, который, в частности, включал структурную административную реформу; радикальную либерализацию сверхцентрализованной японской экономики; приватизацию гигантской национальной почтовой службы и автомагистралей. Однако по иронии судьбы он, возможно, больше всего запомнится своими решительными действиями во внешней политике.

Конечно, в начале своего пребывания у власти Коидзуми допустил несколько ошибок. Так, он назначил Танака Макико министром иностранных дел. Это было своего рода выражением благодарности за ее значительный вклад в кампанию по его избранию премьер-министром. Однако, увидев, какую суету и неразбериху она спровоцировала и в самом министерстве, и вокруг него, он заменил ее Кавагути Ёрико. Она была известна как талантливый бюрократ в министерстве международной торговли и промышленности, бегло говорила по-английски, и всегда ревностно поддерживала Коидзуми, хотя и не была депутатом парламента. Коидзуми, с тех пор как он назначил Кавагути министром иностранных дел, по сути, сам стал определять внешнеполитический курс Японии.

Другим примером того, что в начале своего премьерства Коидзуми не имел большого опыта в сфере японской внешней политики, служит следующий эпизод. В первом проекте своего политического выступления в

* Точка зрения автора не всегда и не во всем совпадает с позицией редакции.

качестве премьер-министра перед японским парламентом (7 мая 2001 г.) он использовал формулировку «*дружественные отношения*» между Японией и Соединенными Штатами вместо «Японо-американский альянс» (Курс. наш. – Х. К.). Лишь после рекомендаций со стороны своих ближайших советников Коидзуми вставил в свое выступление формулировку «Японо-американский альянс».

Однако Коидзуми умеет учиться. В частности, он быстро разобрался, что такое международные отношения и дипломатия, и начал внедрять свои инициативы и проводить свою линию в японской внешней политике. В данной главе мы намерены рассмотреть базовые принципы дипломатии Коидзуми в отношении пяти стран: США, Китая, обеих Корей и Российской Федерации.

Приоритет номер один: Соединенные Штаты Америки

Можно с уверенностью сказать, что послевоенная внешняя политика Японии основывается на трех принципах: 1) альянс с Соединенными Штатами; 2) признание важной роли ООН; 3) особое внимание к Азиатскому региону. Однако нет никаких сомнений, что США занимают первое место в списке приоритетов японской внешней политики. Именно Дз. Коидзуми в большей степени, чем кто-либо другой, сделал этот принцип основополагающим. Он решил накрепко связать судьбу Японии с судьбой Соединенных Штатов. Чтобы оправдать такую позицию, Коидзуми неоднократно поднимал один и тот же вопрос: какая страна готова и сможет выступить на стороне Японии в случае чрезвычайной ситуации или кризиса, вызванного, например, ядерным нападением Северной Кореи на Японию? Его ответ на этот вопрос всегда был однозначен: Соединенные Штаты – страна, с которой у Японии установлены союзнические отношения с 1951 г. в соответствии с Японо-американским договором безопасности. По словам Коидзуми, «США – единственная страна в мире, которая заявила, что будет рассматривать любое военное нападение на Японию как нападение на саму себя». По сути, укрепление отношений с Соединенными Штатами является краеугольным камнем японской внешнеполитической стратегии, и лишь на этой основе возможно развитие отношений с другими странами. На этом базовом принципе основывалась не только дипломатия Коидзуми в отношении США, но и вся внешняя политика, которая оставалась неизменной в течение всего его пребывания у власти.

Такая позиция особенно радовала американского президента-республиканца Джорджа Буша-младшего, инаугурация которого состоялась примерно в то же время (январь 2001 г.), что и вступление Коидзуми Дзюнъитиро в должность премьер-министра (апрель 2001 г.).

Предшественник Буша, Билл Клинтон, особенно во время своего второго президентского срока в конце 90-х годов, проявлял особый интерес к улучшению отношений с Китаем, в связи с чем, некоторым образом, пренебрегал отношениями с Японией. Так, например, в июне 1998 г. президент Клинтон посетил Китай с недельным визитом и при этом не сделал остановки в Японии, Южной Корее или на Филиппинах, т. е., иными словами, не выразил традиционной поддержки своим союзникам в регионе. Это было явным указанием на то, что администрация Клинтона придает большее значение отношениям с Китаем, чем с Японией. Такое развитие событий было неприятным, шокирующим и даже унижительным для японцев, которые привыкли считать себя американскими союзниками номер один в Азиатско-тихоокеанском регионе. Так или иначе, в японо-американских отношениях во время второго президентского срока Клинтона наступило охлаждение. Прекрасно осознавая это, Джордж Буш-младший еще в ходе президентской кампании в ноябре 2000 г. особо подчеркивал, что в своей внешней политике твердо намерен восстановить роль Японии как приоритетную в американской политике в Азии. Одновременно он критиковал администрацию Клинтона за то, что тот уделяет непропорционально много внимания отношениям с КНР по сравнению с Японией, которая является наиболее преданным союзником США в Азии.

Когда Буш вступил в должность в январе 2001 г., у него был четкий план изменения политики Клинтона в отношении Японии. Буш был весьма доволен победой Коидзуми на выборах председателя Либерально-Демократической партии в апреле 2001 г., и пригласил вновь избранного премьер-министра Японии посетить свою резиденцию в Кэмп-Дэвиде, штат Мериленд, 30 июня 2001 г. Между обоими лидерами быстро установились дружеские отношения. В совместном коммюнике по итогам саммита, озаглавленном «Американо-японское сотрудничество во имя безопасности и процветания», говорилось, что обе страны связаны прочными союзническими отношениями. В документе также сообщалось о начале стратегического диалога между двумя странами на уровне заместителей министров, о снижении расходов Соединенных Штатов на содержание американских военных баз на Окинаве, о подробных консультациях относительно американской противоракетной обороны и т. д.

Со своей стороны, Коидзуми был полон решимости изменить японскую политику в сфере безопасности. Осенью 2001 г., когда 11 сентября произошла трагедия в США, Коидзуми, как и многие мировые лидеры, немедленно выразил соболезнование американскому народу в связи с многочисленными жертвами и поддержал объявленную Бушем войну

с терроризмом. По его мнению, эта трагедия подтвердила необходимость «ощутимого и реального» сотрудничества японского правительства с администрацией США. В противном случае это было бы повторением ошибок, которые официальный Токио совершил десять лет назад. Тогда (в 1991 г.) Япония внесла свой вклад в финансирование войны в Персидском заливе, выделив 13 млрд. долл. Тем не менее, она подверглась критике за «дипломатию чековой книжки», которая не требует «ни крови, ни пота». 19 сентября 2001 г., всего лишь через неделю после трагедии, Коидзуми выступил с законодательной инициативой из семи пунктов по борьбе с терроризмом. Отныне японские силы самообороны могли направляться за рубеж для оказания поддержки возглавляемой США коалиции в Афганистане (без непосредственного участия в боевых действиях), а также охранять американские объекты в Японии с тем, чтобы США могли использовать свои ресурсы в других местах. Кроме того, Япония взяла на себя ведущую роль в организации международных конференций по восстановлению Афганистана и созданию с этой целью соответствующих фондов помощи.

Когда 20 марта 2003 г. началась война в Ираке, Коидзуми открыто заявил, что его правительство поддержит военные усилия Буша. Надо отметить, что Коидзуми постоянно подвергался критике как в Японии, так и за рубежом за свою безоговорочную поддержку любых политических действий президента Буша. Особенно это касается политики в отношении Ирака. Однако по поводу такой критики необходимо сделать некоторые оговорки.

Так, Коидзуми, когда считал нужным, без колебаний выдвигал предложения и давал советы американскому президенту. В частности, он подвергал косвенной критике политику Буша в отношении Ирака. Это подтверждают секретные документы японо-американских встреч на высшем уровне. Такие предложения и советы, которые лично давал Коидзуми Бушу, получали высокую оценку и одобрение даже со стороны некоторых официальных высокопоставленных лиц в Вашингтоне. Одним из них был Ричард Армитадж, заместитель госсекретаря США, который в то время враждовал по этому вопросу с министром обороны Дональдом Рамсфелдом и вице-президентом Диком Чейни. Приведем несколько примеров, которые подтверждают, что премьер-министр Коидзуми советовал президенту Бушу проявить терпение и дождаться окончательной резолюции Совета Безопасности ООН. Она послужила бы «весомым основанием» для предоставления Соединенным Штатам «полномочий» на ведение военных действий против Саддама Хусейна.

Так, например, в ходе американо-японского саммита 18 февраля 2002 г. в Токио Коидзуми высказал Бушу свое мнение о том, что

Соединенным Штатам следует настойчиво добиваться международного сотрудничества и избегать односторонних действий, в частности, потому, что «сегодня у США есть как сила, так и *весомое основание*», а «сила без *весомого основания* является обычным насилием, в то время как *весомое основание* без силы бесполезно» (Курс. наш. – Х. К.). В ходе другого саммита 12 сентября 2002 г. в Нью-Йорке Коидзуми посоветовал Бушу продемонстрировать «ёкодзунадзумо» («бороться как великий чемпион в сумо»). Японский премьер-министр подразумевал, что Соединенным Штатам, будучи «ёкодзуна», не следует первыми начинать схватку, поскольку они достаточно сильны, чтобы достойно ответить на нападение противника. Во время очередного саммита 23 мая 2003 г. на ранчо Буша в Кроуфорде, штат Техас, Коидзуми, вновь прибегнув к аналогии, посоветовал президенту, как США следует вести себя в отношении Ирака. «Когда-то в Японии были и сёгун, и император. У сёгуна была *сила*, у императора – *авторитет*. Сегодня Соединенные Штаты обладают огромной *силой*, однако в одиночку они не смогут решить проблемы мирного урегулирования в Ираке. Поэтому разумно, и даже необходимо, чтобы США использовали *авторитет* ООН» (Курс. наш. – Х. К.).

Несмотря на приведенные выше оговорки, когда 20 марта 2003 г. коалиция американских, британских, австралийских и польских военнослужащих начала наземную операцию в Ираке, правительство Коидзуми сразу же поддержало их боевые действия. На пресс-конференции 20 марта японский премьер-министр заявил, что его правительство «понимает и поддерживает применение Соединенными Штатами военной силы». Помимо словесной поддержки, Япония предоставила материально-техническую помощь, осуществляя дозаправку кораблей коалиции и используя разведывательные самолеты АВАКС для контроля за воздушным и морским пространством. Кроме того, японское правительство обязалось выделить миллиарды долларов на восстановление Ирака.

Заместитель госсекретаря США Армитадж выразил ожидания Вашингтона, заявив, что правительство Коидзуми продемонстрирует сотрудничество с Соединенными Штатами, «поставив ногу на землю», т. е. отправив в Ирак военнослужащих сил самообороны. Отвечая на требование Армитаджа, Коидзуми приказал в феврале 2004 г. разместить 1000 военнослужащих вспомогательных сил в районе Самава на юге Ирака. К декабрю 2005 г. общее число японских военнослужащих в Ираке достигло 4400. Впервые за полвека силы самообороны (хотя формально они не предназначались для участия в боевых действиях) были посланы в оккупированную страну без санкции ООН и без приглашения суверенного национального правительства, подвергаясь при

этом опасности нападения. Использование сил самообороны за пределами страны долгое время являлось чувствительным вопросом в Японии. Это, в частности, связано с конституционными ограничениями на применение военной силы для каких-либо иных целей, кроме сугубо оборонительных (9-я статья). Кроме того, существуют юридические ограничения, препятствующие осуществлению Японией ее права на участие в мерах по обеспечению коллективной безопасности. По этим причинам размещение сил самообороны в Ираке явилось столь значимым событием в истории послевоенной японской политики в сфере безопасности.

Трагическая гибель двух японских дипломатов в конце ноября 2003 г. в Тикрите и похищение двух рабочих, а также убийство журналиста в апреле 2004 г. способствовали осознанию той реальной опасности, которой подвергается в Ираке японский персонал. Иракские боевики потребовали от японского правительства, чтобы оно вывело военнослужащих сил самообороны в течение трех дней, угрожая в противном случае убить похищенных японцев. Тем не менее, правительство Коидзуми заняло бескомпромиссную позицию – никаких уступок похитителям. Такая позиция, судя по всему, оказалась правильной, поскольку заложники были освобождены невредимыми через четверо суток после похищения. В конце концов, все японские военнослужащие вернулись домой без потерь.

Можно сделать вывод, что Коидзуми не осмелился возражать против решения Буша начать войну в Ираке, и даже поддержал его. Почему он так поступил? Существуют, по крайней мере, две очевидные причины, и обе они взаимосвязаны. Во-первых, Коидзуми считал японо-американский альянс краеугольным камнем внешней политики своей страны и политики в сфере безопасности. Во-вторых, Япония все больше обеспокоена быстрым развитием Китая, а также ядерной угрозой со стороны Северной Кореи. Рассмотрим эти проблемы.

Напряженные отношения с Китаем

В период пребывания Коидзуми в должности премьера отношения Японии с тремя ее главными соседями в Восточной Азии – КНР и двумя Кореями – значительно осложнились и даже ухудшились.

У китайцев, корейцев, жителей Тайваня и других азиатских народов сохранились горькие воспоминания о японской агрессии и жестокости некоторых военных до и во время второй мировой войны. Они очень чувствительны к любым, с их точки зрения, проявлениям ультранационализма со стороны Токио. Одним из источников такого восприятия является тот факт, что премьер-министр Коидзуми отказывается

прекратить свои ежегодные паломничества в святилище Ясукуни. Это святилище в Токио является мемориалом, где почитаются 2,5 млн. японцев, погибших на войне, включая 14 военных преступников класса «А», осужденных по итогам второй мировой войны. По этой причине, многие азиатские народы рассматривают его как символ японской военной агрессии. Коидзуми настаивает, что его посещения Ясукуни носят исключительно внутрияпонский и религиозный характер. Он также подчеркивает, что посещает святилище лишь для того, чтобы воздать дань уважения погибшим на войне японцам, а также, чтобы помолиться за мир. Коидзуми и те, кто поддерживает позицию премьер-министра, заявляют, что согласно японскому мировоззрению после смерти не допускается дискриминация в отношении душ людей и что другие страны не имеют права пытаться изменить духовные воззрения, бытующие в Японии. В этой главе мы не собираемся обсуждать, насколько уместны и логичны аргументы Коидзуми. Для нас важен тот факт, что его регулярные посещения святилища Ясукуни в должности премьер-министра вызывают горькие чувства в Китае, Северной Корее, Южной Корее, в других азиатских странах. Многие правительства азиатских государств рассматривают это святилище как символ и апологию японского воинственного прошлого.

По сути, проблема Ясукуни стала одной из главных причин приостановки обмена официальными визитами высших китайских и японских руководителей. Китайский президент Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао, сменившие Цзянь Цзэмина и Чжу Жунцзы, принадлежат к поколению, которое непосредственно не ощутило на себе войну с Японией в 30-е годы. На это поколение меньше давит историческое прошлое. Тем не менее, реакция Китая на посещения Коидзуми святилища Ясукуни осталась практически прежней. Примерно по той же причине отношения Японии с Южной Кореей при президенте Ро Му Хьоне ухудшились. Однако все это не слишком заботит Коидзуми. Он заявляет, что пока у Японии отличные отношения с Соединенными Штатами, вполне возможно налаживание хороших отношений с Китаем, Южной Кореей и АСЕАН.

В 2004 г. как в Токио, так и в Пекине, китайское выражение «Потепление в экономике, похолодание в политике» получило широкое распространение. Эта фраза четко отражает противоречивость китайско-японских отношений. Она означает, что в то время, как экономические связи между Японией и Китаем продолжают развиваться, их политические отношения оказались замороженными. В 2005 г. торговля между двумя странами, как ожидалось, должна была составить 190 млрд. долл. Объем торговли Японии с Китаем превышает аналогичный показатель с любой другой страной, включая США. Иными

словами, сегодня Япония является главным торговым партнером Китая. Многие, однако, опасались, что политические трения рано или поздно неизбежно нанесут ущерб экономическим отношениям.

В ноябре 2004 г., когда японский премьер-министр провел отдельные встречи с китайским президентом Ху Цзиньтао и премьером Вэнь Цзябао в кулуарах форума лидеров АТЭС и в Лаосе на саммите АСЕАН, китайские руководители отклонили приглашение Коидзуми посетить Японию. При этом они настаивали на том, чтобы японский лидер отказался от посещений святыни Ясукуни. Они также отказались поддержать Японию в ее стремлении получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН.

В декабре 2004 г. кабинет Коидзуми обнародовал новые «Основные направления программы национальной обороны», где Китай и Северная Корея упоминались в качестве стран, представляющих потенциальную угрозу безопасности Японии. В «Основных направлениях» подчеркивается, что ситуация в Северной Корее является «серьезным дестабилизирующим фактором для всей Восточной Азии, включая Японию». В отношении Китая в документе говорится о необходимости принимать во внимание тот факт, что «Китай в последние годы модернизирует свой военный потенциал, делая особый упор на ядерное и ракетное оружие, а также на военно-воздушные и военно-морские силы, и расширяет свою активность на море». Впервые в проекте японской оборонной программы прямо упомянут Китай. Явно подразумевая вторжение китайской подводной лодки в японские территориальные воды около Окинавы, о чем речь пойдет ниже, в документе говорится о «соответствующих действиях в отношении иностранных субмарин, осуществляющих маневры в подводном положении в территориальных водах».

Примерно в то же время, в декабре 2004 г., в «Белой книге по обороне» Китай также выразил озабоченность наращиванием японских усилий в сфере безопасности. В документе говорится, что «ситуация в области безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе осложняется, создавая новые вызовы для расположенных там стран». За этой общей характеристикой следует: «Япония, оказавшаяся под влиянием правых политических сил, модернизирует свою политику в сфере безопасности, развивая и размещая систему противоракетной обороны».

Еще больше усугубило ситуацию то, что японское правительство выдало туристическую визу бывшему президенту Тайваня Ли Дэньхуэю, что позволило ему и его семье посетить Японию в конце 2004 г. Токио заявляет, что 81-летний Ли Дэньхуэй, который оставил свой пост в 2000 г., является сегодня частным лицом. Поэтому нет оснований отказывать ему в возможности посетить исторические места в стране,

где он в молодости учился. Однако такое решение японских властей вызвало гнев Пекина, который, рассматривая Ли Дэньхуэя как «твердого приверженца независимости Тайваня», предупредил, что в результате этого визита двусторонние отношения между Китаем и Японией ухудшатся.

Обострение японо-китайских отношений также обусловлено ростом национализма в обеих странах. Опрос, проведенный японским правительством в октябре 2004 г., показал, что отношение японцев к Китаю оказалось наиболее неблагоприятным за последние 30 лет. Число респондентов, которые заявили, что испытывают симпатию к Китаю, сократилось с 47,9% в 2003 г. до 37,6% в 2004 г. (32,4% в 2005 г.). Это – наиболее низкий уровень с 1975 г., когда стали проводить подобные опросы. В то же время увеличилось число людей, которые не испытывают к Китаю дружеских чувств, – с 48% в 2003 г. до 58,2% в 2004 г. (63,4% в 2005 г.).

Между Японией и КНР существует территориальный спор относительно суверенитета над о-вами Сэнкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море. Они расположены в 320 км к западу от Окинавы (о-ва Рюкю) и примерно в 175 км к северо-востоку от Тайваня.

О-ва Сэнкаку были переданы Японии императорским Китаем в соответствии с Симоносекским договором 1895 г. после поражения Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг. По Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. спорные острова были включены в состав о-вов Рюкю и таким образом, переданы под управление США. Пекинское правительство объявило Сан-Францисский мирный договор (в котором Китай не принимал участия) «незаконным», а его положения «не имеющими законной силы». В заявлении 1971 г. говорится, что эти острова относятся к о-ву Тайвань и, подобно Тайваню, являются «неотъемлемой частью территории Китая». Таким образом, когда в 1972 г. острова были возвращены Японии, Китай заявил протест.

Во время переговоров в 1975 г. о возможном заключении договора о мире и дружбе между Японией и Китаем (в итоге он был подписан в 1978 г.) в Токио полагали, что Пекин отложит на будущее вопрос об этих островах. Действительно, в ходе официального визита в Токио осенью 1978 г. китайский лидер Дэн Сяопин предложил сохранить статус-кво в отношении о-вов Сэнкаку, отложив решение этой проблемы до тех пор, когда «у будущих поколений хватит мудрости урегулировать ее мирным путем». Это заявление отвечало японским интересам, поскольку острова де-факто находились под контролем Японии.

Тем не менее, Пекин продолжает заявлять о своих правах на острова как часть китайской территории. Хотя Сэнкаку – это всего лишь

группа необитаемых маленьких скалистых островов, воды вокруг них богаты рыбой. Возможно, там имеются месторождения нефти и газа. Спор о суверенитете над этими островами между такими нуждающимися в энергоресурсах странами, как Япония, Китай и Тайвань, вряд ли завершится в ближайшем будущем.

Вообще, между Японией и Китаем существуют серьезные противоречия, касающиеся освоения последним месторождений природного газа в Восточно-Китайском море. Китай ведет разработку месторождений, чтобы обеспечить себя энергоресурсами. В августе 2003 г. он приступил к активной разработке газового месторождения Чуньсяо всего лишь в 5 км от границы исключительной экономической зоны (ИЭЗ), установленной Японией в Восточно-Китайском море. Японское правительство заявило протест, ссылаясь на то, что газовое месторождение, возможно, простирается на японскую сторону от границы ИЭЗ. В этом случае Китай может выкачивать газ, находящийся на японской стороне. Для того чтобы изучить этот вопрос, Япония послала в спорный район научно-исследовательские суда.

На рабочей встрече 25 октября 2004 г. в Пекине не удалось урегулировать разногласия между двумя странами. Между тем Китай активизировал океанографические исследования в других районах около японской ИЭЗ в Восточно-Китайском море и Тихом океане, и каждый раз правительство Японии заявляло решительный протест. В 2004 г. японские морские силы самообороны зафиксировали 10 случаев вторжения китайских военных кораблей и 16 научно-исследовательских судов в японскую исключительную экономическую зону в Восточно-Китайском море.

В ноябре 2004 г. китайская субмарина в подводном положении вторглась в японские территориальные воды в районе Окинавы. Это была подлодка класса «Хань» – первый тип атомных подводных лодок, созданных в Китае. Как правило, корабли могут свободно передвигаться в различных водах, включая территориальные воды той или иной страны. Однако согласно Конвенции ООН по морскому праву, проходя через территориальные воды иностранного государства, подлодка должна всплыть и поднять национальный флаг. Китайская субмарина, которая находилась в японских водах в течение двух часов, этого не сделала. Кроме того, в иностранных территориальных водах запрещается проводить учения или осуществлять шпионскую деятельность. Китайская подлодка нарушила все эти положения.

Остается вопрос, почему в последние годы китайские военные корабли часто заходят в воды поблизости от Японии. Одни полагают, что причина лежит в экономической плоскости – конкуренция за

океанские ресурсы. Однако официальные представители Управления национальной обороны Японии считают, что причины китайской активности имеют военный характер. Так, одно официальное лицо предположило, что целью китайцев является сбор информации о том, как японцы патрулируют свои воды и как реагируют на иностранное вторжение. Он также высказал мнение, что действия китайцев вписываются в подготовку к возможной чрезвычайной ситуации вокруг Тайваня.

Японское правительство потребовало от Пекина объяснений и извинений, однако не стало раздувать этот инцидент, чтобы еще больше не обострить отношения с ним. В беседе с репортерами Коидзуми назвал вторжение китайской атомной субмарины в японские воды «крайне прискорбным» событием. Однако, добавил он, «японо-китайские отношения настолько важны, что необходимо предпринять взаимные усилия, чтобы минимизировать последствия инцидента для двусторонних отношений». 16 ноября Китай признал, что одна из его атомных подводных лодок зашла в территориальные воды Японии «по техническим причинам» в ходе обычного учебного плавания. Китайская сторона выразила «сожаление» об инциденте, а японская – приняла ее заявление как извинение.

К концу пребывания Коидзуми в должности премьера, отношения Японии с Китаем стали улучшаться. Возможно, одна из причин – смена поколений в китайском руководстве. Кроме того, президент Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао, видимо, начали осознавать, что с их стороны было бы неразумно уделять слишком много внимания историческим проблемам, включая посещения Коидзуми святыни Ясукуни. Эта конфликтная проблема по-прежнему существует, однако она не помещала Коидзуми встретиться с Вэнь Цзябао и Ху Цзиньтао.

Напряженность на Корейском полуострове

Между Японией и Республикой Корея существует территориальный спор относительно суверенитета над о-вами Такэсима (по-корейски Токдо). Эти острова – группа скал в Японском море примерно в 200 км к востоку от центральной части Южной Кореи и на таком же расстоянии к северу от Хонсю. Там имеются два островка, окруженные рифами, которые поднимаются на 150 м над уровнем моря. Общая площадь их составляет 23 га. Там нет стоянок для судов, и причалить к островкам можно лишь на лодке при тихой погоде.

Япония ссылается на различные сохранившиеся до нынешнего времени документы и карты, которые свидетельствуют о том, что японские семьи владели правом собственности на островки еще в начале

XVII в. и что с тех пор эти островки рассматривались как часть ее территории. Токио также ссылается на то, что в 1905 г. (когда Япония установила протекторат над Кореей, до аннексии в 1910 г.) японское правительство особо объявило о включении островов в состав преф. Симанэ. Кроме того, с тех пор до второй мировой войны японские власти регулярно выдавали лицензии разрешающие охоту на тюленей на этих островах.

Со своей стороны Южная Корея заявляет, что острова всегда являлись корейской территорией, и что прежние попытки Японии присвоить себе право на владение ими не имеют законной силы. Сеул рассматривает включение островов в состав преф. Симанэ в 1905 г. как проявление империализма, характерного для политики Японии того периода, и, соответственно, как не имеющее законной силы в соответствии с современным международным правом.

Хотя Япония и Южная Корея нормализовали дипломатические отношения в 1960 г., территориальный спор остался нерешенным. На спорных островах нет постоянных жителей. Однако сегодня там базируются с десяток южнокорейских морских пограничников в качестве демонстрации претензий Сеула на эти острова. А японское правительство регулярно напоминает о собственных претензиях на о-ва Такэсима, направляя Южной Корее дипломатические ноты протеста и посылая к островам патрульные суда береговой охраны.

Как уже говорилось, безоговорочная поддержка японским премьер-министром американских действий в Ираке в значительной степени свидетельствует о тесных личных связях между Коидзуми и американским президентом Джорджем Бушем. В то же время она отражает расчеты Токио на то, что сотрудничество с США по глобальным проблемам поможет Японии отстаивать свои региональные интересы. В первую очередь это касается Северной Кореи в контексте шестисторонних переговоров по ядерному оружию, а также политически чувствительной проблеме японских граждан, похищенных Северной Кореей в 70–80-е годы.

Во время российско-японской встречи на высшем уровне в ходе саммита «Большой восьмерки» в Кананаскисе (Канада) в июне 2002 г. японский премьер-министр попросил президента Путина помочь убедить северокорейского лидера Ким Чен Ира способствовать решению проблемы похищенных японских граждан. Однако, несмотря на такую просьбу, российский президент не сказал об этом северокорейскому лидеру во время саммита Россия–КНДР, который состоялся два месяца спустя во Владивостоке. «Проблема похищения японских граждан является сугубо двусторонней, и она должна решаться исключительно между Японией и КНДР». Таково было официальное объяснение (или

извинение), данное президентом Путиным премьер-министру Коидзуми.

Следует отметить, что пока у Японии и Северной Кореи нет прямого канала связи для обсуждения и решения двусторонних проблем, Россия имеет возможность играть роль посредника. Однако, если будет создан такой прямой канал (официальный или неофициальный) между Японией и КНДР, Токио и Пхеньян уже не будут нуждаться в посреднических услугах Москвы. Два государства смогут напрямую вести переговоры без участия третьей стороны, т. е. России.

На самом деле, Коидзуми предпринял все усилия, чтобы посетить Пхеньян, и сделал это дважды. В ходе первого визита 17 сентября 2002 г. японский премьер-министр подписал с северокорейским лидером Ким Чен Иром «Пхеньянскую декларацию Япония–КНДР». На саммите обсуждался вопрос о похищениях (который имеет для Токио большое значение, поскольку речь идет о жизни и безопасности японских граждан). Северная Корея предоставила некоторую информацию по этой проблеме. Северокорейский лидер признал, что это было делом рук некоторых лиц, в прошлом связанных с КНДР. Он выразил сожаление и принес извинения. 15 октября пятеро похищенных японцев вернулись домой, что стало результатом переговоров с участием их семей. После их возвращения были тщательно проанализированы различные обстоятельства, включая ситуацию с самими жертвами и волю их семей. В результате японское правительство решило, что вернувшиеся должны оставаться в Японии, и потребовало от Северной Кореи обеспечить безопасность их семей, оставшихся в КНДР, а также их скорейшее возвращение (с определением точной даты).

Кроме того, на саммите 17 сентября, касаясь вопроса о подозрительных неопознанных судах, Ким Чен Ир сказал, что, вероятно, это было результатом действий кого-то из военного руководства. Он пообещал провести расследование и заверил, что впредь такое не повторится. Более того, затронув проблему безопасности, северокорейский лидер подтвердил важность развития диалога между заинтересованными странами и решения возникающих вопросов. Он также заявил, что намерен соблюдать все международные соглашения, касающиеся ядерной проблемы на Корейском полуострове, и приостановит пуски ракет на неограниченный срок. По итогам этих встреч премьер-министр Коидзуми сделал вывод, что существуют определенные перспективы комплексного урегулирования спорных вопросов между Японией и Северной Кореей. Поэтому он решил возобновить переговоры о нормализации двусторонних отношений с целью обеспечения дальнейшего урегулирования имеющихся проблем.

В ходе второго визита в КНДР в мае 2004 г. Коидзуми добился от Северной Кореи освобождения практически всех членов семей пяти-рых похищенных (за исключением трех). Они вернулись в Японию вместе с премьер-министром и воссоединились с членами своих семей. Хотя муж похищенной и вернувшейся на родину Сога Хитоми, Чарльз Дженкинс и две их дочери не отправились в Японию вместе с Коидзуми, они воссоединились с госпожой Х. Сога в июле в Индонезии, а чуть позже прибыли в Японию.

Все эти уступки со стороны Северной Кореи стали возможны лишь в обмен на японскую продовольственную и медицинскую помощь КНДР. Так, правительство Японии объявило о предоставлении Северной Корее 250 тыс. т продовольствия, а также медицинской помощи на сумму 10 млн. долл. через соответствующие международные организации. Однако члены семей похищенных японцев резко критиковали Коидзуми за недостаточное, по их мнению, давление на Северную Корею. Отношения между Токио и Пхеньяном резко ухудшились 8 декабря 2004 г., когда Япония обнаружила, что человеческие останки, предоставленные северокорейским властями как доказательство смерти Ёкота Мэгуми (одной из жертв похищений), не являлись ее останками.

Тем не менее, 5 августа 2005 г. японское правительство объявило о предоставлении КНДР 125 тыс. т продовольственной помощи через Всемирную продовольственную программу (ВПП), а также на 7 млн. долл. медицинской и другой гуманитарной помощи через Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) и Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ). Однако в результате дальнейших событий (и с учетом «фальшивых» останков Ёкота Мэгуми) правительство Коидзуми заявило, что оно воздержится от предоставления оставшейся части гуманитарной помощи КНДР, даже если об этом попросят соответствующие международные организации. Кроме того, под давлением растущей критики со стороны японской общественности, правительство в марте 2005 г. ввело запрет на заход северокорейских судов в японские порты.

Переговоры с Россией по проблеме северных территорий

После окончания «холодной войны» в мировой политике, по сути, исчезли противоречия между Западом и Востоком, основанные на идеологических разногласиях. Поэтому, казалось бы, ничто не мешало Российской Федерации как правопреемнику СССР наладить хорошие отношения с Японией, близким союзником Соединенных Штатов, которые являются лидером Западного мира. Однако не все так просто. Сегодня вместо конфронтации между Западом и Востоком мы

имеем, по сути, однополярный мир, в котором США доминируют в международных делах. В этой ситуации вполне естественно, что отношения с Соединенными Штатами стали приоритетными как для России, так и для Японии.

Как уже отмечалось, США всегда стояли на первом месте во внешнеполитической повестке дня Коидзуми. Именно для поддержания тесного альянса с США кабинет Коидзуми решил направить контингент сил самообороны в Ирак. Что касается КНР, то отношения с ней не числятся среди внешнеполитических приоритетов Японии, несмотря на то, что объем японо-китайской торговли превышает аналогичный показатель торговли с США. Так, Коидзуми не посещал Пекин в течение пяти лет, а Ху Цзиньтао не приезжал в Токио.

Во внешней политике Коидзуми склонен придавать большее значение форме своих политических действий, чем содержанию. Например, он дважды посетил Пхеньян, чтобы встретиться с Ким Чен Иром и привезти обратно нескольких японцев, похищенных Северной Кореей. Это значительно повысило его популярность на родине. В то же время Коидзуми не проявил особого интереса к проблеме улучшения отношений с Россией. Он сознавал, что кремлевское руководство при Путине не пойдет на какие-либо дипломатические уступки по вопросу о территориальных притязаниях Японии, и поэтому бесполезно прилагать какие-либо усилия в этом направлении. Безразличие Коидзуми к этой проблеме приняло крайние формы. В отличие от прежних премьер-министров он не посетил, причем дважды – в 2005 и 2006 гг. – ежегодные мероприятия в Токио по поводу «Дня северных территорий» (7 февраля).

Отношения между Путиным и Коидзуми: отсутствие прогресса

Коидзуми не сумел добиться какого-либо значительного прогресса в решении давнего спора Японии с Россией о «северных территориях». Он настаивал на возвращении четырех спорных островов (гряда о-вов Хабомаи, о-вов Шикотан, Кунашир и Итуруп).

На двусторонние отношения оказал определенное влияние «скандал вокруг Судзуки Мунэо». Какую позицию в отношении России заняло правительство Коидзуми после того, как затих этот скандал? Каковы ее основные положения?

Во-первых, – это отклонение предложения Судзуки о «поэтапном» подходе, и решительный возврат к позиции «одновременный возврат всех четырех островов» (на эту позицию Коидзуми встал вскоре после вступления в должность премьер-министра, а идея о «поэтапном» возврате островов возникла еще при премьер-Мори Иосиро).

Член парламента Судзуки Мунэо выступал за «поэтапный» подход. Это предложение поддерживали некоторые официальные лица в МИДе Японии, включая Того Кадзухико и Сато Масару. В апреле 2001 г. министр иностранных дел Кавагути сместила со своих постов Того, Сато и некоторых других сотрудников министерства за неправомерное вмешательство в политику ведомства, особенно по вопросу о северных территориях. Сам Судзуки вынужден был выйти из Либерально-Демократической партии. Он потерял свое место в парламенте. Его обвинили в получении взяток, связанных со строительством зданий на спорных островах. После ареста Судзуки его «поэтапный» план на какое-то время исчез из повестки дня. Как было сказано выше, Коидзуми четко заявил о своей позиции – заключение мирного договора с Россией возможно лишь после того, как над всеми четырьмя островами будет восстановлен суверенитет Японии. 27 апреля 2001 г. на своей первой пресс-конференции в качестве премьер-министра Коидзуми заявил, что «если два острова (Хабомаи и Шикотан) будут возвращены в первую очередь, это с нашей точки зрения не будет означать, что территориальная проблема таким образом решена». Затем, в первом политическом выступлении перед японским парламентом 7 мая 2001 г. он сказал: «Я намерен продолжать переговоры на основе твердого убеждения, что мирный договор может быть заключен лишь в случае решения вопроса о принадлежности четырех островов».

Во-вторых, кабинет Коидзуми считает, что «комплексный пакетный подход» является наиболее эффективным для решения территориальной проблемы и что этому будет способствовать сформулированный двумя сторонами План совместных действий Японии и России. Соглашение по этому плану было достигнуто в ходе первого официального визита Коидзуми в Москву (9–12 января 2003 г.). В соответствии с планом, стороны обязаны тесно сотрудничать по шести позициям: 1) политический диалог; 2) переговоры о заключении мирного договора; 3) международные дела; 4) торговля и экономические вопросы; 5) оборона и безопасность; 6) культура и личные контакты между людьми. План совместных действий отличается от прежнего «сбалансированного расширения» и «многоуровневого подхода» тем, что это не односторонняя японская политическая декларация, но документ, подписанный двумя сторонами.

Почему события 11 сентября 2001 г. сблизили Соединенные Штаты и Россию? Попросту говоря, они осознали, что международный терроризм является «общим врагом». Может ли существование такого «общего врага» аналогичным образом сблизить Японию и Россию? Призрак Северной Кореи, обладающей ракетно-ядерным оружием,

вполне способен сделать это, как и экспансионистские устремления Китая. В какой-то момент в XXI в. Китай может стать потенциальной угрозой, как для Японии, так и для России, причем в большей степени для последней. Поэтому России и Японии лучше подготовиться к такому сценарию. Не был ли этот вопрос одним из секретных пунктов повестки дня в ходе встречи Коидзуми – Путин в 2003 г.? Другими словами, нельзя ли предположить, что Китай как бы незримо присутствовал на японо-российском саммите?

Так, выражение «стратегические и геополитические интересы», которое использовали оба лидера – японский и российский – на московском саммите в 2003 г., можно расценить как эвфемизм, обозначающий «меры против китайской угрозы». Совместное коммюнике по итогам саммита также повторяет Московскую декларацию 1998 г. в части, касающейся развития «созидательного партнерства, отвечающего *стратегическим и геополитическим интересам* двух стран» (Курс. наш. – Х. К.). Кроме того, президент Путин заявил премьер-министру Коидзуми, что Россия и Япония нужны друг другу, и не в краткосрочном плане, а в стратегической перспективе. Почему не в краткосрочном плане? Если говорить о ядерном оружии Северной Кореи, то ее ракеты «Нодонг» и «Тэзподонг» уже представляют непосредственную угрозу для Японии. С точки зрения долгосрочной перспективы, заявление о том, что Москва и Токио нужны друг другу не в краткосрочном плане, а в стратегической перспективе, имеет логичное объяснение как ссыла на скрытую угрозу, которую представляет собой Китай.

В этом смысле примечательны те разделы японо-российского плана действий, которые непосредственно касаются сотрудничества на международной арене, а также в сфере обороны и безопасности. Поскольку между Японией и Россией нет противостояния, эти категории можно отнести к их совместной позиции относительно какого-то очевидного – реального или потенциального – врага. Кто может быть этим врагом? Международный терроризм? Контрабанда? Преступные синдикаты? Северная Корея с ядерным оружием? И будет ли правильным исключать сценарий, по которому эскалация китайского экспансионизма может представлять угрозу странам региона? Так, например, губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев выражает опасения по поводу возможной китайской экспансии. Этот российский регион остро нуждается в японской экономической помощи, даже ценой возврата Японии спорных островов. Не случайно именно в этом регионе японский премьер-министр провел вторую половину своего официального визита в Россию в 2003 г. Целью визита было донести до россиян мысль о том, что общие «стратегические и геополитические интересы» являются основой для сотрудничества.

литические интересы» должны способствовать преодолению мелких разногласий и развитию сотрудничества между двумя странами.

Нет никаких сомнений в том, что Россия развивает с Китаем стратегическое партнерство. Но почему Москва уделяет такое большое значение отношениям с Пекином? Не потому ли, что видит в Китае потенциальную угрозу? Россия испытывает все большее беспокойство в связи с быстрым экономическим ростом Китая и, особенно, в связи с его проявляющимися в последние годы экспансионистскими тенденциями. Потенциальная угроза может со временем превратиться в реальную, и тогда Япония оказалась бы подходящим кандидатом в союзники России. Не рассматривают ли нынешние российские лидеры Японию именно в таком плане? Кого выберет Россия – Японию или Китай? Разумеется, такая постановка вопроса была бы некорректной: ответ, вероятно, будет следующим – выберет обе страны, а не одну из них. И Япония, и Китай важны для России. Поэтому Россия пока будет стремиться проводить благожелательную и сбалансированную политику, стараясь не ссориться ни с Пекином, ни с Токио. Однако, если между Японией и Китаем возникнут серьезные противоречия по какому-либо вопросу, России будет трудно умиротворить обе стороны.

Например, куда пойдет нефть из Ангарска (Восточная Сибирь)? Выбор маршрута нефтепровода является поводом для острой конкуренции между Китаем и Японией. Существуют два варианта: один – «китайский маршрут» из Тайшета в Восточной Сибири (Иркутская область), через Сковородино (Амурская область) около границы с Китаем в Дацин (китайская провинция Хэйлунцзян). Другой – альтернативный «тихоокеанский» маршрут из Тайшета через Сковородино в бухту Козьмино недалеко от порта Находка в Японском море. На момент написания данной главы (ноябрь 2006 г.) Кремль как будто бы решил, что нефтепровод по маршруту Восточная Сибирь – Тихий Океан будет состоять из двух участков: первый – от Тайшета до Сковородино; второй – от Сковородино через границу с Китаем в Дацин и/или от Сковородино в бухту Перевозная (точнее, в бухту Козьмино). Собственно говоря, строительство первого участка нефтепровода уже началось. Что касается второго участка, то кремлевское руководство, видимо, пока не приняло окончательного решения. В частности, оно не уверено, хватит ли на весь проект нефтяных ресурсов месторождений Восточной Сибири (для этого нужно завершить необходимые исследования). В такой ситуации Москва считает выгодным для себя, чтобы Япония и остро нуждающийся в энергоресурсах Китай конкурировали друг с другом, предлагая России более выгодные условия.

Во время своего первого президентского срока (2000–2004 гг.) Владимир Путин вроде бы занимал примирительную позицию по

проблеме территориального спора. Так, администрация Путина охарактеризовала отсутствие согласованной границы между двумя странами как «вызывающее сожаление». Например, отвечая на вопросы в Госдуме 13 марта 2002 г., Игорь Иванов (в то время министр иностранных дел) заявил, что, как известно, у России и Японии нет границы, установленной на основании какого-либо международно-признанного договора. Кроме того, у России нет мирного договора с Японией. Поэтому, естественно, эти вопросы составляют важную часть переговоров между Москвой и Токио... Следует признать, что так называемая проблема демаркации границы является – и будет представлять – существенное препятствие на пути развития полноценного сотрудничества между Россией и Японией. В октябре того же года, в ходе переговоров с японским министром иностранных дел Кавагути Ёрико, Путин затронул проблему «северных территорий». Он отметил, что эта проблема досталась нам из прошлого, и весьма печально, что между двумя странами нет мирного договора. Поэтому обе страны должны прилагать усилия для решения этого вопроса.

Однако с началом второго президентского срока (май 2004 г.) позиция Путина по территориальной проблеме радикально изменилась. Например, выступая по телевидению 27 сентября 2005 г., он сделал весьма решительное заявление: «Что касается переговорного процесса с Японией по Курилам – по четырем островам, они находятся под суверенитетом Российской Федерации, это закреплено международным правом, это результаты второй мировой войны, и вот в этой части мы ничего не собираемся обсуждать». Аналогичное заявление он сделал два месяца спустя, 21 ноября, во время официального визита в Токио. Такой подход, полностью противоречащий предыдущим заявлениям Путина и высокопоставленных представителей его администрации, стал неожиданностью для японцев, которые задавались вопросом, неужели это истинная позиция кремлевского руководства. Есть три аспекта, которые позволяют нам сделать вывод, что это именно так.

Во-первых, в его заявлении от 27 сентября игнорируется международное право, которое не признает четыре острова российской территорией. Никакие международные договоры или соглашения, включая Ялтинские соглашения, не дают оснований для российских притязаний на эти острова. Во-вторых, в заявлении Путина особо подчеркивается победа и поражение во второй мировой войне. Это противоречит позиции союзников во время второй мировой войны, которая включала в себя принцип отказа от территориальной экспансии. Кроме того, это, по сути, является отказом от духа и методов администрации Ельцина, которая придерживалась нового, смелого подхода, заявляя, что международные отношения в послевоенную эпоху не должны

формулироваться в понятиях стран победителей и стран, потерпевших поражение. Вместо этого, новые международные отношения должны основываться на «законе и справедливости» (Георгий Кунадзе, в 1991–1994 гг. — заместитель министра иностранных дел). Третья примечательная особенность сентябрьского заявления Путина заключается в том, что он отказывается от каких-либо дискуссий, категорично отвергая наличие самой проблемы. Такой подход приводит на память бывшего советского министра иностранных дел Громыко, чей стиль стал известен на Западе как дипломатия «нет».

В 2006 г. Путин продолжал придерживаться этой жесткой позиции в отношении территориального спора. Так, например, на пресс-конференции 31 января, отвечая на вопрос московского корреспондента «Асахи Симбун», он заявил: «Мы вместе начали искать пути разрешения проблемы, приемлемые как для японской, так и для российской стороны, не подрывая международных договоренностей в *Ялте, Потсдаме и Сан-Франциско*» (Курс. наш. — Х. К.). На следующий день пресс-секретарь министерства иностранных дел Японии Катори Кацуаки, отвечая на приведенное выше высказывание российского президента, заявил: «Мы не принимаем утверждения о том, что Ялтинское соглашение, в котором Япония не принимала участия, налагает на нее какие-то юридические обязательства».

Предложение Путина завершить территориальный спор путем возвращения Японии лишь двух (меньших) островов разделило японское общество на три группы. Некоторые японцы поддерживают предложение Путина, однако большинство считает, что должны быть возвращены все четыре острова. Третья группа призывает решать спор на основе «поэтапного» подхода, а именно, сначала должны быть возвращены два меньших острова, а позднее — два больших. Тем не менее, споры о том, будет ли это «поэтапное» возвращение или «единовременное возвращение четырех островов» продолжается. Одной из причин этого является признание администрацией Путина конструктивности «поэтапного» подхода Судзуки. Даже в 1956 г., когда сила и влияние Японии были на низком уровне по сравнению с мощью Советского Союза, Никита Хрущев был готов вернуть Японии острова Шикотан и Хабомаи. Если бы Путин мог решить проблему, вернув только эти два острова (что составляет лишь 7% спорных территорий), это, действительно, было бы низкой ценой для России. Официальный визит Путина в Японию в ноябре 2005 г. породил там всеобщий пессимизм относительно возвращения утраченных территорий в ближайшем будущем. Этот пессимизм способствовал тому, что «поэтапный» подход обрел новую жизнь. Например, Фудзивара Хироси, занимавший в то время пост мэра г. Нэмуто (Хоккайдо), что напротив

Хабомаи, писал в «Асахи симбун» (29.06.2006): «Я задаюсь вопросом, будет ли полезной, эффективной стратегией согласиться с предложением президента Путина о передаче нам двух островов с тем, чтобы использовать это в качестве первого шага для прогресса на переговорах с Россией».

Сторонники одновременного возвращения всех четырех островов немедленно отвергли предложение Фудзивара. Так, например, Коикэ Юрико (в то время министр по делам северных территорий в кабинете Коидзуми) в очередной раз заявила, что позиция кабинета, согласно которой «Япония обладает суверенитетом над *четырьмя* островами, остается неизменной» (Курс. наш. — Х. К.). Она также добавила, что позиция Фудзивара — это «всего лишь личное мнение одного человека». Аналогичным образом губернатор Хоккайдо Такахаси Харуми заявил, что «Хоккайдо требует от центрального правительства (Токио) продолжать проведение дипломатических переговоров с Россией на основе политики решения вопроса о суверенитете над *четырьмя* островами, что сделает возможным заключение мирного договора» (Курс. наш. — Х. К.).

Профессор Хакамада Сигэки (Университет Аояма Гакуин, Токио), который является ведущим экспертом в области российско-японских отношений, считает подход Фудзивара нереалистичным. Аргументы профессора Хакамада следующие: чтобы получить обратно два острова, Японии придется заключить мирный договор. Однако после заключения мирного договора (в котором так заинтересована Россия) Япония, несомненно, лишится эффективных способов добиваться возврата двух оставшихся острова. Даже если мирный договор будет включать положение о том, что стороны продолжат переговоры по двум островам, у России не будет никаких стимулов делать это, и она, возможно, вернется к испытанной тактике затягивания решения проблемы. В этом случае, даже продолжая переговоры, Москва будет использовать Итуруп и Кунашир как «заложников» для получения экономической и иной помощи от Японии. Поэтому абсолютно необходимо, чтобы Япония добилась от президента Путина включения в мирный договор четкого графика возвращения оставшихся двух островов. Однако это было бы равнозначно признанию Россией того, что она согласна на возвращение всех четырех островов. Если бы такое и на самом деле было возможно, то у нас не было бы всех этих проблем. Еще во времена кабинета Миядзава было сделано предложение: если Москва признает суверенитет Токио над *четырьмя* островами, то Япония проявит гибкость в вопросах времени, способа и условий реального возврата островов. Россия отказалась даже от таких серьезных

уступок с японской стороны. Именно по этой причине российско-японские переговоры по островам зашли в тупик. Поэтому, заключает Хакамада, те, кто выступает за «возвращение двух островов в качестве первого шага», не учитывая позицию администрации Путина и ее интерпретацию Совместной японо-российской декларации 1956 г., закрывают глаза на те реалии, которые им не нравятся.

Тем не менее, существует один важный аспект в позиции Фудзивара, который не следует игнорировать: это те причины, которые заставили его написать такую статью. Среди жителей Нэмура существует глубокое разочарование, даже раздражение и чувство безысходности по поводу перспектив решения территориального спора в ближайшем будущем. После того, как сталинские войска оккупировали северные острова, оттуда были высланы 17 тыс. японских жителей, японцы, вынужденные покинуть Хабомаи и Шикотан, обосновались в Нэмура, надеясь, что скоро смогут вернуться на острова после того, как будет подписан мирный договор или какое-либо аналогичное соглашение. Однако прошло уже более 60 лет, а ситуация никак не изменилась. Более половины японцев, высланных с островов, к настоящему времени уже нет в живых. Большинство бывших жителей островов всегда занимались рыболовством. Однако существующая де-факто морская граница между Японией и этими островами резко ограничила территорию рыболовного промысла, доступного для бывших жителей островов и их потомков.

Все это объясняет, почему бывший мэр Нэмура выступил с таким смелым предложением, по сути, поддержав «поэтапный» подход: он хотел привлечь внимание центрального правительства к трудному положению бывших жителей островов, обосновавшихся в этом городе. Лишь два японских премьер-министра посещали Нэмура: Судзуки Дзэнко в 1981 г. и Коидзуми Дзюнъитиро в 2004 г. Одна из причин столь редких посещений этого города официальными лицами заключается в том, что местные жители склонны возлагать на них излишние надежды. Рыбаки и другие жители настойчиво требуют от приезжающих представителей власти конкретных политических действий или дополнительных средств на развитие региона. Зная об этом и не желая попадать в сложную ситуацию, влиятельные политики предпочитают оставаться в стороне. Однако одно дело испытывать глубокое сочувствие к местным жителям, и совсем другое – давать оценку совершенно ошибочному предположению Фудзивара о том, что Россия будет вести с Японией серьезные переговоры после того, как достигнет своей цели – подпишет мирный договор и, таким образом, устранил главный козырь Токио на переговорах. Кроме того, своим заявлением Фудзивара послал Кремлю совершенно неверный сигнал о том, что в

японском общественном мнении существует серьезный раскол по территориальному вопросу.

Каковы же перспективы российско-японских отношений? Или, более конкретно: будут ли двусторонние отношения благоприятно развиваться без решения территориального спора и соответственно без заключения мирного договора? Константин Косачев, председатель комитета Госдумы по международным делам, полагает, что будут. На пресс-конференции 18 июля 2006 г. в ходе саммита «Большой восьмерки», отвечая на вопрос о том, какие усилия предпринимает Госдума для решения проблемы «северных территорий», он сказал, что эта проблема не представляет первостепенной важности, и он абсолютно уверен, что время работает на Россию, а не на Японию. Это заявление включает два сомнительных предположения: 1) решение территориального спора не является насущным вопросом; 2) время работает на Россию. Возможно, Косачев прав в первом, но совершенно ошибается во втором. Попытаемся объяснить, почему:

В своем заявлении Косачев – намеренно или нет – проигнорировал серьезные проблемы, которые стоят перед Россией в настоящее время и с которыми она столкнется в ближайшем будущем, в частности, в сфере экономики, демографии и дипломатии. В экономическом плане Россия, возможно, и находится сегодня в хорошей форме, благодаря беспрецедентному росту цен на нефть в мире. Однако что случится с российской экономикой, если цены на нефть упадут? Ведь 57% своих экспортных доходов Россия получает за счет продажи энергоресурсов. Кроме того, изобилие энергоресурсов не является абсолютным благом, поскольку оно может привести к самоуспокоенности и сомнениям в необходимости проведения экономической реформы.

Демографическая ситуация уже стала серьезной проблемой в России, население которой сокращается примерно на 435 тыс. человек в год. Напротив, население Китая растет, несмотря на официальную политику правительства: один ребенок в семье. Особенно заметна разница в численности населения между Россией и Китаем на российском Дальнем Востоке: около 6,5 млн. россиян живут по соседству со 130 млн. китайцев на северо-востоке Китая. Некоторые полагают, что на Дальнем Востоке Россия проводит сознательную политику жестко контролируемой иммиграции дешевой китайской рабочей силы. Однако, по нашему мнению, те, кто так считает, не учитывают один важный аспект. Как отметили Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди, проблема «не в том, что, регион *малонаселен*, а в том, что сегодня он *перенаселен*» (Курс. наш. – *Х. К.*). В настоящее время, когда предприятия военно-промышленного комплекса Сибири и Дальнего Востока пришли в упадок, возможности трудоустройства для местного населения ограничены.

Поэтому многие жители региона вынуждены переезжать в западные и южные районы страны.

Если выводы Хилла и Гэдди верны, то привлечение рабочей силы из Китая и Центральной Азии само по себе не решит проблемы Сибири и Дальнего Востока. Новые промышленные предприятия могли бы открыть возможности для занятости населения, но такие предприятия невозможно создать без инвестиций, развитой инфраструктуры, технологических ноу-хау и квалифицированных управленческих кадров. Япония – именно та страна, которая может предоставить все это быстро и на широкомасштабной основе. Заместитель директора Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин считает, что Россия должна рассматривать Японию как основного партнера в модернизации Сибири и Дальнего Востока. В этих регионах Япония способна сыграть ту же роль, что Германия и Европейский Союз сыграли в западных регионах России. Финансовые возможности, технологическое лидерство и геополитическое положение Японии делают ее «идеальным партнером в модернизации России на востоке». Если Россия сумеет установить такого рода партнерство с Японией, это усилит ее позиции в Азии в целом.

По этим и другим причинам в долгосрочной перспективе России, в конце концов, понадобится Япония. Это всего лишь вопрос времени. Возможно, некоторые русские и правы в том, что только когда возникнет настоятельная необходимость, Россия начнет серьезно взвешивать все «за» и «против» возвращения Японии четырех островов. Весомый аргумент. Однако, если затягивать процесс, то может оказаться слишком поздно. Конечно, японцы, в любом случае, будут рады получить назад свою территорию, но они не оценят этого по достоинству, если придется ждать слишком долго. Что более важно, Россия не получит от Японии того, что она могла бы получить в случае более быстрого решения территориальной проблемы. Китай, напротив, многое выиграл от полной нормализации дипломатических отношений с Японией после заключения мирного договора в 1978 г. Так, КНР была одним из основных получателей помощи в рамках японской программы «официальная помощь развитию», и в настоящее время является основным торговым партнером Японии. Поразительный экономический рост Китая был бы невозможен без тесных экономических связей с Японией, хотя и она в значительной степени обязана Китаю своим недавним преодолением экономического спада.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЯПОНИЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (ОЭСР, ВТО, АТЭС)

Япония входит в основные международные экономические организации как глобального, так и регионального характера, в том числе Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирную торговую организацию (ВТО), Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ), Форум Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и многие другие. Пожалуй, трудно назвать хотя бы одну структуру международного экономического сотрудничества, в которой бы не было представителя Японии.

Следует отметить, что вся внешнеэкономическая стратегия Японии послевоенного периода была основана на примате мультилатерализма, т. е. доктрины участия преимущественно в многосторонних экономических и политических организациях глобального и регионального масштаба. Именно за счет закрепления в таких структурах Токио последовательно добивался стратегической цели международного признания, достойного места Японии в мировом сообществе. Приоритет в процессе внешнеполитического, внешнеэкономического и бюджетного планирования всегда отдавался таким организациям, как ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), Международный валютный фонд, ООН. Однако в двусторонних экономических отношениях, даже с ключевыми партнерами, Япония традиционно придерживалась пассивной и безынициативной позиции при обсуждении двусторонних форматов или форматов с малым числом стран-участников тарифных соглашений. Лишь в 1999 г. Токио начал постепенно приходить к пониманию важности двусторонних форматов, запустив процесс двусторонних переговоров с Сингапуром.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в целом Токио продолжает считать двусторонние форматы экономического сотрудничества «дополняющими» режим, задаваемый ВТО и иными масштабными

экономическими организациями, которым по-прежнему придается первоочередное значение. В данной главе автор попытается очертить круг вопросов, связанных с участием Японии в двух крупнейших глобальных структурах – ОЭСР и ВТО, а также одной региональной организации – АТЭС.

Организация экономического сотрудничества и развития

В системе международного экономического сотрудничества Япония придает большое значение своему участию в ОЭСР. В частности, она является одним из лидеров в деле оказания официальной помощи развитию (ОПР), которая осуществляется в рамках Комитета помощи развитию ОЭСР.

В 1963 г. Япония вступила в международный Комитет помощи развитию, в 1964 г. – Организацию экономического развития (ОЭСР). С начала 80-х годов Япония заняла стабильное первое место в мире среди членов Комитета помощи развитию ОЭСР по абсолютному размеру экономической помощи развивающимся странам Азии и Тихого океана, а с 1989 г. – и всего «третьего мира». В связи с проводимой японским правительством реструктуризацией государственных финансов объем выделяемых на нужды ОПР бюджетных средств в начале первого десятилетия XXI в. начал снижаться, в результате чего в 2001 г. Япония утратила статус главного донора международных программ помощи развитию, переместившись на второе место после США. Однако по-прежнему она сохраняет ведущие позиции в общем потоке ОПР (около 13% ее мирового объема в 2004 г.).

Основным нормативным документом, направляющим деятельность японского правительства по линии ОЭСР, является Национальная хартия ОПР, принятая 30 июня 1992 г. кабинетом министров. При рассмотрении вопроса о выделении помощи конкретной стране, в соответствии с духом Национальной хартии, японскому правительству следует в комплексе учитывать как негативные (военные расходы, производство и распространение оружия, ущемление прав человека), так и положительные (развитие демократии и рыночных реформ, гарантии политических прав) моменты.

В августе 2003 г. кабинетом министров была принята новая редакция Национальной хартии ОПР. Главная цель официальной помощи развитию теперь заключается в том, чтобы «содействовать установлению мира и развитию международного сообщества и таким образом способствовать обеспечению безопасности и процветанию Японии». Иными словами, значение ОПР как инструмента внешнеполитической стратегии для Японии стало рассматриваться в программных

внешнеполитических документах прежде всего в контексте национальных интересов самой Японии.

В 2004 г. из 8955,5 млн. долл., выделенных на нужды ОПР из государственного бюджета, на двустороннюю помощь было ассигновано около 5917,19 млн. долл. (66,4% от общего объема ОПР), на взносы международным организациям – 2988,36 млн. долл. (33,6%)¹.

Таблица 1

Объем бюджетных ассигнований на программы двусторонней помощи развитию (2004 г.)*

	Сумма, млн. долл. США	Доля в общем объеме бюджетных ассигнований на ОПР, %
Финансовые гранты	4323,87	33,8
Техническая помощь	2806,76	48,3
Низкопроцентные «иеновые кредиты» с учетом средств, списанных в качестве безнадежных долгов**	1041,28	17,9

* ОДА хакусё. 2005, с. 51.

** В реальности с учетом того обстоятельства, что сумма погашенных в 2004 г. долговых обязательств за ранее выданные кредиты составила 2254,72 млн. долл., строка «иеновые кредиты» дала бюджету прибыль в 1213,44 млрд. долл.

Финансовые гранты, представляющие собой безвозмездную денежную помощь, предоставляются наиболее отсталым и бедным развивающимся государствам, а также странам, пострадавшим от конфликтов и стихийных бедствий. Традиционно большое место (40–50%) в общем объеме японских финансовых грантов занимали страны Южной и Юго-Восточной Азии. Однако в связи с улучшением экономического положения в азиатских странах и в ответ на критику за несправедливое географическое распределение помощи акцент в последнее время был смещен в сторону стран Ближнего и Среднего Востока (в настоящее время более 40% помощи), а также беднейших стран Африки (около 17%).

Основная часть грантов направляется на создание объектов социальной инфраструктуры – строительство и оборудование больниц, источников водоснабжения, школ и т. д. Так, из числа «обычных

¹ Сэйфу кайхацу эндзё хакусё (Белая книга по официальной помощи развитию).2005 (далее ОДА хакусё. 2005), с.49.

проектов», финансируемых за счет грантовой помощи, в 2004 г. около 25% занимали проекты в области здравоохранения и медицины, среди которых выделялись проекты, связанные с профилактикой и лечением СПИДа и малярии, 25% – строительство инфраструктурных объектов в сферах транспорта и связи, 18% – проекты в области образования, 16% – водоснабжения².

Техническая помощь также представляется развивающимся странам на безвозмездной основе. Исполнительным органом правительства по реализации направления технической помощи является Японское агентство международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency, сокр. JICA), которое с 2003 г. работает на правах «особого юридического лица». Как отмечено в Декларации JICA, ее миссия заключается в том, чтобы «служить перекидным мостом между жителями Японии и развивающихся стран, оказывать этим странам помощь и добиваться создания мирного и благополучного мира»³. JICA осуществляет техническую помощь с акцентом на построении в развивающихся странах государственных институтов, усилении их организационной базы, развитии социально-экономических и человеческих ресурсов, которые бы могли позволить странам-реципиентам самостоятельно развиваться в социально-экономической сфере. У организации 19 дочерних офисов в Японии и более 100 – в зарубежных странах, в которых работают около 1300 сотрудников. JICA реализует проекты в 65 странах (по положению на 2003 г.), для каждой из которых ежегодно составляется отдельная программа технического содействия. В год JICA принимает в Японии более 8 тыс. стажеров из развивающихся стран примерно по 600 специальностям⁴ и направляет за рубеж около 1700 технических специалистов. Программы обучения стажеров из развивающихся стран охватывают более 120 специальностей, в том числе такие, как агротехника, образование, общественная гигиена и санитария, спорт и т. д.⁵ Так, для африканских стран, в которых наблюдается эндемия СПИДа, составлены программы обучения, касающиеся борьбы с этим заболеванием. Для стран, пострадавших от конфликтов и находящихся на стадии активного государственного строительства (Афганистан, Восточный Тимор и т. д.), подготовлены программы, которые посвящены рыночным реформам, экономическому законодательству, методам административной политики и т. д.

«Иеновые кредиты» предоставляются развивающимся странам на цели развития на льготных условиях, т. е. по низкой процентной ставке

² <http://www.apic.or.jp/plaza/oda/qa/20050614-01.html>

³ Данные сайта <http://www.jica.go.jp>

⁴ ODA хакусё. 2005, с.103.

⁵ Там же.

и на длительный срок. Они выделяются для нужд создания экономической и социальной инфраструктуры, имеющей первостепенное значение для успешного экономического развития стран-реципиентов, на цели экономической стабилизации и структурные изменения в экономике стран, испытывающих острые экономические трудности. Например, к таковым относились страны, пострадавшие от азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Существенная часть кредитов выделяется также на защиту окружающей среды, социальное развитие и развитие трудовых ресурсов.

По данным за 2004 г.⁶, «иеновые кредиты» предоставлялись 98 государствам мира, около 80% которых приходилось на страны Азии. Основная их часть направлялась на объекты транспортной инфраструктуры (40%), социальной инфраструктуры (25,1%), электро- и газоснабжения (16,7%), на ирригационные сооружения (7,8%), на объекты агротехнического производства (4,8%) промышленности (3,2%), связи (0,5%), прочее (1,9%). В последнее время особое значение приобретают кредиты на общественные нужды, связанные с водоснабжением (проекты строительства оборудования водопровода и канализации), здравоохранением, образованием и социальным обеспечением, развитием деревни, защитой окружающей среды и др.

Ежегодно утверждаемая ставка по «иеновым кредитам» составляет в среднем менее 1% годовых. Кредиты имеют чрезвычайно длительный срок погашения (более 30 лет) и предоставляются с отсрочкой выплат на семь–десять лет⁷. Особенностью кредитов ОПР является также их дифференцированный характер. Например, для беднейших стран годовая кредитная ставка составляла в 2006 г. 0,01% годовых, а в ближайшем будущем может быть отменена совсем. Получателями «иеновых кредитов» по минимальным ставкам смогут стать страны с доходом на душу населения менее 750 долл. США в год (Камбоджа, Мьянма, Бангладеш, Танзания, Сенегал). В то же время ставка для развивающихся стран с относительно стабильным финансовым положением, среди которых можно назвать Чили, Уругвай и другие страны Латинской Америки, а также ЮАР, как ожидается, будет повышена до 2,7%⁸.

Банк принимает решения о выделении кредитной линии на основании проведенной экспертизы, в ходе которой определяются наиболее значимые для данного государства регионы и отрасли экономики, политическая и социально-экономическая ситуация в стране и ее соответ-

⁶ ODA хакусё. 2005, с.121.

⁷ ODA Loan Report 2005. Tokyo, Japan Bank for International Cooperation, 2006, с. 52.

⁸ Нихон кэйдзай. 03.05.2006.

ствие заявленным в Национальной хартии «Принципам ОПР» и т. д. Решение проходит предварительное согласование с правительством.

Япония критикуется за относительно низкий по сравнению с другими странами-членами Комитета помощи развитию объем бюджета ОПР относительно уровня национального дохода. В 2004 г. она занимала по данному показателю 20-е место среди 22-х стран-членов Комитета.

Таблица 2

Соотношение государственных ассигнований на ОПР и уровня национального дохода стран-членов Комитета помощи в 2004 г.*

Страна	Сумма ОПР в млрд. долл. США	По сравнению с предыдущим годом, %	Доля по отношению к национальному до- ходу, %
США	19,0	16,4	0,16
Япония	8,9	– 0,2	0,19
Франция	8,5	16,8	0,42
Великобритания	7,8	24,7	0,36
Германия	7,5	10,5	0,28
Голландия	4,2	6,4	0,74
Швеция	2,7	12,7	0,77

* <http://ja.wikipedia.org/wiki/ODA>.

Скромный показатель Японии по показателю соотношения расходов на ОПР к национальному доходу дает основания упрекнуть Токио в его недостаточности для страны, претендующей на место постоянного члена Совета Безопасности ООН. В то же время для достижения поставленных ООН целей развития от стран-членов Комитета помощи требуется обеспечить объем ассигнований на нужды ОПР в размере 0,7% от уровня национального дохода. О намерении Японии добиваться в перспективе такого уровня затрат заявил на саммите стран Азии и Африки в Джакарте в апреле 2005 г. премьер-министр Японии Дз. Коидзуми⁹.

Другим поводом для обвинений служит относительно низкая доля безвозмездной помощи, более жесткие по сравнению с международными стандартами условия низкопроцентного кредитования, а также большая, чем у других членов ОЭСР, доля «связанных кредитов» в общем кредитном портфеле. Проблемной точкой японской политики в области ОПР является чрезмерная ориентация на собственные эконо-

⁹ The Nikkei Weekly. 24.07.2006.

мические интересы и увязка с коммерческой активностью национального бизнеса. В частности, критики указывают, что подавляющая часть «иеновых кредитов» (около 80%) предназначена странам Восточной и Юго-Восточной Азии, на которые приходится основная доля инвестиционной активности японских компаний, в то время как странам Африки в программах ОПР уделяется явно недостаточно внимания. Это дает основания обвинить Японию в эгоизме и недостаточности усилий по отношению к основной цели ОПР по искоренению бедности.

Организационная реформа ОПР предполагает создание на политическом уровне единого координационного центра, который бы обладал широкими полномочиями в вопросах выработки государственной стратегии и основных направлений ОПР. В апреле 2006 г. в качестве подобного органа при кабинете министров был создан Совет по стратегии внешнеэкономического сотрудничества, в который на постоянной основе вошли премьер-министр, генеральный секретарь кабинета министров, министры иностранных дел, финансов, а также экономики, торговли и промышленности. Как предполагается, этот орган будет более гибко и оперативно решать вопросы выделения ОПР, заниматься обсуждением программ помощи, выполнять координирующие функции, регулируя характер и содержание ОПР в соответствии с общей внешнеполитической стратегией. В связи с реформой государственных финансовых учреждений принято решение реорганизовать деятельность Японского банка международного сотрудничества (JBIC), передав вопросы, связанные с использованием «иеновых кредитов» Японскому агентству международного сотрудничества.

Япония с начала первого десятилетия XXI в. проводит последовательный курс на сокращение и оптимизацию структуры бюджета ОПР. В ходе саммита в Глиниглсе летом 2005 г. премьер-министр Дз. Коидзуми заявил о том, что Япония сможет увеличить объем ОПР до 10 млрд. долл. в год. В реальности же пока проявляется тенденция к постоянному урезанию бюджета помощи, который сократился с 1168 млрд. иен в пиковый 1997/98 фин. г. до 759,7 млрд. иен в 2006/07 фин.г.¹⁰ Упор в японской ОПР все активнее делается на программы возмездной помощи, объем которой был с 2006/07 фин.г. расширен впервые за последние пять лет. Что касается «безвозмездной помощи», то в эту категорию с 2006 г. была переведена существенная часть безнадежных кредитов, выданных ранее частными японскими компаниями с использованием схем государственного внешнеторгового и инвестиционного страхования. Среди стран-должников, в отношении которых уже принято или ожидается принятие решения об

¹⁰ Ibid.

отказе от долговых требований, выделяются Ирак (7 млрд. долл.) и Нигерия.

Что касается содержания проектов развития, то акцент в процессе их планирования смещается в сторону задачи преодоления бедности. Все более существенная часть японской ОПР в дальнейшем, как предполагается, будет выделяться наиболее отсталым африканским странам на цели искоренения бедности и решения неотложных задач развития. В частности, Дз. Коидзуми заявил в апреле 2005 г. о намерении Японии удвоить в течение трех ближайших лет объем ОПР, преимущественно в виде грантов, африканским странам¹¹. Приоритетность задачи борьбы с бедностью среди прочих направлений ОПР определяется также активной позицией Японии в вопросе о так называемых «Целях развития миллениума» (Millenium Development Goals, MDG) – стратегических целях борьбы с бедностью, выдвинутых на сессии Генеральной ассамблеи ООН в 2000 г. (уменьшение числа лиц с доходами менее одного доллара в день, улучшение положения с детской смертностью, повышение уровня обеспеченности начальным образованием и источниками безопасного водоснабжения и т. д.).

Всемирная торговая организация

Япония достигла в послевоенный период больших экономических успехов именно потому, что она превратилась в крупнейшую внешне-торговую империю. При этом важнейшим залогом ее успеха явилась активно пробивающая себе дорогу глобальная тенденция к устранению протекционистских барьеров и иные шаги по либерализации международной торговли, инструментом которых выступает ВТО. Свобода международной торговли представляется японскому руководству важнейшим условием развития национальной экономики, во многом завязанной на экспорт.

Позиция Токио в ВТО носит ярко выраженный противоречивый характер. Противоречие заключается в сочетании тенденций либерализации в сфере торговли промышленной продукцией и протекционизма в торговле продукцией сельского хозяйства. С одной стороны, Япония стремится к минимизации таможенных тарифов в отношении промышленных товаров, занимающих основную часть в ее экспортной номенклатуре. С другой стороны, Токио беспокоит уязвимость собственного сельского хозяйства, продукция которого оказывается неконкурентоспособной с точки зрения мировых цен. Поэтому Япония стремится вынести аграрную продукцию за скобки проводимой в рамках ВТО торговой либерализации.

¹¹ Ibid.

По вопросу о либерализации сельхозпродукции Япония выступает против стран-экспортеров, к числу которых относятся США, Австралия, Канада, некоторые страны ЕС (например, Франция), а также «Группа двадцати», в которую входят развивающиеся страны-экспортеры сельхозпродукции (Бразилия, Индия и т. д.). Блокируясь в этом направлении с «Группой десяти» (Швейцария, Южная Корея и ряд других стран-импортеров сельхозпродукции), Япония предлагает план умеренного снижения импортных пошлин на сельхозпродукцию. Она опасается, что снижение импортных тарифов может усилить зависимость продовольственного рынка от внешних поставок, составляющих ныне 60%, и таким образом снизить уровень продовольственной безопасности. Кроме того, принимается в расчет и то обстоятельство, что дальнейшая либерализация может больно сказаться на интересах фермеров, которые являются существенной частью электората правящей Либерально-демократической партии. Японская сторона неоднократно выступала с рекомендациями учитывать при принятии решений положение в странах-импортерах сельскохозяйственной продукции, в том числе их неторговые интересы. В рамках Дохийского раунда переговорного процесса ВТО Япония в 2004–2006 гг. (вплоть до принятия в июле 2006 г. решения о замораживании на неопределенный срок многосторонних переговоров) продолжала выступать против предложений стран-экспортеров установить «потолки» на импортные тарифы в отношении сельхозпродукции, а также расширить количественные квоты на импорт так называемых «важных» товаров, по которым страна-импортер отказывается установить предельную тарифную ставку.

Можно выделить два основных пункта противоречий с позицией стран-экспортеров агропродукции. Во-первых, это – вопрос о так называемых «потолках» на импортные тарифы. Япония в составе «Группы десяти» на протяжении ряда лет резко выступает против предложений стран-экспортеров установить какие-либо ограничители тарифов. В частности, речь идет о предложениях США и стран «Группы двадцати» установить «потолок» тарифа в 75% на все товары.

Во-вторых, это – вопрос о «важных видах» сельскохозяйственной продукции, которые в рамках ВТО признаются как исключения из общего правила. На «важные товары» не распространяется требование снижения или отмены импортных тарифов. Иными словами, это – товары, в отношении которых страна-импортер резервирует себе право не устанавливать предельную тарифную ставку.

Позиция Японии заключается в том, чтобы максимально расширить категорию «важных товаров». Для Японии к ним относятся,

прежде всего, рис, молочные продукты (масло и т. д.), съедобные клубни конняку и некоторые другие товары с высокими таможенными пошлинами. (Следует отметить, что по итогам Уругвайского раунда Япония уже взяла на себя обязательство обеспечить «минимальный доступ» импортного риса на японский рынок, составляющий в настоящее время 767 тыс. т, или около 7,2% от общей потребности¹²).

Таблица 3
Ставки таможенных пошлин по импорту Японией
основных видов сельскохозяйственной продукции,
2006 г.* (%)

Рис	778
Пшеница	252
Обезжиренное порошковое молоко	218
Сливочное масло	482
Сахар	325
Крахмал	234
Соя	318
Ячмень	256
Конняку	1705

* Асахи симбун. 18.04.2006.

Если США готовы признать «важными» не более 1% от общей номенклатуры сельскохозяйственного импорта, то Япония добивается цифры 10–15%. Кроме того, Токио выступает против предложений стран-экспортеров сельхозпродукции, которые требуют расширить количественные квоты на импорт в случае признания данного вида товара «важным».

В 2006 г. Япония стала одним из инициаторов плана «Группы десяти», в котором «важными» признавалось от 133 до 199 видов продукции. Согласно плану «важными» для Японии признавалось всего 127 видов сельхозпродукции, включая рис, молочные продукты, крахмал, сахар, ячмень и т. д. При этом «важные товары» были разделены на четыре категории. Для каждой из них оговаривались особые условия снижения тарифов – либо по фиксированной ставке 45%, либо по плавающей ставке от 40 до 60%¹³. Всего по плану «Группы десяти»

¹² Асахи симбун. 23.02.2006.

¹³ The Daily Yomiuri. 18.10.2005.

доля «важных товаров» составила от 10 до 15%. Следует отметить, что данный план, предусматривающий большое разнообразие исключений, оказался еще более протекционистским, нежели инициатива ЕС, согласно которой доля «важной продукции» не должна была превышать 8%¹⁴. Примечательно, что генеральный секретарь ВТО П. Лами, посетивший Токио в июле 2006г, выделил Японии как одного из виновников срыва Дохийского раунда переговорного процесса ВТО, отметив, что позиция Токио предусматривала «слишком много исключений» из общего правила¹⁵.

В июне 2006 г. по итогам министерских встреч ВТО было принято паллиативное решение. Так, все импортные товары было предложено разбить на четыре группы в зависимости от уровня тарифной защиты. При этом сокращение тарифов предполагалось проводить дифференцированно для каждой группы, действуя по принципу «чем выше тариф, тем больше масштаб его снижения» (так называемый «швейцарский метод подсчета»). Например, по наиболее высокотарифной группе товаров сокращение должно было составить 42–90% коэффициента снижения тарифа. Данная формула оценивается для Японии как выгодная, поскольку она ведет к сокращению тарифных барьеров на продукцию, составляющую основу для японского экспорта. Кроме того, интересам Японии отвечало и принятое ВТО летом 2006 г. решение о том, что доля «важной» продукции в общем объеме номенклатуры импорта может составлять от 1 до 15%¹⁶.

Важным элементом японской позиции в ВТО является активное противодействие практике субсидирования производителей сельхозпродукции, применяемой правительствами США, Канады и рядом других стран. Подобная практика, по мнению Японии, представляет собой форму косвенной дотации правительства экспортерам сельхозпродукции. В то же время требование отмены субсидий аграрному сектору рикошетом бьет по самой Японии. На внутреннем рынке в результате протекционистской политики правительства и субсидирования твердых закупочных цен сложились ненормально высокие оптовые цены на сельхозпродукцию. Такая политика подвергается в рамках ВТО жесткой критике, ибо она носит обезличенный характер и не способствует повышению производительности труда, покрывая собой высокие издержки производства. В 2005 г. на Форуме АТЭС в Пусане было принято решение полностью устранить к 2010 г. все виды дотаций национальным производителям сельхозпродукции, идущей

¹⁴ Асахи симбун. 18.04.2006.

¹⁵ Асахи симбун. 06.07.2006.

¹⁶ Асахи симбун. 23.06.2006.

на экспорт¹⁷. Единственное исключение, пока признаваемое ВТО, это – практика «прямых выплат» сельхозпроизводителям, при которой размер субсидий оказывается прямо пропорциональным площади используемых сельскохозяйственных угодий.

Вопрос об устраниении существующей системы безадресного дотирования сельскохозяйственного сектора и внедрении системы «прямых выплат», призванной поощрять только крупные и экономически наиболее эффективные фермерские хозяйства, вступил в Японию в фазу практической реализации. В октябре 2005 г. правительством были приняты «Основные направления политики обеспечения стабильных доходов в сельхозпроизводстве», целью которых было укрупнение размера фермерских хозяйств и повышение их эффективности. Согласно этому документу предполагается установить минимальный размер фермерских хозяйств в 4 га (на Хоккайдо – 10 га) в качестве условия для получения правительственных дотаций, в то время как для сельских производственных кооперативов и так называемых «сельскохозяйственных юридических лиц» он составит 20 га. Кроме того, определяются конкретные сельхозкультуры (в первую очередь, те, по которым внутрияпонские цены имеют наибольший разрыв с мировыми, – зерновые, соя, свекла), по профилю которых будет проводиться целевое субсидирование фермерских хозяйств. Планируемые меры, призванные ускорить процесс укрупнения сельскохозяйственных производителей, предполагается закрепить специальным законом.

В Японии ширится понимание того, что без коренных структурных реформ в сельскохозяйственном секторе экономики дальнейшее продолжение курса на либерализацию внутренних рынков, которому Япония вынуждена следовать в силу своих обязательств страны-члена ВТО, а также в рамках Соглашений о свободной торговле, становится все труднее и труднее. Хотя в японском руководстве по-прежнему сильны позиции сторонников протекционистского подхода, в целом понемногу побеждает точка зрения прагматиков, осознающих, что в современном мире Япония получает больше выгод, чем потерь от либерализации рынков, особенно финансовых рынков и рынков услуг. Прагматики понимают, что интернационализация диктует принципиально новые подходы к политике защиты национальных производителей.

Форум Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества

С момента образования в 1989 г. АТЭС Япония стремится играть ведущую роль в деятельности этой структуры многостороннего

¹⁷ Асахи симбун. 18.11.2005.

экономического сотрудничества в АТР. На глобальном уровне Токио рассматривает АТЭС как важный инструмент содействия развитию многосторонней торговле в рамках ВТО, с одной стороны, и как эффективный проводник в АТР соглашений о многосторонней торговле, принятых в ВТО, – с другой.

Экономические отношения Японии со странами-членами АТЭС имеют для нее исключительно большое значение. На эти страны приходится до трех четвертей всего внешнеторгового оборота Японии и около 40% всех прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В странах АТЭС проживает примерно 70% от общего числа японцев, проживающих за границей¹⁸.

Токио проводит курс на развитие всесторонних отношений со странами АТЭС, рассматривая взаимодействие с этой структурой в рамках своей внешнеполитической концепции как «наиболее эффективный» способ развития взаимного сотрудничества. Во-первых, данный формат позволяет обеспечивать Японии возможность диалога с основными экономическими партнерами, которые участвуют в различных процессах в рамках АТЭС. Регулярные встречи, в том числе и на высшем уровне, дают странам-участницам АТЭС хорошую возможность обсудить и решить не только экономические, но и политические проблемы. Например, на последнем саммите АТЭС в Ханое (ноябрь 2006 г.) японский премьер-министр С.Абэ в максимальной степени использовал предоставленную форумом площадку для налаживания диалога на высшем уровне с руководством Китая и Южной Кореи, политические отношения с которыми были ухудшены визитами Дз. Коидзуми в храм Ясукуни.

Во-вторых, Токио пытается с максимальной эффективностью использовать возможности самого Форума АТЭС для развития регионального сотрудничества. Особенность позиции Японии заключается в том, что региональное сотрудничество в рамках АТЭС должно, по ее мнению, осуществляться в интересах предотвращения регионального сепаратизма, т. е. с упором на интересы глобального мирового сотрудничества. Данный подход предполагает, что все региональные организации экономической интеграции должны иметь прагматическую направленность в таких областях международного сотрудничества, как «зоны свободной торговли», финансово-кредитная сфера, защита окружающей среды, борьба с преступностью и т. д. С этой точки зрения приоритетным для Токио оказывается достижение странами-участниками конкретных договоренностей в отдельных сферах экономического сотрудничества, позволяющее заложить основы для встраивания национальных экономик во всеобъемлющий механизм региональной кооперации.

¹⁸ <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/apec>

Япония принимает деятельное участие во всех Форумах АТЭС (Японию представляет премьер-министр), министерских встречах АТЭС (министр иностранных дел и министр экономики, торговли и промышленности), совещаниях старших должностных лиц (советник Экономического департамента МИДа и советник Департамента торговой политики МЭТП). Большая активность Японии проявляется и в работе групп, комиссий, советов и иных многосторонних механизмов АТЭС, например, Консультативного делового совета АТЭС (АРАС), Группы по доступу к рынкам (MAG), а также Группы по либерализации услуг (GOS). Япония берет на себя значительную часть бюджета АТЭС (601 тыс. долл. в 2003/04 фин. г., или 18,3% от общей суммы бюджета), являясь вторым после США донором этой организации. Помимо обязательных платежей, определяемых весом экономики того или иного государства, Япония вносит добровольные дотации, направленные, в частности, на более эффективную реализацию Осакинской программы действий, принятой в 1995 г. В 2003/04 фин. г. сумма добровольных взносов Японии составила 325 млн. иен (около 3 млн. долл.).

Позиция Японии по вопросу либерализации торговли и инвестиций в АТЭС определяется общим характером ее торговой политики, основанной на последовательном соблюдении правил ВТО в целях поддержания и укрепления многосторонней торговой системы. Токио полагает, что важнейшими «движущими силами» в работе АТЭС по реализации целей, поставленных Богорской декларацией 1994 г., являются в настоящее время участие страны в ВТО, создание зон свободной торговли (после подписания «соглашений о свободной торговле» – ССТ и «соглашений об экономическом партнерстве» – СЭП), проведение структурных реформ, а также выдвижение и реализация первопроходческих инициатив АТЭС.

При этом Япония с осторожностью подходит к инициативам ряда стран о заключении многостороннего Соглашения о свободной торговле среди развитых стран-членов этой организации, считая этот шаг пока преждевременным. В частности, такую инициативу высказывали представители Чили в ходе Форума АТЭС в Сантьяго 2004 г., а также США в преддверии Форума АТЭС в 2006 г. в Ханое. Они предложили объединить в рамках всеобъемлющего ССТ всех членов этой организации. Токио полагает, что на данном этапе следует сосредоточиться на формировании «зон свободной торговли» на двусторонней основе, а к многостороннему соглашению двигаться постепенно, анализируя опыт уже имеющихся ЗСТ¹⁹.

¹⁹ В регионе как минимум 50 FTA либо уже подписано, либо готово к подписанию. – Асахи симбун. 22.11.2006.

Сдержанность позиции Токио в отношении инициативы Вашингтона была официально мотивирована тем, что появление ЗСТ во всем регионе АТР приведет к диспропорции между передовыми и отстающими странами-участниками в деле либерализации внешнеэкономических отношений. Между тем процесс либерализации, по мнению японской стороны, необходимо приводить в соответствие с Богорской декларацией (развитые страны АТЭС должны достичь либерализации торговли и инвестиций к 2010 г., развивающиеся – к 2020 г.) Кроме того, свою роль также играет традиционно протекционистский подход Японии к тарифам на сельхозпродукцию, от которого она пока не готова отказаться, в контексте того обстоятельства, что США и Австралия являются крупнейшими агроэкспортерами региона. Наконец, важно и то, что предложение США идет вразрез с менее амбициозной, но более реалистичной, по мнению Токио, целью создания Восточноазиатского экономического сообщества (ВАС), в который должны войти страны АСЕАН, Япония, Китай, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия и Индия). На данном же этапе Япония, не становясь в открытую оппозицию к американской инициативе, предпочитает перевести ее в плоскость академической дискуссии. На встрече с президентом США Дж. Бушем 18 ноября 2006 г., состоявшейся в преддверии Форума АТЭС в Ханое, премьер-министр Японии С. Абэ высказал мнение о том, что американское предложение имеет смысл рассмотреть «как один из видов многослойных подходов»²⁰. Представитель Японии поддержал Ханойскую декларацию, в которой содержится положение о необходимости изучения вопроса о создании зоны свободной торговли АТЭС как «долгосрочной перспективы».

По вопросам инвестиций, занимающим важное место в повестке дня работы АТЭС, Япония последовательно проводит политику улучшения информационного и правового поля с целью привлечения в страну иностранных инвестиций, по уровню которых на душу населения она заметно отстает от западных стран. Активно проводятся в жизнь меры по улучшению механизмов доведения соответствующей информации до зарубежных инвесторов путем публикаций периодических информационных бюллетеней, а также ежегодных обзоров японского Совета по инвестициям, предпринимаются шаги по приведению японских стандартов в соответствие с международными. В секторах, где в наибольшей степени развиты меры регулирования, Япония добивается взаимного признания как двусторонних, так и многосторонних соглашений и договоренностей в области стандартов

²⁰ Асахи симбун. 20.11.2006.

и сертификации. В этой связи Токио намерен содействовать улучшению и развитию соответствующей инфраструктуры в АТЭС.

По вопросу тарифных ограничений японская сторона стремится к тому, чтобы обеспечить процесс постепенного сокращения тарифов в рамках АТЭС, принимая в расчет общие тенденции торговли между странами сообщества и свои экономические интересы. Кроме того, Токио исходит из того, что снижение тарифов по определенным группам товаров может оказать позитивное воздействие на торговлю и экономический рост в АТР в целом.

Особое внимание при этом уделяется тому, чтобы процесс постепенного сокращения тарифов в АТЭС не был прерван в результате применения кем-либо из его участников неоправданных тарифных ограничений. В этой связи Токио придает особое значение обеспечению прозрачности тарифных режимов экономик всех стран АТЭС. Одновременно, стремясь избежать упреков с их стороны в свой адрес относительно низкого уровня транспарентности японской экономики, Токио реализовал систему уведомления заинтересованных сторон обо всех изменениях своих тарифных ставок и ввел режим ежегодных публикаций перечня таможенных тарифов Японии, а также периодических изменений и дополнений к нему.

Японская сторона выступает за исключение использования любых мер нетарифного регулирования, если они противоречат соглашениям ВТО, положениям Конвенции по международной торговле редкими видами флоры и фауны, а также другим международным правовым актам. В отношении мер нетарифного регулирования Япония также придерживается политики обеспечения максимальной транспарентности, аналогичной той, что осуществляется в сфере тарифного регулирования.

В области услуг японская сторона стремится к разработке дополнительных мер, которые, по ее мнению, будут реально содействовать либерализации и облегчению торговли в данной области, а в итоге приведут к созданию рынка услуг стран-членов АТЭС. В отношении услуг в области туризма и сопутствующих сферах Япония участвует в работе по улучшению условий выдачи и действия виз для группового туризма из всех стран-членов АТЭС. Кроме того, на базе одной из инициатив АТЭС Япония в одностороннем порядке увеличила до пяти лет срок многократных виз для бизнесменов, въезжающих в Японию на срок до 90 дней. С 2001 г. Япония принимает участие в программе АВТС (APEC Business Travel Card), которая предоставляет возможность бизнесменам стран АТЭС посещать государства региона в безвизовом режиме.

Среди стран-участников форума Япония занимает наиболее активную позицию по вопросам структурных реформ. В ноябре 2003 г. на саммите АТЭС в Бангкоке в соответствии с предложениями Японии, озвученными в выступлении премьер-министра Коидзуми, лидеры стран АТЭС выступили с политическим заявлением об ускорении структурных реформ в каждой из экономик в отдельности, равно как и в АТЭС в целом. Япония выступила в качестве страны-организатора Конференции АТЭС по структурным реформам, проведенной в Токио в сентябре 2004 г. На открытии конференции в выступлении министра иностранных дел Ё. Кавагути подчеркивалось, что структурные реформы позволяют Японии добиться оживления внутренней экономики, равно как и получить реальные выгоды от участия в глобальных экономических процессах. В итоговых документах получил отражение тезис о взаимосвязи проводимых реформ и процесса активизации торговли и инвестиционной политики.

В последние годы основной приоритет при формировании позиции Токио в АТЭС отдается следующим направлениям. Во-первых, делается упор на систему обязательств по безопасности в торговле (Security Commitment), призванных обеспечить механизмы противодействия террористической угрозе. Это – обеспечение безопасности торговли, прежде всего, в сфере морских и воздушных торговых перевозок; пресечение финансовой поддержки терроризма и обеспечение компьютерной безопасности. В июле 2004 г. Япония, поддержав Инициативу по наращиванию антитеррористического потенциала АТЭС (APEC Counter-Terrorism Capacity Building Initiative), выступила с программой помощи странам Юго-Восточной Азии (предоставление гранта на 6,8 млн. долл. на переоборудование семи аэропортов в соответствии с требованиями авиационной безопасности и трех морских портов в соответствии с кодом ISPS в Индонезии, проведение ряда семинаров по вопросам безопасности, а также предоставление 1 млн. долл. Азиатскому банку развития для продвижения проектов по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, а также по повышению безопасности в портах)²¹.

Во-вторых, Япония проявляет большую активность в вопросе о правах на интеллектуальную собственность. В своей политике в отношении АТЭС Япония делает упор на согласованный со странами-участницами организации комплекс мер по защите интеллектуальной собственности. Это связано с тем обстоятельством, что японские производители терпят существенный ущерб в связи с наводнением азиатских рынков товарами, которые по различным критериям являются

²¹ см. <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/apec/ct/ind>

аналогами продукции японских производителей. Доля таких товаров в мировой торговле, по оценке бывшего министра промышленности и торговли Японии Т. Никай, достигает 7%²², составляя в стоимостном выражении около 637 млрд. долл.

Токио планирует также оказание поддержки проектов, связанных с более широким распространением прав интеллектуальной собственности. В частности, в 2003 г. она выступила с инициативой по проведению в рамках коллективных планов действий проектов «Сетевой сервисный центр АТЭС по правам интеллектуальной собственности» и «Защита интеллектуальной собственности в АТЭС» (IP Protection in APEC). Япония по данному вопросу предлагает использовать положения Стратегического плана АТЭС по наращиванию потенциала применительно к соглашениям ВТО (APEC Strategic Plan for WTO Capacity Building). В 2005 г. Япония, США и Южная Корея разработали «Основные направления мер по борьбе с подражательной и пиратской продукцией», предусматривающие усиление государственного мониторинга над производством и импортом, ужесточение санкций в отношении нарушителей авторских прав и т. д. Подробно регламентированы меры по предотвращению нелегального копирования, а также продажи через Интернет пиратских и подражательных товаров.

В-третьих, – это программа помощи АТЭС мелкому и среднему бизнесу. Япония предполагает оказать всестороннюю поддержку инициативе Чили в вопросе о принятии такой программы, считая, что решение проблем малого и среднего бизнеса является значимым фактором преодоления последствий кризиса и достижения долгосрочного экономического роста.

В-четвертых, Япония считает необходимым последовательно проводить в жизнь основные положения программы по реформе АТЭС, принятой на прошлогодней министерской встрече АТЭС. Свои соображения по реформе Япония высказала в ходе неформальной первой встречи СДЛ («ритрита»), состоявшейся в начале 2004 г. Предложения Японии, которые перекликаются с инициативами Австралии и Китая, предполагают упрощение структуры АТЭС (ликвидация многих рабочих групп, разделение встреч министров иностранных дел и торговли), отказ от прохождения предложений «снизу-вверх», придав определяющее значение политическим решениям, усиление внимания к тематике безопасности и политическим вопросам. В отличие от Австралии, Япония выступает за сохранение принципа добровольности при проведении намеченных мер и подчеркивает необходимость поэтапных «эволюционных» шагов с тщательной выверкой их соответствия

национальным интересам членов АТЭС. Вместе с тем Япония ратует за повышение дисциплины реализации решений, принятых на уровне руководителей стран АТЭС.

Что касается взаимодействия России и Японии в АТЭС, то японская сторона на официальном уровне заявляет о поддержке дальнейшего вовлечения России в работу различных структур организации. Конструктивное сотрудничество в АТЭС между двумя странами представляет собой эффективный потенциальный инструмент количественного и качественного наращивания двусторонних торгово-экономических отношений. По мнению Токио, усиление интеграционных процессов в АТР, в том числе в рамках АТЭС, требует более активного участия России в экономической жизни региона, в связи с чем особую важность приобретает японо-российское сотрудничество в решении региональных проблем АТР. Что касается конкретных проектов двустороннего либо многостороннего взаимодействия двух стран, то с позиций России имело бы смысл увязать их с основными пунктами повестки дня Форума АТЭС и программами действий, сделав упор на те из них, которые в наибольшей степени отвечают интересам экономического развития России.

²² Асахи симбун. 18.11.2005.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ НА ЯПОНСКОМ РЫНКЕ

Процесс экономической глобализации, одним из активных участников которого все в большей степени становится и Япония, проявляется, как известно, в более свободном международном движении товаров, людей, информации и капиталов. Движение прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ, экспорт и импорт капитала) как часть международного потока предпринимательского капитала, открытость тех или иных стран для приема прямых иностранных капиталовложений, влияние иностранного капитала на развитие национальной экономики – все это является важнейшим проявлением и одновременно показателем уровня глобализации как в мировом масштабе, так и на уровне стран и регионов. Вместе с тем на макроуровне потоки ПЗИ отражают деятельность транснациональных корпораций (ТНК) – основных субъектов глобализации, создающих системы международного производства и формирующие условия конкуренции на основных мировых рынках товаров и услуг.

В этих условиях ни одна из ведущих экономик мира, ни одна из крупных корпораций, действующих на рынках «триады» (Северная Америка – Европа – Япония), не может не участвовать в экспорте и импорте прямых инвестиций.

Вместе с тем до последнего времени Япония – один из трех крупнейших мировых экономических центров – и де-юре, и де-факто оставалась относительно закрытой для прямых иностранных инвестиций. В настоящее время ситуация меняется, и правительство Японии прямо и недвусмысленно провозглашает курс на привлечение иностранных инвестиций в страну. Для Японии продвижение в этом направлении предполагает целый ряд изменений и в государственной политике, и в корпоративном управлении, т. е. проблема имеет интегральный характер.

Япония, которая начала экспорт капитала за рубеж в конце 50-х годов, менее чем за полвека превратилась в один из крупнейших источников поступления прямых инвестиций на мировой рынок. В течение всего послевоенного периода страна неизменно остается чистым экспортером

ПЗИ с довольно значительным отрицательным сальдо по данной статье платежного баланса. Инвестирование японских компаний за рубежом и создание ими производственных сетей в разных странах особенно активизировалось с середины 80-х годов, когда в результате повышения курса иены японские производители начали утрачивать свою конкурентоспособность.

В 1985–1995 гг. ежегодные ПЗИ Японии в среднем составляли около 24 млрд. долл. в год, а в 2001–2005 гг. колебались в пределах от 28 до 46 млрд. долл. Накопленные ПЗИ Японии за рубежом превысили в 2005/06 фин. г. 380 млрд. долл.¹

В 2005 г. Япония вошла в пятерку крупнейших экспортеров прямых инвестиций (по ежегодному объему) и заняла седьмое место по объему накопленных за рубежом инвестиций². Однако, если говорить о динамике, то доля страны в мировых ПЗИ (ежегодных потоках и накопленных) в 90-е годы начала снижаться по сравнению с предшествующим периодом быстрого роста (см. диаграммы 1 и 2)³.

По показателю индекса исходящих ПЗИ (Outward FDI Performance Index)⁴, который рассчитывается ЮНКТАД, Япония опустилась с 16-го

¹ UNCTAD, *World Investment Report 2006*. – www.unctad.org/wir

² WIR 2006, p. 299, 306.

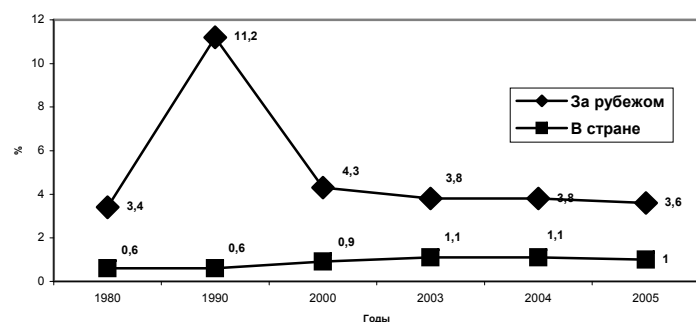
³ Диаграммы рассчитаны и построены по данным UNCTAD, *World Investment Report 2005, 2006* – www.unctad.org/wir. Официальная японская статистика ПЗИ, опирающаяся на данные министерства финансов страны, содержит показатели, отличающиеся от данных международной статистики. В данном случае для международных сравнений более приемлемой представляется международная статистика.

⁴ Рассчитывается как отношение доли страны в исходящих потоках ПЗИ к ее доле в мировом ВВП.

места в 1990 г. на 40-е – в 2004 г., соседствуя с такими странами, как Бразилия, Колумбия, Венесуэла, Республика Корея и Литва.

По соотношению исходящих и внутренних капиталовложений и накопленных за рубежом инвестиций к ВВП Япония в 2–3 раза «отстает» от среднемировых показателей и показателей развитых стран (см. таблицу).

Диаграмма 2. Доля Японии в накопленных мировых ПЗИ

Таблица

Роль ПЗИ в экономике Японии: основные показатели*

Страны / группы стран	Инвестиции	Доля потоков ПЗИ в валовом внутреннем капиталонакоплении, %			Доля накопленных ПЗИ в ВВП, %		
		2003 г.	2004 г.	2005 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.
Всего по миру	входящие	7,3	7,7	9,4	8,5	18,3	22,7
	исходящие	7,4	9,3	8,3	8,6	20,6	23,9
Развитые страны	входящие	6,4	6,3	8,0	8,2	16,2	21,4
	исходящие	9,2	10,9	9,5	9,6	22,8	27,9
Япония	входящие	0,7	0,7	0,3	0,3	1,1	2,2
	исходящие	3,0	3,0	4,3	6,6	5,9	8,5

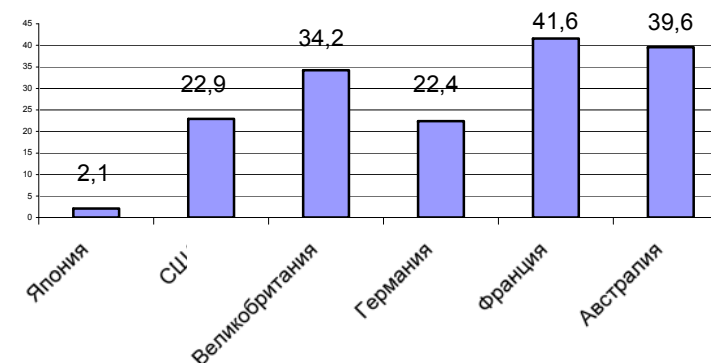
* Таблица составлена по данным: World Investment Report 2006, p. 308.

Таким образом, несмотря на значительные абсолютные объемы прямого инвестирования японских компаний за рубежом, место Японии в мировом движении прямых инвестиций не вполне соответствует ее

экономическому масштабу и позиции как одной из ведущих мировых экономических держав.

Еще более ярко это несоответствие проявляется при сравнении масштабов японской экономики и размеров привлеченных в страну ПЗИ, которые несопоставимы ни с ВВП и внутренними инвестициями, ни с объемами экспорта ПЗИ (см. диаграммы 1–3).

Диаграмма 3. Соотношение накопленных в стране ПЗИ и ВВП в некоторых странах (ВВП номинальный, на конец 2004 г., %)*.

* International Financial Statistics Yearbook (IMF) 2006 – <http://www.jetro.go.jp/en/jetro/activities/fdi/>

Так, соотношение накопленных ПЗИ Японии за рубежом и зарубежных ПЗИ в Японии в 2005 г. составляло примерно 1 к 3,8 (а в 1980 г. 1 к 6, в 1990 г. 1 к 20), а соотношение входящих и исходящих потоков ПЗИ было в 16,4 раза в пользу экспорта⁵.

По комплексному индексу транснациональности экономики⁶, характеризующему роль иностранного капитала (прямых инвестиций) в экономике страны и степень ее вовлеченности в международное производство в качестве места базирования филиалов иностранных компаний, Япония уступает другим развитым странам и даже некоторым странам – новым членам ЕС⁷.

⁵ World Investment Report 2006, p. 299, 303.

⁶ Индекс ЮНКТАД. Рассчитывается как среднее арифметическое четырех показателей:
– FDI inflows as a percentage of gross fixed capital formation for the past three years 2001–2003;
– FDI inward stocks as a percentage of GDP in 2003;
– value added of foreign affiliates as a percentage of GDP in 2003;
– employment of foreign affiliates as a percentage of total employment in 2003.

⁷ World Investment Report 2006, p. 11.

О незначительной по сравнению с другими развитыми и развивающимися странами роли, которую играют ПЗИ и иностранные компании в экономике Японии, помимо общего индекса, свидетельствует и ряд относительных частных показателей. Так, например, размеры активов филиалов иностранных компаний, расположенных на территории Японии, составляли в 2002 г. 205 млрд. долл., в то время как аналогичный показатель для США равнялся 5,2 трлн. долл., КНР – 380 млрд. долл., Германии – 665 млрд. (2001 г.). Между тем активы филиалов японских корпораций за рубежом достигали в 2001 г. 670 млрд. долл., что почти в 4 раза превышало показатель того же года для иностранных компаний в Японии.

В 2002 г. иностранные филиалы обеспечили в Японии 294 тыс. рабочих мест по сравнению с 6,7 млн. в КНР (2001 г.), почти с 6 млн. в США, 2 млн. в Германии, 600 тыс. в Чехии. В то же время японские компании создали за рубежом 3,4 млн. рабочих мест. При этом иностранные компании в Японии в 2002 г. выплатили своим работникам в качестве заработной платы 17 млрд. долл., в то время как в США – 342 млрд. долл. Работники же филиалов японских компаний за рубежом в том же году получили в качестве вознаграждения 32 млрд. долл.

Что касается результатов деятельности иностранных компаний в Японии, то общий объем их продаж составил в 2002 г. 216 млрд. долл., в том числе экспорт – 42 млрд. долл. (США – 2,2 трлн., экспорт – 150 млрд., Германия – 760 млрд., КНР – 377 млрд., экспорт – 170 млрд. долл.), в то время как филиалы японских компаний за рубежом произвели товаров и услуг на сумму 1,1 трлн. долл. (в 2003 г. – 1,3 трлн., на экспорт – 369 млрд. долл.).

Таким образом, мы видим, что, во-первых, вклад иностранного бизнеса в экономику Японии относительно невелик по сравнению с ролью иностранных ПЗИ в экономике США, Германии и КНР, и, во-вторых, основные показатели и результаты деятельности японских компаний за рубежом превышают аналогичные показатели для иностранных компаний в Японии. Единственным исключением в этом ряду являются индикаторы научно-исследовательской деятельности компаний за рубежом. В частности, расходы на НИОКР филиалов иностранных компаний в Японии превышают соответствующие расходы японских компаний за рубежом: соответственно 5,3 и 3,7 млрд. долл. в 2002 г.⁸

О степени несоответствия экономического потенциала страны и размеров ее рынка масштабам привлечения прямых иностранных

⁸ По данным: World Investment Report 2006, p. 328–332.

инвестиций можно судить и по индексу привлеченных ПЗИ⁹. По данному показателю Япония занимала в 2005 г. 131-е место из 140 стран, включенных в рейтинг («наивысшим» достижением было 110-е место в 1990 г.). В то же время, оценивая перспективы и возможности усиления роли иностранного капитала в экономике страны, важно отметить, что по индексу потенциала привлечения ПЗИ¹⁰ Япония занимает гораздо более высокое 22-е место (2004 г., наивысший показатель – 9-е место в 1995 г.), что свидетельствует о том, что в принципе Япония является привлекательной страной для инвестирования. То же подтверждают и данные обзора ЮНКТАД, касающегося кратко- и среднесрочных перспектив прямых инвестиций в мире, отдельных регионах и странах¹¹. Так, по мнению экспертов и ТНК, в рейтинге развитых стран, наиболее привлекательных для размещения ПЗИ, Япония заняла соответственно 6-е (28% из числа ответивших) и 8-е места (17%)¹².

Политика привлечения ПЗИ в Японию

Главными причинами незначительных по сравнению с масштабами экономики объемов ПЗИ в Японию являются относительная «закрытость» внутреннего рынка страны и высокая стоимость производства в стране.

В течение нескольких послевоенных десятилетий в Японии действовали формальные ограничения на приток иностранного капитала в форме прямых инвестиций, что отражало политику протекционизма по отношению к национальному предпринимательству. К 90-м годам формальные ограничения в основном были сняты. Однако остались неформальные барьеры, среди которых первостепенную роль играли особенности предпринимательской структуры и деловой практики Японии (существование закрытых финансово-промышленных групп, перекрестное владение акциями, система возобновляемых контрактов с поставщиками, закрытый рынок труда). Это защищало многие сегменты японского рынка и делало японские компании недоступными для установления контроля над ними со стороны иностранных фирм.

Однако в настоящее время отношение к ПЗИ в Японии изменилось: они стали рассматриваться во все более позитивном ключе. По

⁹ Рассчитывается как отношение доли страны во входящих потоках ПЗИ к ее доле в мировом ВВП.

¹⁰ Индекс ЮНКТАД. Рассчитывается на основе 12 экономических параметров по шкале от 0 до 1.

¹¹ Обзор составляется на основе результатов опросов «Investment Promotion Agencies» (IPAs), ТНК и экспертов.

¹² Prospects for Foreign Direct Investment and the Strategies of Transnational Corporations, 2005–2008, p. 24.

мнению правительственных экспертов, ПЗИ приносят в японскую экономику новые технологии и управленческие приемы, товары и услуги, стимулируют конкуренцию и создают новые рынки и рабочие места. Все это может содействовать выходу из депрессии и оживлению национальной экономики и экономик отдельных регионов страны.

В январе 2003 г. премьер-министр Дз. Коидзуми объявил о плане удвоения накопленных прямых зарубежных инвестиций в Японии в течение пяти лет. Для решения поставленной задачи был предложен целый пакет мер (всего 74 пункта), важнейшими из них стали:

- 1) распространение информации о ситуации с ПЗИ в Японии и за рубежом; улучшение предпринимательской среды в Японии;
- 2) пересмотр административных процедур, регулирующих деятельность иностранного бизнеса в Японии;
- 3) повышение качества жизни для иностранцев, работающих в иностранных компаниях в Японии;
- 4) развитие общенациональных и местных организаций, связанных с обеспечением условий для иностранных инвестиций.

Позиция правительства в основном поддерживается и крупным японским бизнесом, о чем свидетельствуют, в частности, заявления наиболее влиятельных японских предпринимательских организаций – Ниппон Кэйданрэн и Кэйдзай Доюкай¹³.

Цели правительственного плана удвоения прямых иностранных инвестиций фактически уже достигнуты. Кумулятивные ПЗИ в Японии выросли с 50,3 млрд. долл. в 2000 г. до 101 млрд. долл. в 2005 г. Свою роль здесь сыграли и «постоянно действующие», и конъюнктурные факторы.

К постоянно действующим факторам следует отнести базовые характеристики японского рынка, которые делают его потенциально привлекательным для иностранных инвесторов. Это – значительная емкость рынка, которая обеспечивается, в частности, высоким уровнем подушевых потребительских расходов в сочетании с большой численностью населения. Не менее важны и качественные характеристики рынка, важнейшей из которых является «искушенность» потребителей, их желание и готовность принимать новую, качественную, технически сложную продукцию. По расчетам конкурентоспособности стран, ежегодно проводимым Всемирным экономическим форумом,

¹³ Sasaki M. (Vice Chairman of the Board of Councilors, Nippon Keidanren, Chairman, Mitsubishi Corp.). Significance of Promoting FDI to Japan. – www.nipponkeidanren.or.jp; A Call for Foreign Direct Investment in Japan to Contribute to an Improvement in the Lives of the Japanese People. – www.doyukai.or.jp

японские потребители являются самыми взыскательными и подготовленными в мире¹⁴.

С одной стороны, эта особенность японского рынка обостряет конкуренцию, а с другой – делает рынок очень перспективным для продвижения качественных и дорогих товаров и услуг.

Среди других базовых характеристик японского рынка следует выделить наличие в стране передовой научно-технологической базы, высокую эффективность и конкурентоспособность многих отраслей японской обрабатывающей промышленности. Однако все эти факторы, на наш взгляд, обуславливают именно потенциальную привлекательность Японии для размещения иностранных инвестиций.

В инвестиционном же «буме» начала первого десятилетия XXI в. сыграли свою роль весьма существенные обстоятельства конъюнктурного порядка.

Во-первых, – это позитивные ожидания и внутренних, и зарубежных инвесторов, связанные с выходом японской экономики из длительной депрессии.

Во-вторых, многие иностранные компании, в том числе и крупные международные, рассматривают Японию как «плацдарм» для укрепления своих позиций на азиатских рынках, что повышает их интерес к различного рода партнерствам с японскими компаниями, в том числе и на основе прямых инвестиций. Нацеленность на азиатские рынки в последние годы стала характерной чертой международных стратегий крупнейших ТНК (причина тому – быстрый рост некоторых азиатских экономик и соответственно их рынков на фоне вялой динамики насыщенных рынков Северной Америки и Европы).

В-третьих, на фоне общемировой тенденции к росту числа и стоимостных объемов сделок по слияниям и поглощениям (СиП), которые занимают всю большую долю в структуре ПЗИ, японские компании также активно включаются в данный процесс, чему способствует и обещание пересмотра японских юридических норм, регулирующих слияния и поглощения.

Рост числа международных партнерств и масштабов сделок с участием в активах, в которые вовлечены японские компании, тесно связан с процессом их глобализации. Японские ТНК все более активно применяют стратегии международной экспансии и укрепления своих позиций на ключевых товарных и географических рынках именно на основе межфирменного взаимодействия, включая СиП, альянсы и партнерства.

Кроме того, идет трансформация предпринимательской структуры и в самой Японии (размывание *кигё сюдан* и *кэйрэцу*) и модернизация

¹⁴ 10 Advantages to Investing in Japan. – www.investjapan.org.

системы корпоративного управления в японских компаниях (в частности, происходит некоторое смещение акцентов с долгосрочного роста на текущую прибыльность и эффективность, избавление от непрофильных активов, сокращение издержек, постепенное сокращение сферы действия системы пожизненного найма), что делает японские компании более привлекательными партнерами для заключения межкорпоративных союзов.

Важен также и демонстрационный эффект международных партнерств как для японских, так и для иностранных компаний. Для японских компаний, да и для японской общественности, которая достаточно настороженно относится к «захвату» японских компаний иностранцами¹⁵, важен факт улучшения ситуации в компаниях, работающих с иностранными партнерами. Самым ярким примером такого рода выглядит успешный альянс «Ниссан» с «Рено» Пример этот, однако, не единственный. В 2004 г. ДЖЭТРО опубликовало обзор по данному вопросу, в котором анализируются примеры успешных партнерств японских и иностранных компаний более чем в десяти отраслях японской экономики¹⁶.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не все альянсы оказываются успешными. Но их недолговечность, как показывает практика, является неотъемлемой характеристикой данного вида межфирменного взаимодействия, и альянсы с участием японских компаний, в принципе, не выбиваются из общего ряда.

Основные направления правительственной Программы привлечения в страну иностранных инвестиций.

Свою позитивную роль в привлечении зарубежных инвесторов играет и поддержка иностранного предпринимательства со стороны японского правительства на национальном и региональном уровне, которая в настоящее время имеет системный и комплексный характер и охватывает законодательную, организационную, финансовую сферы.

В 2005 г. Экспертный комитет Совета по иностранным инвестициям представил доклад о продвижении Программы привлечения зарубежных

¹⁵ Пример тому реакция на заключение альянсового соглашения с продажей крупного пакета акций между японской «Ниссан» и французской «Рено» в 1999 г. – Подробнее об альянсе см. *Тимошина И. Л.* Международная экспансия «Ниссан» и место России в глобальной стратегии компании. – Японский опыт для российских реформ, 2006, выпуск первый. – http://www.japan-assoc.ru/publics/science/texts/t_2006_1/index.html; *Тимошина И. Л.* «Ниссан» в условиях глобализации: от выживания к успеху. – Япония 2006-2007. Ежегодник. – Москва, АИРО – XXI, 2006.

¹⁶ M&A Case Studies for «Invest Japan». Successful Alliances with Japanese Companies. – www.jetro.org.jp

инвестиций в страну. В нем было выделено 12 направлений, на которых должны быть сосредоточены усилия национального правительства и местных властей по привлечению ПЗИ в ближайшем будущем:

- 1) улучшение условий для осуществления трансграничных слияний и поглощений;
- 2) продвижение реформы медицинского обслуживания;
- 3) активизация PR-кампаний, связанных и с привлечением в страну иностранных инвестиций, и с инвестированием японских компаний за рубежом;
- 4) ускорение процесса заключения двусторонних соглашений, имеющих отношение к ПЗИ, таких, как соглашения о социальной защите и налогообложении;
- 5) реализация практики контакта с государственными органами по электронным сетям («электронное правительство») и упрощение административных процедур;
- 6) содействие развитию «частной финансовой инициативы» (PFI)¹⁷ в целях привлечения иностранных компаний в сектор общественных услуг;
- 7) реформа, касающаяся правил пребывания и работы иностранцев в Японии (в первую очередь либерализация иммиграционных процедур для квалифицированных специалистов);
- 8) использование «специальных зон структурной реформы» для устранения препятствий для ПЗИ;
- 9) перевод законов, приказов и постановлений японских административных органов на иностранные языки;
- 10) ускорение реформ, связанных с привлечением ПЗИ, на местном уровне;
- 11) продолжение политики стратегического государственного инвестирования в научно-техническую сферу с целью повышения привлекательности Японии как сферы приложения иностранного капитала;
- 12) содействие реформам в других сферах¹⁸.

Даже простое перечисление основных направлений реализации государственной программы по привлечению иностранных инвестиций свидетельствует о комплексном и многоуровневом характере политики в этой области.

Почти каждый пункт программы предусматривает внесение тех или иных изменений в японское законодательство и нормативную базу, регулиующую трансграничное перемещение товаров, капиталов

¹⁷ Программа привлечения частного сектора общественных услуг, таких, как коммунальные услуги, уход за престарелыми людьми и т. п.

¹⁸ The Follow-up of the Program for Promotion of Foreign Direct Investment in Japan. – <http://www.investment-japan.go.jp/meeting/2005/0316item3.pdf>

и людей, а также в законодательство, касающееся прав интеллектуальной собственности. Предполагаемые и уже утвержденные изменения направлены на то, чтобы, во-первых, облегчить перемещение трансграничных факторов производства, во-вторых, повысить уровень правовой защиты иностранных активов в стране, в-третьих, упростить заключение трансграничных сделок, предусматривающих обмен активами, в-четвертых, облегчить юридическое оформление иностранного бизнеса в Японии (отмена требования по минимальному размеру капитала для регистрации компании).

Особое внимание и японского бизнеса, и потенциальных иностранных инвесторов привлекает планируемое принятие новых поправок к Закону о промышленном возрождении, предусматривающих упрощение трансграничных сделок по слиянию и поглощению, снижающих налоговое бремя компаний с иностранным акционерным участием. Совершенствование законодательства и предоставление льготных условий для иностранных инвесторов, которые предусматривают приобретение крупных пакетов акций японских банков и компаний, по мнению экспертов, уже привело к ряду крупных поглощений на корпоративном рынке Японии¹⁹.

В разделе программы об улучшении среды для осуществления сделок по слияниям и поглощениям подчеркивается, что соответствующие изменения в законодательство должны быть внесены как можно скорее.

Однако на деле решение данного вопроса отложено пока до 2007 г., что уже негативно сказалось на динамике входящих ПЗИ в 2005 г. Возможно, это связано с усилением сопротивления со стороны консервативно настроенных представителей деловых кругов, лоббирующих ограничение проникновения в страну иностранного капитала под предлогом защиты отечественных компаний от «недружественных» слияний и поглощений²⁰. Вместе с тем в целом японское правительство активизирует свою деятельность по привлечению иностранного капитала в страну.

Информационное обеспечение и пропагандистские мероприятия. В настоящее время в Японии многое делается в плане информирования потенциальных иностранных инвесторов о возможностях и преимуществах капиталовложений в те или иные отрасли японской экономики и в разные регионы. Ведущую роль здесь играет Японская организация

содействия внешней торговле (JETRO). Она предоставляет информацию о состоянии и тенденциях развития отдельных сегментов японского рынка, основных законах, правилах и процедурах, связанных с осуществлением инвестиций в стране, условиях жизни в Японии²¹. В целях популяризации опыта вхождения на японский рынок иностранных компаний на сайте организации под рубрикой «Success Stories» публикуются статьи об успешных компаниях разных отраслей. Там же помещена брошюра под названием «10 преимуществ инвестирования в Японию», в которой в краткой форме излагаются основные, по мнению экспертов организации, конкурентные преимущества японского рынка.

Для привлечения иностранных инвесторов и ознакомления бизнесменов других стран с условиями Японии как места для размещения бизнеса ДЖЭТРО и министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП) проводят за рубежом различные «имиджевые» мероприятия – конференции, симпозиумы, семинары и выставки.

На них обсуждаются следующие темы: создание инноваций через партнерство; Япония как привлекательная база для НИОКР; Япония как «ворота» в интегрированную экономику Восточной Азии; Япония как прибыльный потребительский рынок; восстановление японской экономики и инвестиционный климат в стране (включая условия для осуществления сделок по слияниям и поглощениям)²².

Так, например, в сентябре 2005 г. в рамках «Инвестиционной инициативы Япония – ЕС» ДЖЭТРО и МЭТП совместно с министерством экономики и труда Германии провели в Берлине японо-германский симпозиум по инвестициям, где основное внимание было уделено возможностям заключения альянсов между компаниями двух стран. В частности, японцы справедливо указывали на то, что их компании тесно интегрированы в экономики стран Восточной Азии, и поэтому присутствие европейских компаний на японском рынке фактически открывает для них «ворота» на рынки многих других азиатских стран, в том числе стран с быстро растущими рынками (КНР, Индия).

Инвестиционные симпозиумы в Нью-Йорке (декабрь 2005 г., организован МЭТП Японии и американским филиалом ДЖЭТРО) и Сингапуре (ноябрь 2006 г.) были посвящены, главным образом, японской розничной торговле и рынку услуг. Эти сферы до последнего времени в Японии довольно жестко регулировались и вместе с тем, как было

¹⁹ <http://www.polpred.com/user/?section=1&country=187&year=&id=9736&act=text>

²⁰ В качестве аргументов приводятся положительные тенденции в улучшении финансового состояния японских компаний и банков, способных, по мнению противников реформы, самостоятельно приобретать ценные активы на внутреннем рынке. – <http://www.polpred.com/user/?section=1&country=187&year=&id=9736&act=text>

²¹ Основная информация ДЖЭТРО предоставляется на шести языках (помимо японского) – английском, французском, немецком, корейском и двух (!) китайских – традиционном и современном, что, конечно, делает ее более доступной для иностранных пользователей.

²² <http://www.jetro.go.jp/en/invest/investmentservices/event/seminars>

отмечено в выступлении президента Торгово-промышленной палаты США, они представляют большой интерес для американских компаний.

Важным мероприятием в рамках кампании «Invest Japan» стал и симпозиум в Лондоне (сентябрь 2006 г.), где собрались не потенциальные инвесторы, а представители тех британских компаний, которые уже ведут успешный бизнес в Японии. Таким образом, симпозиум стал своего рода «смотром достижений» и семинаром «по обмену передовым опытом», что во многом предопределило тональность выступлений и итоговых документов.

Во-первых, участники симпозиума пришли к весьма оптимистичному выводу, что хорошо организованная компания, предлагающая качественные товары и услуги, обязательно добьется успеха на японском рынке.

Во-вторых, было отмечено, что в Японии действует не больше ограничений для бизнеса, чем в других развитых странах (результаты политики, направленной на выравнивание условий ведения бизнеса).

В-третьих, участники сделали вывод о том, что даже на фоне растущей популярности рынков Китая и Индии, японский рынок сохраняет высокую привлекательность благодаря огромному потенциалу и стабильности²³.

Различные мероприятия, направленные на повышение интереса иностранных предпринимателей к бизнесу в Японии, организуются ДЖЭТРО или при ее участии и в самой Японии. Это – и тематические семинары и симпозиумы (по отдельным отраслям японской экономики и отдельным городам и регионам), и специализированные туры для иностранных бизнесменов. Предлагаются и комплексные программы, включающие участие в семинарах, встречи с представителями японского бизнеса и ознакомительные поездки в промышленные зоны и кластеры.

Для тех иностранных предпринимателей, которые уже решили вести свой бизнес в Японии, в шести крупных городах – Токио, Иокогаме, Нагоя, Осака, Кобэ и Фукуока – ДЖЭТРО созданы центры поддержки бизнеса (JETRO's Invest Japan Business Support Centers – IBSC). Эти центры, работают в системе «одного окна». Имея оперативную связь с министерствами и другими государственными организациями, они оказывают иностранным предпринимателям, которые только начинают свое дело в Японии, различные консультационные услуги, а также могут бесплатно предоставить временное помещение для офиса, помочь с подбором персонала²⁴.

²³ <http://www.jetro.go.jp/en/invest/investmentservices/event/seminars/2006/london>

²⁴ <http://www.jetro.go.jp/en/invest/investmentservices/ibsc>

Финансовое стимулирование иностранных компаний, действующих в Японии, осуществляется в виде предоставления различных льгот по налогообложению, а также льготных кредитов и даже субсидий.

Так, иностранным компаниям, планирующим организацию или расширение деятельности на территории Японии и получившим статус «специально определенного зарубежного инвестора», выделяются кредиты Японского банка развития под низкий процент, а также предоставляются правительственные гарантии по долговым обязательствам и дополнительные национальные и местные льготы по налогообложению. Кроме того, обычно при осуществлении инвестиций в Японии потери компании выводятся из-под налогообложения на срок до пяти лет, а для «специально определенных зарубежных инвесторов» этот срок увеличивается до семи лет.

Зарубежным компаниям, желающим осуществить заимствования для ведения бизнеса в Японии, Фонд улучшения промышленной инфраструктуры предоставляет им гарантии в течение первых пяти лет их работы. Гарантия может достигать 1 млрд. иен (9,5 млн. долл.) и покрывать до 95% получаемого кредита. Срок погашения кредита может достигать 10 лет со сроком отсрочки платежей до трех лет. Одновременно специализированные японские ассоциации предоставляют дополнительные гарантии мелким и средним японским компаниям, работающим с зарубежным инвестором.

В специальных Зонах развития импорта (FAZ), которые будут рассмотрены нами ниже, предусмотрено снижение налогов на недвижимость и основные средства, специальные льготы по амортизации, освобождение от налогов на владение землей.

Японское законодательство допускает снижение отчислений вновь создаваемых предприятий с участием иностранного капитала в бюджеты префектур, в том числе уменьшение налога на приобретение недвижимого имущества, налогов на прибыль и основной капитал. Например, в городах Осака и Кобэ налог на прибыль может составлять лишь 10% от основной ставки в зависимости от вида деятельности предприятия, налог на приобретение недвижимости – 50% (при этом снижение не может превышать 2 млн. иен). Иностранные компании могут также получить льготы по уплате налога на основной капитал и специального налога на владение землей в соответствующие городские бюджеты.

Финансовым стимулом для привлечения инвестиций является также предоставление различных субсидий и кредитов на строительство, расширение производства и организацию научных исследований и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Масштабное финансирование подобной деятельности осуществляется, например, на Хоккайдо

(3,2 млрд. иен на одно предприятие). Особый режим субсидирования зарубежных компаний предусмотрен в префектурах Акита, Кумамото, Сига, Хёго, Хиросима. Во многих регионах для совместных предприятий введен режим льготной оплаты коммунальных услуг, в том числе электроэнергии.

Кредиты предоставляются в размере от нескольких сотен миллионов до нескольких миллиардов иен обычно на 10 лет (в отдельных случаях до 15 лет) под 1,6 – 2,6% годовых. Например, если инвестиции «содействуют совершенствованию инфраструктуры японской промышленности и могут внести вклад в создание новых видов производств и рабочих мест», ставка по кредиту Японского банка развития на 15 лет составляет 1,8% годовых (с трехлетним льготным периодом погашения), на 20 лет – 2,05%. Когда же проекты отнесены к особо значимым, а инвестиции носят полномасштабный характер, ставка по кредиту может быть снижена до 1,65% и 1,95% годовых соответственно. Кроме того, Банк развития Японии предоставляет иностранным компаниям, работающим в Японии, кредиты для оплаты ими расходов по аренде сооружений, налога на имущество и страховых премий.

В ряде регионов, в том числе в префектурах Ниигата и Окаяма, предоставляется возможность взятия в аренду или лизинг производственных помещений и даже целых заводов, позволяющая существенно сократить расходы инвесторов. В префектурах Акита, Тояма, Эхимэ, Нагасаки, Миядзаки и Кагосима местные администрации берут на себя частичную оплату процентов по кредитам для предприятий, расположенных в этих регионах²⁵.

Создание условий для привлечения иностранных инвестиций в регионах

Политика привлечения в страну ПЗИ реализуется в Японии и на местном уровне. Прежде всего, следует отметить, что современные программы и проекты регионального развития в качестве неотъемлемого элемента включают в себя создание условий для привлечения ПЗИ и развития иностранного предпринимательства. Это относится и к Плану промышленных кластеров (2002 г., МВТП)²⁶, и к Проекту создания интеллектуальных технологических кластеров министерства

²⁵ <http://www.polpred.com/user/?section=1&country=187&year=&id=9736&act=text>

²⁶ План заменил собой знаменитую программу 80-х годов «Технополис» и реализуется в 19 отобранных регионах. Цель – формирование производственно-научных (университетских) сетей, включающих местные фирмы, которые стремятся выйти на глобальный рынок. Министерство оказывает поддержку сетям в развитии бизнес-проектов, отвечающих международным стандартам. – Stimulation of Regional Clusters and International Exchange. International Comparative Survey for Vitalization of the Japanese Economy JETRO, June 2004.

образования, науки и технологии (МЕХТ)²⁷, и к Программе специальных зон структурных реформ (Штаб содействия Специальным зонам структурных реформ)²⁸.

МЭТП Японии и ДЖЭТРО разработаны и специальные общенациональные программы по привлечению иностранных инвестиций в регионы. Среди них – Проект содействия ПЗИ в выделенных территориях («Project to Promote Foreign Direct Investment in Selected Areas»). Он нацелен на поддержку местных инициатив по привлечению иностранных инвесторов и охватывает девять регионов – городов и префектур (Сэндай, Осака, Хиросима, Фукуока, Ямагути, Саппоро, Тиба, Канагава, Гифу-Айти-Мие).

В стране создаются также специальные Зоны содействия импорту (Foreign Access Zones)²⁹ для равномерного распределения притока иностранного капитала по территории страны и стимулирования развития регионов за счет создания новых производств.

Иностранным инвесторам в FAZ может быть предоставлен преференциальный режим налогообложения. В частности, предусмотрены льготы по налогу на покупку недвижимости, префектуральному налогу на основные фонды, специальному налогу на землевладение (включая полное освобождение от него), а также льготные условия в отношении амортизации зданий и производственного оборудования. Фонд улучшения промышленной инфраструктуры предоставляет

²⁷ Цель проекта – создание конкурентоспособных кластеров, обладающих потенциалом технологических инноваций на основе партнерства производства, университетов и правительства, где ключевыми организациями станут местные исследовательские организации. В результате реализации ожидается оживление исследовательской деятельности в регионах, более полное использование местных научно-технических потенциалов, внедрение достижений НИОКР в местные экономики. – Stimulation of Regional Clusters and International Exchange. International Comparative Survey for Vitalization of the Japanese Economy JETRO, June 2004.

²⁸ Это – один из важнейших проектов структурных реформ кабинета Дз. Коидзуми. В экспериментальном порядке проводится дерегулирование в некоторых специально выделенных районах или специальных зонах (утверждено 549 зон) с тем, чтобы проверить возможный эффект дерегулирования в национальном масштабе. В то же время это – мера поддержки регионов с целью более полного использования их местных особенностей для стимулирования регионального развития через оживление инвестиционной и инновационной деятельности. Это – зоны международного обмена для привлечения туда иностранных ученых и исследователей, где облегчаются правила иммиграционного законодательства. – Stimulation of Regional Clusters and International Exchange. International Comparative Survey for Vitalization of the Japanese Economy JETRO, June 2004

²⁹ Foreign Access Zones (FAZ). Действуют на основании Закона об экстренных мерах по содействию импорту и привлечению прямых иностранных инвестиций в Японию (Law on Extraordinary Measures for the Promotion of Imports and the Facilitation of Foreign Direct Investment) 1992 г.

компаниям, работающим в зонах, гарантии по кредитам на приобретение помещений и оборудования, а также на пополнение оборотных средств. Мелким и средним компаниям могут предоставить льготные условия страхования аналогичных кредитов.

В FAZ развивается складское хозяйство, строятся выставочные павильоны, мощности по перевалке грузов, что помогает работе оптовых и розничных продавцов, а также компаний, занимающихся первичной обработкой продукции, закупаемой в других странах.

В Японии учреждены и функционируют 22 «зоны развития импорта» префектурального или городского подчинения. Их финансирование осуществляется главным образом местными властями и предпринимателями, рассчитывающими на значительное увеличение объемов грузоперевозок. Выгодные условия по налогообложению созданы в FAZ Ибараки, Эхимэ, Кобэ, Китакою, Окаяма. В ряде зон, например в Иокогаме, Осака, Кавасаки, предусмотрена также возможность отсрочки части платежей до завершения погрузочно-разгрузочных или иных работ³⁰.

Наряду с участием в общенациональных программах, нацеленных на стимулирование притока иностранных инвестиций в страну, власти многих префектур и городов Японии и сами проявляют инициативу в данном направлении, что отражает изменение их отношения к зарубежным инвестициям. Раньше сделки с иностранными корпорациями, предусматривающие приобретение ими активов японских компаний (слияния и поглощения, альянсы с приобретением пакетов акций), встречались весьма настороженно, что, конечно, имело под собой основание. Реорганизация компаний и смена руководства часто вели к закрытию производств в Японии и соответственно сокращению числа рабочих мест, от чего в первую очередь страдали хозяйственные комплексы и местные бюджеты. В этом смысле ситуация не изменилась и сейчас, но, по-видимому, несколько изменилось отношение местных властей к присутствию иностранного капитала в своей стране. Принимая основные идеи и положения правительственного курса в отношении ПЗИ и, возможно, мирясь с неизбежным (глобализация и формирование новых условий международной конкуренции – процессы все же объективные!), местные власти начали рассматривать иностранные инвестиции как важный рычаг оживления местной экономики и создания новых рабочих мест. Поэтому во многих префектурах и городах разрабатываются специальные программы привлечения иностранных инвестиций. Они включают распространение информации для потен-

циальных инвесторов о преимуществах своей префектуры, создание специальных организаций для оказания правовой и организационной поддержки инвесторам, формирование региональных кластеров, совершенствование производственной и социальной инфраструктуры. Такие программы осуществляются и в крупных городах, и в провинции.

Так, например, власти трех префектур и 23 муниципалитетов, расположенные в районе «большой Нагой», разработали вместе с 13 бизнес-организациями и при поддержке ДЖЭТРО и МЭТП программу привлечения иностранного капитала в свой регион – «Greater Nagoya Initiative» (GNI). Кроме названных выше инициаторов программы в Клубе партнеров GNI состоят также более 250 компаний, университеты и исследовательские институты и центры.

В качестве привлекательного региона для иностранных инвестиций Нагоя позиционирует себя как удобно расположенный центр обрабатывающей промышленности Японии, кластер автомобилестроения, регион с высоким уровнем доходов. В качестве конкурентного преимущества особо подчеркивается высокое качество рабочей силы, что позволяет создавать технически сложную продукцию с высокой долей добавленной стоимости даже тогда, когда многие международные компании, в том числе и японские, перемещают свое производство в страны с низкими издержками – КНР и страны Юго-Восточной Азии.

Инициаторы программы GNI предлагают для потенциальных инвесторов и конкретные варианты, и формы организации бизнеса в своем регионе. Так, подчеркивается возможность и выгода заключения альянсов с высокотехнологичными компаниями, расположенными в регионе. Кроме того, предлагается обратить внимание на сферу потребительских и деловых услуг, поскольку оба эти сегмента рынка в регионе весьма велики. Также делается акцент на удобстве размещения региональных штаб-квартир, поскольку в случае такого решения высшие менеджеры компаний могут поддерживать тесные связи с производственными подразделениями (которые также удобно разместить в Нагое и близлежащих префектурах), а аренда офисов здесь на 10–50% дешевле, чем в Токио и Осака.

Серьезным конкурентным преимуществом района инициаторы проекта считают наличие научно-производственных кластеров. В «Большой Нагое» реализуется два таких проекта в рамках общенациональной программы, о которой мы упоминали выше, и несколько местных. Развитие кластеров, а также Центров интеграции производства, науки и управления, будучи нацеленным, в первую очередь, на повышение инновационного потенциала региона, вместе с тем, конечно, будет способствовать и повышению его привлекательности для иностранных инвесторов.

³⁰ <http://www.polpred.com/user/?section=&country=187&year=&id=9781&act=text>

Для удобства инвесторов в рамках GNI в регионе действует система «One Stop Service», которая позволяет иностранному инвестору, обратившись в единый центр поддержки, получить все необходимые консультации и организационно-правовую помощь.

В других городах и префектурах Японии ищут свои способы привлечь внимание иностранных инвесторов. Например, производители точных инструментов из преф. Нагано предприняли рекламную акцию: выпустили буклет на английском языке, где рассказывалось о местной индустрии и планируемом промышленном парке. Предприниматели из преф. Гифу послали несколько миссий в Европу с тем, чтобы ознакомить европейских производителей с успехами своей информационной индустрии, в результате чего удалось привлечь в префектуру несколько компаний.

В преф. Хиросима была создана база данных на японском и английском языках (на CD-ROM) о 17 индустриальных парках, построенных или планируемых в префектуре. Йокогама провела переговоры с Британским департаментом торговли и промышленности о размещении в Йокогамском бизнес-парке Британского промышленного центра для обслуживания представительств английских компаний в Японии.

Основные характеристики иностранного бизнеса в Японии

Иностранный капитал в виде прямых инвестиций идет в самые разные сферы японской экономики, растет доля иностранных инвесторов в совокупном акционерном капитале страны, о чем свидетельствуют, например данные по пяти крупнейшим фондовым биржам страны³¹.

Отраслевую структуру ПЗИ отличает высокая доля сектора услуг, на который приходится около 2/3 потока ПЗИ в Японию, что можно проиллюстрировать статистическими данными за 2005/06 фин. г.³² Названная особенность отраслевой структуры прямых зарубежных инвестиций, размещаемых в Японии, подтверждается и на уровне анализа функциональной структуры инвестиций. Так, по результатам опросов, проводимых ДЖЭТРО в среде иностранных компаний в Японии, 76% респондентов заявили, что открыли в Японии офисы продаж, 32% – сервисные центры, 23% – дистрибьюторские центры и только 24% – производственные подразделения. 19% опрошенных компаний сообщили о размещении научно-исследовательских центров в Японии³³.

³¹ 10 Advantages to Investing in Japan. – www.investjapan.org.

³² 2006 JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment, p. 12

³³ Условия опроса предполагали возможность множественных ответов. – The 9th Survey on Attitudes of Foreign-Affiliated Companies toward Direct Investment in Japan, p. 2.

Особое внимание и на национальном, и на региональном уровне уделяется привлечению в Японию научно-исследовательских подразделений зарубежных компаний.

С одной стороны, высокий научно-технический и инновационный потенциал самой Японии, по мнению экспертов ДЖЭТРО, является одной из привлекательных черт страны с точки зрения размещения иностранных инвестиций. Это же отмечают и эксперты международных организаций. Так, согласно обследованию ЮНКТАД, которая в своем Докладе о мировых инвестициях за 2005 г. выделила тенденцию к созданию международных сетей научных исследований в качестве основной в международном инвестиционном процессе, Япония обладает высоким рейтингом с точки зрения привлекательности для размещения исследовательских функций компаний. В списке 700 ТНК, тратящих значительные средства на НИОКР, Япония заняла четвертое место (14,7% голосов) после Китая (61,8%), США (41,2%), Индии (29,4%)³⁴. А в рейтинге Отчета по глобальной конкурентоспособности ВЭФ (2001 г.) Япония в качестве базы для размещения НИОКР занимала 14-е место, в то время как ее позиция в качестве производственной базы была 25-й, а для функций управления и услуг – 29-й³⁵.

С другой стороны, Япония сама заинтересована в размещении иностранных компаниями научно-исследовательских центров на своей территории. Так, в 2004 г. ДЖЭТРО с исследовательским институтом Номура было проведено специальное исследование по проблеме привлечения таких центров в Японию, где оценивались (разумеется, в положительном ключе) условия, которые страна может предоставить иностранным компаниям для развития НИОКР.

Напомним, что еще в 2002 г. Совет по промышленной структуре признал одной из серьезных проблем японской экономики слабую коммерциализацию результатов научных исследований при высоких затратах на НИОКР и государства, и компаний (это явление было названо «синдромом долины смерти» по аналогии с Силиконовой долиной в США, где инновационная деятельность, напротив, очень активна и успешна). По данным опроса, проведенного Исследовательским институтом Мицубиси, 80% из числа опрошенных японских компаний обладают передовыми технологиями, которые не были коммерциализованы, и половина компаний указала на проблемы инновационной деятельности³⁶.

³⁴ World Investment Report 2005, p. 153.

³⁵ Research for Attracting R'D Centers in Japan, p. 12–13.

³⁶ Ibid.

С точки зрения возможного решения данной проблемы размещение в Японии научных центров иностранных компаний может способствовать:

- 1) наращиванию потенциала развития новых продуктов малыми и средними, а также венчурными предприятиями Японии;
- 2) развитию новых, наукоемких отраслей и технологий;
- 3) повышению конкурентоспособности малого и среднего бизнеса.

Необходимо при этом отметить, что иностранные инвестиции важны здесь не только и не столько с точки зрения наращивания объема финансирования научных исследований в стране, сколько в целях освоения японским бизнесом методов и приемов коммерциализации результатов научных исследований и применения передовых моделей инновационной деятельности.

Что касается *организационных форм* присутствия иностранных компаний на японском рынке, то, по данным опроса ДЖЭТРО, свыше половины компаний создавали новое предприятие (подразделение, офис), 35% – выбрали форму совместного предприятия и только 11% – укрепились на рынке благодаря СиП³⁷. Тем не менее, СиП становятся в последние три года все более распространенной формой ПЗИ в Японию.

Особенностью *финансовых стратегий зарубежных компаний* на японском рынке является ориентация на формирование капитала японских филиалов за счет материнской компании. Так, более чем в половине из числа опрошенных ДЖЭТРО компаний материнская компания полностью владела капиталом своего японского филиала, и лишь в 9% случаев ее доля не превышала 50%³⁸.

Географическая структура иностранного предпринимательства в Японии отличается высокой долей центральных районов в размещении филиалов всех видов, в частности, на долю Токио приходится свыше 60% случаев размещения. Однако, как заявляют менеджеры успешных иностранных компаний в Японии, дополнительные офисы, дистрибьюторские центры и производственные предприятия они, возможно, будут размещать уже в периферийных районах, хотя некоторые опасаются, что не смогут обеспечить себя квалифицированным персоналом³⁹.

Таким образом, если попытаться нарисовать усредненный «портрет» иностранной компании в Японии, то он выглядел бы примерно

³⁷ Условия опроса предполагали возможность множественных ответов. – The 9th Survey on Attitudes of Foreign-Affiliated Companies toward Direct Investment in Japan, p. 3.

³⁸ The 9th Survey on Attitudes of Foreign-Affiliated Companies toward Direct Investment in Japan, p. 3.

³⁹ Там же, с. 2, 9.

так: дистрибьюторская фирма со 100%-ным иностранным капиталом, расположенная в Токио и нацеленная на освоение японского рынка.

Итоги и перспективы

С начала 2000-х годов мы наблюдаем существенные сдвиги в сфере экономического взаимодействия Японии с окружающим миром и изменения, касающиеся характера участия страны в глобализационных процессах. Страна, по-видимому, «решила» сделать новый шаг на пути либерализации своей хозяйственной жизни, повышения степени открытости своего рынка и извлечь определенную пользу из неизбежных последствий глобализации. В стране впервые за послевоенный период, да и вообще за всю послеэмэйзийскую историю начала формироваться политика привлечения в страну прямых иностранных инвестиций, что, по сути, означает допуск иностранного бизнеса в различные экономические сферы.

Эта политика отражает ясно выраженную волю политической и экономической элиты страны и имеет системный и комплексный характер, что выражается в формулировании системы целей и приоритетов, создании организационного, финансового и технического инструментария, наличии трех уровней – общенационального (государственного), регионального и корпоративного, – охватывающих всех основных участников процесса.

Сочетание ряда объективных факторов и первые результаты государственной политики привели к некоторому увеличению притока прямых зарубежных инвестиций в Японию в первые годы нового тысячелетия (см. таблицу).

Вместе с тем довольно высокие показатели динамики притока и накопления ПЗИ в Японии не должны вводить в заблуждение. Стартовый уровень этого процесса был очень низким (в 1990 г. накопление не достигало и 10 млрд. долл.). Поэтому и в настоящее время кумулятивные объемы ПЗИ в Японии на порядок ниже, чем в других промышленно развитых странах и не соответствуют масштабам экономики страны.

К тому же динамика притока ПЗИ в Японию очень неустойчива. Так, по результатам 2005/06 фин. г. он сократился на 64% по сравнению с предыдущим годом и составил всего 2,8 млрд. долл., что является самым низким показателем за 1995–2005 гг.⁴⁰

Это могло стать результатом и некоторой непоследовательности политики правительства. Так, было отложено до 2007 г. решение

⁴⁰ World Investment Report 2006, p. 118–119 (по данным Банка Японии).

вопроса об освобождении от налогообложения сделок по обмену акциями двух сливающихся компаний и о порядке одобрения процедуры сделок по трансграничным СиП. Кроме того, после некоторого ослабления регулирования в сфере розничной торговли были введены некоторые ограничения на операции для крупных розничных операторов как японских, так и иностранных.

Учитывая, что до 2/3 ПЗИ в Японию направляется в сферу услуг, в том числе и в розничную торговлю. Именно в торговле, которая традиционно сильно защищена в сфере бизнеса, иностранные компании используют в качестве организационно-финансовой стратегии слияния и поглощения, понятно, что приведенные выше факторы вполне могли негативно воздействовать на общую динамику поступления ПЗИ в страну⁴¹.

Определенное сдерживающее влияние на рост иностранных капиталовложений в Японии оказывает и ряд характеристик, имманентно присущих японскому рынку, которые очень трудно или даже невозможно нивелировать. Среди них – высокие издержки на труд, приобретение земельных участков и строительство, трансакционные издержки, языковой барьер, относительная закрытость предпринимательской структуры и японского общества в целом, высокая стоимость жизни в Японии.

Данные опросов иностранных компаний, периодически проводимых ДЖЭТРО, свидетельствуют о том, что относительное число компаний, недовольных условиями инвестирования в Японии, хотя и снизилось за 10 лет (1995–2005), но и сейчас на эти неблагоприятные факторы указывает большинство принявших участие в опросе⁴².

Тем не менее, в своем политическом послании в январе 2006 г. премьер-министр Японии объявил, что задача удвоения объема накопленных ПЗИ в стране по сравнению с 2001 г. достигнута и теперь нужно стремиться к новому рубежу – удвоению показателя 2006 г. к 2011 г.⁴³ Однако, по мнению экспертов ЮНКТАД, Япония вряд ли сможет получить необходимые объемы ежегодных поступлений ПЗИ в течение ближайших лет. Для того чтобы удвоить в ближайшее пятилетие объем накопленных ПЗИ, в Японию (по грубой прикидке) должно поступать порядка 20 млрд. долл. в год. Сейчас же этот показатель меньше в разы, а по результатам 2005/06 фин. г. он почти на порядок ниже.

⁴¹ Ibid.

⁴² 10 Advantages to Investing in Japan. – www.investjapan.org.

⁴³ Это соответствует кумулятивному объему ПЗИ в 26 трлн. иен при планируемом на тот момент объеме на конец 2006/07 фин. г. в 13, 2 трлн. иен, или 119 млрд. долл.

При этом важно иметь в виду, что приток и отток ПЗИ, а также их накопление во многом зависят от стратегии и политики крупных иностранных компаний в данной стране, поскольку размеры отдельных сделок могут быть настолько велики, что способны существенным образом изменить и макроэкономические показатели. В 2006 г., по крайней мере, две ТНК сократили свои активы в Японии. «Дженерал Моторс» уменьшила долю в капитале «Судзуки» с 20% до 3% (на 2 млрд. долл.), а «Водафон» продал свой японский филиал «Водафон Джэпэн» «Софтбанку» за 15 млрд. долл. Поэтому даже чисто технически в 2006 г. накопленные ПЗИ в Японии могут вырасти только за счет значительного притока инвестиций в виде так называемого «нетрансакционного компонента», а именно изменения курса валют, цен (оценка соответствующих активов на фондовых рынках) и других корректировок⁴⁴, что вряд ли сможет компенсировать потери, связанные с изменением стратегий «Дженерал Моторс» и «Водафон» на японском рынке.

В целом же важнейший вывод относительно перспектив роста ПЗИ в Японии состоит в том, что правительством задан определенный вектор политики в данной сфере. Это, однако, не является гарантией активизации ТНК на японском направлении, хотя потенциальная привлекательность рынка Японии, как мы попытались показать, высока. Многое будет зависеть от стратегий международных компаний и, конечно, от позиции самих японских компаний как партнеров по бизнесу.

⁴⁴ Включая реклассификацию активов, например, перевода части портфельных инвестиций в разряд прямых, списание и односторонний отказ от долгов, экспроприации и статистические погрешности. – World Investment Report 2006, pp. 118 – 119.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Япония – Восточная Азия: НОВЫЕ КОНТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одним из важных показателей степени открытости экономической системы той или иной страны является модель ее взаимодействия с внешним миром.

Хотя еще в конце 60-х годов прошлого столетия Япония вышла на второе место в мире по объему промышленного производства и стала одним из крупнейших экспортеров промышленной продукции, вплоть до середины 80-х годов ее участие в мировых хозяйственных связях и международном разделении труда представляло собой классический вариант так называемой «вертикальной» модели. Эта модель предполагает организацию в границах национальной территории автономного производственного процесса и характеризуется низкой степенью межотраслевой и внутриотраслевой кооперации с зарубежными странами, незначительной долей импортируемого оборудования в формировании основного капитала, а также низкой долей импортных товаров в удовлетворении спроса населения на продукцию потребительского назначения.

Все эти признаки были в Японии налицо. Создав на собственной территории практически универсальную отраслевую структуру промышленности, она свела свое участие в производственной кооперации с внешним миром главным образом к закупке сырья и топлива, а ее зарубежные инвестиции вплоть до середины 80-х годов были крайне незначительны и концентрировались в основном в добывающей промышленности, а также некоторых трудоемких производствах легкой промышленности. Доля импортируемых машин и оборудования в формировании основного капитала страны к концу периода высоких темпов роста снизилась до 5% и на протяжении 70–80-х годов оставалась в пределах 4–6%. Доля импортных товаров в обеспечении потребительского спроса населения (включая продовольствие), снизившись

к концу 60-х годов до 3,5%, в последующие два десятилетия находилась на уровне 2,5 – 4 % ¹.

Такая модель участия Японии в международном разделении труда существенно отличалась от характерной для большинства промышленно развитых стран «горизонтальной» модели. «Горизонтальная» модель характеризуется значительной долей взаимобмена продукцией обрабатывающей промышленности между хозяйствующими субъектами развитых государств, углублением интеграции и кооперации между ними в однородных производствах, высокой долей импорта в удовлетворении потребительского спроса населения (прежде всего за счет переноса в развивающиеся страны трудоемких производств легкой промышленности), ориентацией на инвестирование за рубежом не только в добывающую, но и в перерабатывающую промышленность и ввоз на собственную территорию продуктов, прошедших первичную переработку.

Помимо географических факторов (значительной удаленности Японии от других развитых стран, снижавшей выгоды от производственного кооперирования из-за высоких транспортных издержек), формирование «вертикальной» модели ее участия в международном разделении труда было связано и с крайней ограниченностью финансовых ресурсов для зарубежного инвестирования. Хотя еще с середины 60-х годов Япония стала сводить свой платежный баланс с положительным сальдо, лишь к середине 80-х годов она накопила ресурсы, позволившие ей приступить к масштабному вывозу капитала.

К этому времени стало совершенно очевидно, что «вертикальная» модель участия Японии в мировых хозяйственных связях и международном разделении труда, ориентированная на импорт преимущественно необработанного сырья и экспорт продукции высокой степени обработки, нуждается в радикальной перестройке. Что касается импорта, то сохранение прежней его ориентации было невозможно, поскольку это пришло бы в явное противоречие с общим курсом страны на создание интеллектуалоемкой структуры экономики, с низкой энерго- и материалоемкостью. Что же касается экспорта, то ярким свидетельством кризиса «вертикальной» модели служили нараставшие из года в год и распространявшиеся на все новые виды продукции торговые противоречия между Японией и рядом промышленно развитых стран (в первую очередь США), недовольных бурным натиском японских товаров на их национальные рынки.

Перестройка модели участия Японии в мировых хозяйственных связях, придание ей большей «горизонтальности», по-видимому, про-

¹ Япония: смена модели экономического роста. М., 1990, с. 189–190.

исходили бы более плавно и заняли бы больше времени, если бы не начавшееся осенью 1985 г. стремительное повышение курса иены, в результате которого в течение года по отношению к доллару и другим мировым валютам иена вздорожала почти в 2 раза. Сделав экономически невыгодным ведение экспортных операций для большинства экспорториентированных отраслей и производств японской промышленности, оно не только вынудило японские компании предпринять титанические усилия по рационализации производства с целью снижения издержек, но и привело к резкому расширению объемов экспорта капитала. Так, за 1986–1990 гг. в форме прямых зарубежных инвестиций Япония вывезла за рубеж более 210 млрд. долл., что многократно превысило аналогичные показатели за первую половину десятилетия².

Поскольку материальной основой формирования «горизонтальной» модели внешнеэкономических связей выступают именно прямые зарубежные инвестиции, с середины 80-х годов началась довольно быстрая трансформация прежних «вертикальных» форм участия Японии в мировой торговле и международном разделении труда, все большее их приближение к параметрам, характерным для других развитых стран. И самым поразительным при этом стало то, что «выпрямление» японской модели внешнеэкономических связей, придание ей все большей «горизонтальности» происходило за счет развития интеграции и углубления разделения труда не столько с высокоразвитыми государствами, сколько со странами среднего уровня развития – новыми индустриальными экономиками Азии (НИЭ Азии).

В 80-е годы один за другим Япония начала передавать НИЭ Азии «нижние этажи» своей промышленной структуры, осваивая и развивая на собственной территории все более и более сложные отрасли и производства. Одновременно из года в год возрастали поставки из этих стран в Японию текстиля, продовольствия, швейных изделий, металлов, химических удобрений, различной бытовой техники и электроники. Иными словами, между Японией и этими странами стала складываться система разделения труда горизонтального типа, захватывавшая все более широкий круг отраслей и производств.

Что же касается прямых японских инвестиций в развитые страны, то хотя по объемам они существенно превосходили инвестиции в НИЭ Азии (на долю первых в 80-е годы приходилось от половины до 2/3 общей суммы вывоза капитала, а на долю вторых – 15–20%), их роль в трансформации японской модели участия в международном разделении труда была гораздо скромнее. Это было связано с тем, что

основная часть прямых инвестиций Японии в развитые государства (до 70%) направлялась не в материальное производство, а в различные отрасли третичной сферы. А что касается инвестиций в производственную сферу, то их основным назначением было не столько развитие кооперации и интеграции между японскими и западными компаниями, сколько смягчение торговых противоречий путем замены экспорта широкого круга товаров организацией их производства на местах.

В последующие годы роль азиатского направления в системе внешнеэкономических связей Японии еще более возросла. С одной стороны, существенно расширился состав стран, ставших для Японии значимыми партнерами: к НИЭ Азии добавились страны АСЕАН и Китай. С другой стороны, с точки зрения структуры торговли, степени развития производственной кооперации и интеграции экономические связи Японии с государствами Восточной Азии превратились в наиболее зрелый сектор всей системы ее внешнеэкономических связей. И все большее открытие японской экономики миру, освоение все более зрелых форм участия в международном разделении труда происходит, прежде всего, за счет восточно-азиатского блока внешнеэкономических связей страны.

Анализу современного состояния экономического сотрудничества между Японией и странами Восточной Азии, а также определению его значения для развития японской экономики и посвящена настоящая глава.

Внешнеторговые отношения между Японией и государствами Восточной Азии

Объективные предпосылки для расширения торговли между Японией и странами Восточной Азии создали, во-первых, высокий динамизм азиатских экономик и, во-вторых, быстрое повышение степени их индустриализации.

Несмотря на азиатский кризис 1997–1998 гг. среднегодовые темпы роста азиатских экономик в последние 10–15 лет продолжали превышать среднемировые показатели. Восточная Азия не только сохранила, но и усилила свои позиции как один из главных центров деловой активности. Так, за 1990–2004 гг. ВВП Китая в реальном исчислении вырос в 3,7 раза, Южной Кореи – в 2,2 раза, Малайзии и Сингапура – в 2,3 раза, Индонезии и Гонконга – в 1,8 раза и т. д.

Экономический рост в большинстве восточно-азиатских государств сопровождался быстрым повышением в структуре их национальных хозяйств доли обрабатывающей промышленности. К середине текущего десятилетия в Китае, например, она возросла до 40%, в

² Нихон токэй нэнкан. Токио, 1988, с. 354; 1990, с. 356; 1993/94, с. 426.

Таиланде, Южной Корее и Малайзии – до 30%, на Филиппинах и в Индонезии – до 25%. При этом в среднем по восточно-азиатским странам удельный вес продукции машиностроения в экспорте поднялся до 40–60%³.

О том, насколько усилились позиции стран Восточной Азии в качестве торговых партнеров Японии, можно судить по данным, представленным в таблице 1.

Таблица 1.
Изменение географической структуры
внешней торговли Японии за период 1994–2005 гг.*

	Экспорт				Импорт			
	1994 г.		2005 г.		1994 г.		2005 г.	
	трлн. иен	%	трлн. иен	%	трлн. иен	%	трлн. иен	%
Всего, в т.ч.	40,500	100,0	65,657	100,0	28,100	100,0	56,949	100,0
США	12,640	31,2	14,806	22,6	7,350	26,1	7,074	12,4
Евросоюз	6,740	16,6	9,652	14,7	4,410	15,7	6,470	11,4
Азия, в т.ч.	16,150	39,9	31,796	48,2	9,930	35,3	25,279	44,4
Китай	1,910	4,7	8,840	13,5	2,810	10,0	11,975	21,0
НИЭ	6,930	23,6	15,958	24,3	2,950	11,3	5,602	9,8
АСЕАН	4,150	10,3	5,909	9,0	3,270	11,6	6,497	11,4

* Тюдэ кигэ хакусё. 2006, с. 70; Тоё кэйдзай токэй гэнпо. 2006, № 11, с. 71.

За период 1994–2005 гг. объем экспорта Японии в страны Восточной Азии увеличился с 12,990 трлн. иен до 30,707 трлн. иен или в 2,4 раза при среднегодовых темпах роста 8,3%, а ее импорт из этого региона – соответственно с 9,030 трлн. иен до 24,074 трлн. иен или в 2,7 раза при среднегодовых темпах роста 9,5%. Темпы роста торговли Японии с Восточной Азией в среднем почти в 2 раза превышали темпы расширения ее торговли с другими регионами, и в результате к середине первого десятилетия XXI в. доля восточно-азиатского региона в общем объеме японского экспорта возросла до 46,8%, а в общем объеме импорта – до 42,3%.

Особенно быстро расширялась торговля Японии с Китаем: японский экспорт за 1994–2005 гг. увеличился в 4,6 раза (при среднегодовых

³ Тюдэ кигэ хакусё. 2006, с. 68–69.

темпах роста около 15%), а импорт – в 4,3 раза (при среднегодовых темпах роста 14%). В 2003 г. Китай опередил США и стал для Японии крупнейшим импортером, обеспечивая более $\frac{1}{5}$ всех ее поставок по импорту. В качестве экспортного рынка Китай пока существенно уступает США (в 2005 г. их доли в японском экспорте составили соответственно 13,5% и 22,5%), но уже вплотную приближается к Евросоюзу (14,7% в 2005 г.), поглощая примерно столько же японской продукции, сколько все страны этого региона вместе взятые.

С учетом высоких темпов роста экономик восточно-азиатских государств, прежде всего Китая, а также заметного повышения степени их индустриализации быстрое расширение японского экспорта в этот регион представляется вполне закономерным. Ведь Япония с ее колоссальным промышленным потенциалом может предложить этим странам технику и оборудование, которые отвечают самым высоким мировым стандартам.

Удивительно другое: «закрытый» с помощью разного рода неформальных барьеров японский внутренний рынок все больше и больше открывается для товаров из восточно-азиатских государств, поглощая во все возрастающих объемах самую разнообразную азиатскую продукцию. Примечательно, что это происходит на фоне заметного ослабления позиций высокоразвитых стран. Так, если доля Восточной Азии в японском импорте за период 1994–2005 гг. поднялась с 32,9% до 42,2%, то доля стран Европейского союза сократилась соответственно с 15,7% до 11,4%, а доля США – с 26,1% до 12,4% (импорт из США сократился и в абсолютном выражении – почти на 4%).

Если для торговли Японии с промышленно развитыми странами характерно значительное превышение объемов ее экспорта над объемами импорта, то ее торговля с Восточной Азией носит гораздо более сбалансированный характер. Так, в торговле с США в последние годы экспорт превышал импорт более чем в 2 раза, в торговле со странами Евросоюза – примерно на 50%, в торговле же с Восточной Азией степень этого превышения составляла порядка 30%. При этом среди крупнейших партнеров Японии Китай является единственной страной, в торговле с которой она имеет отрицательное сальдо: в 2004 г. его размеры составили 20,4 млрд. долл., в 2005 г. – 28,8 млрд. долл.⁴

В основе быстрого роста торговли между Японией и странами Восточной Азии лежат процессы расширения и углубления разделения труда. О том, насколько далеко зашли эти процессы к настоящему времени, можно судить по характеру товарной структуры экспорта и импорта. Общее представление об этом дают материалы таблиц 2 и 3.

⁴ Джэтро бозки тоси хакусё. 2006, с. 22.

Таблица 2.
Товарная структура экспорта Японии, 2005 г.

	Всего		В страны Восточной Азии					
			Китай		НИЭ		АСЕАН	
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
	598,200	100,0	80,340	100,0	145,467	100,0	53,622	100,0
Продовольствие	2,894	0,5	0,353	0,4	1,401	1,0	0,216	0,4
Текстиль	8,377	1,4	3,508	4,4	1,720	1,2	0,649	1,2
Химическая продукция	53,273	8,9	10,466	13,0	20,286	13,9	4,843	9,0
Неметалл. полуфабрикаты	6,943	1,2	0,820	1,0	3,135	2,2	0,687	1,3
Металлы, металлоизделия	43,493	7,2	8,491	10,6	14,191	9,8	8,323	15,5
Продукция общего машиностроения	121,776	20,4	17,080	21,3	25,411	17,5	12,272	22,1
Продукция электро-машиностроения	132,459	23,1	20,780	25,9	41,676	28,6	14,415	26,9
Продукция транспортного машиностроения	138,524	23,2	4,040	5,0	8,206	5,6	6,063	11,3
автомобили	90,467	15,1	1,291	1,6	2,643	1,8	2,373	4,4
запчасти	25,497	4,3	2,581	3,2	2,068	1,4	3,102	5,8
Продукция точного машиностроения	23,549	3,9	4,208	5,2	10,079	6,9	1,093	2,0
Прочее	66,924	11,2	10,603	13,2	19,363	13,3	5,062	9,4

* Нихон-но бозки доко. 2005 (www.jetro.go.jp)

Как показывают данные таблицы 2, экспорт Японии в страны Восточной Азии (также как и ее экспорт в другие регионы мира) отличается чрезвычайно высокой долей в нем продукции промышленности – более 99%. При этом на продукцию машиностроения в общей стоимости экспорта приходится около 70%, а в экспорте в Восточную Азию – в среднем 50–60%. Некоторое отставание Восточной Азии от других регионов по этому показателю связано с тем, что сюда в крайне

незначительных объемах поступают автомобили – главный продукт транспортного машиностроения Японии и одна из основных статей ее экспорта. Что же касается продукции общего машиностроения, электромашиностроения и точного машиностроения, то ее доля в экспорте в Восточную Азию даже несколько выше, чем в экспорте в другие регионы (в Китай – 52,4%, НИЭ – 53%, АСЕАН – 51%, в общем объеме экспорта – 47,4%).

Таблица 3
Товарная структура импорта Японии, 2005 г.

	Всего		В страны Восточной Азии					
			Китай		НИЭ		АСЕАН	
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
	518,638	100,0	119,105	100,0	51,048	100,0	59,153	100,0
Продовольствие	50,710	9,8	7,903	6,6	2,699	5,3	4,342	7,5
Сырье	31,945	6,2	1,688	1,4	0,997	2,0	5,672	9,6
Топливо	132,204	25,5	3,301	2,8	3,674	7,2	15,938	27,0
Химические товары	39,445	7,6	4,281	3,4	4,769	9,3	2,416	4,1
Продукция машиностроения	153,199	29,5	44,424	37,3	25,483	49,9	20,089	34,0
Неметалл. полуфабрикаты	5,873	1,1	1,817	1,5	0,590	1,2	0,699	1,2
Текстиль	28,301	5,4	21,245	17,8	1,150	2,3	1,291	2,2
Металлы и металлоизделия	27,235	5,3	6,278	5,3	4,835	9,5	1,535	2,6
Прочее	49,726	9,6	18,169	15,5	6,851	13,4	7,172	12,1

* Нихон-но бозки доко, 2005. (www.jetro.go.jp)

При этом структура экспорта Японии в Восточную Азию характеризуется рядом черт, которые позволяют говорить о весьма высокой степени производственной кооперации между ними.

Во-первых, основная часть экспорта машиностроительной продукции в Восточную Азию представлена инвестиционными товарами (машинами, оборудованием, деталями, узлами, компонентами). Восточная Азия поглощает около половины всего экспорта Японией этой продукции (США – 21%, страны Европейского союза – 15,5%), а в структуре японского экспорта в этот регион на эту статью приходится около 57%.

Во-вторых, Восточная Азия является также крупнейшим потребителем всевозможных промышленных полуфабрикатов. На нее приходится более 2/3 общего объема японского экспорта этой продукции (на США – 11,5%, на страны Европейского союза – 9,3%), в том числе около 67% экспорта химических полуфабрикатов и около 77% экспорта металлов. При этом доля промышленных полуфабрикатов в общей стоимости японского экспорта в этот регион составляет более 30%⁵.

В-третьих, в группе инвестиционных товаров опережающими темпами растет экспорт промежуточной продукции для машиностроения – деталей, узлов и компонентов. Так, за 1990–2003 гг. объемы поставок из Японии в Восточную Азию деталей и узлов для общего машиностроения возросли почти в 3 раза (с 7,2 млрд. долл. до 19,6 млрд. долл.), а для электромашиностроения – почти в 6,5 раз (с 6 млрд. долл. до 38,6 млрд. долл.)⁶.

Таким образом, страны Восточной Азии стали для Японии не только самым крупным, но и весьма зрелым экспортным рынком, потребности которого уже вполне «доросли» до того уровня научно- и техномоекости, который воплощает в себе продукция японской промышленности и, прежде всего, продукция ее машиностроительного комплекса. В то же время товарная структура японского экспорта в этот регион, отличающаяся преобладанием товаров инвестиционного спроса (в совокупности на конечную и промежуточную продукцию инвестиционного назначения приходится около 90% общей его стоимости), свидетельствует о значительном развитии связей по линии производственной кооперации и интеграции, об углублении и расширении процессов разделения труда.

Уточнить и развить этот вывод позволяют данные, характеризующие структуру встречных потоков, т. е. структуру импорта Японии из стран Восточной Азии.

Как показывают данные таблицы 3, к середине текущего десятилетия доля товаров, прошедших переработку (т. е. готовой продукции и полуфабрикатов), в общей стоимости японского импорта достигла 58,5%. С учетом того, что в 1980 г. аналогичный показатель составлял лишь 21,8%, а в 1990 г. – 47,6%, можно говорить о заметном повышении степени «горизонтальности» модели внешней торговли Японии, так как активное участие страны в обмене обработанной продукцией является одной из важнейших характеристик «горизонтальной» модели.

При этом среди основных торговых партнеров Японии повышению степени зрелости ее участия в международном разделении труда

способствовали, прежде всего, страны Восточной Азии, поскольку именно оттуда в Японию поступает основная часть импортируемых готовых изделий и полуфабрикатов. Так, в 2005 г. в общем объеме японского импорта машиностроительной продукции инвестиционного назначения доля восточно-азиатского региона составила 61,3% (доля США – 21,7%, Европейского союза – 12,7%). В импорте потребительских товаров доля стран Восточной Азии еще выше: в 2005 г. на них приходилось 94% ввоза Японией бытовой электротехники и электроники, 86% – текстильных изделий, 85% – игрушек и музыкальных инструментов, 75% – мотоциклов и велосипедов, около 70% – различных товаров повседневного спроса и т. д. Что касается промышленных полуфабрикатов, то особенно велика доля Восточной Азии в поставках на японский рынок текстиля (более 70%), а также металлов (около 40%) и химических полуфабрикатов (около 30%)⁷.

Основная часть японского импорта из Восточной Азии машиностроительной продукции инвестиционного назначения – это различные детали, узлы и компоненты, предназначенные для сборочных производств японской промышленности. Объемы этих поставок стремительно нарастают (так, например, за 1990–2003 гг. ввоз деталей для общего машиностроения увеличился почти в 8 раз, а для электромашиностроения – в 6,5 раз). Кроме того, из года в год возрастают поставки в Японию различной машиностроительной продукции потребительского назначения, объем которых в 2005 г. составил более 25 млрд. долл. Все это наглядно свидетельствует о быстром развитии процесса внутриотраслевой и межотраслевой кооперации между азиатскими и японскими предприятиями и о том, что центром ее является машиностроение.

Разумеется, в этом процессе стороны играют не только разные, но и неравнозначные роли. Япония, опираясь на свою промышленную и технологическую мощь, оставляет за собой «верхние этажи», выпуская наиболее сложную и высокотехнологичную конечную продукцию (производственного и потребительского назначения), а также детали и компоненты с высокой долей добавленной стоимости. Страны Восточной Азии специализируются главным образом на производстве относительно простых видов оборудования и потребительских товаров, а также обычных деталей с невысокой долей добавленной стоимости. В то же время, поскольку три основные группы восточно-азиатских государств – Китай, страны АСЕАН и НИЭ Азии – существенно различаются между собой по уровню экономического развития, степени индустриализации экономики, масштабам рынка, уровню образования

⁵ Нихон-но бозки доко. 2005. – www.jetro.go.jp

⁶ Тюсё кигё хакусё. 2006, с.72.

⁷ Нихон-но бозки доко. 2005. – www.jetro.go.jp

населения и т. д., конкретные формы и направления формирования системы разделения труда между ними и Японией имеют свои особенности.

НИЭ Азии (Сингапур, Тайвань, Гонконг и Южная Корея) раньше других в Восточной Азии вступили на путь индустриализации и с точки зрения уровня экономического развития заметно превосходят остальные страны региона. В 80-е годы, когда Япония приступила к масштабному вывозу капитала, именно здесь было налажено производство различной бытовой техники, электроники и офисного оборудования с целью их реэкспорта в Японию. В последующие годы технический уровень производства в НИЭ Азии быстро повышался, и сейчас они выпускают не только такую сложную высокотехнологичную продукцию, как ноутбуки, телевизоры на жидких кристаллах, плазменные панели, цифровые камеры и т. д., но и оборудование для ее производства. Эта продукция, а также детали с высокой долей добавленной стоимости (интегральные схемы, жидкие кристаллы и т. д.) для общего машиностроения и электромашиностроения составляют основную статью импорта Японии из НИЭ Азии, а в целом на продукцию машиностроения приходится около половины его стоимости.

В экспорте Японии в эти страны доля машиностроительной продукции еще выше – около 60%. Из Японии сюда ввозится всевозможное промышленное оборудование, предназначенное для обновления производственного аппарата на ранее созданных предприятиях или расширения производственных мощностей, а также детали с высокой долей добавленной стоимости, которые местные предприятия пока производить не могут. В целом на НИЭ Азии приходится около четверти всего японского экспорта промышленного оборудования и деталей, а также около 40% экспорта химических полуфабрикатов и более $\frac{1}{3}$ экспорта металлов.

Страны АСЕАН (Таиланд, Индонезия, Малайзия, Филиппины)⁸ вступили на путь индустриализации несколько позже, чем НИЭ Азии и по уровню экономического развития пока существенно уступают им. Тем не менее, правительства этих стран последовательно осуществляют курс на индустриализацию с упором на развитие экспортноориентированных отраслей и активное привлечение иностранного капитала, а уровень техники и технологии местных предприятий довольно быстро повышается. Сфера экономического сотрудничества между странами АСЕАН и Японией включает весьма широкий круг отраслей,

⁸ В данной статье в соответствии с японскими источниками под АСЕАН имеются в виду четыре страны, наиболее глубоко втянутые в экономические связи с Японией и процессы глобализации в целом.

таких, как бытовое электромашиностроение, электронное машиностроение, общее машиностроение, автомобилестроение, химическая промышленность, черная металлургия и т. д.

Экспорт Японии в страны АСЕАН в значительной степени ориентируется на нужды местных японских предприятий и представлен главным образом различным заводским оборудованием, деталями для сборочных машиностроительных производств, металлами и материалами (для местных производителей деталей).

Основу импорта Японии из этих стран составляет, прежде всего, продукция электромашиностроения. На нее приходится почти половина общей стоимости импорта, в том числе около 30% – на различную бытовую технику и электронику и порядка 20% – на электронные детали и некоторые виды оборудования. Так, например, из Таиланда в Японию поступают «белая» бытовая техника, интегральные схемы, компьютеры и запчасти к ним; из Малайзии – бытовые электроприборы, аудиотехника, микрочипы, интегральные схемы, средства связи и детали для них; с Филиппин – электронные измерительные приборы, бытовая электроника, полупроводники, транзисторы, средства связи и детали для них и т. д.

Среди стран АСЕАН несколько необычной для восточно-азиатского региона структурой экспорта в Японию отличается Индонезия: около половины его стоимости приходится на топливо (нефть, нефтепродукты, сжиженный природный газ) и порядка 15% – на сырье⁹.

Наконец, что касается Китая, то происходит не только стремительное нарастание объемов японо-китайской торговли, но и быстрое изменение ее товарной структуры, отражающее процесс углубления разделения труда между двумя странами. Экспорт Японии в Китай представлен как продукцией, предназначенной для обеспечения потребностей местных японских предприятий, так и товарами, необходимыми для реализации крупномасштабных национальных проектов Китая (таких, как Олимпийские игры в Пекине 2008 г., Шанхайская всемирная выставка 2010 г., программа реконструкции крупнейших городов страны и т. д.). Всевозможное промышленное оборудование, строительная техника, электронные детали с высокой долей добавленной стоимости (для компьютеров и принтеров, для техники на жидких кристаллах, для стерео- и видеоаппаратуры и т. д.), химические товары и полуфабрикаты, сталь для китайской электроники и автомобилестроения, запчасти к автомобилям – вот основные товары японского экспорта в Китай. При этом на продукцию машиностроения приходится около 60% общей его стоимости.

⁹ Джэтро бозки тоси хакусё. 2006, с. 196–214.

В импорте Японии из Китая в последние годы на первый план также вышла продукция машиностроения. В 2005 г. на нее пришлось более 40% общей его стоимости. При этом доля Китая в японском импорте машиностроительной продукции достигла почти 30%. Китай поставляет в Японию офисное оборудование, средства связи, аудио- и видеотехнику, бытовую электротехнику и электронику, мотоциклы, музыкальные инструменты, электронные детали, жидкие кристаллы и т. д. Особенно велика роль Китая в поставках в Японию бытовой техники и электроники – в 2005 г. на него пришлось более 60% японского импорта этой продукции. Кроме того, Китай поставляет в Японию сельскохозяйственную продукцию (мясо, рыбу, фрукты, овощи), а также разнообразные изделия трудоемких производств легкой промышленности – ткани, одежду, обувь, посуду, домашнюю утварь и т. д. В частности, на него приходится более 80% импорта Японией текстильной продукции.

Прямые инвестиции японских компаний и формирование производственной базы Японии в Восточной Азии

Материальную основу быстрого расширения торговли между Японией и Восточной Азией составляют прямые инвестиции японских компаний.

Первые японские предприятия появились в Азии еще в 70-е годы. Стремясь преодолеть высокие пошлины на ввозимые товары, введенные странами Восточной Азии в рамках проведения политики импортозамещения, японские компании стали создавать здесь сборочные предприятия (главным образом автомобилестроительные и электромашиностроительные), ввозя все необходимые детали из Японии и реализуя продукцию на местных рынках. Всего за 70-е годы японские компании инвестировали в Восточную Азию порядка 9 млрд. долл.

В 80-е годы, и особенно во второй их половине, масштабы вывоза капитала в Восточную Азию значительно возросли. В эти годы страны региона взяли курс на поощрение экспорта. Японские компании начали переводить сюда мощности самых разных отраслей промышленности (текстильной, химической, судостроительной, деревообрабатывающей, металлургической, автомобилестроительной, электронной и т. д.) с целью использования местных предприятий в качестве базы для производства конкурентоспособной продукции и поставок ее в третьи страны, а также и в саму Японию. Абсолютные размеры японских инвестиций в страны Восточной Азии за 1981–1985 гг. составили около 9,6 млрд. долл., а за 1986–1990 гг. – около 17 млрд. долл.¹⁰

¹⁰ Япония: смена модели экономического роста, с. 206–207; Japan's Outward FDI. (www.jetro.go.jp/en/stats)

В 90-е годы – начале первого десятилетия XXI в. динамика инвестиций японских компаний в страны Восточной Азии приобрела крайне неровный, скачкообразный характер. В первой половине 90-х годов из-за тяжелого финансового положения многих крупных японских компаний, вызванного глубоким кризисом, масштабы вывоза капитала существенно сократились. Так, за 1991–1994 гг. в восточно-азиатские экономики было вложено всего лишь 6,5 млрд. долл. С 1995 г. объемы прямых инвестиций в регион стали вновь быстро нарастать, но поступательное развитие этого процесса было прервано азиатским кризисом 1997–1998 гг., поразившим все государства Восточной Азии. И лишь с 2001 г. началось постепенное восстановление инвестиционной активности японских фирм в Азии.

Общее представление о масштабах и динамике вывоза японского капитала в страны Восточной Азии в период 1991–2006 гг. дают материалы таблицы 4.

Таблица 4.
Динамика прямых инвестиций японских компаний
в Восточной Азии, млн. долл. *

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Всего в т.ч.	1230 (4,0)	1143 (6,6)	1115 (8,1)	3403 (19,0)	8266 (36,5)	9192 (39,2)	12044 (46,2)	7138 (28,9)
Китай	230	526	822	1789	3183	2317	1862	1301
НИЭ	1000	627	293	1614	1771	3039	5228	2286
АСЕАН	—	—	—	—	3312	3836	4954	3551
Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Всего, в т.ч.	1427 (6,4)	1932 (6,1)	7537 (19,6)	7789 (24,3)	4784 (16,6)	10270 (33,1)	15753 (34,7)	16070 (32,0)
Китай	360	934	2158	2622	3980	5863	6575	6169
НИЭ	728	686	2459	3001	31	1873	4902	3893
АСЕАН	339	1684	2920	2166	773	2524	4276	6038

* Japan's Outward FDI by country/region. (www.jetro.go.jp/en/stats). Цифры в скобках отражают долю инвестиций в страны Восточной Азии в общем объеме прямых зарубежных инвестиций японских компаний.

Несмотря на резкие спады в динамике вывоза японского капитала в Восточную Азию в период 90-х годов XX в. – начала первого десятилетия XXI в. суммарный объем накопленных инвестиций продолжал

возрастать и к концу 2006 г. перевалил за 100 млрд. долл. (что составило около $\frac{1}{4}$ общей суммы прямых зарубежных инвестиций японских компаний). При этом отличительной чертой структуры японских инвестиций в Восточной Азии является гораздо более высокий, чем в других регионах удельный вес обрабатывающей промышленности. Так, если в других регионах эта доля составляет в среднем 25–35%, то в Восточной Азии – 60–65%¹¹.

Поскольку именно инвестиции в обрабатывающую промышленность формируют материальную основу для расширения торговли и углубления разделения труда, очевидно, что восточно-азиатскому региону отведена особая роль в системе внешнеэкономических связей Японии. Здесь формируется мощная производственная база японских промышленных компаний, существенно увеличивающая их производственный потенциал и расширяющая их экспортные возможности.

В настоящее время в Восточной Азии действуют порядка 7200 предприятий, созданных японскими фирмами, в том числе в Китае – около 3 тыс., в странах АСЕАН – около 2,5 тыс., в НИЭ Азии – более 1700¹².

Объемы выпуска продукции на них быстро нарастают, а одновременно растет и их доля в общем (внутреннем и зарубежном) объеме производства японских промышленных компаний. Так, в 2004 г. на азиатские предприятия пришлось около $\frac{1}{4}$ общего выпуска японскими компаниями продукции точного машиностроения, более 20% – продукции электромашиностроения и текстильных изделий, около 15% объема производства автомобилей и запчастей, порядка 10% – продукции общего машиностроения, цветной и черной металлургии, химической промышленности и т. д.¹³ Если вспомнить, насколько огромен промышленный потенциал самой Японии, то по приведенным цифрам можно судить о том, какого масштаба процессы происходят в Восточной Азии.

В последние годы заметно повысились доходы японских компаний, оперирующих в Восточной Азии. После азиатского кризиса 1997–1998 гг. уровень прибыли на азиатских предприятиях японских компаний резко упал – с 10% в 1997 г. до (–)4,5% в 1999 г. Однако с 2000 г. он начал довольно быстро повышаться и в 2004 г. достиг 11%, а в 2005 г. – 12% (в США аналогичные показатели составили 3,5% и 7%, а в Европе – 3,5% и 4,5%). В 2005 г. совокупная прибыль азиатских предприятий

¹¹ Тюсё кигё хакусё. 2006, с. 75

¹² Асахи симбун. Japan Almanac. 2006, с. 114.

¹³ Тюсё кигё хакусё. 2006, с. 75. Учтены только компании, имеющие предприятия в Восточной Азии.

японских компаний достигла 9,6 млрд. долл., и в результате впервые в истории доходы от прямых инвестиций Японии в Восточной Азии превысили положительное сальдо в ее торговле с ними (8,7 млрд. долл.)¹⁴.

Как отмечает в связи с этим Банк Японии, для компаний, действующих в Восточной Азии, наступило время «сбора урожая». Японии, наконец, удалось «оседлать» динамичный рост азиатских экономик и использовать его в интересах собственного экономического развития и укрепления мощи японских компаний.

В географической структуре японских инвестиций в Восточной Азии в период 1991–2006 гг. произошли заметные изменения. Главная их черта – резкое усиление позиций Китая. Если в начале 90-х годов его доля в японских инвестициях в этот регион составляла около 5%, то к 1995 г. она поднялась до 36% , а к середине текущего десятилетия – до 40% . На конец 2005 г. объем накопленных инвестиций Японии в Китае составил 24,4 млрд. долл., или 28% от общей суммы ее инвестиций в Восточную Азию¹⁵.

Превращение Китая в главный объект инвестирования японских компаний в Азии обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, в стране с начала 90-х годов были созданы весьма благоприятные условия для функционирования иностранного капитала. Так, например, для предприятий с участием иностранного капитала, расположенных в районах развития технологий, вплоть до начала 2007 г. применялась льготная – 15%-ная – ставка налога на прибыль (для обычных предприятий она составляла 33%). Прочие виды предприятий с участием иностранного капитала в течение первых двух лет работы с прибылью вообще освобождались от налога на прибыль, а в последующие три года выплачивали его по пониженным ставкам. Вступление Китая в ВТО, за которым последовало снятие ограничений на географическое размещение предприятий, смягчение ограничений в отношении доли иностранного капитала в стартовом капитале совместных предприятий, открытие для иностранных инвестиций целого ряда новых отраслей и сфер экономики и т. д., еще больше повысили его привлекательность в глазах зарубежных инвесторов¹⁶.

Во-вторых, китайская рабочая сила, будучи достаточно хорошо образованной (благодаря отлаженной работе государственной системы высшего, среднего и профессионального образования), в то же время остается одной из наиболее дешевых в Азии. Так, по данным Джэтро

¹⁴ Кайгай синсюцу кигё соран. 2004, с.

¹⁵ Тюсё кигё хакусё. 2006, с. 74; Japan's Outward FDI by country/ region. (www.jetro.go.jp/en/stats)

¹⁶ Джэтро бозки тоси хакусё. 2006, с. 86.

(Японской организации внешней торговли), в 2005 г. в крупных китайских городах месячная заработная плата рабочих составляла всего лишь 8–10% заработной платы японских рабочих, китайские инженеры получали лишь 10–14% месячных заработков своих японских коллег, а управленцы среднего звена – соответственно порядка 20–38%¹⁷. Иными словами, с точки зрения соотношения «цена-качество» китайская рабочая сила имеет явные конкурентные преимущества по сравнению с рабочей силой как НИЭ (где она существенно дороже), так и стран АСЕАН (где она примерно также дешева, но в целом хуже подготовлена).

В-третьих, японских инвесторов привлекают сам размах экономического роста Китая, огромные масштабы его внутреннего рынка и грандиозность планов будущего экономического развития страны (выполнение которых представляется вполне реальным благодаря сохранению в стране сильной политической власти и прагматической политике китайского руководства). Если в других странах Восточной Азии японские инвестиции ориентируются, прежде всего, на производство продукции с целью ее экспорта в третьи страны или саму Японию, то в Китае с начала текущего десятилетия стали преобладать инвестиции, имеющие целью производство продукции для реализации на внутреннем рынке¹⁸. По данным Джэтро, в последние годы среди мотивов, которыми руководствуются японские фирмы при вложении денег в Китай, на первое место вышел расчет на рост внутреннего рынка (на это указали около 80% предприятий). В то же время лишь порядка 20% фирм отметили такую цель прихода в Китай, как создание базы для экспорта в третьи страны или Японию¹⁹.

Масштабы присутствия японского капитала в Китае быстро нарастают, а вместе с этим постепенно меняется и характер разделения труда между двумя странами. Во-первых, в отраслевой структуре японских инвестиций происходит все больший сдвиг в пользу отраслей машиностроительного комплекса, прежде всего электромашиностроения и автомобилестроения. В последние годы на машиностроение приходилось уже от половины до 2/3 их общей суммы²⁰. Во-вторых, наряду с предприятиями по производству конечной продукции

¹⁷ Там же, с. 88.

¹⁸ С известной долей условности к инвестициям, ориентированным на экспорт, можно отнести инвестиции в электромашиностроение, общее машиностроение, точное машиностроение, текстильную промышленность; к инвестициям, ориентированным на внутренний спрос, относятся инвестиции в автомобилестроение и все прочие отрасли (черную и цветную металлургию, химию, нефтехимию, нефте- и углепереработку, деревообрабатывающую и т. д.).

¹⁹ Джэтро бозки тоси хакусё. 2006, с. 86.

²⁰ Асахи симбун. Japan Almanac. 2005, с. 77; 2006, с. 115.

(как в машиностроении, так и в легкой промышленности) создается все больше предприятий по производству промежуточной продукции – различных деталей, компонентов, пластмасс, химических материалов, металлов, металлоизделий и т. д. Так, к 2005 г. доля местных предприятий в поставках деталей на сборочные заводы японских фирм поднялась: по деталям – до 40%, по материалам – до 45%²¹. В-третьих, и на предприятиях, выпускающих конечную продукцию, и на предприятиях, производящих детали и материалы, происходит постепенное повышение технического уровня производства. Например, наряду с широким кругом изделий бытовой техники и электроники китайские предприятия японских фирм выпускают такую высокотехнологичную продукцию, как компьютеры, информационная техника, лазерные принтеры, факсимильные аппараты, многофункциональные телефоны, цифровые камеры, мобильные телефоны и т. д. В производстве промежуточной продукции, помимо широкого круга стандартных электронных деталей, китайские предприятия освоили выпуск интегральных схем, компонентов для мобильных телефонов и информационной техники и т. д.

Китай, безусловно, является сейчас приоритетным направлением японских инвестиций в Восточной Азии. Однако, осознавая опасность сильного крена в сторону Китая, а также сталкиваясь здесь с целым рядом довольно сложных проблем (таких, как нехватка квалифицированных управленцев и технических специалистов, трудности с получением качественного сырья и материалов, проблемы с утечкой технологии и защитой прав на интеллектуальную собственность, вольная интерпретация местными органами власти законодательных актов центрального правительства и т. д.), японские компании продолжают активно инвестировать капитал и в другие страны Восточной Азии, тем более что каждая из них обладает своими конкурентными преимуществами.

Что касается НИЭ Азии, то в последние годы на долю этой группы приходилось порядка 25–30% в общей сумме японских инвестиций в Восточной Азии (в конце 80-х – начале 90-х годов – примерно 40–45%). На конец 2005 г. объем накопленных прямых инвестиций японских фирм в НИЭ Азии составил 32,4 млрд. долл., или 37% от общей суммы их инвестиций в этот регион²².

Обладая современной инфраструктурой, высоким уровнем техники и технологии производства, подготовленными квалифицированными кадрами, хорошо разработанной законодательной базой и имея

²¹ Тюсё кигё хакусё. 2006, с. 94.

²² Japan's Outward FDI by country/region (www.go.jp/en/stats)

достаточно высокий уровень жизни, эти страны по-прежнему являются весьма привлекательным объектом для прямых японских инвестиций. Однако эти их несомненные преимущества в определенной степени «гасит» быстрое повышение стоимости рабочей силы. Так, по категории «рабочие» разрыв в уровне заработной платы между Японией и этими странами сократился за период 2000–2005 гг. в среднем с 55–65% до 25–45%, по категории «инженеры» – с 65–75% до 40–50%, по категории «управленцы среднего звена» – с 40–60% до примерно 30%. А в Гонконге заработная плата управленцев даже превзошла японский уровень²³.

С учетом быстрого роста стоимости рабочей силы в НИЭ Азии в последние годы японские компании стремятся развивать здесь, прежде всего, производства с высокой долей добавленной стоимости, в частности деталей для электромашиностроения и точного машиностроения. На местные предприятия переводится производство высокотехнологичных деталей, которые еще несколько лет назад выпускала только Япония и которые пока не могут производить ни Китай, ни страны АСЕАН (например, цифровых интегральных схем или плазменных панелей). Одновременно огромные средства направляются на перевооружение сборочных производств на ранее созданных предприятиях с целью налаживания выпуска новейших видов продукции (ноутбуков, телевизоров на жидких кристаллах, плазменных телевизоров, цифровых камер и т. д.).

Интересно отметить, что в последние годы участились случаи создания японскими компаниями предприятий в НИЭ Азии с целью последующего проникновения в Китай. Это относится, прежде всего, к Гонконгу и Тайваню. В частности, с учетом заключенного в январе 2004 г. соглашения между Китаем и Гонконгом об углублении торговых отношений японские компании стремятся наладить в Гонконге производство определенных деталей с тем, чтобы иметь возможность затем беспопытно поставлять их на сборочные заводы в Китай. На Тайване они создают совместные предприятия с местными фирмами, имеющими бизнес в Китае, стремясь таким образом получить доступ к их каналам реализации и опереться на их опыт деловых отношений с китайскими партнерами.

В целом в формирующейся в Восточной Азии системе разделения труда НИЭ занимают, безусловно, более высокую технологическую нишу, чем Китай или страны АСЕАН. При этом по мере роста техни-

²³ Джэтро бэки тоси хакусё. 2006, с. 88. Среди НИЭ Азии лишь Сингапур пока значительно уступает Японии по уровню заработной платы рабочих и инженеров. В 2005 г. заработная плата рабочих составляла 20% японского уровня, а инженеров – 37%.

ческого уровня местных предприятий они все чаще выступают прямыми конкурентами японских фирм, в том числе и в самой Японии.

Страны АСЕАН вплоть до азиатского кризиса 1997–1998 гг. были приоритетным объектом инвестирования японских компаний. На них приходилось порядка 40% объема прямых инвестиций Японии в Восточной Азии. Однако после кризиса они стали все больше уступать свои позиции Китаю, и в последние годы их доля в японских инвестициях в регион снизилась примерно до 20–25%. Тем не менее, на конец 2005 г. по сумме накопленных японских инвестиций страны АСЕАН все еще превосходили Китай (соответственно 27,4 млрд. долл. и 24,4 млрд. долл.), а их доля в общей сумме накопленных инвестиций составляла 31,4%²⁴.

Среди основных конкурентных преимуществ стран АСЕАН, привлекающих иностранных инвесторов, главным по-прежнему остается дешевизна рабочей силы. По данным за 2005 г., в столицах этих государств месячная заработная плата рабочих составляла порядка 4,5–7% уровня заработной платы японских рабочих. Технические специалисты разряда инженеров получали в среднем 6–7% уровня заработной платы японских инженеров (в Куала-Лумпуре – порядка 17%), а управленцы среднего звена – соответственно 13–14% (в Куала-Лумпуре – 35,5%)²⁵.

Кроме того, в отношении льготности системы налогообложения предприятий с участием иностранного капитала страны АСЕАН в целом не уступают Китаю, а поскольку «правила игры» здесь не меняются так часто, как в Китае, с этой точки зрения условия для иностранных инвестиций здесь более благоприятны.

Среди прочих конкурентных преимуществ стран АСЕАН следует отметить стабильность политических режимов, последовательное осуществление политики индустриализации, поощрение экспорта, усилия по развитию инфраструктуры, повышению уровня образования населения и т. д.

Разумеется, в разных странах эти преимущества присутствуют в разной степени, и если судить по объему накопленных инвестиций, то, очевидно, что японские фирмы отдают явное предпочтение Таиланду – на него приходится более 40% их инвестиций в АСЕАН. При этом согласно опросам японских компаний, помимо благоприятных политико-экономических условий, в Таиланде их привлекает ровный характер и доброжелательный нрав местных жителей²⁶.

²⁴ Japan's Outward FDI by country/region. (www.jetro.go.jp/en/stats)

²⁵ Джэтро бэки тоси хакусё. 2006, с. 88.

²⁶ Тюсё кигё хакусё. 2006, с. 83.

В последнее время, а именно после заключения в 2003 г. странами АСЕАН соглашения о создании зоны свободной торговли (предусматривавшего снижение таможенных пошлин во взаимной торговле до уровня от 0 до 5%), а также в результате достижения в 2006 г. договоренности о снятии в 2007 г. пошлин во взаимной торговле продукцией широкого круга отраслей обрабатывающей промышленности (таких, как деревообработка, резинотехническое производство, автомобилестроение, текстильная промышленность, кожевенное производство, электроника, производство информационной техники и т. д.) привлекательность стран АСЕАН как объектов инвестирования значительно возросла. Ведь эти соглашения резко увеличивают возможности для расширения и углубления взаимосвязей между предприятиями этих стран, концентрации определенных видов производства в определенных странах или районах, для развития межотраслевой и внутриотраслевой специализации, упразднения дублирования, а в результате – для снижения себестоимости продукции и повышения ее конкурентоспособности.

Более того, заключение соглашения о создании зоны свободной торговли между АСЕАН и Китаем (предусматривающего применение пониженных пошлин во взаимной торговле), а также подготовка к заключению подобного соглашения между АСЕАН и Южной Кореей создают базу для расширения географических рамок этого процесса и распространения его практически на весь регион Восточной Азии.

Движение в этом направлении уже началось. Свидетельством этого являются многочисленные случаи закрытия японскими компаниями своих предприятий в одних странах и открытия – в других, усиление концентрации производства как готовых изделий, так и промежуточной продукции на определенных предприятиях или в определенных районах, сокращение поставок из Японии деталей и материалов в одни страны и увеличение – в другие, изменение позиций отдельных восточно-азиатских стран в японском импорте готовой и промежуточной продукции и т. д.

Так, например, к 2005 г. ведущие электромашиностроительные компании Японии «Нихон Виктор», «Сони», «Санъё» и «Мацусита дэнки» прекратили производство телевизоров на Филиппинах и перевели его в другие страны АСЕАН и Китай. В 2005 г. «Мацусита дэнки» закрыла свой завод по производству «белой бытовой техники» (холодильников и стиральных машин) в Малайзии и перевела его в Таиланд, планируя к 2010 г. увеличить объемы выпуска продукции в 4–5 раз.

В то же время, например, на Филиппины вернулась компания «Юнидэн», которая два года назад перевела производство в Китай, а

теперь намерена вновь наладить здесь выпуск беспроводных телефонов и блоков для мобильных телефонов. Расширяют свои мощности на Филиппинах с целью концентрации производства и другие электромашиностроительные компании («Санъё» строит второй завод по производству вентиляторов для компьютеров, «Ибидэн» – второй завод по выпуску компонентов для интегральных схем, «Мицубиси сэйко» расширяет мощности по выпуску деталей для мобильных телефонов и т. д.).

Ведущие японские автопроизводители «Тоёта», «Ниссан» и «Хонда» в последние годы значительно сократили инвестиции в свои предприятия в Индонезии, а также практически не увеличивают поставки сюда деталей из Японии. В то же время резко возрастают их инвестиции в развитие производства автомобилей в Таиланде. Например, «Тоёта» в 2005 г. вложила около 50 млрд. бат в расширение производства на двух своих действующих заводах (выпускающих легковые автомобили, грузовики-пикап и спортивные машины) и строительство нового завода по производству модели «IMV» (многоцелевого автомобиля для новых рынков). «Ниссан» в том же году вложила в расширение производства на своем заводе по выпуску легковых автомобилей и грузовиков около 25 млрд. бат, а в два других предприятия – по производству запчастей, двигателей и трансмиссий – около 7,5 млрд. бат.

Продолжается концентрация в Таиланде и выпуска автомобильных деталей и шин. Например, три ведущих японских производителя шин – «Бриджистон», «Сумитомо гому» и «Йокохама тайя» – в 2005 г. получили разрешение на осуществление крупных инвестиций на сумму 15,6 млрд. бат²⁷.

Эти и множество других подобных примеров свидетельствуют о том, что разделение труда между Японией и Восточной Азией в последние годы вступило в новую стадию – стадию формирования системы оптимального размещения производства в масштабах всего восточно-азиатского региона с учетом конкурентных преимуществ, существующих в каждой стране. Поскольку «конкурентные преимущества» – понятие не статическое, а динамическое, формирование этой системы будет процессом постоянных изменений, постоянного движения. Однако, несомненно, что на долгие годы в этом процессе за Японией сохранятся самые передовые, высокотехнологичные виды производства, а за государствами Восточной Азии – отрасли и производства более низкого уровня технической сложности и наукоемкости.

Мелкие и средние фирмы Японии в Восточной Азии

Как отмечалось, материальной базой процесса углубления и расширения разделения труда между Японией и государствами Восточной

²⁷ Джэтро бозки тоси хакусё. 2006, с. 198–216.

Азии являются прямые инвестиции японских компаний в обрабатывающую промышленность. Причем, если до начала 90-х годов носителями этих инвестиций выступали почти исключительно крупные компании, то в последующие годы в Восточную Азию устремились и мелкие и средние предприятия.

Общее число промышленных предприятий, созданных мелкими и средними фирмами в этом регионе, к 2004 г. достигло 1141 или выросло почти в 3 раза по сравнению с 1993 г. Особенно активны были японские фирмы в Китае: здесь число принадлежащих им предприятий увеличилось с 42 в 1993 г. до 483 в 2004 г. Для стран АСЕАН соответствующие показатели составили 110 и 382, а для НИЭ Азии – 145 и 276 ²⁸.

Приход мелких и средних фирм Японии в Восточную Азию был вполне закономерен. Как известно, японская промышленность – это сплав сотен крупных и крупнейших компаний, производящих конечную продукцию, и десятков тысяч мелких и средних фирм, поставляющих для них всевозможные детали, компоненты, сырье, материалы и т. д. Именно благодаря высокому технологическому уровню и безупречной работе поставщиков крупных компаний и обеспечивается высочайшее качество японской промышленной продукции, известное по всему миру.

Разумеется, когда крупные японские компании начали создавать в Восточной Азии сборочные заводы, они не нашли здесь поставщиков деталей и материалов, которые могли бы работать на уровне, на котором выполняли свою работу японские субподрядчики. Это касалось и технологии производства, и квалификации персонала, и качества сырья и материалов, и сроков поставки продукции, и культуры производства в целом.

Поскольку ввозить все необходимые детали и материалы из Японии было экономически нецелесообразно, крупные компании обратились к своим субподрядчикам с просьбой последовать за ними в Азию и наладить производство на местах. Причем, помимо низкого качества работы местных поставщиков, прибегнуть к этому шагу их вынуждало еще одно обстоятельство.

Дело в том, что практически во всех странах Восточной Азии создание предприятий с участием иностранного капитала оговаривалось необходимостью соблюдения определенных требований в отношении доли деталей и материалов местного производства в стоимости продукции. Так, например, в странах АСЕАН в сборочных производствах она должна была быть не меньше 40%, в автомобильной промышлен-

²⁸ Тюсё кигё хакусё. 2006, с. 82.

ности на Тайване – от 31% до 50% в зависимости от марки машины и т. д. ²⁹

С приходом в Азию мелких и средних фирм сферы *монодзукури* (так в Японии называют все те отрасли и производства, которые выпускают различную промежуточную продукцию) объемы поставок деталей и материалов местного производства на сборочные заводы японских компаний стали довольно быстро нарастать, и в конце 2005 г. в среднем по странам Восточной Азии доля местного производства в общем объеме поставок составила по деталям – 44,8%, а по сырью и материалам – 50,4%. Наибольший прогресс был достигнут в странах АСЕАН: здесь доля местного производства в поставках деталей составила 56,8%, а в поставках сырья и материалов – 64,1%. Для Китая соответствующие показатели составили 40,2% и 45,6%, а для НИЭ Азии – 43,8% и 51,7% ³⁰.

При этом в различных отраслях дела обстоят по-разному. Например, в бытовом электромашиностроении, производстве аудио-видеотехники, информационной техники и оборудования связи, где основу сборки составляют обычные стандартные детали, доля местных поставок достаточно велика (свыше 50%). В то же время в таких отраслях, как точное машиностроение и производство медицинской техники, где используется большое число высокотехнологичных специальных деталей, доля местных поставок существенно ниже (менее 30%).

Особый интерес представляет ситуация, складывающаяся в автомобилестроении. Практически во всех странах Восточной Азии эта отрасль стала символом индустриализации, и ее развитие пользуется особым вниманием и поддержкой со стороны правительств. При этом все страны стремятся увеличить долю местных предприятий в поставках деталей и материалов. Сейчас в среднем по Восточной Азии доля местного производства в поставках деталей составляет немногим более 40%, но по отдельным странам и моделям достигнуты гораздо более впечатляющие результаты. Так, например, по модели «Солуна» компании «Тоёта» и модели «Сити» компании «Хонда», выпускаемых в странах АСЕАН, еще к 2001 г. доля местных поставок достигла 70% ³¹.

Что же касается автомобильных деталей, поставляемых из Японии, то благодаря приходу в Азию мелких и средних фирм и повышению технического уровня местных предприятий в последние годы начался переход от поставок деталей по методу Semi-Knock-down (SKD) к

²⁹ «Мэйдай сёгаку ронсо». 2001, vol. 83 №3, с. 160

³⁰ Тюсё кигё хакусё. 2006, с. 94

³¹ Мэйдай сёгаку ронсо. 2001, vol.83, № 3, с. 160–162.

поставкам по методу Complete-Knock-down (CKD). Если при первом варианте ввозятся полностью подготовленные к сборке детали и узлы, которые остается лишь скрепить гайками и болтами, то при втором – детали ввозятся в разобранном виде, а их сварка, покраска, оснастка и сборка осуществляются на месте³².

Помимо производителей деталей в Японию пришли и предприятия, специализирующиеся на выпуске разного рода материалов и полуфабрикатов – металлов и металлоизделий, химической и резинотехнической продукции, пластмасс и т. д. Как отмечалось выше, доля местного производства в поставках материалов и промышленных полуфабрикатов в среднем по Восточной Азии составляет уже более половины. Но опять же в различных отраслях ситуация складывается по-разному. Наиболее высока доля местных предприятий в поставках черных и цветных металлов (54%), а также металлоизделий (46%); в то же время, например, в поставках химических материалов она составляет не более 33%, а резинотехнической продукции – 38%³³.

Как показывают результаты обследования, проведенного в конце 2005 г. исследовательской компанией «Мицубиси-UFI», среди пришедших в Восточную Азию мелких и средних фирм Японии можно выделить несколько групп, различающихся по целям и мотивам инвестирования:

- предприятия, наладившие бизнес в Азии с целью снижения издержек производства и организации поставок продукции в Японию;
- предприятия, пришедшие в Азию по просьбе головных компаний для обеспечения их качественными деталями и материалами;
- предприятия, пришедшие в Азию вслед за своими головными фирмами, но рассчитывающие на работу не только с ними, но и с другими заказчиками из числа действующих здесь японских компаний;
- предприятия, ставящие целью расширение бизнеса за счет открытия дела в Азии и налаживания отношений с новыми партнерами (местными, японскими или иностранными компаниями).

С течением времени мотивация выхода японских предприятий в Азию менялась. Так, во второй половине 80-х годов под влиянием резкого роста курса иены 60% мелких и средних фирм, открывших здесь дело, ставили целью снижение издержек производства и вывоз продукции в Японию. Однако в последующие годы доля тех, кто руководствовался этими мотивами, начала снижаться и в первой половине текущего десятилетия составляла уже не более 1/3. В то же время по мере расширения масштабов выноса крупными компаниями мощностей в

Восточную Азию нарастала доля предприятий, пришедших сюда либо по просьбе своих головных компаний, либо вслед за ними, поскольку объем субподрядных работ в самой Японии сократился. Если во второй половине 80-х годов доля этой категории составляла немногим более 20%, в первой половине 90-х годов – порядка 1/3, то во второй половине 90-х – первой половине 2010-х годов – 43–45%. И, наконец, в последние годы примерно до 10% возросла доля предприятий, которые приходят в Азию с тем, чтобы придать «второе дыхание» своему бизнесу или начать новое дело, т. е. воспользоваться существующими здесь предпринимательскими возможностями³⁴.

Разумеется, далеко не у всех мелких и средних фирм, открывших дело в Восточной Азии, все идет гладко, и даже наиболее успешные среди них постоянно сталкиваются с самыми разными, порой неожиданными, проблемами.

Одними из наиболее острых являются проблемы, связанные с рабочей силой. Так, во всех странах Восточной Азии японские предприятия испытывают трудности с наймом квалифицированных технических специалистов и управленцев. Из-за этого им приходится приглашать на вакантные должности специалистов из Японии, что сразу же повышает издержки на труд. Кроме того, в Азии японские фирмы сталкиваются с таким мало известным в Японии явлением, как высокая текучесть кадров. В азиатских странах частая смена работы в поисках более высоких заработков – обычное дело, особенно для квалифицированных специалистов. Это, во-первых, очень осложняет задачу японских фирм по обучению персонала и, во-вторых, чревато утратой ими технологических секретов, так как, переходя на другое предприятие, работники уносят с собой и информацию о технической стороне дела. И, наконец, очень непросто обстоят дела с управлением трудом, поскольку в силу значительных социокультурных различий применять в азиатских странах японские модели управления оказывается просто невозможно.

Далее, многие японские фирмы, пытающиеся наладить связи с национальными предприятиями, чтобы заменить импортируемые из Японии детали и материалы на местные (более дешевые), наталкиваются на такие проблемы, как низкое качество продукции и перенос сроков выполнения заказов. Лишь около 30% фирм, вступающих в подобные сделки с местными предприятиями, удовлетворены более или менее качеством их работы. При этом больше всего претензий такого рода высказывается в адрес Китая, а меньше всего – в адрес НИЭ Азии. В то же время японские фирмы, выступающие в качестве

³² Там же, с. 159.

³³ Тюсё кигё хакусё. 2006, с. 95.

³⁴ Там же, с. 80.

исполнителей заказов для национальных предприятий, довольно часто сталкиваются с отсрочкой выплат и даже с неуплатой денег за выполненный заказ. Поскольку в своей собственной стране они защищены от подобных действий заказчиков специальными законами³⁵, все эти явления воспринимаются ими крайне болезненно. Опять же, больше всего подобных случаев отмечается в Китае.

В Восточной Азии мелким и средним фирмам пришлось столкнуться и с таким неприятным явлением, как многочисленные случаи выпуска национальными предприятиями «плохих подделок» их продукции, что связано, по-видимому, в немалой степени и с упоминавшейся выше высокой текучестью кадров. Это чревато для них и потерей доли рынка, и вынужденным снижением цен, и осложнением отношений с заказчиками и т. д.

Среди прочих проблем, осложняющих существование японских фирм в Восточной Азии, можно назвать неразвитость инфраструктуры в некоторых странах (в Китае, на Филиппинах, в Индонезии), отсутствие действенных мер защиты интеллектуальной собственности, наличие административных ограничений и бюрократических проволочек (Китай, Индонезия), особенности правоприменительной практики (Китай) и т. д.

Разумеется, со всеми этими проблемами сталкиваются в Азии и крупные японские компании, но понятно, что мелкие и средние фирмы воспринимают их гораздо острее.

Тем не менее, несмотря на разного рода проблемы и трудности, число налаживающих бизнес в Восточной Азии мелких и средних фирм из года в год возрастает, а вместе с этим усиливается и влияние, которое этот процесс оказывает на предприятия, остающиеся в Японии. При этом речь идет не только о том, что из-за ухода в Восточную Азию крупных компаний, а также мелких и средних фирм сферы *монодзукури* происходит абсолютное сокращение базы субподрядных работ в Японии, но и о том, что японские фирмы, оперирующие в пределах национальной территории, начинают испытывать все более возрастающую конкуренцию со стороны восточно-азиатских предприятий.

Как было показано выше, поставки из Восточной Азии промежуточной продукции (деталей, полуфабрикатов, материалов и т. д.) быстро возрастают, и одновременно возрастает доля японских предприятий, чья продукция напрямую конкурирует с ней. Так, по результатам обследования консалтинговой фирмы «Мицубиси UFJ», проведенного в конце 2005 г., если пять лет назад конкуренцию со стороны

³⁵ См.: Лебедева И. П. Малый бизнес в Японии. М., 2004, с. 34–35.

стран Восточной Азии испытывали около 42% мелких и средних фирм сферы *монодзукури*, а примерно по четверти фирм либо вообще ее не ощущали, либо считали незначительной, то на момент проведения обследования соответствующие показатели составили уже 61,4%, 15,1% и 15,4%. Более того, по оценкам самих японских предпринимателей, через пять лет эти показатели составят 68,4%, 10,8% и 10,9%.

Причем, если раньше восточно-азиатские предприятия могли конкурировать с японскими фирмами лишь благодаря более низким ценам, то теперь борьба между ними все больше смещается в сферу технологий. Об этом наглядно свидетельствуют данные того же обследования «Мицубиси UFJ». Если в 2000 г. 2/3 японских фирм были убеждены в своем техническом превосходстве над предприятиями Восточной Азии, а еще около 1/4 полагали, что они превосходят их в той или иной степени, то в 2005 г. доля первых сократилась до 43%, а вторых – возросла до 40,3%. По оценкам, к 2010 г. соответствующие показатели снизятся до 29,4% и 33,7%. В то же время, если в 2000 г. лишь 5,3% японских фирм считали, что азиатские предприятия находятся на одинаковом с ними техническом уровне, то в 2005 г. таких было уже 13,1%. По оценкам, к 2010 г. такого мнения будут придерживаться не менее 1/3 фирм³⁶.

Как известно, основные слагаемые конкурентоспособности мелких и средних предприятий Японии – это высокий технический уровень производственного аппарата, высокая трудовая мотивация и квалификация персонала, постоянные усилия по усовершенствованию техники и технологии производства. Сокращение разрыва между японскими и восточно-азиатскими предприятиями касается лишь первого из этих элементов (причем главным образом в области производства обычных стандартных деталей или материалов с невысокой долей добавленной стоимости). Что же касается двух других элементов, то здесь, несомненно, на долгие годы превосходство сохранится за Японией. И передавая восточно-азиатским предприятиям один за другим нижние ниши сферы *монодзукури*, на собственной территории японские фирмы будут осваивать производство все более сложной высокотехнологичной продукции, способствуя дальнейшему повышению уровня техники и технологии всей японской промышленности.

* * *

Рассмотренные выше вопросы позволяют сделать вывод о том, что экономическое взаимодействие между Японией и странами Восточной

³⁶ Тюсё кигё хакусё. 2006, с. 116–117.

Азии приобрело масштабы и качество, свидетельствующие о начале формирования в этом регионе единого производственного комплекса, основанного на принципе оптимального разделения труда. Однако значение этого процесса не ограничивается только экономическими аспектами. При том уровне взаимозависимости, который достигнут в экономических отношениях между Японией и странами Восточной Азии, неизбежным становится углубление взаимодействия между ними и в других областях – в сфере политики, науки, культуры, образования, человеческих контактов и т. д. В результате происходит все большее вовлечение японского общества в процессы глобализации и интернационализации, все большее открытие Японии миру.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЯПОНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЛОБАЛИЗМА: ЛОЦМАН МИРОВОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Введение в современный научный обиход нового термина «техноглобализм» обусловлено стремлением подробнее и точнее охарактеризовать процессы, связанные с усложнением и интенсификацией научно-технического и инновационного развития в условиях глобализации. Техноглобализм предъявляет к фирмам-производителям особо жесткие требования, заставляя их в ускоренном темпе отыскивать и осваивать новые технологии и формы организации производства, а нередко и новые сферы деятельности. Однако отвечать этим требованиям могут, как правило, лишь крупные компании и в первую очередь транснациональные корпорации. Уверенно выступать в качестве лидеров инновационного процесса они могут благодаря сконцентрированному в них огромному интеллектуальному капиталу и отлично отлаженному производственному аппарату. Вместе с тем подавляющая часть компаний обладает весьма скромными ресурсами инновационного развития. Для поддержания своей конкурентоспособности на необходимом уровне эти компании прилагают огромные усилия, отыскивая наиболее выгодные инновационные направления, что далеко не всегда им удается.

Однако в последнее время набирают силу процессы, которые направлены на определенное облегчение условий, в которых находится большинство компаний. Во многих странах при активной государственной поддержке анализируется развитие науки, техники и технологий на их магистральных направлениях, а также на многочисленных «стыках» этих направлений. Результаты такого анализа для большинства компаний оказываются весьма полезными, поскольку выявляют наиболее актуальную тематику научных исследований и разработок и позволяют компаниям лучше сориентироваться при выборе или корректировке научных и производственных приоритетов.

Наиболее глубокие и детальные работы подобного характера, а главное, выдержавшие испытание временем, проводятся в Японии, которая приобрела большой авторитет как ведущий аналитический центр, исследующий пути мирового научно-технического и инновационного развития. В жестких, а во многом и жестоких условиях техноглобализма Япония выполняет благородную роль лоцмана мирового инновационного пространства. Методику и результаты его изучения она в полном объеме открывает всему миру в изданиях на японском и английском языках, а также распространяет через Интернет, делая их предельно общедоступными.

Организация и методология этих работ представляют несомненный интерес, тем более что их активно используют разработчики научно-технической политики во многих странах. Более того, именно на основе японского опыта в данной области к настоящему времени сформировалось новое направление экономического прогнозирования – форсайт (от английского «предвидение»). Оно зарекомендовало себя как эффективный инструмент, позволяющий учесть множество факторов самой разнообразной природы, определить эффект их совместного действия и направить усилия на достижение желаемых результатов.

Систематические аналитические исследования мирового научно-технического развития были начаты в Японии еще на рубеже 60–70-х годов. Они возглавлялись Управлением по науке и технике – правительственным органом, обеспечивавшим координацию научно-технической политики в общенациональных масштабах. Результаты этих исследований, выполнявшихся регулярно с интервалом в пять-шесть лет, представлялись как прогнозы мирового развития науки, техники и технологий на предстоящий 30-летний период. Однако анализ был посвящен не только срокам создания тех или иных технологий, но и оценкам их важности, а также трудностям на пути к их реализации, что придавало ему особую ценность. Первый такой прогноз был опубликован в 1971 г., а последний, восьмой, – в 2005 г.

С начала 2001 г., после упразднения Управления по науке и технике, головным учреждением, ответственным за эти прогнозы, стало министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий (Монбукэ-агакусэ). Непосредственное, рабочее руководство осуществляет Национальный институт научно-технической политики (NISTEP – National Institute of Science and Technology Policy), являющийся одним из структурных подразделений министерства.

Для работы над очередным прогнозом этот институт создает руководящий комитет, который осуществляет организационные и методические функции, а главное, формирует перечень тематических разделов прогноза. В комитет обычно входит не менее 20 человек – руководители

известных научных центров, президенты и профессора университетов, главы промышленных компаний. Каждый тематический раздел курирует рабочая комиссия численностью до 15 человек. Именно члены комиссии занимаются подготовкой списка проблем для каждого тематического раздела. Это особенно ответственная часть работы, поскольку представляет собой «наполнение» разделов конкретной научной, инженерной и организационно-технической тематикой, которую далее будут анализировать и оценивать независимые эксперты. Подготовленные списки проблем преобразуются далее в форму специальных анкет, которые предусматривают экспертную оценку каждой проблемы по таким позициям, как актуальность данной проблемы для Японии (высокая, средняя, низкая, нулевая); предполагаемые сроки ее решения и практического освоения результатов (указываются пятилетние интервалы времени в пределах 30-летнего периода); страны, лидирующие в работах по данной проблеме; необходимость государственной поддержки и ее формы.

В бланке анкеты каждый эксперт должен проставить символы, свидетельствующие о его согласии с теми или иными утверждениями, характеризующими проблему. Поскольку все возможные варианты ответов в бланке анкеты уже присутствуют, работа эксперта в техническом плане достаточно проста – из представленных вариантов ответов нужно выбрать тот, с которым он согласен. Однако в интеллектуальном плане эта работа является довольно сложной и напряженной, требующей не только мобилизовать имеющиеся знания и опыт, но в ряде случаев привлечь и дополнительные материалы.

В работе над прогнозом используется дельфийский метод, т. е. осуществляемое в два тура анкетирование большого числа экспертов. Обработанные в комиссиях результаты первого тура направляются тем же экспертам для повторного рассмотрения, причем им предлагается скорректировать свои оценки с учетом мнения других экспертов – тем самым вносится элемент коллективного обсуждения. Итоги второго тура вновь анализируются и обобщаются в комиссиях, после чего формируется сводный материал, отражающий результаты, полученные во всех комиссиях, т. е. по всем тематическим разделам прогноза. Далее прогноз соответствующим образом иллюстрируется диаграммами и таблицами и публикуется. Начиная с четвертого тура, в несколько сокращенном виде японские прогнозы издаются также на английском языке, а с самыми последними прогнозами в их англоязычном варианте (а также и на японском языке) можно ознакомиться на сайте Национального института научно-технической политики (www.nistep.go.jp).

Важной методической особенностью указанного метода прогнозирования является то, что в самом начале работы эксперты должны охарактеризовать уровень собственной компетентности по каждой обследуемой проблеме. Если эксперт не может уверенно оценить ту или иную проблему, он указывает, что в данном случае степень его компетентности нулевая. Мнение таких респондентов не учитывается, и окончательная оценка основывается на анализе экспертов, заявивших, что по данной проблеме их компетентность высокая, средняя или хотя бы невысокая. В отдельную строку выделяется оценка тех экспертов, уровень компетентности которых характеризуется как высокий (профессиональный). Профессионалы, по-видимому, лучше представляют себе научные и технические трудности при реализации проблемы, а соответственно и сроки реализации, однако, как правило, склонны завышать уровень ее актуальности.

Начиная с шестого прогноза, для каждой проблемы начали вычислять особый параметр, так называемый «индекс актуальности». При его подсчете суммируются:

- доля экспертов (в %), считающих проблему высокоактуальной;
- доля экспертов, оценивших проблему как среднеактуальную, которая умножается на коэффициент 0,5;
- доля экспертов, определивших актуальность проблемы как невысокую, которая умножается на коэффициент 0,25.

Для оценки сроков завершения работ по каждой из обсуждавшихся проблем производилась особая статистическая обработка экспертных оценок. Так, указанные каждым экспертом интервалы времени рассматривались как случайные величины и к ним применялись приемы математической статистики, т. е. для каждой проблемы строился график распределения предполагаемых дат ее реализации, что позволяло определить медиану и квартили. Крайние «левые» и «правые» участки оси времени, отвечающие квартилям «оптимистических» и «пессимистических» оценок, отбрасывались.

Ниже указано, сколько проблем обсуждалось в каждом из прогнозов и сколько экспертов участвовало во втором туре их обсуждения.

Прогнозы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Количество проблем	644	656	880	1071	1149	1072	1065	858
Число экспертов во втором туре	2482	1316	1727	2007	2385	3586	3809	2659

Анализируемые проблемы, как правило, формулировались в четырех вариантах: выяснение природы или механизма явления, создание опытного изделия, начало практического использования новой техники или технологии, переход к их широкому применению.

В каждом прогнозе дается перечень из 100 наиболее актуальных проблем, расположенных в порядке понижения их индекса актуальности, что позволяет быстро ознакомиться с одним из главных результатов прогноза – выявлением потенциальных приоритетов общенационального значения. Особый интерес вызывает головная часть этого перечня, представленная, например, «первой десяткой» проблем. Обратимся к «первой десятке» наиболее актуальных проблем из седьмого прогноза с горизонтом прогнозирования до 2030 г.¹

Наивысшее значение индекса актуальности имеет проблема «Предсказание землетрясений силой от семи баллов и выше за несколько дней до их возникновения». Ее решение ожидается к 2024 г. (далее сроки реализации указываются в скобках). Две проблемы связаны с устранением промышленных отходов: «Практическое использование технологий безопасного удаления высокорadioактивных твердых отходов» (2021 г.) и «Десятикратное уменьшение общего объема направляемых на скрапирование частей отслуживших свой срок промышленных изделий» (2015 г.).

Три проблемы относятся к разделу «Живые системы»: «Определение и классификация генов, с которыми связаны заболевания диабетом, гипертонией и атеросклерозом» (2013 г.), «Разработка методов, позволяющих по параметрам ДНК определять новые функции протеинов» (2009 г.) и «Практическое использование эффективных средств борьбы с метастазами рака» (2017 г.). Еще одна проблема с таким же индексом актуальности – «Широкое распространение информационных систем с надежной защитой от несанкционированного доступа» (2010 г.).

Следующие по актуальности проблемы – «Создание информационных систем, обеспечивающих пользователей информационными потоками на уровне 150 Мбит/с при размерах месячной оплаты услуг порядка 20 долл.» (2009 г.) и «Разработка метода оценки безопасности подземного хранения высокорadioактивных отходов» (2016 г.).

Завершается «первая десятка» проблемой: «Практическое применение технологий массового производства чипов с шириной линий менее 0,01 мкм» (2015 г.).

Существенный интерес представляют содержащиеся в японских прогнозах оценки предполагаемого влияния научно-технических достижений будущего на природу и окружающую среду, на безопасность

¹ The Seventh Technology Foresight. – NISTEP Report. 2001, № 71, p. 16–21.

жизнедеятельности общества, а также на его культуру и этику. Так, согласно седьмому прогнозу, $\frac{3}{4}$ экспертов сочли достаточно опасным в природоохранном плане получение новых разновидностей сельскохозяйственных культур и расширение рыбных ресурсов на основе использования данных о геноме. Кроме того, $\frac{2}{3}$ экспертов сочли результаты этих работ потенциально опасными для здоровья потребителей. У половины экспертов вызывают серьезную озабоченность разрабатываемые технологии захоронения емкостей с двуокисью углерода в Мировом океане на глубинах более 3 тыс. м. Более половины относятся отрицательно к развитию методов компьютерного «считывания» информации непосредственно из головного мозга. Примерно $\frac{3}{4}$ экспертов не одобряют создание технологий генного и психологического тестирования клиента для оценки того, насколько ему можно доверять при проведении операций страхования имущества или личного автотранспорта².

Обратимся к материалам последнего, восьмого японского прогноза на период до 2035 г. В рамках этого прогноза экспертам было предложено оценить 858 научных, инженерных и организационно-технических проблем, входящих в 13 тематических разделов научной, технической и организационной деятельности. Названия этих разделов — информатика и телекоммуникации; электроника; живые системы; медицина, здравоохранение, качество жизни; сельское, лесное и рыбное хозяйство, продовольствие; космическое пространство, Земля, Мировой океан; энергия и ресурсы; окружающая среда; нанотехнологии и материалы; промышленное производство; организация производственных процессов; технологии для социальной инфраструктуры; социальные ориентиры технологического развития. В состав руководящего комитета и рабочих комиссий входило 170 специалистов, а общий контингент экспертов насчитывал 2300 человек.

Приведем в качестве примера конкретные проблемы из всех 13 тематических разделов восьмого прогноза. Каждая из этих проблем в своем разделе признана наиболее актуальной, и мы дадим их краткие характеристики³.

Создание высоконадежной сетевой системы, исключаящей несанкционированный доступ к информации и тем самым обеспечивающей ее секретность. Все 120 экспертов, рассматривавших эту проблему, указали, что лидируют в ее решении США и что она, возможно, будет решена в начале следующего десятилетия. Характеризуя техническую часть проблемы, 56% экспертов отметили необходимость более активного государственного участия — финансовой поддержки соответ-

ствующих работ, организации более тесного междисциплинарного взаимодействия между исследователями трех основных научных секторов — компаний, университетов и государственных НИИ, а также укрепления кадрового потенциала. Для широкого практического применения обсуждаемой системы государство также должно использовать некоторые рычаги: налоги, субсидии, госзаказы — так считают 62% экспертов.

Создание датчика перемещений земной коры, позволяющего предсказывать землетрясение за несколько минут до его начала. Возможность создания такого прибора обсуждала группа из 90 экспертов. Почти все они считают, что именно Япония является лидером в работе над этой проблемой и что она будет решена в середине следующего десятилетия, причем 84% экспертов считают необходимым активную государственную поддержку исследований. Направления поддержки — те же, что и в предыдущем случае, плюс развитие исследовательской инфраструктуры. На этапе внедрения таких приборов в практическую сферу, как полагают 78% экспертов, снова потребуются помощь государства.

Разработка эффективных методов предотвращения метастазов рака. Проблему обсуждали 173 эксперта, практически все в качестве лидера указали США. Крайним сроком ее решения представляется 2025 г., однако еще не менее десяти лет потребуются для широкого распространения этих методов. Лишь около 10% экспертов являлись профессионалами в этой области, и именно они в отличие от остальных экспертов указали на безусловную необходимость государственной поддержки при изучении этой проблемы, особенно подчеркнув необходимость кадрового и финансового обеспечения работ.

Выяснение патогенеза атеросклероза. В обсуждении проблемы участвовал 91 эксперт. Возможно, в научном плане она будет решена к 2015 г., однако пока не выяснено, когда это решение начнет использоваться на практике. В качестве безусловного лидера в исследованиях названы США. Необходимость государственной поддержки работ не особенно велика, однако весьма целесообразно усилить финансирование и кадровое обеспечение.

Выяснение степени риска при использовании вредных химикатов (тяжелых металлов, веществ, поражающих эндокринную систему и др.) на основе изучения результатов их длительного воздействия на людей и животных, на сельскохозяйственные культуры и на экосистему в целом. Обобщенное мнение 185 экспертов состоит в том, что, возможно, проблема будет решена до 2015 г., но потребуются еще около десяти лет, прежде чем решения будут внедрены в повсеместную практику. В исследованиях лидируют США и Европа. Признается,

² Look Japan. 2002, February, p. 32–33.

³ The 8-th Science and Technology Foresight Survey. — NISTEP Report. 2005, № 97, p. 17–20.

что в проведении исследований необходима активная помощь государства – в части финансирования, кадрового обеспечения, развития исследовательской инфраструктуры.

Создание системы обеспечения безопасности жизнедеятельности, включающей в себя спутники наблюдения и связи, глобальные системы позиционирования, беспилотные летательные аппараты и др., для осуществления мониторинга земной поверхности и передачи информации о крупных катастрофах и их последствиях в соответствующие центры. В обсуждении проблемы участвовало 183 эксперта. Сделан вывод о том, что в 10-е годы XXI в. такая система начнет практически применяться. В ее разработке лидируют США, заметный вклад вносит Япония. Крайне необходима правительственная поддержка разработок, причем одновременно по нескольким направлениям – дополнительное финансирование, укрепление кадрами, развитие научно-исследовательской инфраструктуры, объединение усилий государственных НИИ, университетов и компаний.

Разработка технологий удаления отработавших ядерных материалов с высоким уровнем радиоактивности. Группа из 116 экспертов считает вероятным сроком практического применения технологий 2030-е годы. В их создании лидируют США и Европа. Отмечается необходимость энергичной государственной поддержки как на этапе разработки, так и при практическом внедрении. Эксперты, являвшиеся специалистами в данной области, подчеркнули необходимость совершенствования исследовательской инфраструктуры, большей финансовой и кадровой поддержки.

Разработка методов прогнозирования аномальных погодных явлений, обусловленных климатическими изменениями и вызывающих катастрофические последствия. По мнению группы из 122 экспертов эти методы начнут практически применяться в 2020-е годы. Наиболее продвинутые разработки – в США. Существенная поддержка государства требуется как в ходе разработки, так и при внедрении результатов в общественную практику. В частности, нужна более активная финансовая и кадровая поддержка.

Создание производственных технологий, позволяющих производить обработку с точностью до одного нанометра. Группа из 104 экспертов полагает, что применение этих технологий в производстве станет возможным к 2020 г. В качестве лидера в их разработке названа Япония. Нет серьезной необходимости в государственной поддержке ведущих разработок, хотя дополнительное финансирование принесло бы определенную пользу. Однако на этапе внедрения государству следовало бы сыграть роль координатора для устранения трений межотраслевого и междисциплинарного плана.

Организация производственных процессов, использующих источники энергии с незначительным выделением двуокси углерода. Обобщенное мнение 128 экспертов состоит в том, что в начале 2020 гг. промышленность начнет широко использовать экологически чистые энергоресурсы (энергия Солнца и ветра, геотермальные источники, топливные элементы), системы совместного производства тепла и электричества, отходящую теплоту и др. В исследованиях и разработках лидирует Япония. Чрезвычайно важно, чтобы государство оказывало этим работам финансовую поддержку и способствовало их внедрению, используя соответствующие стимулирующие механизмы.

Более активное включение женщин в трудовые процессы путем более сбалансированной системы их занятости на службе, в семье, в период ухода за детьми и т. д. Группа из 74 экспертов определила середину 2010-х годов как вероятный срок решения этой проблемы. Указана важность активного государственного содействия, в первую очередь, путем использования надлежащего стимулирования (налоги, субсидии и др.)

Разработка методов высокоточного предсказания количества дождевых осадков, позволяющих надежно прогнозировать наводнения и оползни.

По мнению группы из 83 экспертов, такие методы начнут применяться к 2020 г. В исследованиях и разработках лидирует Япония. Отмечается важность их активной государственной поддержки – финансового содействия и усиления координации между университетами, компаниями и НИИ. Эта координация будет необходима и на этапе практического внедрения этих методов, как и различные формы государственного стимулирования.

Создание системы, позволяющей быстро и с высокой точностью определять сколь угодно малое количество взрывчатых веществ, радиоактивных материалов, лекарственных средств и патогенных микроорганизмов в местах большого скопления людей. На основании оценок, выполненных группой из 78 экспертов, такие системы войдут в общественный обиход в 2020 г. Лидером в их создании являются США, но успешные разработки имеются и у Японии. Существует необходимость усилить их государственное финансирование и организационную поддержку, которая потребуется также и на этапе внедрения.

Видно, что даже небольшое число приведенных выше примеров и относящиеся к ним комментарии являются неплохими ориентирами при выборе приоритетов научного и производственного развития как для японских, так и для зарубежных ученых и бизнесменов. И, конечно, они не могут не заинтересовать последних в ознакомлении с материалами прогнозов в их полном объеме.

В восьмом прогнозе в методику работ было внесено важное новшество. Для того чтобы конкретизировать содержание тематических разделов, в них ввели подразделы, которые по своему смыслу представляли собой самостоятельные инновационные направления. В результате в прогнозе было выделено 130 таких направлений, причем каждому из них эксперты также должны были дать свою оценку. Выделение этих направлений в особую группу представляется особенно ценной частью восьмого прогноза — именно на этих 130 направлениях, по мнению авторов исследования, сгруппируются важнейшие достижения мировой науки и техники в период до 2035 г.

Ниже в кратком виде приводятся оценки, которые эксперты дали инновационным направлениям, относящимся к официальным приоритетам японской науки, т. е. к тематическим разделам «Информатика и телекоммуникации», «Живые системы», «Нанотехнологии и материалы» и «Окружающая среда»⁴. В то же время следует отметить, что не меньший интерес представляют и перечни инновационных направлений, которые «расшифровывают» содержание этих приоритетов и являются результатом глубокого анализа важнейших научных, технологических и социально-экономических проблем.

Очевидно, что четыре названных выше приоритета являются долговременными и притом не только для Японии, но и для большинства стран современного мира. Вместе с тем конкретизирующие их направления необходимо периодически корректировать в соответствии с прогрессом науки и технологий, и в выигрыше будет тот, кто сумеет произвести эту корректировку грамотнее и быстрее. Поэтому приведенный далее перечень из 37 инновационных направлений (которые в тексте выделены курсивом) можно рассматривать как скорректированный на сегодняшний день практический «путеводитель» по важнейшим технологиям мирового значения и активно использовать его при планировании инновационного развития.

Информатика и телекоммуникации

Обработка сверхбольших массивов информации. Направление характеризуется достаточно активным воздействием на экономическое развитие и существенным междисциплинарным влиянием, причем значимость его в обозримый период еще более возрастет. Лидируют США.

Высокопроизводительные компьютерные системы. Относительно умеренное воздействие на экономику и социальную среду, но достаточно

⁴ Ibid. p. 118–143, 180–203, 290–341.

благоприятное влияние на другие направления и дисциплины. В перспективе некоторое возрастание значимости. Лидируют США и Япония.

Интеллектуальный человеко-машинный интерфейс. В среднесрочном плане проблематика приобретет довольно высокую актуальность как в экономическом, так и в социальном плане. Однако пока она имеет относительно умеренную важность. Лидируют США.

Управление дистанционной передачей образов и ощущений. Социально-экономическое влияние средней значимости, но в среднесрочном плане несколько возрастет. Лидируют США и Япония.

Обеспечение информационной безопасности. Достаточно актуально для создания безопасных условий жизнедеятельности. Возрастает социально-экономическое влияние. Лидируют США.

Информационные технологии для социальной сферы. Социально-экономическая роль достаточно велика, особенно быстро будет возрастать социальная значимость. Лидируют США.

Новые принципы информатики и телекоммуникаций. Достаточно ограниченный вклад в социально-экономическую сферу, более заметен он для научных областей. Вполне перспективны в обозримом будущем. Лидируют США.

Сети, управляющие взаимодействием между любыми объектами. Ускоренно выходят на позиции достаточно актуальных технологий в научном, экономическом и социальном плане. Лидируют США и Япония.

Программное обеспечение для сверхбольших систем. Заметное влияние на социально-экономическое и научно-техническое развитие, которое будет возрастать. Лидируют США.

Живые системы

Фундаментальные исследования для создания новых медикаментов. Пока преобладает научная значимость получаемых результатов. Ожидается серьезное влияние на все социально-экономические аспекты. Лидируют США.

Фундаментальные работы по созданию новых методов лечения. Ситуация полностью совпадает с предыдущей позицией.

Формирование и развитие мозга. При некотором научном прогрессе социально-экономические результаты все же не очень заметны. В перспективе результаты исследований будут способствовать улучшению качества жизни. Лидируют США.

Особо сложные функции головного мозга. Ситуация полностью отвечает предыдущей позиции.

Природа аномальных состояний головного мозга. Результаты исследований в первую очередь должны сказаться на безопасности жизнедеятельности и качестве жизни. Лидируют США.

Технологии воспроизводства клеток, тканей и органов. В среднесрочной перспективе они смогут оказывать заметное влияние на социально-экономическую сферу. Лидируют США.

Приборная техника для биологии. Как в научном, так и в социально-экономическом плане особо заметного влияния не оказывает, в перспективе оно несколько возрастет. Лидируют США, а по некоторым технологиям США и Япония.

Управление биологическими функциями высшего порядка. Весьма умеренные проявления в социально-экономической сфере с тенденцией к возрастанию. Лидируют США.

Информационная биология. Начинают формироваться новые научные темы и производственные области, но в социальном плане прогресс весьма умеренный. Лидируют США.

Биологическое воздействие на окружающую среду. В научном и экономическом плане тенденции недостаточно активные, но их стимулируют перспективы повышения качества жизни и безопасности. Лидируют США.

Биологические процессы на наноуровне. Энергичное развитие научной тематики с тенденцией к коммерциализации достижений в новых производствах. Лидируют США и Япония.

Окружающая среда

Исследования процессов глобального масштаба. Углубляют и расширяют сферу научных работ, формируют новые хозяйственные отрасли. Лидируют США, Япония и европейские страны.

Оптимизация формирования городской среды. Основное влияние оказывает на безопасность жизнедеятельности и качество жизни, внося определенные изменения и в экономические процессы. Лидируют европейские страны.

Обеспечение экологической безопасности. Активно влияет на научные дисциплины и экономическую деятельность, улучшая качество жизни. Лидируют США и европейские страны.

Разработка экономических индикаторов воздействия на окружающую среду. Обеспечивает повышение качества жизни и безопасности жизнедеятельности, а также рационализацию производственной структуры. Лидируют США и европейские страны.

Формирование экологических ограничений, накладываемых на жизнедеятельность. Оказывает разностороннее влияние на науку и

экономику, улучшает качество жизни. Лидируют европейские страны и Япония.

Предупреждение природных и техногенных катастроф. Обеспечивает повышение безопасности жизнедеятельности, а также рационализацию и условия функционирования ряда производств. Лидируют США и европейские страны.

Гидрология и управление водными ресурсами. Оказывают определенное влияние на научно-исследовательскую проблематику и промышленную деятельность. Лидируют США, Япония и европейские страны.

Нанотехнологии и материалы

Моделирование наноматериалов. Быстро возрастает научная значимость и расширяются области исследований. Развертываются новые производственные направления. Лидируют США.

Наноизмерения и наноанализ. Активно влияют на развитие научных дисциплин и экономическую деятельность. Лидируют США и Япония.

Нанотехнологии в производственных процессах. Оказывают существенное и непрерывно возрастающее влияние на научную и экономическую сферы. Лидирует Япония.

Нанотехнологии для получения новых материалов и веществ. Научная актуальность и производственные перспективы аналогичны предыдущей позиции. Лидирует Япония.

Управление структурой материалов на наноуровне. По вкладу в науку и производство полная аналогия с двумя предыдущими позициями. Лидирует Япония.

Наноприборы и сенсорные наноустройства. Работы в данной области оказывают заметное влияние на науку и быстро расширяют перспективы производства. Лидируют США и Япония.

Нанoeлектронномеханические системы. По сравнению с предыдущими направлениями характеризуются несколько меньшим воздействием на науку и производство, но развиваются практически такими же темпами. Лидируют США и Япония.

Нанотехнологии для сферы экологии и энергетики. Помимо быстро возрастающего влияния на науку и экономику приобретают большое социальное влияние, в частности, на качество жизни. Лидирует Япония.

Нанобиологические устройства. Оказывают существенное и непрерывно возрастающее влияние на научную и экономическую сферы, еще большее влияние – на социальную сферу. Лидируют США.

Нанотехнологии и качество жизни. Пока умеренное, но возрастающее влияние как на науку и экономику, так и на социальную сферу.

В обозримой перспективе обеспечат существенный прогресс в улучшении качества жизни и безопасности жизнедеятельности. Лидируют США и европейские страны.

Как нетрудно заметить, приведенные выше материалы являются очень хорошим ориентиром для тех, кто желает выбрать или уточнить курс инновационного развития своей компании, поскольку характеризуют характер влияния перечисленных инновационных направлений на науку, экономику и общество. Полезна также информация о странах-лидерах, т. е. главных конкурентах, опыт и достижения которых необходимо изучить в первую очередь. Подчеркнем, что в качестве примера нами было рассмотрено только 37 инновационных направлений. Нетрудно представить, насколько информативным является ознакомление с содержащимися в прогнозе характеристиками всех 130 инновационных направлений.

Аналитические работы, выявляющие приоритеты и важнейшие факторы инновационного развития, начиная с 90-х годов появляются и за пределами Японии, причем, в качестве методической основы используются именно японские прогнозы. Среди них особенно глубоким и интересным является английский прогноз, выполненный в рамках национальной программы «Форсайт» и опубликованный в 1995 г. Одна из его особенностей – исключительно широкая тематика и значительная емкость большинства тематических разделов. Перечень последних выглядел следующим образом: сельское хозяйство, природные ресурсы и окружающая среда; пищевые продукты, здравоохранение, науки о жизни; химические вещества; материалы; энергия; информационные технологии и электроника; связь; транспорт; строительство; авиационная, космическая и военная техника; производство и бизнес; торговля и снабжение; финансовое дело; учеба и досуг. Оригинально были сформулированы и позиции, по которым эксперты оценивали каждую из предложенных проблем:

- степень воздействия на прирост национального богатства, т. е. «экономическая актуальность»;
- степень воздействия на качество жизни, т. е. «социальная актуальность»;
- ожидаемые сроки реализации;
- необходимость сотрудничества с зарубежными партнерами;
- английские позиции в сравнении с позициями зарубежных стран;
- препятствия на пути реализации (финансовые, кадровые, социокультурные, технические, производственные и коммерческие).

Оригинальный подход был проявлен и в Германии. Здесь экспертам было предложено проанализировать проблемы, составившие содержание пятого японского прогноза, т. е., по существу, повторить

его, не знакомясь с ответами японских экспертов. Естественно, все оценки научно-технических проблем требовалось дать применительно к германским условиям. Результаты работы были представлены по такой же форме, как это было сделано в Японии, – в виде подробных таблиц, диаграмм и графиков. Интересно, что была обнаружена хорошая корреляция между японскими и германскими оценками проблем по уровню актуальности.

Тесные контакты, установившиеся между немецкими и японскими специалистами, позволили выполнить совместный японо-германский прогноз, результаты которого были опубликованы в 1995 г. Проблемы сугубо национальной специфики в нем отсутствовали, а их общий перечень был составлен наполовину японскими и наполовину германскими специалистами.

Ввиду сложности организации подобной работы на межстрановом уровне было решено ограничиться четырьмя тематическими разделами: информатика и электроника; науки о жизни; материалы, их получение и обработка; сохранение окружающей среды. Нетрудно заметить, что эти направления почти полностью соответствуют сегодняшним официальным приоритетам японских исследований и разработок, а по существу, являются долгосрочными приоритетами для всех индустриально развитых стран.

Актуальность каждой проблемы эксперты оценивали, исходя из следующих пяти критериев: развитие науки и техники, экономический рост, сохранение окружающей среды, прогресс в развивающихся странах, общественное развитие. В итоге были получены важные результаты, позволяющие конкретизировать главные приоритеты мирового научно-технического развития. В их число вошли: искусственный интеллект, функции мозга, лечение опухолевых заболеваний, сверхпроводимость, нанотехнологии, солнечные элементы, изменение климата, переработка отходов⁵.

Среди японских работ, в которых прогнозируются важнейшие инновационные сдвиги в «техносфере», особое место занимает исследование, выполненное под руководством Управления экономического планирования (УЭП) группой экспертов из ведущих промышленных корпораций, университетов и исследовательских центров. Хотя эта работа была выполнена в начале 90-х годов, в методологическом плане она по-прежнему является образцовой, а ее результаты представляют не только научный, но и практический интерес. Перед экспертами была поставлена весьма непростая задача: тщательно проанализировав мировой инновационный процесс, спрогнозировать, какие инновации

⁵ Science and Technology in Japan. 1996, № 58, p. 44–45.

в обозримом будущем, в период 2010–2030 гг., станут главным двигателем экономического прогресса.

Подготовленный экспертами перечень в итоге включил в себя 101 инновацию: микроэлектронные компоненты, компьютеры, системы связи, базы данных, производственное оборудование, материалы, установки для охраны окружающей среды, энергетическую и транспортную технику, строительные сооружения, лекарственные препараты и др. Количественно оценивалась стадия, на которой находятся исследования и разработки: фиксировалось, какая часть общего объема работ может считаться выполненной. Сравнивались уровни, достигнутые на этапе исследований и разработок в Японии, США и Европе.

Подробно были проанализированы условия, в которых происходит становление инноваций: уровень финансового и кадрового обеспечения исследований и разработок, число патентов и диссертаций по данной проблематике, размеры направляемых на соответствующие работы субсидий и дотаций. Оценивалось, как повлияют на коммерциализацию новшеств организационные, социальные и экономические факторы. Среди них – важность государственного участия и регулирования (помощь в финансировании исследований, подключение к ним государственных лабораторий, выработка новых юридических документов, заключение международных соглашений и др.), воздействие инноваций на окружающую среду, наличие соответствующей инфраструктуры, масштабы рынка и цена, готовность общества к восприятию инноваций. И, наконец, для каждой инновации был сформирован перечень ключевых технологий, т. е. практических способов ее осуществления. Приведем примеры инноваций, наиболее значимых по предполагаемым масштабам рынка, а также их краткие характеристики научно-технического, экономического и общественного плана⁶.

Устройства памяти терабитного класса. В отличие от «гигабитных» запоминающих устройств их объем на три порядка выше. Традиционная кремниевая технология здесь неприемлема, необходим переход к сверхпроводящим материалам. Вряд ли эти устройства достигнут стадии коммерциализации до 2030 г. Но как только они появятся, радикально изменится вся техника электронных вычислений, систем хранения, ввода и передачи информации. Главное, резко возрастут аналитические возможности всех видов информационно-вычислительной техники. Лидируют в разработках японские специалисты.

Самоструктурирующиеся чипы. В отличие от обычных полупроводниковых кристаллов, работающих по командам извне, они обладают

⁶ Кэйдзай-о уокасу 2010 нэн-но гидзюцу ёсоку 101 (101 инновация технологического прогноза на 2010 г., приводящая в движение экономику). Токио, 1992, с. 10–37.

функцией самоорганизации и самоуправления, т. е. функция, которая должна быть выполнена кристаллом, и режим его работы определяются им же самим. Поскольку потребность в устройствах, способных выполнять аналитические и оценочные операции, вплоть до выработки суждений, чрезвычайно быстро возрастает, велики и масштабы рынка этих необычных кристаллов. Позиции японских и американских разработчиков очень близки, уровень европейских работ существенно ниже. Разработки находятся на начальной стадии, а их коммерциализация ожидается не ранее 2050 г.

Элементная база для оптических компьютеров, т. е. все, что обеспечивает обработку информации на основе оптических принципов, – это еще одна группа наиболее массовой продукции. Развитие этого направления связано со стремлением еще более повысить скорость вычислений. Прохождение сигналов по компонентам компьютерных систем может быть ускорено, если это будут не электрические, а световые сигналы от лазерных излучений. Уровень, на котором находятся исследования и разработки в Японии и США, практически одинаков, закончены они будут не ранее 2020 г. Результатом станет появление качественно новых вычислительных систем, способных, например, к глобальному моделированию и высокоточному прогнозированию природных и экономических процессов.

Системы автоматического перевода также в перспективе станут массовым видом товарной продукции. Перевод специально упрощенных текстов уже не является проблемой, но в данном случае речь идет о переводе на профессиональном уровне – как письменном, так и устном. Технически задача состоит в создании высокоразвитой системы программного обеспечения, аппаратная же часть может конструироваться по-разному в зависимости от портативности исполнения. Можно ожидать, что к 2020 г. такие системы появятся на рынке. Позиции Японии и США в данной области очень близки и намного более продвинуты, чем в Европе.

Еще три вида электронной продукции, имеющей большие перспективы распространения: *суперпараллельный компьютер, биокомпьютер и нейрокомпьютер.* Производительность суперпараллельных компьютеров в сотни миллионов раз выше, чем у мощных ЭВМ. Для ее достижения радикально меняется компьютерная архитектура, обеспечивается максимальное распараллеливание обработки задач, вводимых в компьютер, и далее она решается сразу во множестве параллельных процессоров. Их число может достигать нескольких миллионов в одном компьютере. Появление таких машин – это крупный шаг к приближению возможностей ЭВМ к человеческим аналитическим возможностям. Рынок таких компьютеров начнет формироваться уже в 2010 г., причем

позиции Японии и США в их разработке примерно одинаковы, а европейские страны значительно им уступают.

Биокомпьютеры, вероятно, начнут выходить на рынок электронной продукции в 2020 г., однако годовой объем их продаж трудно определить. Стандартный образ биокомпьютера еще не сформировался, однако ясно, что он должен иметь очень высокую степень интеграции элементов и параллельную архитектуру. Главное, его функции должны осуществляться в режиме, характерном для человеческого мозга. Его прототипом станут, по-видимому, отдельные компоненты нейронных компьютеров (нейрокомпьютеров), а основой элементной базы – биочипы на базе живых организмов.

Универсальные нейрокомпьютеры – это более далекая перспектива, они появятся после 2030 г. Благодаря способности математически моделировать механизм передачи информации нервными клетками (нейронами) человеческого мозга, нейрокомпьютер сможет обрабатывать информацию в режиме, подобном деятельности мозга.

В результате крупных успехов в изучении эффекта сверхпроводимости и многообещающих наблюдений этого эффекта даже в области обычных температур интенсифицируются исследования и разработки, направленные на создание принципиально новых микроэлектронных изделий – *сверхпроводящих устройств*. Эти устройства привлекают к себе, в первую очередь, разработчиков сверхбыстродействующих компьютеров новых поколений, поскольку характеризуются чрезвычайно малым значением таких параметров, как потребляемая мощность и время переключения. Ожидается, что их практическая реализация начнется в 2020-е годы. Лидируют в разработках Япония и США.

Таким образом, в исследовании УЭП были четко определены главные технологии, которые, по мнению экспертов, будут «приводить в движение» экономику главных индустриальных стран в 2010–2030-е годы, – это микро-, опто- и биоэлектроника. Лидерами в их разработке и использовании будут США и Япония. Намерения японцев занять ведущие позиции в этих областях продиктованы результатами серьезного технико-экономического анализа. Во-первых, именно к этим технологиям будет привязаны те виды продукции, которые имеют максимальные объемы рынка, т. е., как и прежде, японская электронная промышленность направляет свое внимание на сферу массового спроса. Во-вторых, именно эти виды продукции являются фундаментом дальнейшего общецивилизационного процесса. Информационное общество продолжает интенсивно развиваться, и ясно, что научно-технический потенциал и экономика этого общества должны быть адекватны ему. На это и ориентируется промышленная система Японии вместе с ее научным и технологическим обеспечением. И, в-третьих,

нужно особо отметить, что появление в арсенале общества новых поколений компьютеров – это оснащение его сильнейшим инструментом для научной, инженерной и социальной сферы. С помощью этих компьютеров в конечном счете будут созданы новые средства производства, новые виды транспорта, новые предметы личного потребления, новые методы лечения, восстановления сил, обучения, воспитания, – т. е. качественно новые, существенно более высокие жизненные стандарты.

Методология поиска и выбора высокотехнологичных приоритетов, примененная как в исследовании УЭП, так и в прогнозах Национального института научно-технической политики (NISTEP), существенно расширяет возможности разработчиков научной и промышленной политики. Более того, она может с успехом применяться в странах с различным уровнем развития и с различными отраслевыми ориентирами. Правда, при этом может потребоваться достаточно большой объем информации о содержании и результатах наиболее важных исследований, проводимых ведущими мировыми научными центрами. Однако эта задача несколько упрощается в связи с тем, что в 2001 г. NISTEP начал издавать на английском языке ежеквартальный журнал «Тенденции в области науки, техники и технологий» («Science and Technology Trends»), содержащий аналитические обзоры главных мировых достижений на всех основных направлениях научно-технического прогресса. Таким образом, активно действуя во множестве высокотехнологичных областей, Япония одновременно открывает миру и пути, ведущие к более эффективному инновационному развитию. Выступая в качестве энергичного и умелого лоцмана мирового инновационного пространства, она вносит крупный вклад в развитие современного общецивилизационного процесса.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРОБЛЕМЫ ОТКРЫТОГО РЫНКА ТРУДА ЯПОНИИ НА ПОРОГЕ XXI В.

Огромные изменения, которые произошли в экономике Японии во второй половине XX в., казалось, совсем не затронули область труда и трудовых отношений. Практически до конца столетия рыночные отношения здесь находились в зачаточном состоянии. Крупный бизнес, по существу, монополизировал значительную часть рабочей силы, как бы «закрыв» ее от внешнего мира с помощью особой формы долговременной занятости – так называемой системы «пожизненного найма». Важнейшим следствием пожизненного найма явилась разделенность рынка труда на две части – закрытую и открытую. В каждой из этих частей рабочая сила была поставлена в различные условия с точки зрения стабильности найма. На закрытом рынке мобильность (территориальная, квалификационная, служебная и пр.) рабочей силы осуществлялась в пределах каждой фирмы. В силу значительной взаимосвязанности крупных японских компаний друг с другом эти системы взаимодействовали друг с другом, образуя условно единый закрытый рынок труда.

Другая часть рынка труда обслуживала мелкий и средний бизнес. Здесь рабочая сила не была столь строго привязана к какой-нибудь одной фирме, и ее мобильность не сдерживалась рамками отдельных компаний. Поэтому эту часть принято называть открытым рынком труда. Однако разделение рынка труда на открытый и закрытый имело довольно условный характер, потому что мелкий бизнес, использующий открытый рынок труда, также попадал в сферу влияния крупного. Расслоение открытого рынка приводило к вычленению таких категорий рабочей силы, которые представляют ценность и для крупных компаний. Поэтому, несмотря на значительные различия и существование между этими двумя частями рынка труда вполне определенной границы, они были неразрывно связаны друг с другом. Более того, такая разделенность рынков не только не исключала их взаимодействия, но

была жизненно необходима для существования закрытой структуры крупной компании.

Открытый рынок в Японии всегда представлял собой своеобразный анклав рабочей силы «второго сорта», которой уготовано периферийное положение. Напротив, той части рабочей силы, которая попадала на закрытый рынок, были обеспечены разнообразные привилегии, прежде всего с точки зрения условий занятости. Привилегированное положение закрытого рынка, его доминирование на рынке труда всегда поддерживало и японское государство.

В функционирование закрытого рынка труда государство практически никогда не вмешивалось. До сих пор здесь действуют особые системы трудоустройства и профессионального обучения, которые контролируются самими компаниями. Открытый рынок труда, напротив, традиционно довольно жестко регулировался государством. Так, государство не допускало частный бизнес в область трудоустройства рабочей силы, вращающейся на этом рынке, «из-за потенциальной возможности значительных злоупотреблений»¹. Монопольное право на посреднические услуги в области трудоустройства принадлежало государственной службе занятости (Public Employment Service Office – PESO). В результате подавления открытого рынка труда здесь появлялись своеобразные, если не сказать уродливые, формы занятости. Однако таков был сознательный выбор правящей элиты в вопросе формирования государственной политики в области труда, и это соответствовало реалиям своего времени.

К началу XXI в. открытый рынок труда в Японии все еще продолжал представлять собой сферу низкоквалифицированного, периферийного труда, для которого были характерны специфические формы занятости, прежде всего частичная занятость.

Частичная занятость стала бурно развиваться в Японии в 70-е и, особенно, в 80-е годы под влиянием осложнения социально-экономического положения в стране и с возникновением угрозы повышения уровня безработицы, когда стало сокращаться число постоянных рабочих мест. Прежде всего, это отразилось на женщинах, которым часто единственной возможностью работать оставались условия частичной занятости. Среди них эта форма занятости постепенно приобретала особую популярность.

К концу 80-х годов в Японии насчитывалось более 5 млн. частично занятых, что составляло примерно 12% от общей численности лиц

¹ Sugeno Kazuo, Suwa Yasuo. Labour Law Issues in a Changing Labour Market: in Search of a New Support System. – Japanese Labour and Management in Transition. Diversity, Flexibility and Participation. Routledge-London-New York, 1997, с. 74–77.

наемного труда. В общем числе частично занятых около 70% приходилось на женщин. За период с 1970 по 1990 г. доля частично занятых в общей численности работающих женщин увеличилась вдвое. В 1970 г. она составляла 12,2%, в 1975 г. – 17,4, в 1980 г. – 19,3, в 1985 г. – 22, в 1990 г. – превысила 25%. В 90-е годы среди женщин доля частично занятых была выше, чем среди наемной рабочей силы в целом².

Несмотря на то, что в семейном бюджете доход от частичной занятости чаще всего играл второстепенную и дополнительную роль, многие из тех, кто искал работу на таких условиях, в значительной степени зависели от нее и не могли от нее отказаться. Об этом, в частности, свидетельствовал тот факт, что стремительный, вынужденный выход женщин из состава постоянной рабочей силы после нефтяных кризисов в 70-е годы сопровождался не менее интенсивным процессом повышения среди них доли частично занятых. Кроме того, в стране появился и численно увеличивался другой отряд частично занятых – студенческая молодежь, которая зарабатывала таким способом средства на жизнь и на свое обучение.

Лица, искавшие работу на условиях частичной занятости, стремились к сочетанию своих личных интересов с возможностью получить доход от труда. Для женщин особый интерес представляло, в частности, территориальное расположение места труда. От этого зависела их возможность совмещать семейные обязанности с общественным трудом. Поэтому обычно до 80% частично занятых работали на предприятиях, расположенных в пределах 30 минут езды от дома, из них 50% – в 15 минутах.

Традиционно работа на условиях частичной занятости предлагалась также и там, где от исполнителей не требовали высокого уровня квалификации. Эта форма занятости отличалась большой гибкостью и могла быстро реагировать на еженедельные и даже на ежедневные изменения в спросе на рынке труда. Такие изменения были особенно характерны для сферы услуг и мелкой розничной торговли. Однако постепенно спрос на частичную занятость стали предъявлять другие отрасли экономики, даже высокотехнологичные отрасли промышленности и производства, а также сфера образования, науки, социального обслуживания. Среди частично занятых появляются специалисты с высшим образованием и «специализированные работники» (например, по обслуживанию бытовой и производственной техники, ее наладке и ремонту), труд которых требовал определенных навыков и подчас большой предварительной профессиональной подготовки. Таким

² Более подробно см.: *Suwa Yasuo*. Policy for Part-time Workers: A Recent Study Group Report. – Japan Labor Bulletin, 1987, vol. 26, № 11.

образом, с одной стороны, среди представителей этой категории рабочей силы были и высококвалифицированные специалисты, а с другой – сюда попадали и работники малопrestiжных и низкооплачиваемых видов занятий (приходящие няни, уборщики и т. п.).

Около половины компаний стремились вывести условия найма лиц в качестве частично занятых из-под сферы действия коллективных переговоров. Практически всегда договоры с такими работниками заключались на индивидуальной основе, что в отсутствие защиты со стороны профсоюза ставит работника в наименее благоприятные условия труда и найма. Единообразный подход к регулированию труда частично занятых отсутствовал. Более четверти компаний имели «несколько моделей условий найма» такого персонала. Это исключало применение определенных стандартов условий найма и соответственно возможность их оценки и сравнения положения отдельных работников.

Самая характерная черта, которая сформировалась в институте частичной занятости в Японии, связана с продолжительностью рабочего времени. Рабочий день по своей продолжительности у тех, кто частично занят, и у тех, кто занят полностью, в большинстве случаев практически был один и тот же. Более того, и в отношении частично занятых применялась обычная для японских компаний практика привлечения персонала к сверхурочным работам, что закреплялось даже в трудовом договоре в качестве одного из обязательных условий найма. Около трети компаний оговаривали свое право привлекать частично занятых к сверхурочным работам, причем подавляющая часть работодателей рассчитывала на сверхурочный труд своих частично занятых работников в течение не менее четырех часов в неделю. Такое положение практически размывало суть самого понятия «частичная занятость» и стирало принципиальные типологические отличия этого явления от полной занятости.

При большой продолжительности рабочего времени практически все фирмы предлагали лишь почасовую оплату труда. Это автоматически означало отсутствие всяких дополнительных видов поощрений, весьма распространенных в японских фирмах в отношении постоянного персонала и составляющих в общей сумме его заработка до 50%. Наоборот, здесь наблюдалось большое единообразие условий, поскольку в этом вопросе компании проявляли большую солидарность. Обычно вопросы об определении формы и уровня оплаты труда частично занятых все компании данного района согласовывали друг с другом, что превращало работодателей на рынке частичной занятости в монополистов.

Статус частично занятых закреплялся в индивидуальном договоре, и дискриминационные условия использования их труда сочетались с

лишением гарантий в области найма и социальных прав, положенных постоянным работникам. При этом была распространена практика фальсификации этого статуса. До 60% компаний при заключении трудового договора избегали определения сроков найма своего персонала и постоянно перезаключали с ним трудовые договоры. Лишенные социальных гарантий, в том числе права на ежегодный оплачиваемый отпуск, многие работники фактически оставались в одной и той же компании в статусе «частично занятых» в течение долгих лет, иногда всю жизнь. Такое положение вещей было хорошо известно в обществе, и в 80-х годах, когда это явление получило особенно большое распространение, оно стало официально признаваться и властями.

В настоящее время условия функционирования крупного японского бизнеса с его традиционной опорой на собственный, внутренний рынок труда меняются. В последние полтора-два десятилетия в Японии на этот процесс оказывают влияние факторы, носящие структурный, непреходящий характер и вызывающие кардинальные изменения в сложившейся действительности. Среди этих факторов – перестройка производственно-экономической структуры в условиях глобализации экономики, формирование информационного общества, быстрое старение населения, индивидуализация и диверсификация рынка труда.

Большие изменения в систему трудовых отношений вносит возникновение новых качественных характеристик рабочей силы и усилившийся переход от «коллективного труда» к «индивидуальному». На рынок труда Японии в качестве самостоятельного субъекта трудовых отношений все более решительно выходит отдельный, часто высококвалифицированный работник, пытающийся противопоставить свои интересы интересам работодателя. Особенно изменилась молодежь, которая уже не связывает всю свою трудовую жизнь с одним работодателем, как прежде.

Государственная система трудоустройства не справляется со своими функциями, деятельность PESO во многих случаях перестает удовлетворять потребности рынка труда. В настоящее время даже посреднические услуги PESO по сведению субъектов рынка труда друг с другом нельзя считать полноценными и достаточными в регулировании рынка, поскольку из сферы их внимания выпадают целые области трудовой деятельности, профессий и категорий занятости, представители которых все активнее выходят на открытый рынок труда.

Не только служащие, но и специалисты, менеджеры и многие другие профессии, в функциях которых особенно важны индивидуальные качества работников, не попадают в сферу внимания PESO. Несмотря на компьютеризацию операций, даже женщины, лица старших возрастов и студенты, которые нуждаются в частичной и временной занятости,

также часто не в состоянии найти работу через эти агентства. Из-за сокращения государственных расходов эта служба недостаточно оперативно решает и проблему географического перераспределения рабочей силы.

Все это свидетельствовало о том, что эта служба была не готова к тому, чтобы обеспечить массовое перемещение труда в условиях широкомасштабной структурной перестройки японской промышленности и распространения индивидуализированного труда. Это привело к тому, что в 80-е годы всего 20% рабочей силы, вновь выходявшей на рынок труда в Японии, пользовалось услугами этих агентств, и эта доля продолжала снижаться. В начале 90-х годов она составляла уже 16,3%³. Все больше и больше предприятий и наемных работников переставали обращаться к PESO и стали пользоваться другими источниками информации, в том числе СМИ.

Поскольку на японском рынке труда была уже сформирована значительная область индивидуализированных предложений, которая не охватывалась и в принципе не могла быть охвачена PESO, то назрела необходимость в альтернативном варианте посреднических услуг. Было очевидно, что область индивидуализированных услуг должна быть передана частным агентствам, которые исполняют их более эффективно. Несомненно, что основным условием таких преобразований должно было стать осуществление государственного надзора за деятельностью частных посреднических агентств. Кроме того, все эти преобразования нуждались и в учете изменений, происходящих в международной практике.

Как ключевому субъекту на поле посреднических услуг PESO предстояло организовать широкий и всесторонний мониторинг показателей рынка труда и на этой основе обеспечивать помощь как компаниям, так и рабочей силе. При работе с обращениями субъектов рынка по поводу поиска партнеров использование результатов мониторинга должно было способствовать «получению эффекта максимального попадания в цель, что, в свою очередь, предотвращало бы “девиантное” поведение клиентов по поиску иных каналов информации»⁴.

Как и прежде, за PESO оставалась функция по управлению системой страхования, по выплате пособий по безработице и по претворению в жизнь различных программ по субсидированию работодателей. В сфере внимания PESO также оставались вопросы трудовых конфликтов,

³ Родо хакусё (Белая книга по труду). Токио, 1993.

⁴ Удзихара Сёдзиро. Нихон кэйдай то коё сэйсаку (Японская экономика и политика занятости). Токио, 1988, с. 33.

касавшиеся отношений найма, и их разрешения. Более того, ввиду укрепления электронных баз данных, роль PESO усиливалась не только во всех сферах их традиционной деятельности, но и в ряде новых областей. Особенно заметно должна была усилиться роль PESO в области консультирования по вопросам выбора карьеры, изменения работы, восстановления состояния занятости, найма лиц, имевших опыт работы у другого работодателя, а также в области образования и профессиональной подготовки.

Введение альтернативных форм посреднических услуг было решено проводить поэтапно с тем, чтобы радикальная перестройка существующей системы трудоустройства не привела к ее полному разрушению. На первом этапе, в 1985 г., был принят давно ожидаемый Закон о перенайме рабочей силы, который, наконец, позволил частным агентствам заниматься трудоустройством населения. На основании специально выдаваемого разрешения или путем подачи отчета инспекционной службе министерства труда такие компании получали право на лизинг рабочей силы, т. е. на ее наем с последующим предоставлением в распоряжение другого работодателя.

Закон строго ограничил сферу деятельности частных посреднических компаний, указав, какие именно виды деятельности могут быть объектом лизинга. Сроки контракта на условиях поднайма через лизинговые предприятия, напротив, не ограничивались. Таким образом, закон подчеркивал лишь специфическую природу труда, который попадал в сферу внимания этих предприятий, но не социальный статус самих работников. На деле это повышало статус последних, приравнивая его к статусу постоянных работников, что, в свою очередь, влияло на их «товарные» качества (т. е. на уровень возможного заработка) и на степень социальных гарантий. Неограниченный срок трудового договора автоматически давал право на страхование по безработице, медицинское и пенсионное страхование.

Такое положение перенанятой рабочей силы, предложенное законом, отличалось в лучшую сторону от положения соответствующих контингентов в тех странах, где лизинговый бизнес в области труда (так называемые предприятия временной работы — ПВР) получил довольно широкое распространение еще в 70-е годы прошлого столетия. В отличие от Японии там этот бизнес практически не ограничивается законодательством с точки зрения охвата им рынка труда. Через лизинговое предприятие работодатель может нанять работника на любые виды работ. Но длительность найма при этом, напротив, ограничена. По отношению к постоянным кадрам компании персонал, поднаятый с помощью ПВР, выступает лишь как вспомогательная рабочая сила и социально занимает самый низкий статус.

Считается, что лизинговый бизнес в области труда возник в Японии на основе изучения зарубежного опыта и стал приобретать в связи со своим поздним развитием отличительные черты по сравнению с другими странами. Это справедливо лишь отчасти. Собственные формы «перенайма» рабочей силы существовали в Японии задолго до момента их легализации. Возникновение этого бизнеса восходит к институту бригадирства (*ояката*) периода Мэйдзи. Уже тогда эти своеобразные «бригадиры» нанимали крестьян для строительных работ в городах и нередко сдавали своих подчиненных в распоряжение работодателям, а сами вновь отправлялись в деревню за новыми кандидатами на такие работы.

Особенно широко перенаем рабочей силы стал практиковаться в Японии в послевоенный период XX в. После нефтяных кризисов 70-х годов он был хорошо известен крупному бизнесу как средство сохранения системы пожизненного найма. В виде довольно развитого механизма он обеспечивал перемещение рабочей силы в пределах закрытого рынка труда (одной или даже нескольких компаний) и превратился в одну из его необходимых частей.

С середины 70-х годов, когда компании столкнулись с необходимостью масштабных перестроек в бизнесе, «делегирующее» кадров из одних секторов бизнеса, обычно находящихся в упадке, в другие, более успешные, приобрело широкие масштабы и систематический характер. Эти перемещения не ограничивались рамками головной компании, но распространялись на все ее филиалы и даже на субконтрактов. Основной причиной такого явления было стремление компаний сохранить принципы пожизненного найма в отношении своего кадрового ядра в условиях низких темпов роста и структурной перестройки экономики страны. Для части персонала удавалось сохранять рабочие места путем его перевода в другие компании, хотя нередко это делалось на менее выгодных для него условиях.

На фоне этого основного потока перемещения рабочей силы в пределах более или менее связанных друг с другом компаний в стране относительно самостоятельно стал развиваться частный бизнес по лизингу рабочей силы. Зародившись в недрах и на основе традиционной практики взаимного перенайма рабочей силы, лизинговый бизнес в Японии постепенно выделился в целую отрасль, имевшую, однако, в отличие от соответствующего бизнеса в других странах полулегальный характер. Этот бизнес не преследовался государством с применением всей силы закона, но и не признавался последним. Основным субъектом по трудоустройству рабочей силы на японском рынке труда вплоть до середины 80-х годов продолжали оставаться PESO.

Закон о перенайме рабочей силы легализовал деятельность частного бизнеса в области трудоустройства наемных работников нескольких категорий и видов деятельности, которые по степени мобильности, уровню квалификации и дефицитности были особенно необходимы экономике страны в то время. В результате введения государственного контроля над этим бизнесом он фактически превращался в специализированную отрасль. Таким образом, была предпринята попытка не только значительным образом приспособить политику занятости в Японии к рыночным тенденциям в области труда, но еще одним способом соединить ее с индустриальной политикой государства.

Значение этого закона состоит в том, что с его помощью потенциально обеспечивался выход на открытый рынок квалифицированной рабочей силы, не находящей спроса на крупных предприятиях. После легализации деятельности частных агентств по трудоустройству положение «перемещенного персонала» на рынке труда заметно улучшилось по сравнению с теми частично занятыми работниками, которые по своей квалификации и социальному статусу занимали на открытом рынке труда точно такое же положение. Так, на временной работе компьютерный оператор получал, по данным обследования 1992 г., от 1090 до 1220 иен в час. Это было намного выше зарплаток соответствующей категории служащих, нанятых на прежних условиях частично занятых (от 729 до 943 иен). И это происходило именно благодаря лизинговому бизнесу, который теперь собирал информацию о соответствующем секторе рынка труда. Это помогало улучшить «товарные» качества работников. В противном случае они как разрозненные индивидуалы оказываются на рынке частичной занятости в относительно менее благоприятных условиях по сравнению с рабочей силой, находящейся или тяготеющей к орбите закрытого рынка.

Закон о перенайме рабочей силы улучшает положение рабочей силы, которая традиционно выходит на рынок частичной занятости, еще с одной стороны. Отныне закон запрещает работодателю использовать такого работника в одном и том же качестве более одного года. В противном случае он должен быть нанят на постоянную работу непосредственно самим работодателем без участия предприятий по перенайму рабочей силы (ППР). К нарушившему это требование работодателю также применяются санкции административного характера. То же требование о характере использования рабочей силы относится и к коммерческим агентствам, которые за нарушение подвергаются штрафу.

Кроме того, предусматривается комплекс мер социально защитительного характера в отношении той рабочей силы, которая попадает

в сферу деятельности ППР, в том числе меры, обеспечивающие социальное страхование и социально-бытовые условия найма, способы разрешения трудовых споров, средства защиты информации личного характера, специальные меры в отношении женщин и некоторые другие.

Вместе с тем вряд ли можно было утверждать, что в результате принятия Закона о перенайме рабочей силы в стране были созданы благоприятные условия для развития открытого рынка труда. По уровню охвата этим законом той рабочей силы, которая выходила на открытый рынок труда, его действенность была чрезвычайно низкой. Всего лишь около 30 профессий и видов деятельности, которые к тому же не требовали высокой квалификации, были разрешены к лицензированию. Значение закона заключалось в том, что это была первая попытка решения проблем открытого рынка труда, своего рода эксперимент по введению некоторых «правил игры» в этой области.

По мнению японских политиков, насущной необходимостью стало распространение действия этой системы на те области, где созрели социально-экономические условия, а опасность нарушения сложившегося на рынке труда баланса была невелика. Это становилось все более очевидно по мере увеличения потребностей работников интеллектуального и в целом высококвалифицированного труда в особых условиях найма, которые им уже не мог предложить закрытый рынок с его унифицированным подходом к рабочей силе.

В 90-е годы вопрос о развитии рынка труда перешел в иную, более прагматичную, плоскость, чему немало способствовало ухудшение социально-экономической ситуации. Быстро ослабевали законодательный запрет на увольнение персонала и государственный контроль за исполнением этого запрета. Рост безработицы среди служащих крупных компаний, особенно среди лиц средних и старших возрастов, настолько обострил проблему развития открытого рынка труда, что она стала рассматриваться в качестве «одной из важнейших задач всей политики японского правительства по дерегулированию экономики»⁵.

Способствовали этому и общемировые тенденции, связанные с процессом глобализации. В июне 1997 г. МОТ (Международная организация труда) пересмотрела Конвенцию № 96, которая предусматривала принцип монопольного права государства на услуги по трудоустройству населения, и приняла Конвенцию № 181 о частных агентствах занятости. Япония ратифицировала обе конвенции, что обязывало ее к их соблюдению, и отныне дерегулирование рынка труда в стране стало неизбежным.

⁵ Araki Takashi. Changing Japanese Labor Law in Light of Deregulation Drives: A Comparative Analysis. – Japan Labor Bulletin. 1997, vol. 35, № 5, с. 5.

Все это дало толчок развитию индустрии коммерческого трудоустройства населения. В 1999 г. частным предприятиям, занимающимся перенаймом рабочей силы, была разрешена деятельность по широкому кругу профессий и трудовых занятий. Запрет касался лишь некоторых видов работ, связанных с портовым транспортом, со строительством и охранной деятельностью. Порядок получения лицензий был существенно упрощен. Вместе с тем деятельность этих предприятий была подчинена определенным правилам надзора и ограничениям со стороны министерства труда. Так, в частности, перенаем рабочей силы на условиях временной занятости требовал дополнительного разрешения министерства. Оно следило также за тем, чтобы ППР не обслуживало исключительно какого-либо одного работодателя, что грозило бы превращением того в монополиста в определенном секторе рынка труда. За нарушение установленного порядка предусматривалась система административного наказания.

Изменения, внесенные в трудовое законодательство в 1999 г., для развития открытого рынка труда считаются настолько значительными, что часто называются реформой⁶. Однако те цели, которые были изначально декларированы политиками, все еще не были достигнуты. Полная либерализация рынка труда, когда были сняты все ограничения и на деятельность коммерческих агентств по трудоустройству, и на все виды трудовой деятельности, в Японии была достигнута лишь в 2004 г.

Поскольку коммерческие агентства принимают на себя расходы по подбору кадров, их обучению и социальной защите, компании, прибегающие к лизингу, существенно сокращают свои затраты на рабочую силу. По данным министерства труда, в 2003 г. ее численность составила 1,79 млн. человек, что почти на треть больше по сравнению с предыдущим годом.

В настоящее время около трети японских фирм используют персонал, нанятый через лизинг, в целях, уже напрямую связанных с решением основных и специализированных задач⁷. По данным министерства труда, обследованные в 2003 г. компании в качестве тех основных причин, по которым они используют временный персонал, называли стремление иметь под рукой достаточно компетентных работников для исполнения основных (39,6% ответов) и специализированных функций (25,9%). По сравнению с 1999 г. эти причины назывались значительно чаще (31 и 23,8% соответственно)⁸.

⁶ Там же, с. 6.

⁷ Morishima Motohiro, Shimanuki Tomoyuki. Managing Temporary Workers in Japan. – Japan Labor Review. 2005, vol.2, ch. 2, p. 78–103.

⁸ Ibid.

Все это свидетельствует о том, что значение временного персонала в фирмах повышается, его бывшая роль дешевого приложения к постоянному контингенту, пригодного лишь для того, чтобы «прислуживать», постепенно отступает на задний план, уступая место функциям полноценного субъекта труда. Одновременно с этим перед компаниями со всей очевидностью встает задача воспринимать этот персонал точно так же, как и основной контингент, т. е. как равноценный объект управления, обладающий высоким уровнем трудовой мотивации, необходимой квалификацией и нуждающийся в соответствующей компенсации труда. Однако появившаяся на открытом рынке труда Японии новая модель трудоустройства рабочей силы с помощью института коммерческого лизинга способствует возникновению сложных проблем в области управления и нуждается в значительной доработке.

Трудности управления такой рабочей силой обусловлены двумя обстоятельствами. Первое из них связано с тем, что такой персонал нанимают сразу два работодателя. Один из них – это коммерческое агентство, которое принимает человека на работу номинально, не предоставляя рабочего места. Другой работодатель (производственная, торговая или другая фирма) берет его у агентства «взаймы», чтобы пользоваться его трудом фактически. Поскольку управленческие функции по условиям действия такой модели дублируются двумя не связанными между собой работодателями, во всех областях управления возникают постоянные нестыковки и несоответствия. Как показывают последние исследования японских ученых, это проявляется и в комплектовании кадров, и при формировании их квалификации, и в организации системы материального стимулирования⁹.

Так, при комплектовании кадров это связано с проблемой несоответствия между характеристиками рабочей силы и рабочих мест, поскольку первые определяются клиентскими фирмами, а вторые – коммерческими агентствами. В области обучения персонала по сходным причинам образуется разрыв между содержанием обучения и его формами. То же самое происходит и в области стимулирования труда: оценка труда, за которую отвечают фирмы, не подкрепляется соответствующим вознаграждением за труд, которое является прерогативой агентств по трудоустройству.

Другое обстоятельство, вызывающее проблемы в области управления временным персоналом, имеет прямое отношение к срокам его использования. Как известно, с временным персоналом в Японии в отличие от постоянного заключаются договора со строго установленным сроком действия. Имея в виду, что рано или поздно такой персонал

⁹ Ibid.

будет уволен, работодатель (в данном случае оба работодателя) избегает брать на себя лишние обязательства в отношении него. Ни тот, ни другой не заинтересован в исправлении ситуации, поскольку из-за такого статуса невыгодно делать долговременные капиталовложения в рабочую силу. В результате какую бы ценность собой ни представляла рабочая сила, нанятая на условиях лизинга, те противоречия, которые возникают в результате ее двойного подчинения, не могут не усиливаться из-за временного статуса. Это в свою очередь неизменно отражается на эффективности управления временным персоналом.

Все это вызывает обеспокоенность ученых и тех участников бизнеса, которые считают, что будущее японской экономики во многом связано с процессом либерализации рынка труда. В Японии появился целый ряд исследований, посвященных проблемам этого сегмента рынка и основным направлениям их решения.

Основной посылкой к решению проблем управления рабочей силой, поступающей с открытого рынка труда, на взгляд ряда японских ученых, должно стать изменение отношения к ней со стороны бизнеса. Пора, наконец, прекратить рассматривать такой персонал как некий буфер, призванный скорректировать состояние бизнеса в соответствии с экономической конъюнктурой, считают они. Учитывая изменившиеся условия экономической деятельности на современном этапе (подвижность экономики в условиях глобализации, перманентное совершенствование техники и т. д.) и изменения в самой рабочей силе (новые прозападные ценностные установки молодежи, возросший уровень общей и специальной квалификации кадров, диверсификация труда и пр.), они призывают видеть в открытом рынке труда постоянный и надежный источник рабочей силы, перспективный для полноценного удовлетворения новых нужд бизнеса.

Коль скоро изменится отношение к рабочей силе, поступающей с открытого рынка труда, измениться должна и вся концепция управления ею, в основу которой должен быть положен принцип целостности управленческого цикла и преемственности его составляющих частей. Все проблемы комплектования, обучения и стимулирования кадров в соответствии с этим принципом должны решаться в логической последовательности и в единстве друг с другом.

Учитывая то обстоятельство, что на открытом рынке труда Японии в настоящее время система коммерческого трудоустройства развивается по пути, приводящему к дублированию функций управления, создание механизма интегрированного кадрового менеджмента упирается как минимум в необходимость изменения отношений между агентствами и клиентскими компаниями. Одно только заключение

между ними долгосрочных партнерских договоров открыло бы перспективу по превращению открытого рынка труда в стабильный источник рабочей силы и развитию адекватной системы кадрового менеджмента.

Другая возможность создания полноценной системы управления временным персоналом связана с тем обстоятельством, что за время своей трудовой жизни он используется не одной, а многими клиентскими компаниями. Соответственно все эти компании, сталкиваясь со сходными управленческими проблемами, нуждаются в их решении. Перспектива такого решения лежит в области построения соответствующих взаимоотношений между заинтересованными предпринимателями на отраслевом (территориальном или ином другом) уровне. Важнейший потенциальный результат координации их действий в отношении временного персонала состоит в появлении возможности повысить эффективность его использования за счет увязки общей длительности его трудового стажа в разных компаниях с механизмами повышения квалификации, мотивации и стимулирования труда в пределах каждой из них.

Изменения в области предпринимательства и создание адекватных систем кадрового менеджмента являются обязательным, но не достаточным условием для решения проблемы эффективного использования временной рабочей силы. Состояние последней также имеет большое значение. Между тем проблем, связанных с ее качеством, не так уж мало. Несмотря на возросший общий уровень квалификации рабочей силы в Японии, как правило, он все еще отстает, от тех требований, которые предъявляются со стороны бизнеса. Большую роль в этом отношении играет сохранившаяся традиция подготовки кадров главным образом в условиях закрытого рынка труда. Поэтому вопрос о недостатках профессиональной подготовки кадров, который всегда стоял в Японии довольно остро, в свете значительных подвижек на открытом рынке труда требует неотложного решения. В этом плане специалисты связывают большие надежды с развитием не только государственной системы профподготовки, но и систем подготовки на базе коммерческих агентств по трудоустройству. Само собой разумеется, что при создании предпосылок к развитию интегрированных систем кадрового менеджмента обучение временного персонала в пределах этих систем получит, как считают специалисты, новый импульс.

Среди проблем, связанных с использованием временной рабочей силы, несколько особняком, но, тем не менее, не теряя своей актуальности и для нее самой, и для работодателей, стоит проблема справед-

ливых взаимоотношений между ними. Речь идет не только о тех аспектах этой проблемы, которые имеют прямое отношение к эффективности труда и поэтому особенно важны в глазах работодателей (качество рабочих мест и условий труда, наличие или отсутствие возможностей по повышению квалификации, уровень вознаграждения и т. п.). Следует иметь в виду, что для персонала большое значение имеют также психологические аспекты взаимоотношений с работодателем, общее положение в организации. К ним относятся общая удовлетворенность трудом, комфортность условий труда, справедливость способов и результатов оценки труда, доступность корпоративных благ и т. п.¹⁰

Как считают исследователи, занимавшиеся изучением проблемы эффективного использования временной рабочей силы в Японии в современных условиях, ее решение ввиду комплексности и наличия многих разноплановых аспектов требует совместных усилий и принятия мер как бизнеса, так и посреднических структур по трудоустройству. Кроме того, необходимы также более решительные меры государства по дальнейшей либерализации рынка труда.

¹⁰ Более подробно см.: *Motohiro Morishima. Renegotiating Psychological Contracts: Japan Style. – Cooper, Gary L., Denise M. Rousseau. Trends in Organization Behavior. John Wiley & Sons, 1996, Vol. 3.*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРОБЛЕМА ИММИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Проблема иммиграции в настоящее время касается практически всех развитых стран. Не стала исключением и Япония, которая до последнего времени в этом отношении продолжала оставаться фактически «закрытой» страной. Но пришло время и для нее менять свою политику в этой области, что было вызвано двумя, на сегодня, пожалуй, равновеликими причинами.

Во-первых, – это развитие процессов интернационализации и глобализации, обуславливающих все более свободное перетекание через границы товаров, капиталов, информации и людей. Естественно, что и проблема иммиграции в такой ситуации приобретает глобальное значение, и Япония, поддерживая репутацию страны, вступившей на путь глобализации, не может оставаться в стороне от этого процесса.

Во-вторых, это – наметившийся недостаток рабочей силы в связи с изменением демографической ситуации в стране. Демографические ресурсы, их количество и качество, как известно, являются важнейшим компонентом потенциала страны, поскольку самым непосредственным образом влияют на социально-экономическое положение в обществе. Согласно официальной статистике с 1920 г., когда началась регулярная перепись населения, по 2000 г. его численность возросла с 55,9 млн. до 126,9 млн. человек (в том числе мужчин – 62 млн., женщин – 65 млн.)¹ При этом ежегодные темпы прироста постепенно снижались (если с 1960 по 1980 г. численность населения выросла на 24%, то за последующие 20 лет – лишь на 8,5%²), а начиная с 1977 г. упали ниже 1%, составив в 1999 г. лишь 0,16%, в 2000 г. – 0,18%³. И это несмотря на резкое увеличение продолжительности жизни (по

¹ Нихон кокусэй дзүзү (Япония в диаграммах и цифрах). Токио, 1981, с.60; Кэйдзай токэй нэнкан (Ежегодник экономической статистики). Токио, 2001, с.35.

² Подсчитано по: Кэйдзай токэй нэнкан. 2001, с.230.

³ Там же; Facts and Figures of Japan. 2001. p.7.

этому показателю Япония занимает первое место в мире), которая в 1935 г. составляла для мужчин почти 47 лет, для женщин – около 50 лет, в 1960 г. соответственно 65 и 70 лет, а в 2004 г. 78,64 года и 85,59 лет⁴. По подсчетам демографов, численность населения пройдет свой максимум примерно в 2005–2007 гг., а затем она начнет сокращаться и к 2050 г. снизится до 100 млн. человек⁵. А реально уже в 2005 г. население уменьшилось на 10 тыс. человек⁶.

В основе такого положения лежит, прежде всего, резкое сокращение рождаемости. Коэффициент фертильности, который в 1960 г. равнялся 2, в 1980 г. снизился до 1,75, а в 1999 г. – до 1,34, в 2005 г. составил 1,25 (по мнению специалистов, для поддержания стабильной численности населения он должен равняться 2,08). В 2004 г. уже более 70% семей не имели детей, тогда как в 1975 г. таких было менее половины.

Изменение упомянутых выше двух демографических показателей вызвало большие перемены в возрастной структуре населения.

Таблица
Возрастная структура населения, %*

Год	до 14 лет	15–64	65 и старше
1960	30,2	64,1	5,7(3,4)**
1970	24,0	68,9	7,1(4,2)
1980	23,5	67,4	9,1(5,7)
1990	16,2	69,7	12,1(7,9)
2000	14,6	68,3	17,3(11,7)
2010	14,4	83,6	22,0
2020	13,7	59,4	26,9
2050	13,1	54,6	32,3

* Facts and Figures of Japan. 2001., p.10; Кэйдзай токэй нэнкан. 2001, с.48.

** В том числе старше 70 лет.

Еще в середине 90-х доля лиц старше 65 лет в общей численности населения была меньшей по сравнению с большинством развитых стран – 14,56%. Однако темпы «старения» японского общества были достаточно высокими: например, доля лиц старших возрастов с 7% до

⁴ The Asahi Shimbun Japan Almanac. Tokyo, 2006, p. 223 (далее: Almanac...).

⁵ Правительственный прогноз (The Daily Yomiuri. 02.09.2001).

⁶ www.jetro.go.jp

14% поднялась здесь за 24 года, в то время как во Франции для этого потребовалось 114 лет, в США – 69, в Англии – 46 лет. Особенно ускорился этот процесс с 80-х годов. По прогнозам НИИ населения и социального обеспечения, в XX в. по этому показателю Япония обгонит другие страны, и в 2030 г. удельный вес 65-летних достигнет 28% по сравнению с 22% в Швеции и Великобритании и 20% в США⁷.

При рассмотрении возрастной структуры, изображенной в форме столбчатых диаграмм, в 1920 и 1930 гг. видна практически строго пирамидальная геометрическая фигура с очень незначительными отклонениями. В 1999 г. перед нами предстает трудно поддающаяся описанию конфигурация, обрамленная ломаными линиями и напоминающая пирамиду только с линии когорты 50–54-летнего возраста (еще в 1986 г. пирамиду можно было проследить с 40-летнего возраста). Причем, на диаграммах 1920 и 1930 гг. осевая линия проходит почти ровно посередине (во всяком случае, до когорты 60–64 года). А в 2000 г. она сдвинута влево в сторону мужского населения уже достаточно близко от основания, что отражает приведенные выше данные о продолжительности жизни мужчин и женщин. И уже совершенно ничего не напоминающую пирамиду представляет собой предполагаемая столбчатая диаграмма в 2025 г.: примерно до границы 60-летних она несколько похожа на мужской силуэт, а ее вершина – прямая линия – составляет почти 2/3 основания.

Как показывает таблица, особенно быстро увеличивается удельный вес группы людей старше 70 лет, а в целом отношение численности старшей возрастной когорты к аналогичному показателю первой группы в 2000 г. составило 118,7%, в то время как в 1960 г. оно равнялось 19%.

В этой связи просматривается еще одна важная проблема, которую влечет за собой изменение возрастной структуры населения. Речь идет об увеличении бремени поддержки системы социального страхования, которое ляжет на лиц работоспособного возраста. Если в 2000 г. отношение численности 20–64-летних к группе старше 65 лет составляло 4:1, то через 25 лет, в 2025г. оно будет 2:1, т. е. один пенсионер будет приходиться на двух работающих, а в 2059 г. уже на 1,5 человека. Эта проблема может быть смягчена, если, как предлагают некоторые специалисты (которые опираются в том числе и на результаты опросов), зачислять в группу «пожилых» не с 65, а с 70-летнего возраста. Тогда, по их мнению, «из тех, кого поддерживает система социального страхования», они превратятся в «тех, кто поддерживает

⁷ Facts and Figure of Japan. 2001, p. 11.

эту систему»⁸. А состояние здоровья лиц старших возрастов позволяет это сделать (в конце 90-х годов в группе 60–70 летних лишь 1,5% людей нуждались в уходе по болезни).

При этом, что очень важно, намечается тенденция сокращения численности экономически активного населения (куда включаются лица от 15 лет и старше за исключением домохозяек, студентов и стариков), которая в 2000 г. составляла 67 520 тыс. человек, а в 2004 г. – 66 420 тыс. человек⁹. В связи с этим, а также из-за того, что постепенно все большее число молодых людей продолжает учебу после окончания полной средней школы, т. е. не идет работать (а некоторые бездельничают, выбирают работу «по вкусу» и после окончания университета), страна начнет испытывать нехватку молодой рабочей силы.

На протяжении всего послевоенного времени в Японии вопрос о рабочей силе еще остро не стоял. Даже в период высоких темпов роста в условиях бурно развивающихся промышленности и сферы услуг она пополнялась за счет притока сельского населения, ухода из деревни молодежи. Ее недостаток восполнялся также внедрением в широких масштабах новейших техники и технологий. Но высокий уровень развития страны стал привлекать к ней представителей стран Азии, прежде всего Юго-Восточной, готовых выполнять работу, которую уже не хотели делать благополучные японцы.

В конце 80-х годов в связи со спекулятивным ростом экономики на иностранных рабочих стали смотреть уже как на желанных гостей. Однако требовались, прежде всего, квалифицированные работники, а приезжали как раз те, кто не имел квалификации. Несмотря на рецессию, поток иммигрантов не прекращался и в 90-х годах.

В определенной степени резерв рабочей силы в стране пока еще есть. Это – женщины и лица старших возрастов. Постепенно все больше японок участвует в трудовом процессе. В 1980 г. в числе занятых их было 38,7%, в 2000 г. – 40,8%. Рост числа работающих женщин – результат, прежде всего, их собственного желания иметь работу, причем зачастую не только для того, чтобы пополнить семейный бюджет, но и из-за потребности раскрыть творческие способности, самоутвердиться. Сейчас японки не стремятся как можно быстрее выйти замуж: средний возраст замужества за 1950–2004 гг. увеличился с 23 до 27,8 лет, и соответственно выросла доля незамужних женщин в возрасте от 25 до 29 лет. Они делают все возможное, чтобы получить высшее образование и реализовать себя. Достаточно упомянуть, что в 2000 г.

⁸ The Daily Yomiuri. 07.11.1999.

⁹ Almanac... 2006, p. 119.

число женщин, окончивших колледжи, по сравнению с 1970 г. увеличилось в 5,5 раза, университеты – в 7,7 раз¹⁰. Повзрослели и возраст рожениц, дающих жизнь первому ребенку: за 1970–2002 гг. – с 25,6 до 28,3 лет¹¹. При этом, по данным опросов, 52% женщин предпочитают не бросать работу после рождения ребенка, а 37% думают, что вернуться снова, если представится такая возможность¹².

Во многом увеличению числа работающих женщин способствует Закон о равных возможностях найма, принятый в 1986 г. (дополненный в апреле 1999 г.). Он гарантирует им одинаковые права с мужчинами при найме, непосредственно на предприятии, на рабочих местах, при подготовке и переподготовке кадров, получении льгот и ограждает их от сексуальных домогательств на производстве.

Вместе с тем все большее участие женщин в трудовом процессе ведет к тому, что сокращается коэффициент фертильности, поскольку часто бывает трудно совмещать работу и уход за детьми. Хотя, по данным некоторых обследований, есть и другие причины, в частности, высокие расходы на образование детей, недостаточно оптимальные жилищные условия¹³. В результате получается как бы замкнутый круг. Чтобы его разомкнуть, государство прилагает усилия, направленные на улучшение положения женщин, имеющих детей. В 1995 г., например, появился Закон об отпусках по уходу за детьми, а для женщин-учителей в системе обязательного школьного образования и для работников медицинских учреждений такой закон действует уже с середины 70-х годов (срок отпуска определен в один год). В 1995 г. был установлен оплаченный отпуск по уходу за детьми в размере 25% заработной платы, а выплаты на страхование здоровья и пенсии во время отпуска – отменены; в 2001 г. размер заработной платы был поднят до 40%. В 1997 г. была установлена 40-часовая рабочая неделя. В конце 1994 г. был принят рассчитанный на пять лет «Специальный план действий и мер по преодолению снижения рождаемости» (сокращенное название – «План Ангел»), разработанный заинтересованными министерствами. В конце 1999 г. появился его новый вариант на 2000–2004 гг.

План предусматривал поощрение рождения и воспитания детей, а также развитие служб дневного ухода за детьми; создание на предприятиях условий, позволяющих сочетать работу с уходом за ребенком; снижение стоимости обучения детей; рекомендации нанимателям

¹⁰ Подсчитано по: Нихон токэй нэнкан (Японский статистический ежегодник). Токио, 2000, с.52.

¹¹ Almanac..., 2004, p. 9.

¹² Almanac..., 2006, p. 29.

¹³ White Paper on National Lifestyle. Tokyo. 1998, p. 38, 39.

отказаться от корпоративного мышления, когда работа ставится выше семьи и пр. Он предусматривал также выплату пособий на детей до поступления их в начальную школу (ранее до достижения трех лет). В бюджете были выделены ассигнования (ежегодно – 200 млрд. иен) на программу борьбы со снижением рождаемости. Немалая часть этих средств предоставлялась на создание новых и расширение старых дошкольных учреждений¹⁴.

Предприниматели в целом положительно отнеслись к рекомендациям этого плана. В 2004 г. отпуском по рождению и уходу за ребенком пользовались 70% женщин (в 1993 г. таких было 48%, в 1999 г. 57%, в 2002 г. – 64%)¹⁵.

В 2005 г. правительство приняло пятилетний проект увеличения числа дневных центров по уходу за детьми и предложило предпринимателям поощрять работников-мужчин, берущих отпуск по уходу за ребенком. Местные органы власти, со своей стороны, также принимают различные меры для увеличения рождаемости: выплачивают дополнительные пособия на третьего ребенка (г. Ямацури, например), или предоставляют дисконтные карты (для ресторанов и магазинов) матерям, имеющим трех детей (г. Исикава). В общем, в Японии появилась некоторая надежда на увеличение рождаемости. По сведениям одного из чиновников Национального института населения и социального обеспечения, многие женщины говорят, что они собираются выйти замуж попозже, чтобы потом родить и воспитывать двух или даже трех детей¹⁶. Но реальные цифры не очень обнадеживают: коэффициент фертильности, составлявший в 2004 г. 1,29, в 2005 г. снизился до 1,25¹⁷. Это – один из самых низких показателей в мире¹⁸. Не удивительно, что снижение рождаемости продолжает беспокоить общественность страны. По данным опросов, проведенных в 2004 г., свою озабоченность по этому поводу высказывали 80% респондентов. Повышению рождаемости, по их мнению, может содействовать, прежде всего, достижение баланса между работой и семейными обязанностями; облегчение финансового бремени в связи с рождением и уходом за ребенком; оказание помощи со стороны локальных сообществ в воспитании детей; пропаганда важности человеческой жизни и роли семьи; оказание необходимой помощи беременным и роженицам¹⁹.

¹⁴ Подробнее см.: Портрет современного японского общества. М., 2006, гл. 8.

¹⁵ Almanac..., 2006, p. 23.

¹⁶ См., например, Nikkei Weekly. 08.01.2001.

¹⁷ www.ishuang.worldpress.com

¹⁸ В 1998г. в США он составлял 2,06, во Франции – 1,75, в Норвегии – 1,81, в Австралии – 1,82 (1995), в Японии – 1,34 (1999) (Facts and Figure... 2001, p. 11).

¹⁹ Almanac... 2006, p. 29.

Не менее важным резервом рабочей силы являются пенсионеры, которые в большинстве своем сохраняют трудоспособность и жизнедеятельность и не мыслят себя без работы или какого-либо другого занятия. И если на государственных предприятиях и учреждениях пенсионный возраст определен в 60 лет, то в частных компаниях и учебных заведениях такого потолка нет. По данным обследования, проведенного в 1996 г. Агентством по управлению и координации, в Японии продолжали трудиться 43,8% лиц в возрасте старше 60 лет (в США – 23%, Германии – 7%, Южной Кореи – 33%). Некоторые из них работали по специальности, другие обрели новые профессии, но подавляющее большинство тех и других выражали желание продолжать трудиться и дальше.

Правительство и предприниматели пытаются адаптировать систему занятости с наемными работниками «без возраста». В частности, при найме начинают учитывать индивидуальные возможности претендентов независимо от пола, возраста и пр. Кроме того, серьезное внимание уделяется разработке техники и технологий, которые позволяли бы активно трудиться пожилым людям (например, конструированию оборудования, легкого в управлении).

Для активной деятельности ушедших на пенсию еще в 1971 г. был принят Закон о стабилизации найма лиц пожилого возраста, в который впоследствии было внесено много поправок²⁰. Согласно закону работодатели, местные органы власти и общественные организации должны прилагать максимум усилий к тому, чтобы предоставлять лицам старших возрастов возможность работать в соответствии с их способностями и желаниями на протяжении всей трудовой жизни. Работодатели, в частности, должны обеспечить определенные условия для развития трудовых навыков вновь нанимаемых пожилых людей, оказывать им соответствующую помощь (имеется в виду условия для переквалификации) и предоставить им возможность работать при желании до 65 лет. Министр труда при необходимости может указом по министерству предложить работодателю внедрить «систему продолжающегося найма» для этой категории лиц. Государство, со своей стороны, может оказывать определенную помощь тем компаниям, которые принимают меры для увеличения приема на работу пожилых людей и у которых доля работников старших возрастов (до 65 лет) превышает цифру, установленную соответствующим указом по министерству труда. Поощряются и органы местной власти, прилагающие усилия для того, чтобы увеличить возможности занятости для лиц пожилого возраста.

²⁰ Текст закона см.: Сёроппо (Сборник законов). Токио, 1999, с. 1568–1571.

Последние поправки в этот закон вошли в силу с апреля 2006 г. Согласно им работодателям предлагается осуществить в течение 2006–2013 гг. одну из трех мер: 1) поднять возраст по уходу на пенсию до 65 лет; 2) создать систему занятости после ухода на пенсию; 3) вообще отметить систему принудительного увольнения²¹.

Однако, как бы ни были компетентны в своей области люди старших возрастов, как бы ни были полезны их советы и рекомендации, они не могут в полной мере восполнить недостаток молодой рабочей силы. Женщин тоже можно использовать не на всех работах, обычно они заняты в сфере услуг и, как правило, по временному найму. Более того, резко снижается кривая занятости женщин в возрасте 30–40 лет. Многие из них, выйдя замуж и родив детей, часто не возвращаются на прежнюю работу. Особенно это относится к женщинам, имеющим высшее образование (что отличает Японию от других развитых стран), т. е. экономика теряет квалифицированные кадры. По сравнению с другими развитыми странами резерв пополнения рабочей силы за счет женщин, конечно, есть: в Великобритании в начале века работало 70% женщин, в Германии около 60%²². Но надо учитывать японские традиции, которые здесь еще достаточно сильны, небольшой срок активной эмансипации женщин, а также и тот факт, что до сих пор семья для них все же очень важна. Хотя и в этой области уже есть значительные подвижки. Так, по данным опросов общественного мнения, число тех, кто считает, что женщины должны сидеть дома, в 2002 г. сравнялось с числом оппонентов этой точки зрения, а еще десять лет назад таких было свыше 60%²³.

Еще одна возможность экономии рабочей силы внутри страны – это вывод производства в развивающиеся страны, где она намного дешевле. Однако в начале XXI в. началось возвращение производственных мощностей в Японию (этот процесс характерен и для других развитых стран) по ряду причин: повышение уровня заработной платы в азиатских странах, неразвитая инфраструктура и трудности в защите прав интеллектуальной собственности. Поэтому японские фирмы предпочитают производить конкурентоспособные новинки у себя дома.

И, наконец, как известно, рабочая сила наряду с капиталом и производительностью труда – одна из составляющих роста производства. Поэтому, чтобы сохранить его уровень в условиях ее сокращения, можно перейти от модели менее прибыльного массового производства к высокоприбыльной – выпускать продукцию превосходного качества,

²¹ www.jetro.go.jp/en/market/trend/

²² www.eoc.org.uk; www.bmfsfj.de

²³ Асахи симбун. 06.02.2005.

с высокой долей добавленной стоимости. По этому пути и идут японские предприниматели. Кроме того, повсеместно принимаются меры для перехода к трудосберегающим технологиям, в том числе и в повседневной жизни: внедряется автоматизация, робототехника и т. д., что должно повысить производительность и соответственно снизить трудозатраты.

Однако обойтись без притока иммигрантов Япония не сможет. Кроме того, прием мигрантов диктуется и развитием процесса глобализации, различными международными соглашениями, под которыми подписывается и Япония. В последние годы она начала заключать двусторонние соглашения об экономическом партнерстве и о свободной торговле с развивающимися странами, которые предусматривают прием рабочей силы.

Какова будет численность иностранных рабочих, покажет время. По подсчетам ООН, к 2050 г. страна будет нуждаться в 17 млн. мигрантов. По другим оценкам, ежегодно ей придется принимать до 400 тыс. иммигрантов. Пока в Японии иностранцев мало по сравнению с другими странами – в 2004 г. их было около 2 млн., или 1,55% населения (в Великобритании – 3,8%, Франции – 6,3%, Германии – 8,9%). В 1978 г. число иммигрантов составило 767 тыс. человек, в 1990 г. – 1075 тыс., в 2000 г. – 1686 и в 2004 г. – 1974 тыс. человек. Фактически иностранцев в Японии гораздо больше. В 2000 г. их было более 4 млн., в 2004 г. – свыше 6 млн. человек²⁴. Число иностранцев, признанных в качестве беженцев²⁵ за 1982–2004 гг. составило 313 человек (притом, что заявлений было в 10 раз больше), свыше 85% из них были из Мьянмы и Турции²⁶.

Реагируя на приток иностранцев и поддерживая репутацию страны, включившейся в процесс глобализации, еще в декабре 1989 г. парламент утвердил постановление о частичном изменении контроля над въездом и выездом и признании иностранных граждан беженцами. Оно вступило в силу с 1 июля 1990 г. Вместе с некоторыми поправками к Закону о регистрации иностранцев (от 8 января 1993 г.) это постановление ускорило процедуру рассмотрения визовых заявок на въезд, упорядочило статусы пребывания иностранных граждан (в том числе расширило статусы для лиц японского происхождения и их потомков и предоставило им право на работу)²⁷, урегулировало меры

²⁴ Almanac..., 2006, p. 11.

²⁵ Когда впервые правительство признало этот статус.

²⁶ Almanac..., 2006, p. 90.

²⁷ В соответствии с Законом о контроле над въездом и выездом (статья 2, 19 и приложение 1,2) и нормативными актами министерства юстиции, установлено 28 статусов пребывания иностранных граждан в Японии; они могут получить работу на определенный срок в строгом соответствии с каждым данным статусом. Нормативные акты определяют условия

против несанкционированного найма на работу. Ряд поправок, внесенных в последующие годы в законы, касающиеся иммигрантов, еще более ослабили иммиграционный контроль²⁸. Все это было сделано, прежде всего, для облегчения въезда в страну квалифицированных специалистов.

В 2003 г. был изменен Закон о трудовых стандартах, по которому срок пребывания в Японии иностранцев продлевался с двух-трех до пяти лет. В мае 2004 г. был пересмотрен Закон о получении статуса беженца в сторону смягчения некоторых положений (в частности, продление срока подачи заявок и приостановление принудительной депортации на время, пока заявление находится в стадии рассмотрения). В мае 2006 г. последовало дальнейшее облегчение контроля, но одновременно с целью предотвращения преступной деятельности приезжающим, например, на учебу теперь необходимо предъявлять идентификационные карты с отпечатками пальцев и фотографии в электронном виде²⁹. Кроме того, введены ограничения на использование нелегальной рабочей силы.

Из числа зарегистрированных в 2003 г. иностранцев более половины составляли корейцы (614 тыс. человек) и китайцы (462 тыс.). Многие из них здесь живут давно, еще с довоенных и военных времен; они либо сами приехали из колоний, либо их переселили насильно. Это – так называемые «старые мигранты». Среди «новых», т. е. появившихся в стране уже в послевоенный период, – бразильцы (275 тыс.), филиппинцы (185 тыс.), а также перуанцы, американцы, тайландцы, вьетнамцы, индонезийцы, англичане³⁰. С 1992 г. число «новых мигрантов» превысило число «старых»: в 1959 г. доля последних была равна 94%, в 1990 г. – 56%, в 1998 г. – 35%³¹.

В 2003 г. в страну с целью получения работы прибыло около 156 тыс. иностранцев (59% – мужчины). Это – самое большое число мигрантов за предыдущие восемь лет (в 1995 г. – 81 тыс., в 2000 г. – 129 тыс.,

получения разрешения на въезд в страну и срок пребывания иностранных граждан в зависимости от значимости их деятельности для Японии.

²⁸ Например, теперь прибывшие на учебу или стажировку иностранцы имеют возможность подработать, если они обращаются с соответствующей просьбой; увеличены сроки максимального пребывания иностранных граждан, в частности, по статусу «стажировка»; упрощена процедура получения гражданства для лиц, имеющих статус «постоянного проживания в стране» и сокращены сроки рассмотрения этих заявлений; специалист со статусом «техника», имеющий более чем 10-летний опыт работы в области естественных наук, может рассчитывать теперь получить ту же работу, что и японец и пр. Подробнее о 28 статусах см.: Япония 2002–2003. Ежегодник. М., 2003, с.126–129.

²⁹ www.imm-moj.gj.jp

³⁰ Almanac... 2004, p.43.

³¹ Japan Immigration Association. Tokyo, 1999, p.14.

в 2002 г. – 145 тыс. человек). Подавляющее большинство (85%) претендовало на работу в зрелищных (увеселительных) предприятиях, около 5% приехало по статусу гуманитарного профиля и международных специалистов, 2% – преподавателей, 1,7% – инженеров; 1,5% – по статусу «профессура», 1% – квалифицированных рабочих, далее по убывающей – религиозные деятели, научные работники, инвесторы, управляющие и т. д.³²

На январь 2004 г. в Японии работало около 800 тыс. мигрантов, примерно половина иностранцев – по так называемому косвенному найму, т. е. они попадали в компании через брокерские фирмы.

Иммигранты работают по краткосрочному контракту (обычно три месяца), заработная плата, как правило, почасовая. Они не получают ни бонусов, ни выходных пособий и пр. Их могут уволить в любое время. Такое положение, по мнению профессора университета Тиба Кадзуаки Тэдзука, создалось в связи с неприменением статьи 44 Закона об обеспечении занятости, а также нарушением Закона о переводе рабочих (из одной компании в другую), согласно которому диспетчерские (посреднические) фирмы обязаны обеспечить социальные и трудовые гарантии иностранцам³³.

В 2004 г. министерство здравоохранения, труда и благосостояния провело обследование 312 тыс. иностранных рабочих на предприятиях с числом занятых 50 и более человек и частично на фирмах с числом занятых до 49 человек. Примерно 180 тыс. из них были наняты непосредственно работодателями, остальные – через посредников. В первом случае на одно предприятие приходилось 26 человек, во втором – лишь восемь. Среди нанятых напрямую почти 58% работали в обрабатывающей промышленности, 10% – в сфере услуг, 9% – в сфере образования, по 7% – в пищевой промышленности и торговле (в 1994 г. в обрабатывающей промышленности их было 64%, в пищевой и торговле в целом – 8%). В сфере образования более половины занятых прибыли из стран Северной Америки и Европы, в остальных отраслях работали главным образом представители стран Азии и Латинской Америки³⁴.

Сегодня неапонцы, даже имея соответствующую квалификацию, не имеют права работать в качестве докторов или медицинских сестер. Они могут выполнять эту работу лишь в качестве стажеров (получая заработную плату) в течение шести лет и четырех лет соответственно. Те же, кто оканчивает японские учебные заведения, должны сдать

³² Almanac... 2004, p.84.

³³ Kazuaki Tezuka. Foreign Workers in Japan: Reality and Challenges (www.jil.go.jp).

³⁴ Japan Labor Review. 2002, vol.2 № 4, p.13–14.

национальный экзамен и иметь статус «постоянного резидента». И только тогда им разрешают оказывать медицинские услуги в Японии, да и то только неяпонцам. Их не допускают к работе и в качестве помощников японских врачей и ухаживающих за больными или престарелыми представителями коренного населения. В министерстве здравоохранения, труда и благосостояния полагают, что пока эту работу не должны выполнять иностранцы, ибо эта работа - неквалифицированная, не подпадает под категорию специалистов и техников, которые нужны Японии. В министерстве же экономики, труда и промышленности считают, что неяпонские доктора могут оказывать медицинские услуги представителям своей национальности. Во всяком случае, этот вопрос еще ждет своего рассмотрения. В настоящее время ведутся переговоры, чтобы Япония принимала младший медицинский персонал, сиделок, нянь для детей (бэби-ситтерс). Этого, в частности, требуют японские партнеры по заключению соглашений об экономическом партнерстве. При подписании подобных соглашений с Филиппинами (2004 г.) и с Таиландом (2005 г.) Япония согласилась на прием санитарок и нянь при условии получения, кроме отечественного, и японского сертификата на выполнение такой работы.

Среди «новых» иммигрантов выделяются так называемые никкэй-дзины (дословно: человек, связанный с Японией). Это - этнические японцы или их потомки (иногда полукровки), которые ранее эмигрировали в Южную Америку (в 1937 г. в Бразилии проживало 197 тыс. японцев, в Перу - 22 тыс.), или жили в Маньчжурии (412 тыс.) и Китае (60 тыс.)³⁵, а теперь в поисках работы приехали на свою процветающую родину или прародину. В 1989 г. они получили статус «долговременного пребывания», который в конце 90-х годов был изменен на «перманентных резидентов». С 1990 по 2003 г. их число увеличилось с 72 тыс. до 231 тыс. человек, а число перманентных резидентов из Бразилии и Перу выросло только за пять лет, с 1998 по 2003 г., с 5,8 тыс. до 58,9 тыс. человек. Они находятся в сравнительно привилегированном положении, так как изначально имеют статус, дающий право на работу без ограничений, поэтому их с охотой нанимают компании. Кроме того, предприниматели предпочитают иметь дело с этой группой, считая, что они придерживаются норм поведения, исповедуемых самими японцами, и в работе более усердны, чем другие мигранты. Приезжают они иногда с женами и детьми, в некоторых семьях дети посещают японские школы, но представители второго и третьего поколений и тем более их жены (часто неяпонки) языка, как правило, уже не знают. Вначале они работали главным образом в обрабатывающей промыш-

³⁵ Страны Тихого океана. М., 1942, с.35.

ленности и на строительстве, затем многие ушли в сферу услуг. В большинстве своем это - неквалифицированные рабочие, которых нанимают через посредников. Примерно 28% никкэй-дзинов живут в Японии 10 и более лет, пятая часть - от семи до 10 лет. Однако следует отметить, что поток этнических японцев постепенно ослабевает и скоро, возможно, совсем иссякнет.

Часть мигрантов представлена смешанными семейными парами. Число таких браков постоянно растет: в 1980 г. число браков японцев с иностранками составило несколько более 4 тыс., в 2003 г. - около 28 тыс., японок с иностранцами - соответственно около 3 тыс. и свыше 8 тыс. Главным образом - это браки японцев с иностранками из стран Азии - из Китая, Филиппин и Кореи. Среди мигрантов, женившихся на японках - корейцы, американцы и китайцы³⁶.

Квалифицированные иностранные специалисты, нередко направляемые в Японию своими компаниями, приезжают главным образом из стран Восточной Азии и Запада. Увеличению этой категории содействует появление в Японии зарубежных фирм. По большей части эти работники мало контактируют с местным населением, являясь главным образом людьми наиболее дееспособного возраста - от 20 до 40 лет. В основном они трудоустраиваются в мегаполисах - Токио, Осака, Нагоя. В настоящее время большая часть специалистов в области информационных технологий на частных фирмах состоит из китайцев, которые закончили японские высшие учебные заведения и остались работать в стране.

Определенные надежды японцы возлагают на иностранных студентов, которые обучаются в университетах, колледжах, профессиональных училищах, на подготовительных курсах и которые сами стараются после окончания обучения остаться на работе в Японии. По большей части - это приезжие из Восточной Азии: с 1985 по 2003 г. их число выросло более чем в семь раз, достигнув почти 110 тыс. человек (из них около 65% - представители КНР, 15% - Республики Корея, 4% - Тайваня). Почти половина иностранных студентов учится в университетах (больше всего их в Токийском университете и университете Васэда), примерно четверть - в аспирантуре, пятая часть - в специализированных профессиональных школах. За счет японского правительства в 2003 г. обучалось около 10 тыс. человек (в 1985 г. - 2,5 тыс.).

Во время учебы им разрешают подрабатывать, но не более четырех часов (во время каникул - по восемь часов) в день и 28 часов в неделю (для учащихся в профессиональных школах - 20 часов и при

³⁶ Асахи симбун. 04.03.2002; Almanac..2006, p. 89.

уведомлении местных властей). Это очень важно для тех, кому не хватает средств к существованию, поэтому они часто нарушают эти правила, работают сверхурочно и не отмечают в муниципалитетах. После окончания учебы в 1990 г. разрешение на работу получили лишь 1000 человек, в 2003 г. - 3778. В большинстве это – выходцы из КНР (60%) и Республики Корея (19%)³⁷. Увеличение числа иностранных студентов, получающих рабочую визу, диктуется в основном спросом со стороны японских фирм на молодых профессионально подготовленных иностранцев, хорошо знающих японский язык. Более того, некоторые компании для привлечения будущих специалистов предлагают студентам последних курсов, если они обещают пойти к ним на работу, например, поездку на Гавайи. После получения высшего образования экс-студенты оседают преимущественно в Токио. Они заняты главным образом в торговле, бизнесе, связанном с компьютерами, электроникой, в сфере образования, многие работают переводчиками.

На привлечение студентов из стран Азии для последующей работы в Японии нацелены и программы аспирантских курсов, открытых в последние годы при японских университетах. Например, в университете Васэда с 1998 г. начала действовать аспирантура для специалистов из стран АТР. 40% программ здесь осуществляется на английском языке, а работа на степень магистра может быть выполнена как на английском, так и на японском языке. С апреля 2000 г. функционирует аспирантура при университете Хитоцубаси, которая предлагает два курса обучения - финансовая стратегия и стратегия международного бизнеса. Последний курс преподается на английском языке для слушателей из других стран, имеющих трех-четырёхлетний опыт работы. По словам декана этого курса, предлагаемая программа обучения объединяет все лучшее из двух концепций управления - западной и японской – и направлена на привлечение наиболее способных студентов из стран Азии, что является частью японской национальной стратегии³⁸.

Большую группу составляют учащиеся, приехавшие в страну на учебу или стажировку по программам технического обучения, принятым в 1981 и в 1993 гг. Программы предусматривают «передачу мастерства, технологий и знаний» и «подготовку человеческого ресурса». Они дают возможность получить квалификацию представителям развивающихся стран, и одновременно предоставляют японским предпринимателям (в том числе мелким и средним) рабочую силу на временной основе. По данным Японской организации содействия международ-

ному обучению, в 2004 г. среди стажеров были почти 80% китайцев, около 9% индонезийцев, 6,5% вьетнамцев. Они стажировались главным образом в обрабатывающей промышленности – текстильной и швейной (38%), машиностроении и металлообработке (21%), пищевой (12%), а также в строительстве (7%), сельском хозяйстве (5,3%). В настоящее время по этой программе иммигранты могут оставаться в стране до трех лет (ранее - в течение двух лет). Это - один из механизмов пополнения неквалифицированной рабочей силы. По данным министерства юстиции, в 1993 г. по программе технического обучения было зарегистрировано 5054 человек (включая работающих по выходным и пр.), в 2003 г. эта цифра достигла 53 503 человек³⁹. Более половины обучающихся - представители КНР.

Стажеры не защищены нормами труда, а их заработная плата, как правило, ниже, чем минимальная японская. По данным Японской организации по вопросам международного сотрудничества в области обучения, из 16 тыс. человек, прибывших в 2000 г. в Японию, примерно половина соглашалась на заработную плату менее чем 120 тыс. иен (900 долл.), и только 3% могли рассчитывать на получение 150 тыс. иен и выше (в обрабатывающей промышленности японские мужчины-рабочие в возрасте 20–29 лет получали в 2002 г. 240–280 тыс. иен, а женщины - 190–210 тыс. иен)⁴⁰.

На самых тяжелых и непрестижных работах (известные в стране как «3 К» – по первым буквам японских слов *кичуи*, *китанай*, *кикэн* - тяжелый, грязный, опасный), которыми пренебрегают сами японцы, занятые, как правило, нелегалы. Это - лица с просроченными визами (обычно туристы или студенты), либо с самого начала попавшие в страну без виз с помощью разного рода криминальных организаций - своих стран или Японии. Как правило, – это представители азиатских стран - корейцы (больше $\frac{1}{5}$), китайцы, филиппинцы, тайландцы, малазийцы и иранцы. Они абсолютно не защищены никакими законами. Их часто обманывают как посредники (у себя в стране и в Японии), так и непосредственно работодатели: они работают сверхурочно, получая мизерную заработную плату, их могут уволить в любой момент.

В связи с появлением мигрантов возникло много проблем, которые связаны не только с работой. Это - проблемы социального обеспечения и проживания мигрантов и их детей, знания ими языка и обычаев страны, улучшения взаимоотношений между ними и японским населением, трудности, связанные с наличием нелегальных иммигрантов, ростом преступлений.

³⁷ Almanac... 2005, p. 226; Japan Labor Review. 2002, vol. 2, № 4, p.10–12.

³⁸ The Nikkei Weekly. 10.07.2000, p. 3.

³⁹ Japan Labor Review, 2002, vol.2, № 4, p. 10, 111.

⁴⁰ www.japantoday.com

Отсутствие знаний о Японии, а также японского языка во многом осложняет жизнь мигрантов. Не зная языка и традиций, они часто не понимают, почему японцы замолкают, когда иностранцы входят, например, в бары, почему они недовольны, когда мусор выбрасывают куда попало и т. п. Трудно приходится и иностранцам, приехавшим в страну на учебу. Япония не располагает заграничной сетью для изучения японского языка, поэтому они должны его осваивать уже после приезда в страну. Многие, не имея средств для проживания во время обучения, раньше часто вынуждены были работать нелегально, но теперь иностранные резиденты со студенческой визой могут получить разрешение на временную работу от иммиграционного бюро. В 2002 г. такое разрешение получили свыше 83 тыс. человек.

Часто не знают языка, или знают его недостаточно дети этнических японцев, приехавшие из других стран. Из-за этого они не могут учиться в японских школах. На сентябрь 2004 г. 19 тыс. учащихся (и эта цифра не меняется в течение нескольких лет) начальных, средних и прочих школ (всего 5 тыс. учебных заведений) нуждались в дополнительных занятиях японским языком. В то же время многие родители считают, что они приехали ненадолго, и потому нет смысла учить детей японскому языку (по данным Совета городов компактного проживания мигрантов, в 14 городах не было охвачено ни одним учебным заведением от 10 до 50% находящихся там детей). В результате те болтаются на улице, что часто приводит к появлению магазинных воришек. По данным опроса в одной исправительно-трудовой школе для подростков, куда были помещены за такие преступления 30 бразильцев, и сами подростки, и работники школы думают, что если бы они говорили по-японски, то сюда бы не попали. Поэтому руководство этой исправительной школы считает своей главной задачей – обучить этих подростков японскому языку.

Число детей иммигрантов, нуждающихся в коррекции японского языка, значительно выросло. В городах, где компактно проживают мигранты, пытаются как-то решить эту проблему. В частности, правительство теперь разрешило выдавать лицензии профессионально-техническим училищам, не имеющим общежития или школьного здания (а берущих их в аренду). Кроме того, сейчас оно оказывает им определенную помощь, например, оплачивает половину заработной платы преподавателям этих школ, а учащиеся в системе обязательно образования получают учебники бесплатно.

Но знание языка нужно не только подросткам, но и родителям, которые хотят остаться и работать в Японии, а не возвращаться в свои страны. Однако все они работают не менее 10 часов в день, и у них

нет свободного времени, чтобы серьезно заняться освоением японского языка. По мнению профессора Кадзуаки Тэдзука, в будущем знание японского языка, за исключением особых случаев, когда можно использовать английский язык, должно быть необходимым условием для приема иностранцев, претендующих на получение работы в Японии. По данным Агентства по культуре, число иностранцев, изучающих язык в Японии с 1990 по 2003 г., выросло более чем в 2 раза, превысив 135 тыс. человек (в том числе свыше 95 тыс. обучались в школах японского языка, около 39 тыс. – в университетах), среди них было 73 тыс. китайцев и 16 тыс. корейцев⁴¹.

Рост преступности – одна из серьезных проблем, связанных с иммиграцией. Она действительно растет в среде мигрантов. По данным полицейского агентства, в 1998 г. было арестовано 5382 иностранца (задержано около 22 тыс.), в 2004 г. – 8898 человек (задержано свыше 32 тыс.), среди которых более 2/3 были выходцами из Азии – китайцы составляли 48%, вьетнамцы и корейцы – примерно по 7%. Основные преступления – кражи со взломом, воровство, угон транспортных средств, использование фальшивых телефонных карточек⁴². О причинах подростковой преступности говорилось выше. Другой потенциальной средой ее появления являются нелегалы. Именно они совершают примерно половину всех правонарушений. Кроме того, на территорию Японии проникла и иностранная организованная преступность – китайская «голова змеи», гонконгская «триада». В 2003 г. правительство, обеспокоенное положением с общественной безопасностью, приняло «план действий», реализация которого должна сократить преступность за пять лет в 2 раза.

Нелегалы – серьезная головная боль правящих кругов, местных органов власти и населения. Если в 1990 г. менее трети опрошенных японцев негативно отзывались о нелегальном найме, то в 2004 г. – уже 71%. С 40 до 25% снизилась доля тех, кто отрицательно относился к нелегальному найму, но считал неизбежным. Число нелегалов, по данным министерства юстиции, в 2005 г. уменьшилось по сравнению с пиком 1993 г. почти на 91 тыс. – до 210 тыс. человек (правда, согласно оценкам, еще примерно 30 тыс. изначально проникли в Японию нелегально⁴³).

Чтобы как-то уберечь страну от нелегалов в начале XXI в. правительство ввело поправки в иммиграционные законы. Согласно этим

⁴¹ Japan Labor Review. 2002, vol.2, № 4, p.19, 58, 59, 60, 62; Almanac... 2006, p.240.

⁴² Almanac... 2006, p. 11, 229.

⁴³ Они попадают в страну на рыбацких лодках, с помощью международных организаций контрабандистов. В 1996 г., например, полиция задержала 270 иностранцев, в 1997 г. вдвое больше (www.isu.ru/hist/mimo/confer/).

поправкам работодатель, который пойдет навстречу иностранцам в их желании найти работу в обход закона (и, конечно, в своих интересах), подвергается штрафу в размере до 2 млн. иен, или тюремному заключению на срок до трех лет. Для иностранцев незаконное пребывание в стране также влечет за собой уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, или штрафа в размере 300 тыс. иен, или депортации. Кроме того, был увеличен срок запрета на повторный въезд для лиц, уличенных в незаконном пребывании, с одного года до пяти лет. Для приезжающих на учебу теперь требуется предъявлять документы о финансовом положении и сертификаты о знании языка. В 2004 г. было депортировано 34 тыс. человек (главным образом из стран Азии). Большинство мужчин работало на строительстве, а женщин - в качестве хостесс в развлекательном бизнесе.

Как правило, почти половина нелегалов работает в течение трех лет, примерно 30% - пяти лет, но есть нелегалы, которые живут здесь нелегально больше десяти лет. Многие из них создали здесь семьи. Некоторые нелегалы обращаются к властям (через адвокатов при поддержке групп местных граждан) за получением специального разрешения на легальное проживание. Но его дают очень выборочно, обычно семьям, где есть учащиеся. В 2003 г. было выдано 10 тыс. разрешений. Правительство поставило перед собой задачу за пять лет, начиная с 2004 г., вдвое снизить число остающихся мигрантов после окончания срока визы⁴⁴.

Еще одна проблема - необходимость распространения японского трудового законодательства на работающих иностранных граждан. Дело в том, что многие компании не предоставляют им необходимые по этим законам гарантии. Они пользуются тем, что нанимают работников на короткий (два-три месяца) срок через посреднические фирмы и считают себя «субконтракторами». А рабочих перенаправляют в другие компании на таких же условиях без каких-либо гарантий⁴⁵. В апреле 2004 г. Кэйданрэн (крупнейшая экономическая организация страны) обратилась к правительству и другим заинтересованным сторонам с «Предложением по вопросу об использовании иностранцев» (*«Гайкокудзин укэйрэ мондай ни кансүру тэйгэн»*), чтобы компании при приеме их на работу придерживались регламентаций Закона о трудовых стандартах, Закона о минимальной заработной плате и др.

Не менее важной задачей является создание «комфортных условий» для проживания мигрантов, о чем было декларировано в докладе по

⁴⁴ Japan Labor Review, 2002, vol. 2, № 4, p. 13, 34, 44.

⁴⁵ В известной мере в этом виноваты и сами мигранты, которые стремятся за короткий срок заработать как можно больше, работают сверхурочно и не хотят, чтобы у них делали какие-либо отчисления.

вопросам стратегии развития в XXI в., подготовленном по поручению правительства еще в 1999 г. В 2000 г. в министерстве юстиции был принят второй план по вопросам иммиграционного контроля, в котором впервые в качестве цели иммиграционной политики ставилось достижение взаимовыгодного сосуществования японцев и мигрантов. Вместе с тем именно в Японии традиционно к иностранцам относятся весьма настороженно. В отличие от многих развитых стран Япония до последнего времени практически не знала иммигрантов и до сих пор является мононациональной страной: 99% ее населения - японцы. Исторически сложилось так, что, заимствуя иностранную культуру, адаптируя ее к своей цивилизации, они мало соприкасались с ее носителями, поскольку Япония в прямом и переносном смысле была «закрытой страной». Не удивительно, что средства массовой информации охарактеризовали наплыв мигрантов в конце 80-х годов XX в. как «появление вторых черных судов»! И снова, как и в середине XIX в., началась дискуссия на тему «открывать или закрывать» страну. Пребывание мигрантов в Японии начали воспринимать как «проблему», свидетельствует в статье «Иностранные рабочие в послевоенной истории Японии» почетный профессор университета Доккё Кувахара Ясуо⁴⁶.

Население в целом относится к мигрантам весьма прохладно. По данным опросов общественного мнения (проводимых канцелярией премьер-министра), доля тех, кто считает, что в Японии вообще не должно быть иностранных рабочих, увеличилась с 14,1% в 1990 г. до 25,9% в 2004 г. (основной резон - боязнь ухудшения ситуации в области общественной безопасности - в 1990 г. на эту причину указали 54% респондентов, в 2000 г. - 63%, в 2004 г. - 74%). В 2004 г. по сравнению с 2000 г. увеличилась доля тех, кто считает, что иностранных рабочих нельзя принимать без тщательного учета всех обстоятельств - с 23 до 29%. Выросла и доля тех, кто выступает против нелегального найма - соответственно с 32% в 1990 г. до 49% в 2000 г. и до 71% в 2004 г.⁴⁷. В 2003 г. 40% населения высказалось против приезда в страну иностранцев⁴⁸.

Причем недружественное отношение к мигрантам проявляется не только в их дискриминации на рабочем месте, оно просматривается достаточно открыто в повседневной жизни. Японцы часто замолкают, когда в помещение входят иностранцы, протестуют, когда рядом с ними поселяются мигранты. В ряде мест не пускают иностранцев посещать бары, рестораны и тому подобные заведения, на дверях которых

⁴⁶ Kuwahara Yasuo. Migrant Workers in the Post-War History of Japan (www.jil.go.jp).

⁴⁷ Japan Labor Review. 2002, vol. 2, № 4, p. 12, 13.

⁴⁸ The Daily Yomiuri. 20.12.2003.

написано «только для японцев», в средствах массовой информации нередко выпады против иностранцев, особенно в связи с какими-то преступлениями. Во многом виноваты и сами мигранты, которые зачастую не считаются с японскими обычаями. По выражению Кувахара Ясуо, между мигрантами и местным населением стоит невидимая стена. «Легко теоретически говорить о социальной интеграции и сосуществовании, – пишет он, – но реализация сталкивается с громадными трудностями». Поэтому, по его мнению, пока что слишком рано требовать от Японии широко открыть двери иностранным рабочим, ибо ее опыт в этом отношении еще очень невелик, а правительственная политика требует более четкого определения⁴⁹.

Вопросами размещения мигрантов заняты, как правило, местные власти и находящиеся на их территории неправительственные (некоммерческие) организации. Они пытаются преодолеть эту стену, как-то улучшить атмосферу сосуществования мигрантов с коренным населением. Они устраивают общежития, строят так называемые «дома для иностранцев» (где проживание обходится сравнительно дешево), открывают специализированные магазины (где продаются товары из Кореи, Вьетнама и стран Южной Азии), устраивают выставки, на которых рассказывается об истории жизни иностранцев в Японии и их проблемах, привлекают их к участию в проведении различных праздников, организуют курсы японского языка. В 2001 г. был создан Совет городов, где проживает много мигрантов. Его участники собираются регулярно, обмениваются мнениями, намечают необходимые мероприятия⁵⁰.

Проблемы сосуществования, безусловно, очень сложны. Иммигрантов и коренное население разделяют не только разные экономические возможности, но и религия, обычаи, нормы поведения, менталитет. Трения между жителями и приезжими – это вполне естественный побочный продукт в условиях соприкосновения различных стилей жизни. Должно пройти время, чтобы люди присмотрелись друг к другу, начали понимать не только то, что их разделяет, но и то, что их связывает, и что есть непреходящие ценности, которые объединяют всех людей.

Кроме общения на рабочих местах, преодолению замкнутости будут способствовать учащающиеся смешанные браки (данные о которых приводились выше) и все увеличивающийся поток посещающих

⁴⁹ Japan Labor Review, 2002, vol. 2, № 4, p. 42, 43, 46.

⁵⁰ Подробнее о проблемах адаптации иммигрантов к японскому обществу см.: *Маркарян С. Б.* Иммигранты в Японии: проблемы адаптации. – Японский опыт для российских реформ. 2006, вып. 2. – www.japan-assoc.ru

Японию иностранцев и выезжающих за границу японцев (за 1975–2004 гг. число первых выросло почти в 7 раз, вторых – почти в 8 раз; число иностранных туристов, например, побывавших на снежном фестивале в Саппоро, выросло с 18 тыс. человек в 1996 г. до 65 тыс. в 2005 г.)⁵¹. Все это, безусловно, должно внести свой вклад в процесс углубления взаимопонимания между японцами и людьми другой культуры.

Учитывая важность проблемы сосуществования с иммигрантами, министерство юстиции в новом базисном плане по вопросам иммиграционного контроля (март 2005 г.) вполне закономерно предложило, чтобы прием иностранных рабочих не шел вразрез с необходимостью поддержания жизнеспособности японской экономики, жизненных стандартов, с общественным мнением по этим вопросам, экономическим и социальным климатом в Японии. В плане подчеркивается, что надо учитывать при этом не только потребности экономики, но и позитивные и негативные стороны пребывания иностранцев, их влияние на отечественную промышленность и жизнь японского населения, на общественную безопасность, ситуацию на внутреннем рынке труда и множество других аспектов⁵².

Таким образом, японцы начинают понемногу приоткрывать двери своей страны для иностранных рабочих, поскольку «положение обязывает» (ведь Япония – «член восьмерки»), а ситуация подстегивает (проблемы, связанные с нехваткой рабочей силы, не за горами). Но правительство делает это, как всегда, когда внедряет новшества в политику, очень медленно, по принципу «семь раз отмерь», все хорошо взвесь, добейся общественного консенсуса и т. д., иными словами, в чисто японских традициях.

⁵¹ Almanac... 2006, p. 10, 255.

⁵² www.jil.go.jp

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ КАК ВОЗМОЖНЫЙ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ» ЯПОНИИ

Демографическая проблема, которая уже давно волнует японское общество и с которой многие годы пытается справиться правительство этой страны, пока не находит оптимального решения. Более того, сбываются самые пессимистичные прогнозы некоторых аналитиков, преддрекающих, ни много, ни мало, исчезновение нации не в отдаленном будущем, а всего через пару столетий. В 2001 г. Кавато Акио, в ту пору министр посольства Японии в России, выступая перед студентами факультета журналистики МГУ, шокировал их заявлением о том, что «через 200 лет Япония может прекратить свое существование как нация, поскольку рождаемость населения сейчас очень резко падает... По данным одного прогноза, в 2100 г. численность японского населения снизится до 67 млн., тогда как сейчас она составляет 126,5 млн. человек... При поддержании такого темпа через 200 лет мы вообще исчезнем с лица земли»¹.

Тогда многим россиянам отношение высокопоставленного дипломата к вопросу выживания японской нации показалось несколько предвзятым, ориентированным, возможно, лишь на привлечение внимания к проблеме, но на деле не таким уж и обоснованным. Увы, жизнь показала, что Кавато был абсолютно объективен. В 2005–2006 гг. произошло предсказанное им преодоление полосы демографической стагнации и впервые за последние десятилетия население Японии пошло на убыль, уменьшившись на 3,5 тыс. человек². Незначительность

цифры не обманула социологов и тем более демографов – прозвенел первый тревожный звонок, извещающий о критическом состоянии. Разумеется, проблемы в социальной и многих других сферах жизни, связанные с падением рождаемости и увеличением численности пожилого населения, и раньше привлекали внимание исследователей. Однако до сих пор они говорили в основном лишь о том, что сокращение работающего населения приводит к трудностям финансового порядка: уменьшению налогооблагаемой базы и обратной корреляции этого процесса с ростом объемов выплачиваемых пенсий. Иными словами, до сих пор вопрос рассматривался лишь в сугубо социально-экономическом аспекте, хотя и чрезвычайно важном, но не преддрекающем катастрофу общенационального масштаба. К сожалению, последние события наглядно продемонстрировали, что проблема настолько серьезная, что, по мнению наиболее решительно настроенных аналитиков, ее игнорирование может привести к отсутствию необходимости решать все остальные проблемы. Ясно, что независимо от того, насколько при различных интерпретациях данной проблематики в устах тех или иных ученых могут быть сгущены краски, японцы, тем не менее, вынуждены искать выходы из сложившейся ситуации, порой довольно неожиданные для самих себя. Одним из таких выходов видится увеличение числа интернациональных браков и преодоление демографического кризиса с помощью увеличения рождаемости в смешанных семьях, что тесно связано с изменением иммиграционных законов и открытием Японии для притока иностранной рабочей силы.

Само по себе увеличение числа частных контактов японцев с представителями зарубежных государств обратило на себя внимание лишь в самое недавнее время. Оно стало восприниматься не как маргинальное явление, заметное только на фоне предыдущей закрытости Японии (т. е. «случайные связи»), а как один из аспектов всеобщей интернационализации, затрагивающий саму основу доселе на редкость гомогенного японского общества. В XXI век Япония вступила одним из самых мононациональных государств на планете. В структуре ее населения значилось менее 1% «лиц неазиатской национальности»³. Большую часть из них, по официальным данным, составляли выходцы с Корейского полуострова. Их в Японии насчитывается около 700 тыс. человек⁴. Многочисленная китайская община в Японии, как и везде в мире, практически не поддается учету, хотя, по мнению многих исследователей, суммарное число выходцев из КНР, Гонконга

¹ Япония мнимая и реальная. Сборник лекций по японистике, М., 2002, с. 5.

² Имеется в виду 2005/06 фин. год. По данным министерства по административным делам Японии, с 1 апреля 2005 г. по 31 марта 2006 г. в стране умер 1 072 281 житель, в то время как родились только 1 065 553. На конец марта 2006 г. в стране проживали 62 155 231 мужчина и 64 899 794 женщины – всего 127 055 25 жителей. – Япония сегодня. 2006, №10, с.3.

³ Япония от А до Я. Энциклопедия. М., 2000, с. 332.

⁴ При этом в целях чистоты исследования, следует принимать во внимание, что лица коренной национальности – айну, также учитываются как японцы. Впрочем, айну в Японии осталось так немного, что они не могут повлиять на показания статистики.

и Тайваня может существенно превышать численность корейской диаспоры. Отчасти это подтверждается и тем, что именно Китай является сегодня наиболее крупным экспортером в Японию иностранных невест – каждый год в Страну солнечного корня их прибывает более 4 тыс. Безусловно, большинство браков между китайками и японцами имеют фиктивный характер и вызваны сугубо экономическими причинами – выходцы из Китая таким образом осваивают новый рынок рабочей силы. При этом этнические китайские граждане в целом неохотно вступают в реальные, если так можно выразиться, браки с японскими гражданами, что также является общемировой тенденцией. Китайцы не стремятся к натурализации в других странах, предпочитая ассимилировать представителей других рас и народов у себя дома, т. е. в Китае, а не наоборот. Конечно, долгосрочные браки китайцев (китайнок) с японками (японцами) с образованием полноценных семей в самой Японии не такая уж редкость. Однако существенным вкладом в интернационализацию по причине затрудненной национальной идентификации детей, рожденных в таких браках, ее тоже не назовешь⁵. В соответствии с общепринятой практикой любой ребенок, рожденный в браке с китайцем (китайкой), считается этническим китайцем⁶. Ситуацию еще больше запутывает до сих пор не вполне ясное официальное отношение к рожденным в таких браках детям.

Действовавшее до 1985 г. законодательство определяло, что если отец ребенка – китаец или кореец, а мать – японка, то дети считаются китайцами или корейцами соответственно со всеми вытекающими последствиями, получая ограничения в правах, согласующиеся со статусом «резидентов». Разумеется, это являлось прямым нарушением конституции 1947 г., а именно статьи 14, которая гласит: «Все люди равны перед законом и не могут подвергаться дискриминации в политическом, экономическом и социальном отношениях по мотивам расы, религии, пола, социального положения, а также происхождения»⁷. Однако скрытое неприятие иностранцев (и не только скрытое), прежде всего выходцев из материковой Азии, все еще очень сильно в Японии. Те из них, кто родился в Японии от внутринациональных браков

⁵ Бывают случаи экзотические. Автор однажды познакомился с семейной парой, где муж был русский, а жена японка. При этом оба они – синологи, познакомились в Китае во время научных стажировок, и внутрисемейным языком общения между ними был китайский язык. Кем же будет их ребенок, особенно если он будет говорить по-китайски, – загадка.

⁶ Даже власти Израиля – страны, особенно трепетно относящейся к приросту еврейского населения по всему миру и определяющей законодательно, что ребенок, рожденный хотя бы от одного родителя – еврея, также считается евреем, делают исключение: ребенок, рожденный в браке, где один из родителей еврей, а другой китаец, и на Земле обетованной признается китайцем.

⁷ Конституция Японии 1947 г. – Современная Япония. М., 1973, с. 756–776.

(например, в корейских семьях, ввезенных в Японию на принудительные работы во время второй мировой войны), также постоянно чувствовали ущемление в гражданских правах, в том числе избирательных, несмотря на то, что обязанности, прежде всего по уплате налогов, распространялись на них, на равных основаниях с гражданами Японии. Закон о статусе резидентов (постоянно проживающих в стране иностранцев) не позволял все тем же этническим китайцам, корейцам, а также гражданам многих других стран, комфортно чувствовать себя на новой родине. Им приходилось ежегодно проходить перерегистрацию в так называемом «списке резидентов», связанную ранее с довольно неприятными процедурами (например, они должны оставлять отпечатки пальцев на «карточке иностранца»). Стоит ли говорить, что при таких обстоятельствах желающих вступить в интернациональный брак со стороны японцев находилось совсем немного. Заключение официального союза с представителем не вполне полноправного национального меньшинства неизбежно влекло за собой изменение и статуса «японской половины», редко выраженное официально, но почти вполне ощутимое в повседневной жизни.

Положения семейного кодекса также не способствовали популярности межэтнических отношений: китайцы и корейцы не имели права проходить регистрацию под неапонской фамилией, а жены обязаны были взять себе фамилию мужа, что не соответствует корейской национальной традиции и, отчасти, китайской. Кроме того, вступление в брак с японцем не меняет для китайки или кореянки ее статуса резидента, поэтому после развода дети, рожденные в таком браке, с большой степенью вероятности останутся в Японии и будут воспитываться отцом-японцем, а мать ребенка будет выслана на родину. Это положение сохраняется в большинстве случаев и для браков японцев с иностранками европейского происхождения, в том числе с гражданами России.

В соответствии с новым Законом о гражданстве дети не только от японо-корейских, но и от других смешанных браков имеют право получить национальность одного из родителей по их усмотрению⁸. Все члены семьи при этом по-прежнему заносятся в бланк регистрации, где имена супругов-неяпонцев, а в ряде случаев, по желанию супругов-японцев, и их детей, не указываются. Это вызывает шок, например, у многих наших соотечественниц, впервые узнающих об этом во время оформления визовых процедур или бракоразводного процесса. Сейчас местным властям рекомендовано по запросу заинтересованной

⁸ Интересно, что, принимая во внимание геоцентричные и великодержавные настроения большинства китайцев, многие из них по-прежнему определяют своих чад как китайцев, а не как японцев.

стороны включать имя супруга-иностранца в бланк регистрации в *раздел дополнений*, но в ряде префектур согласие муниципалитетов на это до сих пор не получено. Несмотря на то, что в соответствии с действующим законодательством иностранцы, прожившие в Японии более трех лет в браке с японцем (японкой), могут также подать прошение на получение статуса постоянного резидента при условии, что они не совершали преступлений и уровень их доходов позволяет содержать семью. В действительности многие обращения такого рода со стороны выходцев из материковой Азии отклоняются по указанным выше причинам внутреннего неприятия интернациональных браков и рожденных в них детей. Бывший премьер министр Накасонэ Ясукиро, рассуждая о необходимости сохранения чистоты японской нации, как-то заметил, что интеллектуальный уровень в США ниже, чем в Японии, поскольку там любят афро-американцев, мексиканцев и пуэрториканцев⁹.

Сегодня такие настроения уходят в прошлое, но все же они еще сильны среди многих японцев и особенно мешают выходцам из Китая и Кореи, браки которых с гражданами Японии традиционно занимают наибольшую долю среди общего числа межнациональных семейных союзов в этой стране.

И это объяснимо. Япония, открытая для широкого международного общения только в середине XIX в., но тесно контактировавшая с китайско-корейской буддийской цивилизацией с древних времен, многие столетия получала приток «свежей крови» именно с Корейского полуострова. Эта традиция существует до сих пор¹⁰. Среди корейских мужчин и женщин, по данным Национальной статистической службы Республики Корея, желающих найти спутников жизни за рубежом, Япония является второй по привлекательности страной (первой, естественно, стал Китай). В Японии корейская диаспора, являясь наиболее многочисленной, в последнее время особенно подвержена тенденции к натурализации и растворению среди местного населения. Корейцы сегодня представляют собой «передовой отряд» семейной интернационализации японского общества, образуя в результате браков с японцами наиболее многочисленную буферную прослойку детей-полукровок – *хафу*¹¹. При том, что общее число браков, заключаемых

в Японии корейцами, остается примерно одинаковым – около 5–7 тыс. в год, прогрессия по вступлению в брак не с корейскими, а с японскими гражданами очевидна. В 1962 г. доля таких союзов в общем числе браков корейцев в Японии составляла 29,1%, в 1972 г. – 46,9%, а в 1985 г. – уже 71,6%. После вступления в силу уже упомянутого закона о гражданстве, число браков этнических корейцев с японскими гражданами и потомками ранее заключенных межнациональных союзов, т. е. *хафу* в том или ином поколении, стало столь велико, что имеет смысл говорить не просто о натурализации корейского меньшинства, которая происходит усиленными темпами, а о беспрецедентном притоке свежей корейской крови в японский этнос.

Общие интернационалистские настроения, распространившиеся на исходе XX в. среди азиатской молодежи, способствуют данному процессу. Среди молодого поколения как японцев, так и корейцев (китайцев – в меньшей степени) значительно быстрее исчезает чувство взаимного недоверия друг к другу, столь характерное для их отцов и переходящее в жесткое межнациональное неприятие для их дедов. Кроме того, самым положительным образом на увеличении взаимопонимания и создании непринужденной почвы для интернациональных знакомств сказывается выраженная азиатская направленность многочисленных образовательных, гуманитарных программ и программ обмена различных японских министерств и учебных заведений. В Японии учится, стажировается и занимается научными исследованиями множество корейских студентов. По данным «Голубой книги» японского МИДа за 2005 г., они составляют около 14% численности всех иностранных студентов в этой стране¹², т. е. около 16 тыс. Многие из них с энтузиазмом смотрят на возможность заключения межнационального брака. Особенно это касается лиц мужского пола, что вообще характерно для выходцев из материковой Азии. По данным исследователя этой проблемы заведующего кафедрой корееведения Казахского национального университета имени аль-Фараби профессора Г. Н. Кима, до трети корейских семей в Японии возглавляются семейной парой, где мать – японка, а отец – кореец (в 1962 г. в каждой четвертой из 120 тыс. корейских семей в Японии мать была японкой¹³). Как и другие иностранцы, корейцы в Японии посещают многочисленные языковые школы – в них учатся более 130 тыс. корейских детей. Причем, учитывая многочисленность корейской диаспоры, в Японии созданы специальные школы для молодых корейцев, которые по-разному относятся к

⁹ Общественно-политический портал «Восток России». – www.vostoknews.ru

¹⁰ Нелишне будет напомнить, что ныне гомогенная японская нация сложилась в результате слияния воедино нескольких, так сказать, национально-расовых течений: монгольского, сибирского, полинезийского и, возможно, некоторых других.

¹¹ Любопытно, что в современной Японии это слово – производное от английского «half» – употребляется по отношению к детям чаще, чем японское «канти», относимое более к животным («метисы»).

¹² Китайцев (вместе с тайваньцами) в Японии – около 70% (более 82 тыс. человек). Для сравнения: число молодых россиян, проходящих обучение в Японии, не превышает 0,3 % – около 360 человек.

¹³ www.koryosaram.freenet.kz

вопросам интернационализации. Самые известные из них – школы «Чончорен» и «Миндан». Именно выпускники школ «Миндан» демонстрируют наибольшую готовность к натурализации в Японии и к вступлению в межнациональный брак. Несмотря на то, что их значительно меньше, чем корейцев-выпускников школ с более ярко выраженными националистическими настроениями, они тоже вносят свой вклад в дальнейшее снижение численности корейского населения в Японии. Поэтому, начиная со времени вступления в силу нового Закона о гражданстве (1985 г.), постоянное ежегодное сокращение корейцев в Японии составляет несколько сот человек в год, хотя на самом деле их становится все больше – корейцы активно ищут пути ассимиляции, стремясь получить японское гражданство и таким образом доказывают свое право возглавлять процесс семейной интернационализации Японии.

Помимо географической близости и долгой истории межкультурных контактов китайцев и корейцев с японцами, существует еще, по крайней мере, одна причина, позволяющая представителям этих народов относительно легко вступать в межнациональные браки. Она заключается в корневом культурном сходстве материковых и островных дальневосточных культур, в частности, в похожем отношении к регуляции внутрисемейных отношений – крайне непривычных и нередко даже неприемлемых для других иностранцев¹⁴.

До самого недавнего времени – настолько недавнего, что мы вправе говорить о живущих и сегодня традициях, – семейные отношения между родственниками в японской ячейке общества отличались редким для европейцев и американцев своеобразием. Опуская многочисленные сложности во взаимоотношениях между членами семьи разных уровней родства, близости и иерархии, стоит заметить, что эта специфика оказывает большое влияние на проблему интернациональных браков. Многие исследователи отмечали, что приход молодой жены в дом мужа сопряжен со многими трудностями, даже если она японка, и для нее это лишь естественный жизненный этап¹⁵. Вот как кратко охарактеризовала суть вопроса известный культурный антрополог Рут Бенедикт: «Отношения свекрови и невесты крайне антагонистичны. Невестка приходит в дом как чужой человек. Ее долг – узнать, что нравится свекрови, и потом научиться делать это»¹⁶. Неизбежный конфликт, рождающийся при этом, вполне обычная история и для наших дней. И сегодня свекровь, подчиняясь врожденному чувству традиции, сопряженному с общечеловеческой ревностью, «зачастую откровенно демонстрирует, что молодая жена недостаточно хороша

для ее сына» и позиционирует себя как полноправную главу рода – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Естественно, многим иностранкам бывает попросту невозможно представить, что, входя в семью японского мужа, они могут совершенно *законным образом* оказаться в положении ненавистной невестки, и сам муж будет совершенно не против этого. Он подсознательно принимает складывающуюся ситуацию, надеясь, что рождение его детей уравновесит отношения, и со временем его молодая жена сама должна будет сыграть роль «злой свекрови». Молодые японские невестки обязаны внешне быть абсолютно послушными и лояльными и терпеливо ожидать, когда они превратятся в точно таких же несносных мамаш, от которых страдали сами, а свое раздражение копили десятилетиями, чтобы выплеснуть его на молодое поколение, когда перейдут в статус свекрови. Но смогут ли иностранки вести себя так же, и вступятся ли за них японские мужья, если их жен не устроит японская традиция? Чаше всего ответ прост: «Нет!».

К счастью для иностранок, ситуация сегодня меняется существенно и довольно быстро. Традиционные отношения в японских семьях разрушаются на глазах, и довольно трудно представить, что невесту из-за моря в японской семье примут как невестку феодальных времен. Однако традиция – категория очень влиятельная и долгоживущая, и отрицать возможность такого приема нельзя. По крайней мере, авторский опыт общения с нашими женщинами, вышедшими замуж за японцев, свидетельствует, что в жизни встречаются самые удивительные и часто очень неприятные пережитки недавнего прошлого. Да, сегодня брак в значительной мере утратил функцию практического мероприятия по совершенствованию социальных отношений, перестал быть союзом по сговору, для которого были особенно характерны подобные отношения. Однако около 40% современных пар в Японии все еще находят друг друга не по зову сердца, а по сговору родителей. И хотя для Японии это – большой шаг вперед, гарантий, что выбранная по любви иностранная невестка не окажется «*persona non grata*» в традиционалистской семье, и родители одобряют выбор сына, по-прежнему нет. Эта особенность, равно как и описанные выше трудности, значительно ограничивают желание многих европейских женщин выходить замуж за японцев, но не являются непреодолимыми для азиатских невест.

Кстати говоря, «открытие» возможности заключения межнациональных, точнее межрасовых, браков (рассказы о них явились одними из самых волнующих штрихов в восприятии Японии за пределами азиатского мира), произошло сразу после «общего открытия» Японии Европой и Америкой и принадлежит не европейским женщинам, а

¹⁴ Пронников В., Ладанов И. Японцы. М., 1985, с.68.

¹⁵ Латышев И., Семейная жизнь японцев, М., 1985, с. 121–134.

¹⁶ Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М., 2004, с. 90.

европейцам. Достаточно вспомнить в связи с этим о русских моряках, заключавших «временные браки» с девушками из Нагасаки. Один из таких «контрактов» воспет советским писателем Валентином Пикулем в романе «Три возраста Окини-сан». Он имеет реальную подоплеку: историю о трагической любви японки по имени Така из ресторана «Фукуя», что находился в так называемой «русской деревне» Инаса, и сына великого русского химика, мичмана с фрегата «Азов» Владимира Менделеева¹⁷.

Не менее известна еще одна весьма непростая история интернациональной любви – знаменитой в Киото гейши О-Юми и наследника клана американских мультимиллионеров Джорджа Моргана. Данный случай особенно интересен для нас по той причине, что брак Моргана и киотской гейши был не временным, а самым что ни на есть постоянным (хотя в отличие от Менделеева и Така у них не было детей). Трудности же, с которыми им довелось столкнуться, до сих пор являются реальной угрозой для большинства межрасовых браков. Сначала женитьба Моргана и О-Юми оказалась настолько нежелательна в Японии, что молодоженам пришлось покинуть страну, а затем им было отказано в приеме и в Нью-Йорке – «родовом гнезде» Морганов. Со временем американские нравы стали более терпимыми, но Джордж Морган этого так и не дождался. Он умер в Испании, по пути из Нью-Йорка в Париж, где вынуждена была жить его жена (сама О-Юми вернулась в Японию только перед смертью)¹⁸.

Вопросы, которые пытались разрешить романтические герои прошлого, проблемы, встающие перед желающими заключить межрасовый брак, условно можно разделить на две группы: внутренние и внешние. Основная трудность внутреннего порядка состоит в самом процессе адаптации иностранцев к новым, непривычным условиям жизни в Японии: культуре, семейным отношениям, менталитету, иностранному языку, общественному устройству, особенностям сексуальной культуры, и многим другим сторонам существования в чужой стране. Не в последнюю очередь женщинам трудно привыкнуть к тому, что муж на основе устоявшихся морально-этических норм в Японии имеет право полагать, что его свободу, в том числе половую, не может ограничить жена, даже если она иностранка. Любовь и взаимопонимание должны снимать эти проблемы, но не сразу и далеко не у всех. Несмотря на разные «стартовые условия», для всех женщин (а подавляющее число межрасовых браков в Японии заключается по схеме «японец+иностранка»), проблемы и трудности межнациональных браков,

связанные с исходной информированностью о принимающей стране, уровнем обеспеченности и развития «стран-доноров», примерно одни и те же. Это позволяет предположить, что причина возникающих проблем кроется именно в их межрасовом характере¹⁹. В этом состоит их главное отличие от браков межнациональных, но внутрирасовых, т. е. семейных союзов японцев с китайцами и корейцами.

Возникновение проблем в межрасовом браке связано обычно еще и с тем, что молодожены – как он, так и она – слабо осознают, что и без того непростой для них переход в статус семейной пары в такой ситуации неизбежно влечет за собой изменение статуса каждого из супругов в странах их постоянного пребывания. Наиболее отчетливо это прослеживается у тех, кто для вступления в брак покидает родину, т. е. переживает тяжелую форму стресса, связанную с эмиграцией²⁰. Специалисты отмечают, что за малым исключением, суть этого стресса для всех примерно одинакова: неопределенность, тревога, в том числе по поводу того, как будет воспринято в обеих странах появление детей и как будет проходить национальная и расовая самоидентификация ребенка. Кроме того, положение усугубляют дефицит информации о самых разных сторонах жизни в принимающей стране, психологическая неподготовленность к решению семейных проблем по незнакомой социокультурной схеме, непонимание национальных особенностей характера мужа (жены), новых родственников и многое другое. К тому же реакция иностранцев на стресс нередко обладает реактивным эффектом, еще более усиливая напряженность, затрудняя восприятие ими новой, в том числе разъясняющей, информации и замедляя адаптацию в обществе. Преодолеть это препятствие обычно бывает очень нелегко, так как приходится менять не окружающую обстановку, а свои собственные взгляды, ценности, привычки, в том числе основанные на расовых, религиозных и общественно-культурных базовых ценностях.

Женщины европейско-американского происхождения, в том числе русские, попадая в уникальную культурную среду Японии, нередко сталкиваются с мощной и сложной системой семейных, социальных, этнических, родственных и сексуальных отношений, понимание которых осложнено к тому же языковым барьером. В то же время им необходимо интегрироваться в эту среду в короткие сроки и с минимальными потерями для себя и партнера. Более того, реалии совре-

¹⁹ В данной работе автор опирается на исследования межрасовых браков между русскими и японцами, русскими и европейцами, европейцами и японцами, а также русскими и африканцами.

²⁰ Крылова Н. Л. Русские женщины в Африке. Процесс адаптации через межрасовый брак на примере афро-русской семьи. – www.russianwomenmagazine.com

¹⁷ Подробнее см.: Гузанов В. Самурай в России. М., 1999.

¹⁸ Подробнее см.: Куланов А., Окино Н. Обнаженная Япония, М., 2007.

менной Японии таковы, что женщина, независимо от своего желания, может оказаться в совершенно разных социокультурных условиях проживания, о которых она имеет смутное представление. Сохраняющаяся значительная стратификация японского населения в зависимости от места проживания и социального статуса мужа (жизнь в Токио с молодым вестернизированным программистом может заметно отличаться от жизни на Сикоку с престарелым фермером), чревата для слабо информированной кандидатки массой малоприятных сюрпризов. Особенно актуальна эта опасность именно для россиянок. Как правило, японцы, заключающие брак с иностранкой, относятся к наиболее вестернизированной части населения и тяготеют к западным стандартам в различных областях жизни. В целом негативный образ России, одной из граней которого являются представления о ней, как о стране с феноменально низким уровнем жизни, заставляет некоторых женихов обращать свои взгляды на русских невест, руководствуясь прагматичным сочетанием «цена-качество» и позиционируя их как своеобразных «семейных гастарбайтеров». Существует заметная прослойка японцев, полагающих, что при небольших, по сравнению с европейским или американским вариантами, расходах, они могут получить выглядящую по-европейски жену, ориентированную при этом на азиатские понятия, но, по их мнению, являющейся идеальной русской женой. Основные из них – терпение, покорность мужу, способность жертвовать собой ради семьи, хозяйственность, красота, выражаемая в наличии белокурых волос и больших голубых или зеленых глаз (в соответствии со стандартами *анимэ* и *манга*). Стоит ли говорить, что желающих получить «золушку» особенно много в японской глубинке, где традиции патриархального семейного быта наиболее сильны, и где спрос удовлетворяется с помощью девушек-хостес, прибывающих из слаборазвитых стран и использующих фиктивные браки с японскими гражданами для долгосрочного пребывания в Японии²¹.

Европейцам и американкам бывает крайне трудно включиться в японскую семейную жизнь еще и потому, что быстрое развитие японского социума, особенно в направлении создания общества потребления, растущая эмансипация, непривычно четкое деление на сферы «свой-чужой» (*ути-сото*), стремительное изменение социально-культурных приоритетов затрудняют для европейских женщин процесс идентификации японской семейной модели по привычным для них стереотипам и даже самоидентификацию внутри данной модели. Становится непонятно: «Кто я, по каким законам я должна жить в этой стране, как себя вести» и т. д. Практический пример. Одними из самых обсужда-

емых вопросов среди русских жен на форумах «Японского журнала – Japorn.ru» были такие: «Стоит ли первой начинать разговор с мужем, когда он приходит с работы? Должна ли я возражать мужу, даже если знаю, что он неправ? Как его правильно называть: “аната”, “кими”, “данна”, или лучше по фамилии? Как объяснить ему, что его нежелание вписать иностранную жену в лист регистрации семьи выглядит для нее унижительным? Имеет ли он право наказывать ребенка? Почему он не говорит, где и с кем задерживается по вечерам?». Включаясь в японскую семейную жизнь, европейки с трудом совмещают стандарты существования в обществе передового социально-экономического прогресса с тяжелыми традициями японской семьи и всего общества, ориентированного на мужчину – «отоко сякай».

Стресс испытывает и тот, кто, вступая в брак, остается в своей стране, особенно если это – Япония. Бывает, что японские мужчины ощущают не вполне приязненное отношение к себе со стороны родственников, соседей и коллег, возникающее после вступления в брак с «белой» женщиной. Они не находят понимания среди них. В Японии – стране с высоким уровнем коллективного сознания, подобное отношение является весьма существенной социально-психологической проблемой. К сожалению, это особенно актуально для пар, вступающих в союз по любви, а не заключающих фиктивный или «модный» брак. В последнем случае мужчины к факту женитьбы относятся значительно легче, и сами нередко хвастаются своими женами как экзотическими предметами роскоши.

К числу «внешних» препятствий относятся рассмотренные в начале главы нюансы японского гражданско-правового обеспечения семейных отношений с иностранцами. Они влекут за собой значительные проблемы не только для кореянок и китайок, но и для европейек и, в значительно меньшей степени, для американок. Незнание иммигрантами законов страны пребывания в случае с европейками может быть осложнено их уверенностью в том, что эти законы соответствуют европейским или американским образцам, т. е. «общемировому уровню». Как мы убедились, это не вполне верно. Даже если формально нормативно-правовые акты согласуются с принятыми во всем мире нормами, в Японии еще нередко играют важную роль субъективные оценки и взгляды юристов и чиновников, по представлениям которых семейно-правовые отношения относятся к внутренним, сугубо японским ценностям, и на них не могут полностью распространяться европейские понятия о правовом регулировании жизни в самой маленькой ячейке общества. К сожалению, в случае с русскими невестами ситуация адаптации к незнакомому правовому полю осложняется тем, что у наших соотечественниц не просто отличное от японцев представле-

²¹ Подробнее см.: Куланов А. Обратная сторона Японии. М., 2007.

ние о юридическом оформлении брачных отношений. У россиянок такого представления часто нет вообще, или же оно базируется на советских ценностях и морально-нравственных понятиях о «равенстве в семье», о детях межнациональных браков таких же желанных, как и в мононациональных браках. К числу важнейших из внешних проблем российско-японских браков следует отнести практически полное игнорирование этой темы в российских средствах массовой информации, научных исследованиях и негативный имидж тех, кого в Японии называют «японскими женами», имея в виду русских жен японских мужей²², в том числе в японоведческой среде. Представления о них и в глазах соотечественников, и среди японцев, носят отрицательный характер, что не способствует увеличению их численности и развитию толерантных отношений к межнациональным парам в обеих странах, но поддерживается поведением части самих «японских жен». На проходившей в Москве конференции «Современная женская эмиграция из России», отмечалось, что существующий спрос на русских невест по всему миру не способствует объективному восприятию неизбежно возникающих проблем с обеих сторон²³. Проблема переносится из чувственно-социальной сферы в социальную. Западные (а в нашем случае и восточные – японские) мужчины видят в русских невестах будущих идеальных жен, а те, в свою очередь, сугубо в маркетинговых целях, сами о себе нередко составляют представление «как о хорошо продающемся товаре». Свою роль играют и многочисленные победы россиянок на конкурсах красоты, экспансия наших моделей в мировой фэшн-бизнес, увеличение числа россиянок в «гламурном мире» Европы и Америки.

Повсеместная социальная дезориентация молодого поколения россиян, утрата стойких моральных ценностей также не способствует созданию более позитивного имиджа выходцев из России. Социологи отмечают как одну из основных следующую причину межнациональных браков, весьма характерную для российско-японских союзов: «Женщина идет на неприятный для нее брак ради шанса вырваться из окружающей обстановки, ради своих детей». До тех пор, пока в России коренным образом не изменится экономическая и социальная ситуация, число женщин, желающих выйти замуж за японцев, будет только расти. Подавляющее большинство таких браков по-прежнему будет подрывать позитивный имидж с обеих сторон. По проводившимся в Германии социологическим исследованиям русско-немецких семейных союзов (думается, что аналогичное исследование в Японии –

²² Подробнее об имидже «японских жен» см.: Куланов А., Молодяков В., Россия и Япония: имиджевые войны, М., 2007.

²³ Интернациональные браки: кто виноват, и что делать? – www.tanich.de

дело недалекого будущего, но уже сейчас можно спрогнозировать схожий результат): 89% опрошенных русских женщин назвали свои браки невыносимыми, около 10% – с трудом терпимыми, и лишь одна (!) женщина охарактеризовала свой брак как «относительно нормальный»²⁴.

Скептически относящиеся к таким опросам оптимистки заявляют, что реальный процент счастливых браков неизмеримо выше, и наблюдения автора подтверждают это. Но в случае с Японией – страной со значительно превосходящим Россию уровнем комфорта жизни, страной, куда очень трудно попасть, силен еще и эффект заведомой дезинформации, знакомый нам всем с детства. «Японские жены» нередко ведут себя как героиня сказки «Аленький цветочек», которая на вопрос сестер «Как тебе живется – там, на острове?» гордо отвечает «Хорошо!» и вытирает крупную слезу. Реальные проблемы обсуждаются только в тесном кругу – там, в Японии. На родину же правдивая информация, способная верно сориентировать на преодоление неизбежных трудностей или вообще на предотвращение межрасового брака, практически не проникает.

С японской стороны присутствует более практичное отношение к русско-японским бракам и пока держится высокий спрос на русских невест²⁵. «На Россию» в Японии работают более 70 специализированных агентств знакомств, а приток «японских жен», по имеющимся противоречивым данным, составляет до 300 человек в год²⁶. Однако и японцы чаще всего игнорируют простейшие требования, которые, как нам представляется, необходимо соблюдать для повышения шансов на успешную адаптацию в межрасовом браке в Японии. Между супругами не должно быть значительной разницы в возрасте (большинство японских мужей намного старше своих русских жен). Обе стороны должны изначально предоставлять правдивую информацию о своих условиях, и их соответствии реальным условиям жизни в каждом конкретном случае. Наконец, шансы супругов на обретение счастливой семьи резко повышаются, если один из них склонен к разделению национальной ментальности партнера. Например, японец стремится к западным стандартам жизни, но ищет при этом большей душевной свободы, размаха и других качеств, традиционно относимых к национальным чертам русского характера. Бывает, что девушка ожидает от женитьбы не только более спокойной, надежной, комфортной жизни, но

²⁴ Там же.

²⁵ Подробнее о русско-японских браках см.: Куланов А., Окино Н. Обнаженная Япония, М., 2007.

²⁶ Из Великобритании в Японию ежегодно прибывает около 200 невест, из США – около 500. По несколько человек приезжают даже из таких экзотических для Японии стран, как Эстония и Дания.

и искренне разделяет морально-этические ценности японцев, связанные с пониманием чувства долга, сдержанности, точности определения положения в обществе и т. д.²⁷

Это наблюдение подтверждает и то, что наибольшее потрясение в России испытывают японские девушки и молодые женщины, не ожидающие от нашей страны тех возможностей, которыми обладают русские женщины. Японок, освободившихся от регламентирующих буквально каждый шаг правил японского социального общежития, Россия привлекает раз и навсегда. Нередко многие из них, даже выезжая по разным причинам из нашей страны, в Японию уже не возвращаются, предпочитая брак с европейцем или американцем, а в некоторых случаях и жизнь в одиночестве, но вдали от родины²⁸. Но и в своей стране японки все чаще ищут друзей среди иностранцев. Многие из женщин, отвечая на вопрос «почему они хотят иметь друга-иностранца?» называют примерно те же самые причины, которыми руководствуются японские мужчины при выборе жен из-за границы: «Прежде всего, потому, что европейские мужчины обладают тонким и чутким сердцем, чего вы не встретите у японских парней. Когда женщина о чем-нибудь говорит, они внимательно слушают»²⁹.

Молодых людей для заключения брака в Японию приезжает значительно меньше, чем девушек, и основная нагрузка по поддержанию межрасовых и межполовых контактов падает при этом на многочисленные языковые курсы, прежде всего английского языка, которых в Японии великое множество. Статистики утверждают, что случаи, когда на языковых курсах случаются романы между преподавателями и студентками, встречаются довольно часто. И это не удивительно: как минимум, два важнейших условия для заключения брака при этом соблюдаются: между преподавателем и студентками обычно существует незначительная разница в возрасте. Кроме того, большинство преподавателей приезжают в Японию по собственному желанию, часто не связанному с вступлением в брак. Они обычно с интересом относятся к этой стране (сказывается уже многие десятилетия не проходящая на Западе мода на дзэн-буддизм), знакомятся с ее историей, культурой, религией, но от более полного погружения в японские реалии их спасает брак с японкой, стремящейся к жизни по западному образцу. Ярким примером из этой области является судьба всемирно известного публициста и пропагандиста японского образа жизни Лафкадио Херна, навсегда оставшегося в Японии, принявшего японское имя – Ягумо, фамилию жены – Коидзуми, и закончившего свой земной путь по буд-

дийскому обряду. Среди иностранцев-гайдзинов всегда находились продолжатели его дела, есть они и сейчас, в том числе и среди русских японоведов, осевших в Японии и женившихся на японках.

В последнее время японские власти высказывают даже некоторую обеспокоенность принимающим размах эпидемии движением «за интимную дружбу с сэнсэями-гайдзинами». Некоторые курсы открыто запрещают преподавателям иметь контакты со студентками во внеучебное время или хотя бы пытаются строго ограничить это общение. Наиболее строгие правила ввели курсы Nova со штаб-квартирой в Осака и филиалами по всей стране. При подписании контрактов с этой компанией иностранцы обязуются «никогда не вступать в личные отношения с учащимися вне занятий»³⁰. Но Nova – далеко не единственная фирма, организующая курсы иностранных языков в Японии, и ее политику очень многие не разделяют. Ассоциация юристов Осака назвала правила Nova «чрезмерными и оскорбляющими общественную мораль и порядок» и обратилась к компании с требованием отменить шокирующее иностранцев правило. В ответ Nova заявила, что «этот пункт был введен только для того, чтобы защитить от возможных неприятностей и преподавателей и учащихся, которые принадлежат к разным культурам и следуют разным обычаям».

Примерно такие повели себя курсы Geos и Berlitz, настоятельно не рекомендуя своим преподавателям, прибывшим из-за рубежа, встречаться со студентками, особенно если те младше сэнсэев по возрасту. Сами иностранцы, живущие в Японии долгое время и прекрасно понимающие, что познакомиться с японкой можно не только во время урока английского, утверждают, что подобные правила введены по сугубо экономическим причинам, чтобы лишить учащихся возможности брать частные уроки у своих же преподавателей в обход казны. Так или иначе, но очевидно, что популярность иностранных мужчин среди японок растет и по мере интернационализации страны, желающих вступить в межрасовый брак будет все больше.

Ситуация с такими браками в Японии медленно, но неуклонно меняется в сторону признания их положительных сторон. Глобализация и интернационализация в семейно-половой сфере неизбежно должна принести свои плоды, значительно изменив не только национальный состав прежде гомогенного японского общества, но и всю японскую культуру и национальную психологию. О том, что в стране ширится число сторонников межрасовых семейных уз, свидетельствует появление особой теории, метко названной одним нашим соотечественником «принципом *бонсай*». Речь идет о своеобразной прививке японскому обществу, вернее, японскому этносу, осуществляемой посредством

²⁷ Куланов А. Обратная сторона Японии, М., 2007, с. 168.

²⁸ www.japon.ru – Интервью с японцами – Сбежавшая невеста.

²⁹ Почему молодые японки хотят иметь друга-европейца? – The Japan Times. 02.04.2004.

³⁰ Там же.

межнациональных браков, так же как и растениям, выращиваемым в технике *бонсай*, прививают другие растения для изменения их формы. О «принципе *бонсай*» говорят все чаще и все смелее, хотя по-прежнему лишь на приватном уровне. Возможно, угрожающая статистика последних лет, ставящая под сомнение выживание Японии во всех областях жизни без помощи извне, заставит скептиков пересмотреть свое отношение к интернациональным бракам и поддержать их, как модные в сегодняшней России «нацпроекты». Во всяком случае, известно, что важнейшей задачей в реализации такого проекта станет изменение отношения к детям семейных союзов, заключаемых японцами с иностранцами.

Дети-полукровки пока не могут рассчитывать на по-американски толерантное отношение к себе. Хотя японцы уже готовы внешне не выделять их, но внутренняя отстраненность проявляется в виде имеющихся трудностей при устройстве на работу, поступлении в престижные вузы, адаптации в традиционном японском обществе. Недавно говорят, что если бы Ирина Хакамада росла в Японии, она вряд ли смогла бы стать такой успешной женщиной, как в России. Сколько продлится процесс становления внутренней толерантности, не известно никому, и лишь молодые родители думают и надеются, что вот уж на их-то чадах интернационализация Японии обязательно скажется положительным образом. Одновременно проблема идентификации – внешней и внутренней, является одной из самых острых и важных не только для интернациональных пар, но и для иностранцев, чьи дети приехали с ними в Японию в раннем, «детсадовском» возрасте. Сами себя они все чаще ощущают японцами, но так ли относится к ним японское общество? Процесс их идентификации идет на наших глазах. И в скором времени мы сможем сделать иные, более значимые выводы.

Возможно, преодолеть существующие негативные тенденции японцам поможет их склонность следовать за западными веяниями – ведь там, на Западе, уже давно модно иметь родственников в Японии – достаточно вспомнить Йоко Оно или голливудскую звезду – Стивена Сигала, оставившего в Осака троих детей от брака с японкой, или недавнего президента Франции Жака Ширака, признавшего в том, что в Токио у него есть сын. Так или иначе, интернациональные браки – реальность сегодняшней Японии, от которой нельзя отмахнуться. Во многом от самих японцев зависит сегодня, насколько полезными эти браки могут оказаться для их страны, для японской нации, и смогут ли они перейти из разряда проблем в статус двигателей прогресса³¹.

³¹ Автор благодарит всех респондентов, помогавших в написании данного материала, но пожелавших, по понятным причинам, остаться неизвестными.

Глава одиннадцатая

Япония – ЮНЕСКО: сотрудничество во имя «Всемирного наследия»

Необходимость сохранения культурных ценностей – непреложная истина для любого народа, который задумывается о своем будущем. Без того, что накоплено на протяжении всего периода существования того или иного народа, невозможно правильно понять его историю и культуру. Культурное мировое наследие является достоянием всего человечества. Объектам материальной культуры, таким, как памятники истории и археологии, угрожает серьезная деградация, возможно, полное исчезновение. А культурное нематериальное наследие (традиционные танцы, музыка, ремесла) в случае его утраты в скором времени будет уже невозможно восстановить.

В разных странах складывалась различная ситуация с сохранением культурных ценностей. Например, редко какая страна пережила столько сокрушительных ударов по национальным сокровищам, как Россия. Вспомним хотя бы уходящий XX век: две мировые и гражданская войны, революция, интервенция, неадекватная государственная политика в области сохранения культурных ценностей. Японии в этом плане повезло гораздо больше. Она лишь однажды, в конце второй мировой войны, пережила вторжение на свои острова, но, к счастью, большинство исторических памятников практически не пострадало. К тому же японское правительство уделяло и уделяет чрезвычайно серьезное внимание политике по сохранению и увековечиванию культурных ценностей на территории всей страны, а также проводит масштабную работу по пропаганде своей культуры в целом и в рамках культурной дипломатии. Суть такой дипломатии заключается в пропаганде за рубежом имиджа и политики своей страны. Культурная дипломатия является одним из старейших направлений организованной деятельности человека, хотя сам этот термин возник лишь в последнюю четверть XX в. В современном мире большинство стран придают ей особое значение, и Япония относится к числу государств,

которые активно, целенаправленно и успешно повсеместно осуществляют свою культурную дипломатию.

Япония всегда проявляла особое внимание к деятельности различных специализированных подразделений Организации Объединенных Наций, что повышало ее экономический, политический и культурный вес. В данном случае речь идет о плодотворном сотрудничестве с первой такой организацией – ЮНЕСКО (Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры), созданной в декабре 1948 г. Признавая важность сохранения ценнейшего культурного наследия, японское правительство активно взаимодействует с разными странами, поддерживая их усилия по сохранению национальных сокровищ. В 1988 г. во время официального визита в Лондон бывший в то время премьер-министром Такэсита Нобору заявил о намерении Японии активно включиться в международное сотрудничество по сохранению всемирного наследия, которое осуществляется под эгидой ЮНЕСКО. В 1989 г. в рамках этой организации был создан Японский трастовый фонд сохранения всемирного культурного наследия, а в 1993 г. – Японский трастовый фонд сохранения и поощрения нематериального культурного наследия, о деятельности которых речь пойдет ниже¹.

В начале 70-х годов, всесторонне исследовав проблему состояния мировых культурных ценностей, ЮНЕСКО пришла к выводу о том, «что культурному и природному наследию человечества все более угрожают разрушения, вызываемые не только традиционными причинами, но и эволюцией социальной и экономической жизни, которая вызывает еще более опасные, вредоносные и разрушительные явления»². Таким образом, мировое сообщество пришло к пониманию того, что не только время и природные катаклизмы угрожают существованию культурных ценностей, но и сами люди в процессе своего исторического развития сознательно или бессознательно представляют для них огромную угрозу.

Учитывая, что повреждение или исчезновение любых ценных образцов культуры или природной среды обедняет мировую сокровищницу человечества, что охрана их на национальном уровне часто бывает недостаточной из-за нехватки экономических, научных и технических ресурсов в разных странах, ЮНЕСКО приняла решение о том, что «все международное сообщество должно участвовать в охране природного и культурного наследия, оказывая коллективное содействие, которое, не заменяя деятельность заинтересованного государства, эффективно дополнит ее»³.

¹ <http://www.mofa.go.jp/policy/culture/unesco/index.html>

² <http://www.unesco.ru/rus/index.php>

³ Там же.

С этой целью в 1972 г. на 17-й сессии ЮНЕСКО была принята Международная конвенция об охране культурного наследия. Япония присоединилась к этой конвенции лишь спустя 20 лет, в 1992 г., став 125-й страной, подписавшей этот документ. И это было не случайно, поскольку именно в это время в соответствии с успешным развитием экономики Японии определялись новые задачи своей внешнеполитической деятельности. В 70-е годы основной целью было обеспечение экономических интересов страны и укрепление ее внешнеэкономических позиций, а к началу 80-х годов большее значение придавалось повышению политического статуса в решении глобальных проблем. Во многом это была адекватная реакция на достаточно четко обозначившийся процесс глобализации.

В это время среди японской политической элиты укрепляется точка зрения о необходимости расширения участия в глобальной политике, осознание того, что нельзя ограничиться только экономической ролью, если страна хочет реально влиять на выработку согласованных решений. Стремясь занять в мировой политике место, соответствующее ее экономическому потенциалу, и в целом поддерживая политику США, Япония активизировала свое участие в работе организаций промышленно развитых стран и различных экономических, миротворческих и культурных программах ООН.

В соответствии с Международной конвенцией, Комитет по всемирному наследию, состоящий из представителей 21-го государства, принимает решения по различным вопросам всемирного наследия. Япония активно участвует в его работе. Начиная с 1993 г., т. е. сразу же после присоединения к конвенции, Япония в течение шести лет была его членом. За неполные пятнадцать лет она сделала очень много для реализации задач, поставленных конвенцией, и в целом активно участвовала в деятельности ЮНЕСКО. Ее усилия были по достоинству оценены переизбранием в октябре 2005 г. на пост генерального директора этой организации дипломата Мацуура Коитиро, бывшего до этого назначения послом во Франции⁴.

ЮНЕСКО приняла чрезвычайно важный документ – «Список всемирного наследия», в который включаются различные национальные объекты, представляющие культурную ценность для всего человечества. Затем был составлен «Список всемирного наследия, находящегося под угрозой». Япония очень успешно сочетает работу по охране культурных ценностей и природной среды внутри страны с пропагандой их на мировой арене, добиваясь включения национальных объектов в первый из упомянутых списков. Одним из важнейших условий Меж-

⁴ The Japan Times. 10.11.2005.

дународной конвенции об охране культурного наследия является как раз надлежашая юридическая и материальная защищенность объекта культурного и природного наследия на национальном, региональном или муниципальном уровне. Япония имеет достаточно богатый опыт такой деятельности, который она успешно использует при оказании помощи, прежде всего, близким ей по культуре странам Восточной и Юго-Восточной Азии.

Япония располагает хорошо разработанным специальным законодательством. Еще в 1898 г. был принят Закон об охране древних храмов, т. е. спустя всего 30 лет после того, как страна фактически открыла себя миру и встала на путь ускоренного экономического развития, ее правительство озабочилось сохранением культурного достояния. Столетие принятия этого закона широко отмечалось в Японии. В государственных музеях исторических центров страны – Нара, Киото, Токио – были развернуты экспозиции, которые рассказывали о достижениях в сфере охраны культурных ценностей. Одновременно они призывали к всемерной поддержке каждым японцем деятельности по сохранению природных и рукотворных памятников, всей самобытной и неповторимой культуры страны.

Проблемой охраны культурного наследия занимается Управление культуры – одно из подразделений министерства просвещения и науки (которое объединило прежнее министерство просвещения и Управление по делам науки и техники, входившее в состав канцелярии премьер-министра). Секретариат начальника Управления культуры ведает департаментом культурных ценностей, состоящим из нескольких секций. Первая секция традиционной культуры разрабатывает комплексную политику сохранения и использования разнообразных культурных ценностей, осуществляет международные связи по вопросам охраны культурного достояния, содействует сохранению традиционной культуры на местах. В ведении второй секции находятся различные государственные и частные музеи, экспонирование произведений искусства, их охрана. Секция памятников занимается охраной исторических реликвий, живописных ландшафтов, природных памятников, археологических раскопок. Имеется еще секция, которая охраняет архитектурное достояние страны, определяет районы с ценными историческими постройками, которые нуждаются в государственной защите.

При управлении действует комиссия по культуре, которая периодически готовит для министра доклады. В них определены, отобраны и зарегистрированы все виды и категории культурных ценностей в стране на данное время⁵.

⁵ Государственные органы исполнительной власти Японии. М., 2004, с.153, 166–168.

Ныне действующий Закон об охране культурных ценностей, принятый в 1950 г., можно рассматривать как логическое продолжение и развитие упомянутого закона 1898 г. В первой главе закона 1950 г. записано, что его целью «является обеспечение сохранности и использования культурных ценностей таким образом, чтобы культура японского народа продолжала развиваться и вносить вклад в углубление взаимопонимания между культурами всего мира»⁶. В последующие годы в него вносились поправки, последняя была сделана в 2005 г.

В 2000 г. широко отмечалась пятидесятилетняя годовщина принятия Закона об охране культурных ценностей. Это происходило примерно по той же схеме, что и празднование годовщины предыдущего закона. Управление культуры проводило различные праздничные мероприятия, в частности, устроило экспозицию «Празднование 50-летия Закона об охране культурных ценностей» в Национальном театре в Токио, опубликовало монографию «Пятьдесят лет истории Закона об охране культурных ценностей», в которой рассказывается, что было сделано в этой области после его принятия. Памятные мероприятия (представления, симпозиумы, выставки) проводились и местными органами власти, и общенациональными, общественными и частными музеями. Все это свидетельствует о том внимании, которое японское правительство уделяет проблеме сохранения культурных ценностей.

Закон 1950 г. предусматривает классификацию всех культурных ценностей. Она охватывает не только культурное наследие народа, создававшееся на протяжении тысячелетий, но и все то новое, что подпадает под понятие «культурная ценность» (например, объекты современной архитектуры)⁷. Из общего числа выделяются так называемые важные культурные ценности, а среди них – национальные сокровища, которые являются шедеврами, равновеликими мировым образцам высочайшего уровня и непревзойденных достоинств. Примечательно, что в Японии понятие «национальное сокровище» применяется и по отношению к людям.

Культурные ценности подразделяются на пять видов: материальные, нематериальные, народные, памятные объекты, традиционная застройка. К первому виду относятся архитектурные памятники, произведения изобразительного и прикладного искусства, произведения народных ремесел, рукописные памятники (манускрипты). При этом в примечании помечено, что архитектурные памятники (здания) выделяются в отдельную группу. Специальная статья закона посвящена

⁶ Роппо дзэнсё (Полный свод законов). Токио, 2007, с. 2461.

⁷ Подробнее см.: Молодякова Э. В. Государственная политика по сохранению культурных ценностей. – Японский опыт для российских реформ. М., 2000, вып. 2, с. 74–80.

памятным археологическим, ландшафтным, природным объектам. В ней дается детальное описание всего, что к ним относится (от древнейших курганов до живописных долин, от первобытных поселений до редчайших видов растений и пород животных). Памятными признаются все объекты, которые имеют историческую, научно-познавательную, художественную и эстетическую ценность.

Памятные объекты делятся на три подвида: археологические, ландшафтные и природные. К памятным археологическим объектам относятся первобытные стоянки, курганы, захоронения, места древних поселений, к ландшафтным – сады, парки, ущелья, долины, перевалы, береговая линия. Памятными природными объектами считаются животные, растения, минералы. Для всех установлена одна категория – особые памятные объекты⁸.

В отдельный раздел закона выделена традиционная застройка в городах, поселках, деревнях, и для них установлена единая категория – зона сохранения важной исторической застройки. Примером такой традиционной застройки могут служить до сих пор хорошо сохранившаяся улица с чередой лавок в бывшем городе-замке Мино в преф. Гифу, или линия складов, которые были заново отстроены после большого пожара в середине периода Мэйдзи в г. Кавагоэ преф. Сайтама. Традиционные постройки в деревне Тонаки, расположенной на двух небольших островках в преф. Окинава, известны своими кораллового цвета крышами, окружены такого же цвета стенами и изгородями из дерева *фукуги*. В 2000 г. они были признаны важным охраняемым районом с группой исторических построек.

В настоящее время по всей стране имеется 55 таких районов в 55 муниципалитетах. Центральное правительство постоянно поддерживает различные проекты, которые разрабатывают местные органы власти для сохранения районов с такими постройками. В основном речь идет о реставрации, предотвращении возникновения пожаров, ликвидации последствий стихийных бедствий. Правительство помогает также сохранить земли, на которых они расположены, в общественной собственности, освободить здания традиционной застройки от налога на имущество, или снизить его в соответствии с возможностями муниципалитетов⁹.

Положения японского национального Закона об охране культурных ценностей соответствуют установкам и условиям Международной конвенции об охране культурного наследия. В этой конвенции дается очень четкое определение понятия «культурное наследие», которое

включает памятники, ансамбли и достопримечательные места. Всего насчитывается 611 таких объектов. К памятникам относятся произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства, науки. Под ансамблями, понимаются группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляет выдающуюся комплексную ценность. Достопримечательные места включают произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, в том числе археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

Также четко прописано понятие «природное наследие». Оно охватывает природные памятники, созданные физическими или биологическими образованиями, имеющие выдающуюся ценность с точки зрения эстетики и науки, а также геологические и физико-географические образования и строго очерченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе исчезновения видов животных и растений, имеющих универсальную ценность с точки зрения науки или сохранения. Кроме того, сюда же относятся природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, представляющие универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты. Всего имеется 177 таких объектов¹⁰.

Для того чтобы зарегистрировать какой-либо объект, как всемирное, культурное или природное наследие, он должен, в первую очередь, отвечать главному условию, а именно представлять собой такую огромную, исключительную всемирную ценность, которая выходит за национальные границы. Другими словами, он должен подпадать под одно из этих понятий. На территории Японии на 2006 г. находилось 13 объектов всемирного наследия, в том числе 10 культурных и 3 природных. Это значительно меньше, чем в Италии (38) или в Китае (30), но вспомним, что Япония присоединилась к Конвенции лишь в 1992 г., и получается, что практически каждый год ей удается вносить в список «Всемирного наследия» ЮНЕСКО какой-либо свой культурный или природный объект. Тем самым международное сообщество признает их выдающееся всемирное значение, а также то, что Япония обеспечивает им адекватную защиту и сохранение. Все это свидетельствует об особых усилиях страны в области защиты своих культурных ценностей.

⁸ Роппо дзэнсё, с.2461–2464, 2468–2469.

⁹ <http://www.mofa.go.jp/policy/culture/unesco/index.html>

¹⁰ <http://www.unesco.ru/rus/index.php>

Уже в 1993 г. в «Списке всемирного наследия» было зарегистрировано по два объекта культурного и природного наследия, что свидетельствовало о серьезной подготовке японской стороны. Это был, прежде всего, буддийский храмовый комплекс VII в. Хорюдзи (преф. Нара). Входящие в него пятиэтажная пагода Годзю-но то и главный зал Кондо признаны старейшими сохранившимися деревянными постройками в мире. Другие сохранившиеся деревянные здания в местечке Хорюдзи оцениваются как всемирное, культурное наследие, поскольку оказали большое влияние на дальнейшее развитие храмовой архитектуры. Вторым объектом стал замок Химэдзи в преф. Хёго, известный как Замок белой цапли (Сирасаги-дзё). Этот элегантный с белыми оштукатуренными стенами замок был построен в период золотого века замковой архитектуры, начавшийся в середине XVI в. Он славится прекрасно сохранившимися постройками и защитными сооружениями, включая деревянные и земляные.

Строго ограниченная природная зона Якусима в преф. Кагосима известна густым лесом из гигантских криптомерий, возраст которых более тысячи лет. Одно из деревьев, так называемая криптомерия Дзёмон (Дзёмон суги), предположительно имеет возраст семь тысяч лет¹¹. Эта местность была зарегистрирована как объект всемирного наследия из-за уникальной экосистемы, которая служит местом обитания многих эндемичных видов флоры и фауны. Еще один природный объект – горный хребет Сираками в преф. Аомори – состоит из ряда вершин высотой более тысячи метров, где тоже сохранены различные виды флоры и фауны. Эта местность признана объектом природного наследия из-за букового леса, которым покрыты горы. Полагают, что он появился в восточной Азии после эпохи великого обледенения. Этот девственный буковый лес, один из крупнейших в мире, насчитывает примерно восемь тысяч лет.

Начиная с периода Мэйдзи (1868–1912), Япония активно импортировала западную культуру, осуществляла модернизацию, индустриализацию и вестернизацию, что принесло богатые плоды, но гораздо меньше сделала для понимания западными странами своей культуры. Долгие десятилетия Япония испытывала глубокий пиетет перед богатой и разнообразной культурой Запада, а он смотрел на нее как на глухую культурную периферию. Отчасти такое положение сохраняется и по сей день. Постепенно элита страны пришла к пониманию того, что углубление понимания японской культуры западными странами важно не только с точки зрения укрепления дружественных отношений, но и имеет огромное значение для развития отечественной культуры,

¹¹ Эпоха Дзёмон – X–III вв. до н.э.

которая получает дополнительные стимулы от международного сообщества. В стране растет понимание того, что усилия по углублению понимания в мире японских традиций, а также современной культуры помогут закрепить за Японией достойное место в международном сообществе.

В последние годы осуществляется все большее число масштабных культурных программ, проводимых различными организациями при поддержке правительства и частного сектора. Основная цель подобных мероприятий – дать международному сообществу более комплексное представление о Японии. Так, в 1997 г. был проведен «Год Японии во Франции». Японская сторона подготовила около 350 программ, включая экспонирование знаменитой скульптуры Кудара Канон из храмового комплекса Хорюдзи, который, как уже говорилось, возглавил японский список культурных объектов всемирного наследия.

Подобная деятельность чрезвычайно важна, поскольку как объективная реальность существует разнообразие культур, а также восприятие и оценки разными народами культурных ценностей. В частности, среди японских объектов всемирного наследия много деревянных построек – буддийских храмов, синтоистских святилищ, разнообразных сельских жилищ. Все они сохраняются в отличном состоянии, поскольку постоянно заменяются пришедшие в негодность из-за гниения в жарком и влажном климате деревянные детали. На Западе же большинство построек сделано из камня и кирпича. Они достаточно хорошо сохраняются и не требуют больших усилий для их поддержания. При этом по возможности власти предпочитают ничего не менять в них без крайней необходимости.

Разный подход к сохранению культурных ценностей в Японии и в странах Запада вызвал серьезные разногласия среди экспертов по определению объектов всемирного культурного наследия. В частности, речь шла о включении в список ЮНЕСКО буддийского комплекса Хорюдзи. Некоторые эксперты утверждали, что многочисленные реставрационные работы сказались на подлинности и исторической ценности памятников. Однако японцы при реставрации всегда стараются сохранить каркас здания, а необходимые детали изготавливают с использованием традиционных строительных материалов и приемов. Если при реставрации культурных объектов применяется глубоко научный подход, учитываются культурные традиции поколений, как архитектурные, так и общие, то, по их мнению, не умаляется историческая и культурная ценность памятников¹².

¹² Nishimura Yukio. Promoting Intangible Culture. – Asia Pacific Perspectives. 2005, vol 3, August, № 4.

Природное окружение человека, природная среда привлекает особое внимание современных японцев. Не случайно, в настоящее время происходит переосмысление эпохи Дзёмон, в которой видят корни нации, культуры и языка. На основе многочисленных археологических раскопок последних десятилетий выстраивается модель жизни человека того времени в гармонии с природой, прежде всего с лесом, что определяется как «культура леса», или «культура дерева» в противовес «культуре камня» на Западе. Понимание вечности в Японии в принципе отличается от западного понимания, где она зафиксирована в камне. Вечность синтоистского святилища в Исэ поддерживается традиционной церемонией переноса на новое место его основных построек. Она проводится раз в 20 лет. Такая церемония – 61-я по счету – была проведена в 1993 г. Считается, что каждое поколение должно увидеть это святилище в том виде, каким оно было первоначально построено в начале первого тысячелетия. Именно таким образом, по мнению японцев, сохраняется историческая память народа.

Позиция Японии по определению подлинности объектов культурного наследия в соответствии с Международной конвенцией получила признание на состоявшейся в 1994 г. в г. Нара конференции, посвященной этой проблеме. Она была полностью отражена в принятом здесь документе по определению подлинности. В соответствии с этим документом появилась возможность включать различные составляющие объекта, в частности, передачу технических методов, знание традиций, обычаев и ритуалов, в оценку подлинности, в дополнение к внешней сохранности объекта. В этом документе японская концепция значимости неуловимых, непостижимых элементов культурного наследия получила международное признание. Можно сказать, что Япония привнесла новые ценности в культурное наследие, обратив внимание международного сообщества на важность неуловимой культурной ауры.

В первоначальный период после принятия Международной конвенции культурные ценности, включенные в список всемирного наследия, представляли собой преимущественно грандиозные дворцы, огромные культовые сооружения и тому подобное. Они находились преимущественно в странах Запада, которые наиболее активно сотрудничали с ЮНЕСКО и другими международными организациями.

Выбор Японией объектов своего культурного наследия был достаточно продуман и хорошо подготовлен. Так в 1994 г., как один объект, были зарегистрированы 17 памятников древней столицы страны Киото, имеющей более чем 1200-летнюю историю. Все памятники – синтоистские святилища, буддийские храмы, императорские дворцы – отличаются своеобразным архитектурным стилем и, конечно, великолепной

сохранностью. Такой выбор не был случайностью, поскольку еще в 1967 г. был принят Закон о специальных мероприятиях по сохранению исторической обстановки в древних городах. Он неоднократно дополнялся. Последняя по времени поправка была внесена в 2000 г. К категории древних городов были отнесены имеющие большую историческую ценность культурные или политические центры Нара, Киото, Камакура и другие исторические места. Целью данного закона признано увековечивание памяти об историческом наследии народа, передача последующим поколениям знаний истории и культуры своей страны, воспитание любви к ней. Обязанность проведения необходимых мероприятий по сохранению исторической среды возложена на государство и местные органы самоуправления¹³. В 1977 г. был принят Специальный закон о сохранении исторической обстановки и улучшении условий жизни в Асука. С этим поселением был связан важный исторический период становления японской государственности (592–710).

В 1998 г. и 1999 г. вполне естественно объектами всемирного наследия были признаны соответственно исторические памятники первой столицы Нара и храмы и святилища Никко. По историческим меркам Нара недолго была столицей (714–794 гг.), но именно в эти годы закладывались основы японской государственности, что требовало возведения соответствующих грандиозных сооружений, одним из которых является храм Тодайдзи – самое большое деревянное здание в мире. Созданный здесь исторический ландшафт высоко оценен из-за гармоничного сочетания строений с окружающей природой, включая первобытный лес Касугаяма.

Хорошо сохранившимся памятником японской культуры XVII в. признаны исторические сооружения – синтоистские святилища Тосёгу и Футарасан и буддийский храм Риннодзи на фоне поросшей густым лесом гористой местности Никко в преф. Тотиги. Все они расположены у подножья горы Нантай в центральной части хребта Никко. Это – один из наиболее любимых японцами объектов всемирного наследия. В Японии есть поговорка: «Никогда не говори кэкко (красивый, великолепный), если ты еще не видел Никко». Комплекс является ярким примером мирного сосуществования культовых сооружений синто и буддизма. На протяжении веков, начиная с постройки Тосёгу в 1617 г., они развивались бок о бок.

Расположенные недалеко друг от друга, но абсолютно разные по своему значению два памятника культурного наследия страны были зарегистрированы в 1996 г. Один из них представляет собой уникальное

¹³ Роппо дзэнсё, с.2642–2643.

синтоистское святилище Ицукусима на о-ве Миядзима, другой – памятные руины так называемого Атомного дома (Гэмбаку) в мемориальном парке мира в Хиросиме. Комплекс святилища Ицукусима сооружен на берегу Внутреннего японского моря таким образом, что во время приливов земля под частью его построек покрывается водой. Все сооружения, шесть из которых признаны национальным достоянием, побережье, море, гора Мисэн на заднем плане признаны объектом всемирного наследия как пример гармонии природы и творения рук человеческих. Известный теперь как Атомный дом зал промышленного развития префектуры Хиросима был сооружен в 1915 г. Во время второй мировой войны в нем размещалась городская администрация. Здание находилось в 160 метрах от эпицентра взрыва атомной бомбы 6 августа 1945 г. и в полной мере испытало его мощь. Критерием его отбора для включения в список всемирного наследия было то, что этот объект «прямо или на уровне ощущения связан с событиями или сохранившимися традициями, идеями, убеждениями или верованиями выдающегося всемирного значения». Дом Гэмбаку (наряду с концлагерем «Освенцим» в Польше, зарегистрированным в 1979 г.) представляет собой «негативное наследие человечества», а также служит символом надежды на то, что безумие войны больше не повторится.

Включение в список ЮНЕСКО в 1995 г. двух старинных деревень Сиракава-го и Гокаяма в преф. Тояма на западном побережье страны явилось результатом большой и целенаправленной деятельности Управления культуры. С целью сохранения исторических объектов и обеспечения их доступности для посетителей управление разработало несколько специальных проектов. Один из проектов называется «Исторические места малой родины (специальные мероприятия по использованию исторических памятников)»¹⁴ и реализуется непосредственно на местах. В рамках этого проекта восстанавливаются исторические памятники, проводятся археологические раскопки, возводятся все необходимые сооружения для удобства их обзора посетителями. Еще один проект «Мероприятия по воссозданию исторической ауры (комплексное восстановление заброшенных исторических объектов на местах)» также предназначен для жителей городков, поселков, деревень.

Разрабатывается специальная программа, нацеленная на более углубленное понимание и осознание исторического культурного наследия, предусматривающая его эффективное использование как средства

¹⁴ В Японии существует понятие «фурусато», что означает «малая родина». Главным образом имеется в виду место рождения человека.

«постижения национальной души». В качестве примера можно привести реализацию проекта по сохранению «деревень, где жители соприкасаются с историей». Осуществлением проекта занимаются местные общественные организации. Как раз в ходе его реализации и были выбраны для включения в список ЮНЕСКО упомянутые выше деревни. Местность, где они расположены, отличается самыми сильными снегопадами, и потому здесь в деревнях возник уникальный архитектурный стиль крестьянских жилищ, так называемый *гассо-дзукури*. Построенные без гвоздей дома накрыты пологой соломенной или тростниковой крышей, которая способна противостоять любым снегопадам. Выбор в качестве объекта всемирного наследия заселенной территории является, пожалуй, необычным случаем.

В настоящее время активно продолжается деятельность по выявлению руин средневековых замков, остатков промышленных и транспортных объектов, которые могут рассматриваться как памятные исторические места. Это же касается и живописных ландшафтов, садов, мест со своеобразной флорой и фауной, т. е. природных памятников. При этом руины и сооружения послемэйдзийского периода отбираются на основе общенациональных исследований в соответствии с критериями необходимости их сохранения, а затем причисляются к культурным ценностям. Например, в январе 2000 г. были причислены к историческим участкам старые шахты Мицуи Миикэ, Мияхара и Манда в префектурах Фукуока и Кумамото. В ряде памятных исторических мест бывает очень непросто сочетать защиту культурных ценностей и проекты развития территории. В таких случаях, как правило, местные власти получают правительственные субсидии, чтобы покрыть значительную часть расходов по покупке земли и пр. Кроме того, Управление культуры предоставляет субсидии для реставрации исторических построек, которые оцениваются, как места «восприятия истории и культуры отдельных местностей». Например, был разработан проект «Местный исторический парк», который предусматривал осуществление программ, касающихся сохранения и использования исторических и других памятников, обустройство их всем необходимым оборудованием для удобства посетителей. Примерно такого же содержания был и проект «Возрождение истории», который предусматривал комплексное сохранение имеющих большое значение разнообразных руин. Управление культуры проводит серьезные исследования для подготовки программ, которые бы можно было эффективно использовать для «эмоционального воспитания» посетителей. Оно подготовило пилотный проект «Приближимся к исторической деревне», который проводят в жизнь органы местной власти.

Под особым контролем государства находятся культурные ценности, которые еще не извлечены из земли, т. е. все то, что обнаружено не только во время археологических раскопок, но и при проведении различных строительных работ. С ростом числа подобных находок в 1995 г. в Управлении культуры был создан комитет по их обследованию и изучению, задача которого обеспечить сохранность всего найденного. По материалам новых археологических раскопок проводится выставка «Заново открытый японский архипелаг». В июле 1999 г. был принят Закон о юридических поправках, направленных на содействие децентрализации, который вступил в силу в апреле 2000 г. Этот закон включает изменения, касающиеся защиты культурных ценностей. Речь, в частности, идет о передаче основных прав собственности на археологические артефакты в случае, если вопрос о владельце неясен, от правительства местным органам самоуправления или право контроля над теми, кто ведет раскопки.

Разрабатывая специальные мероприятия для популяризации важных культурных ценностей, правительство часто берет их финансирование на свой счет. Оно также выделяет средства на приобретение, транспортировку произведений искусства, поддержание обучения традиционным видам искусства и ремесел. Средства выделяются в зависимости от вида и категории культурных ценностей. Например, владельцы построек, признанных культурной ценностью, которые включены в специальный реестр, получают от государства половину средств, необходимых для ремонта. Существует также льготное налогообложение. Например, важные культурные ценности, которые переданы в ведение центральной или местной власти, освобождаются от подоходного налога, а здания – от поимущественного налога. Что касается налогов на наследство и на дарение, то оценочная стоимость определенных культурных объектов, в частности, строений снижается на определенную величину, исходя из юридических ограничений, связанных с владением подобными строениями. Пониженная ставка подоходного налога и налога на прибыль вводится при передаче земли, определенной как исторический район, в ведение центральной или местной власти.

Япония заботится о том, чтобы культурные ценности, расположенные на всей ее территории, были представлены в списке мирового культурного наследия ЮНЕСКО. В 2000 г. в него были включены архитектурные памятники самой южной префектуры Окинава, которая представляет собой группу островов. На протяжении пяти столетий здесь процветало независимое царство Рюкю, которое появилось в результате объединения различных кланов, которые, начиная с XII в.

возводили в своих владениях замки – *гусуки*, как свидетельства их могущества. *Гусуки* означает замок, построенный в характерном окинавском стиле. На главном острове архипелага Рюкю Окинава обнаружены следы существования более 200 замков, однако, в большинстве случаев это лишь руины. Единственный сохранившийся замок Сири был полностью разрушен во время ожесточенных боев на Окинаве во время второй мировой войны. Он был восстановлен в 1992 г., как символ культурного наследия острова. Пять сохранившихся больших объектов, включая и замок Сири, а также группы развалин стали объектами всемирного наследия.

Царство Рюкю лежало на перекрестке торговых путей и являлось важным связующим звеном между Японией и странами Азии. Его географическое положение и роль отразились, в частности, в архитектуре замка Сири. По мнению специалистов, он сильно отличается от японских замков и, несмотря на наличие схожих черт с постройками в Китае, имеет явные особенности собственно окинавского стиля. Отличительной чертой замков *гусуки* была ярко выраженная в характере сооружений связь жителей Рюкю с духовным миром. Они были не просто крепостями, политическими или административными центрами, но и выполняли важные религиозные функции. Согласно местным верованиям, женщины обладали большей духовной силой, чем мужчины, потому главные религиозные ритуалы исполняли именно они. В замке Сири имеется значительная отгороженная священная территория, куда могли входить только женщины. Духовный мир жителей Рюкю можно ощутить в священной роще Сэфа утаки, являющейся частью всемирного наследия. Здесь нет культовых сооружений, а лишь густой лес индийских смоковниц и удивительной формы белые скалы. Считается, что сюда из-за моря приходят божества. В таких рощах мир людей соединяется с миром духов.

Самый северный о-в Хоккайдо в 2005 г. был представлен в списке всемирного наследия районом Сирэтоко, который был оценен, как уникальная экосистема и место обитания редких видов животных.

Из всех компонентов географической среды с появлением и существованием этноса наиболее тесно связан ландшафт. Он является неотъемлемой частью этнической системы, и каждый народ адаптируется к природному окружению. Своеобразие ландшафта Японии – изрезанная береговая линия (около 30 тыс. км) и глыбы горных массивов (которые занимают до 75% территории) потребовали от ее жителей огромных усилий по созданию транспортной инфраструктуры: пришлось не только прокладывать дороги, но и преодолевать горные перевалы, пробивать многочисленные тоннели, строить мосты. Учитывая большую

значимость для понимания истории страны древних почтовых трактов и водных путей, Управление культуры ежегодно в мае месяце проводит повсеместно «инвентаризацию» таких объектов с тем, чтобы определить, что является культурной ценностью. В настоящее время осуществляется проект, предусматривающий «мероприятия по приведению в порядок и подготовке к использованию исторических дорог».

Разрабатываются также аналогичные проекты по сохранению и организации использования ландшафтных культурных ценностей. Как известно, в понятие «качество жизни» составной частью входят возможность пользоваться зелеными насаждениями вблизи жилья, культивирование эстетической ценности национальных парков и исторических памятников. Для осуществления такой деятельности имеется достаточно разработанная законодательная база. В соответствии с Законом о национальных парках 1957 г. (первый такой закон был принят еще в 1931 г.)¹⁵ в стране создана единая система парков. Она состоит из национальных и квазинациональных парков, которые различаются формой утверждения правительством, а также префектурных парков. Согласно закону все выделенные виды парков призваны защищать и сохранять все наиболее прекрасные ландшафты страны. Они находятся в ведении министерства по делам окружающей среды (ранее это было соответствующее управление в составе канцелярии премьер-министра), на которое возложена задача сохранения естественной среды в регионах с уникальными природными ландшафтами. В общей сложности парки занимают 14% территории страны¹⁶. Бурный процесс выделения природных парков пришелся на период от принятия закона до начала 70-х годов, а затем он в принципе остановился.

В 1972 г. был принят Закон об охране природной среды, в котором изложена концепция и определен основной курс защиты природной среды¹⁷. По рекомендации Консультативного комитета при Управлении культуры (создан в 1989 г.) постоянно увеличивается число признанных природными памятниками различных садов, ущелий, гор, участков береговой линии. В 1995–1996 гг. были усовершенствованы официальные стандарты определения важных культурных ценностей, в том числе живописных ландшафтов.

В последние годы получила развитие концепция «культурных ландшафтов». Она признает физическую и духовную связь, которая на протяжении веков складывается между человеком и природой. В

результате значительно возросло число объектов всемирного культурного наследия, которые подпадают под эту категорию. На 2004 г. их насчитывалось уже 48, в том числе священные места и тропы паломников в горном хребте Кии в Японии. Этот объект всемирного, культурного наследия заслуживает особого внимания в виду его уникальной значимости в истории и повседневной жизни японцев.

Горный хребет Кии, состоящий из вершин, высотой от одной до двух тысяч метров, протянулся из глубины о-ва Хонсю в сторону Тихого океана. Небольшие деревни прячутся в узких долинах между горами, солнечные лучи никогда не проникают под полог густого леса. Эта священная земля Кумано издревле была связана с национальной религией японцев синто и привлекала паломников. Они шли через эти мистические места и «ощущали» присутствие здесь своих божеств. Гористый ландшафт не способствовал легкому продвижению и устройству удобных дорог. Видимо труднодоступность этих мест и вдохновила японцев в далекие времена назвать этот горный край «местом, где живут боги». Самая удаленная часть этого края называется «Три священных места Кумано» (*Кумано сандзан*) и почитается как священное место синто. С приходом в страну буддизма оно стало почитаться и как священное место буддистов. Таким образом, по мере усложнения религиозного ландшафта в Японии возрастало духовное, религиозное значение Кумано.

За 1400 лет, в течение которых люди посещали этот край, сложилась целая сеть паломнических троп к священным местам. Так возник культурный ландшафт, отражающий переплетение природы и человеческой духовности. В 2004 г. он был включен в список объектов всемирного наследия. Этот ландшафт отличается своей масштабностью. Он расположен на территории трех префектур – Вакаяма, Нара и Мие и занимает около 12 тыс. га. Тропы, связывающие священные для синтоистов, буддистов и приверженцев различных сект места, протянулись на 307,6 км. В наше время, когда в основе многих межэтнических конфликтов лежат религиозные распри, мирное сосуществование различных религиозных верований японцев заслуживает пристального внимания. Значительная часть древней дороги Кумано бережно сохраняется усилиями местных жителей, и в настоящее время она продолжает играть важную роль в их повседневной жизни. После включения этой местности в список всемирного наследия на дорогах появились указатели на английском языке, поскольку иностранцы здесь уже не редкость.

Сделав так много для сохранения, увековечивания и пропаганды своих культурных ценностей, Япония, обладая достаточными финан-

¹⁵ Роппо дзэнсё, с.2451–2457.

¹⁶ Quality and Environment in Japan. – Annual Report. 1995, p. 446–447.

¹⁷ Роппо дзэнсё, с. 2447–2450.

совыми возможностями, озаботилась оказанием помощи в этом деле другим странам. Как уже говорилось, в рамках ЮНЕСКО в 1989 г. был создан трастовый фонд сохранения всемирного культурного наследия с целью оказания помощи по сохранению исторических памятников и археологических объектов огромной ценности в различных странах. Средства фонда используются для реставрации, проведения необходимых исследований, строительных работ по сохранению памятников, направления специалистов, а также на приобретение соответствующего оборудования. Японская сторона понимает, что работы по сохранению и реставрации в долгосрочной перспективе должны выполнять специалисты той страны, где находится памятник, поэтому она активно готовит местные кадры. На 2001 г. на нужды этого фонда было выделено в общей сложности чуть более 40 млн. долл. География участия Японии в этой деятельности весьма широка: конкретные проекты осуществлялись в 14 странах на 18 объектах. В 1993 г. был создан аналогичный трастовый фонд для сохранения и поощрения нематериального культурного наследия, на счет которого было перечислено более 3 млн. долл.

Последние десять лет Япония очень плодотворно участвует в различных проектах по сохранению и реставрации культурных сокровищ в соответствии со «Списком объектов всемирного наследия в опасности». В частности, японское правительство создало трастовый фонд ЮНЕСКО–Япония для проведения работ по сохранению памятника Ангкор в Кампучии. Этот проект наиболее впечатляет своими масштабами и числом участников сохранения и реставрации. Японские специалисты совместно с представителями других стран провели огромную работу, которая позволила в 2003 г. исключить Ангкор из списка объектов, находящихся в опасности. В 2001 г. Япония опять создала аналогичный фонд для спасения руин Бамиана в Афганистане и активно участвует в работах по сохранению настенных фресок и в разработке генерального плана реставрации. С целью изучения нынешнего состояния культурного наследия в Ираке туда была направлена специальная миссия Япония–ЮНЕСКО.

Сотрудничество в рамках ЮНЕСКО помогает воспитывать уважение к различным культурам и содействовать их сосуществованию. В коммюнике Окинавского саммита «Группы 8» (2000 г.) было записано, что культурное разнообразие «является источником социально-экономического динамизма, который способен улучшить жизнь людей в XXI в., поскольку оно вдохновляет на творчество и стимулирует прогресс»¹⁸. Одним из позитивных результатов деятельности ЮНЕСКО

по сохранению культурного наследия является увеличение спроса на сотрудничество в этой сфере. В последнее время многие азиатские страны начали предпринимать активные действия по защите своих культурных ценностей, значительному числу которых угрожают опасности. Среди них – разрушения и повреждения в результате естественных причин, поспешные и непродуманные ремонтные работы и реконструкция ради использования объектов для привлечения туристов, нехватка квалифицированных специалистов, некомпетентное планирование мер по защите и сохранению культурных ценностей, нехватка ресурсов, несовершенное законодательство. Однако в развивающихся странах из-за серьезных трудностей экономического развития защите культурных ценностей, как правило, не уделяется внимание.

Япония, которая располагает не только значительными финансовыми возможностями, но и большим арсеналом методов исследований, защиты, сохранения и реставрации культурных ценностей в своей стране, активно участвует в различных программах ЮНЕСКО. При этом японское правительство исходит из того, что надежная защита культурных ценностей не может быть обеспечена лишь временным предоставлением денежных средств и оборудования той или иной стране. Она возможна лишь тогда, когда долговременные усилия по сохранению и восстановлению культурных ценностей предпринимаются местными специалистами, которые хорошо знакомы с местным климатом, материалами и традиционными методами сохранения и восстановления ценностей. Также чрезвычайно важным являются понимание и поддержка со стороны местного населения. В этой области Японией накоплен неоценимый опыт, который она может передать, например, странам ЮВА, имеющим общие традиции «культуры дерева». Не случайно в 1999 г. в г. Нара, который фактически является музеем под открытым небом, был учрежден Азиатско-тихоокеанский культурный центр при отделе сотрудничества по защите культурного наследия ЮНЕСКО. Это можно рассматривать как признание немалых заслуг Японии по сохранению культурных ценностей как внутри страны, так и в мировом масштабе.

¹⁸ www.mofa.go.jp/policy/cultural/index.html

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЯПОНСКАЯ КОМИКС-КУЛЬТУРА: НА ПУТИ К ПОКОРЕНИЮ МИРА

Новое восприятие Японии и ее культуры в XXI в. формируется во многом феноменом последних двух десятилетий – комикс-культурой: мультипликационными фильмами (*анимэ*) и популярными комиксами (*манга*). Сегодня со всей уверенностью можно констатировать, что этот феномен стал главным каналом влияния на значительное число проектов в культурной сфере многих стран мира. Он определяет основной вектор развития интеграционных художественных процессов и формирует действительно новое восприятие мира с учетом «восточного фактора».

Особенность современной ситуации состоит, прежде всего, в том, что Япония, обеспечив с середины 60-х годов прошлого века гигантский прорыв в технологической сфере, сумела достаточно органично соединить свои технологические достижения с культурной «экспансией», принеся миру во многом качественно новый взгляд на систему культурных и исторических ценностей. Именно через новый технологический мир формируется новое коллективное сознание, которое дает возможности выстраивания совершенно иных отношений между людьми, минуя национальные границы. Как однажды заметил Билл Гейтс, «одной идеей, одной картинкой, одной сценой или игрой можно в течение нескольких секунд связать мир в глобальном масштабе»¹.

Потенциал Японии на этом новом информационно-культурном поле огромный. И хотя японская массовая культура в целом пока еще не может в полной мере конкурировать с культурной индустрией абсолютного лидера в этой области – США, с содержательной и технологической точки зрения она является гораздо более развитой и многогранной, чем американская, главным образом благодаря своим многовековым традициям. В первую очередь это касается самого

интересного и разнообразного сегмента массовой культуры Японии: *манга* и *анимэ*².

Достаточно показательно, что эти термины, которые сегодня прочно вошли в международный лексикон именно в своем японском звучании, сразу же определили свою специфику и особое положение этих жанров в мировой комикс-культуре. Взять, например, всем сегодня хорошо знакомое слово *анимэ*, которое произошло от той же анимации, но при этом оно наполнило ее чисто японским ощущением мира: «душа» (таково значение латинского корня *anima*) вместо «одушевления» (основное значение слова *animation*), реальная жизнь вместо ее имитации. В *анимэ* постоянно присутствует элемент новизны, технологического прогресса и возможности во многом расширить свое личное участие, в частности через интерактивные и сетевые игры и проекты. Возможно, в этом – одна из основных причин столь огромной популярности японских рисованных лент во всем мире.

В свое время детский сериал «Покемоны» с успехом шел на телеэкранах 65 стран, побив рекорд даже абсолютных лидеров в этой области также японского происхождения – популярных сериалов «Красавица-воин Сейлор Мун» и «Дракон Болл». А такие мировые хиты, как «Акира» и «Унесенные призраками», появившиеся уже на видеоносителях, принесли миллионные прибыли их создателям. Сегодня масштабы мировой *анимэ*-интервенции достигли еще более серьезных размеров – более 60% всей мировой анимации создается именно в Японии, ставшей одной из главных статей экспорта страны. По сообщению аналитического центра «Dentsu Communication Institute», продажи *анимэ* в Японии выросли более чем в 40 раз – с 4,6 млрд. долл. в 1975 г. до 191,2 млрд. иен в 2004 г.³

Достаточно показательно, что главным импортером являются США. По данным министерства торговли и промышленности, в 2002 г. продажи японских анимационных фильмов в США достигли 4,36 млрд. долл., что более чем втрое превышает показатель импорта стали в эту страну⁴.

Большой интерес американской публики к японской мультипликации отнюдь не заканчивается просмотром *анимэ*-сериалов по телевидению. Сформировалась и активно развивается целая сфера бизнеса, которая начинается с детских игрушек и кончается широким исполь-

² В Японии эти два жанра зачастую объединяют в *манга-культуру*, поскольку *анимэ* с точки зрения своих исторических, художественных и иных корней является, по существу, производной от *манга*. Достаточно сказать, что чаще всего *анимэ* снимается по мотивам *манга* и т. д.

³ <http://www.dn-weekly.kiev.ua>

⁴ Там же.

¹ <http://www.microsoft.ru>

зованием *анимэ* в производстве рекламной продукции для взрослых, особенно в сфере предоставления услуг. По данным «Белой книги по цифровым товарам» («Digital Contents White Book»), игры, игрушки и бесчисленное множество других товаров, так или иначе связанных с *анимэ* игрушек «тамагучи», «покемонов» и других, которые буквально покорили все страны, только в Японии в прошлом году должны были принести 18,5 млрд. долл.⁵ Возник поистине глобальный рынок такой продукции, поскольку во многих случаях именно благодаря успеху в США японская продукция массовой культуры становится известной и востребованной.

Ежегодно в г. Анахейм (штат Калифорния) проходят *Анимэ-Экспо*. В 2006 г. прошел 15-й грандиозный форум любителей и производителей, прокатчиков и промоутеров этой продукции. При среднем показателе ежедневного посещения 30 тыс. человек рекордное число гостей этого мероприятия пришлось на 4 июля и составило 42 тыс. человек.

Десятки тысяч человек, переодетые в костюмы любимых *анимэ*-персонажей, огромные книжные развалы с *манга* и тут же выступления популярных японских групп и их солистов, исполнявших популярные саунд-треки из *анимэ* – вот только небольшое из того, что привлекает внимание посетителей и гостей, давая возможность непосредственно почувствовать себя причастным к этому миру. Здесь работает принцип «снежного кома» – каждый любитель *анимэ*, по данным организаторов, приводит с собой двух-трех новичков, для которых это действительно открытие нового культурного мира. Специальными гостями на этом всемирном празднике *анимэ* в 2006 г. были самые известные в Японии четыре женщины-художницы – создательницы известных *манга* и *анимэ*, работающие под маркой «Clamp». Это был первый приезд художниц в США, раньше здесь были только их работы «Чобитсы» и др.

Когда-то слово *анимэ* ассоциировалось и в США, и в других странах с такими увлекательными лентами, как «Кимба – белый лев», «Война миров» и «Набирающий скорость», и означало самые лучшие и самые увлекательные показы на телевидении. Сегодня же японские *анимэ* – уже не экзотическая редкость, а практически неременный атрибут телевизионных программ всего мира, не исключая и нашу страну, где эти ленты демонстрируются практически ежедневно практически по всем каналам. Именно в *анимэ*-сериалы уходят корнями и имеющие многомиллиардные обороты видеопроекты – так называемые OVA (Original Animated Video), созданные для «домашнего просмотра», и видеоигры типа «Покемоны» и т. д.

⁵ Там же.

Новый XXI век принес в мультипликацию компьютерные технологии и трехмерную графику, и весь мир окончательно перешел на новые цифровые видеоносители – CD, DVD и т. д. По оценке отраслевой группы «Nasscom», мировые сборы только от проката и продаж DVD с *анимэ* составили в 2005 г. более 5,2 млрд. долл.⁶

Японские видео- и компьютерные игры наводнили все мировые рынки. Японские видеоигры «Уличный боец», «Тэккэн», «Финальная фантазия» и другие занимают лидирующее положение среди других образцов этой продукции и пользуются самой большой популярностью среди детей и подростков школьного возраста. Правда, сегодня на смену им приходит новый вид компьютерных игр в системе «Он-лайн». Это – наиболее стремительно коммерчески успешно развивающееся направление индустрии развлечений, которое захлестнуло все континенты.

Но главный пропагандист японской массовой культуры – это Интернет. Создав возможность для фактически неограниченного по времени и содержанию общения людей друг с другом, он быстро оброс собственной культурой. И здесь японское влияние чувствуется гораздо больше, чем где-либо. Появилось новое интернациональное многомиллионное племя фанатов *анимэ* – так называемых «отаку», состоящее в основном из тинейджеров и студентов. Среди них термин «отаку» может иметь расширительное значение – «преданный поклонник чего-либо», что практически соответствует словоупотреблению, принятому в Японии. *Отаку* создали на страницах Интернета не только свои клубы и сайты, которым буквально нет числа, но и целую огромную виртуальную страну без границ – «анимэманию». В ней они живут, дружат, обмениваются мнениями, а порой просто уединяются в этом своем уголке фантазии и свободы от мира реального. Окунувшись в эту мировую «паутину», можно не только познакомиться со всеми новинками бездонного мира японской мультипликации, заглянуть в ее прошлое или будущее, но и буквально «утонуть» в многочисленных специализированных *анимэ*-сайтах. Иногда эта «анимэ-мания» превращается в какую-то странную и почти неизлечимую психическую болезнь, пришедшую из Японии.

В этой виртуальной стране *анимэ* был выработан свой специфический язык, свои нормы жизни и способы развлечений, понятные только посвященным, одним словом, своя субкультура. Например, «фанарт» (fanart) – художественное творчество *отаку* по мотивам любимых произведений, а «фансабы», или «фансабберы» (fansabber) – это своего рода добровольные распространители *анимэ*.

⁶ <http://www.livejournal.com> – Профиль. 2005, №224 (438).

По существу, – это пираты, но не ради коммерции, а ради любви к искусству. Энтузиасты своего дела, действуя хорошо организованными группами, добывают в Японии *анимэ* и собственными силами доводят фильм до зрителя: переводят диалоги, надписи и тексты песен на свой язык, превращают перевод в субтитры и делятся конечным продуктом со всеми желающими. Конечно, здесь возникает много лицензионных и других правовых проблем, в первую очередь, с официальными издателями и авторами этих произведений, но каждый по-прежнему находит свою нишу. Если бы не появились в свое время фансабы, *анимэ*, возможно, не распространилась так широко за пределами Японии, по крайней мере, как культурное явление и как одно из прибыльных направлений кино-бизнеса.

Мода на рисованных японских человечков захватила сегодня многих мировых звезд шоу-бизнеса, для которых оживающие в лентах рисованные персонажи стали источником новых креативных идей. Так, американская рэп-металл-группа «Linkin Park» в поисках своего оригинального стиля поспешила заказать у токийской студии «GDH» анимацию для своего очередного клипа. А популярная британская группа «Gorillaz» вообще никогда не появлялась на публике – живых музыкантов везде и всюду заменяют рисованные человечки. Солистки же английской чуть ли не самой известной в истории музыки женской поп-группы «Spice Girls», напротив, не скрывали своей внешней привлекательности, часто стилизуя свой яркий сценический имидж под героев *анимэ*.

Но особенно часто в последние годы стили и идеи из *анимэ* стали появляться в зарубежной мультипликации и кино. Начало этому увлечению дал мировой триумф ленты «Унесенные призраками» режиссера Миядзава Хаяо, получившей в 2002 г. Золотого медведя на Берлинском кинофестивале, а в 2003 г. «Оскара» в номинации «Лучший анимационный фильм». Для всех ценителей *анимэ* за пределами Японии, без преувеличения, это стало историческим событием, поскольку официальное международное признание этой ленты открывает дорогу и другим хорошим фильмам.

Одна из последних работ этого режиссера «Бродячий замок Хоула» также снискала высочайшие оценки критиков еще до ее премьеры в США. Впервые фильм был показан на Венецианском кинофестивале 5 сентября 2004 г., а уже 11 сентября ему был присужден приз за техническое мастерство. Три фильма принадлежащей японскому аниматору студии «Гибли» входят в пятерку самых кассовых лент в истории японского кинопроката. «Фильмы Миядзаки-сан уносят нас туда, где мы никогда не бывали, и его чудесные образы дают пищу нашему

воображению». Так отзывается о фильмах этого мастера Ричард Кук – председатель правления «Walt Disney Studios» – дистрибьютора «Бродячего замка Хоул»⁷.

Именно этой привлекательной чертой *анимэ* поспешили, как всегда, первыми воспользоваться американцы. Достаточно вспомнить хотя бы диснеевский мультфильм «Мулан», в котором многие герои напоминают *анимэ*-персонажей. Не отстают от моды на все японское и многие знаменитые американские режиссеры большого кино. Вспомним того же Квентина Тарантино и его нашумевший фильм «Убить Билла», в котором искусно включены в повествование эпизоды, близкие к *анимэ*, и персонажи в стиле *манга*, а также большой рисованный фрагмент, который создали на японской студии «Production I. G.».

Но самое невероятное проявление японского стиля в Голливуде – это фантастическая трилогия «Матрица». Ее создатели братья Вачовски – большие поклонники *манга-анимэ* культуры – неоднократно признавались, что ставили перед собой задачу воспроизвести «в живую» стиль *анимэ*-киберпанка. «Матрица» снята по мотивам прославленной *анимэ* «Призрак в доспехах», созданной в 1996 г., кстати говоря, на американо-британские деньги. Основой сюжета послужил популярный *манга* Масамунэ Сиро «Подразделение “Доспех”».

И хотя плод концепции режиссера-философа Осии Мамору достаточно далеко отошел от *манга* Масамунэ Сиро, его легкомысленного юмора и развернутого сюжета, именно этому фильму выпала судьба стать вехой в развитии японского фантастического киберпанка, одной из самых холодных и красивых лент 90-х годов. Большого коммерческого успеха эта лента в прокате не принесла, но получила «культовый» статус и породила немало подражаний, в первую очередь, в области визуальных решений.

Работа над японской анимацией так впечатлила братьев Вачовски, что они вместе с продюсером «Матрицы» Джозелем Сильвером в 2005 г. начали работу по экранизации японского комикса 60-х годов «Набирающий скорость», который в начале 2007 г. стал одним из лидеров по кассовым сборам. Он потянул за собой создание целого бизнес-проекта, включающего все – от производства игрушек до использования элементов фильма в коммерческой рекламе многих ведущих мировых компаний. Комикс «Набирающий скорость», созданный пионером *анимэ* Тосида Тацуо, рассказывает о гонимом по прозвищу «Скорость» и гоночном болиде «Мач», начиненном всевозможными приспособлениями. В приключениях участвует вся семья главного героя, а противостоит ему мистический Райсер. Примечательно, что визуальными

⁷ <http://www.livejournal.com>

спецэффектами занялся также бывший член команды «Матрицы» Джон Гаета, который получил премию «Оскар» за подобную работу в трилогии «Матрица».

Следующим американским кинопроектом стала экранизация *манга*-бестселлера Урасава Наоки «Чудовище», права на экранизацию которого приобрела компания «New Line Cinema». Это – психологический триллер, рассказывающий о молодом враче, который спас мальчика, но через несколько лет узнал, что тот стал убийцей. Врач идет по следу «чудовища», при этом стараясь не попасться в его руки.

Манга «Чудовище» был в свое время распродан тиражом более 25 млн. экземпляров в Японии и пользуется большим интересом в странах Азии и Европы, что не могло остаться незамеченным американским кинобизнесом. Несмотря на своей достаточно солидный объем (18 томов), эта работа японского художника была экранизирована в Японии в одноименном *анимэ*-сериале и не удивительно, что американский кинобизнес также не мог не воспользоваться этим увлекательным сюжетом и оригинальной стилистикой.

В условиях такой нарастающей волны японского бума не мог отказать себе в удовольствии поддаться ей и другой мэтр американского кино Джеймс Кемерон, считающийся в мире кинематографа главным специалистом по спецэффектам. Он, как и его коллеги по кинематографическому цеху, вернее сказать, конкуренты, намерен снять ленту по мотивам японского комикса и одноименной *анимэ* «Ангел битвы Алита» художника Кисиро Юкито.

Сюжет картины не очень замысловат. Действие происходит в XXVI в., спустя 300 лет после ядерной войны. Ожидается, что в фильме будет много драк и крови, но в не меньшей степени и романтики. «Ангел битвы Алита» соединит в себе «живые» съемки и компьютерную графику. Это касается и персонажей картины. Так, главную героиню будет играть актриса, но с помощью спецэффектов будет создан мультипликационный персонаж, наподобие Горлума из трилогии «Властелин колец». Прокат ленты может иметь огромный кассовый сбор, прежде всего, потому, что уже сейчас в США насчитывается около тысячи кинотеатров, где возможен просмотр фильмов с высочайшим цифровым качеством изображения.

Одним словом, необычайный интерес к *анимэ*, следы влияния рисунка, эстетики, пластики, стиля можно обнаружить сегодня едва ли не во всех направлениях современной массовой культуры Запада – от высокой моды и графического дизайна до голливудских блокбастеров.

Не меньшей популярностью и успехом за пределами Японии пользуются сегодня и первооснова *анимэ* – комиксы (*манга*). По их распро-

странности в других странах можно судить в целом о продвижении *манга*-культуры в мире, включая и *анимэ*. Для иллюстрации следует особо выделить географическую составляющую этого процесса.

Наиболее широко за пределами Японии *манга* представлены в США, Германии, Франции, Испании, Италии и Польше, где они продаются большими тиражами. В каждой из этих стран существует несколько издательств, занимающихся *манга*, и сформировалась достаточно обширная читательская аудитория, которая постоянно расширяется, прежде всего, под влиянием телевидения и Интернета.

Первыми переводить на английский язык японские комиксы стали американцы. В 80-е годы американский рынок комиксов испытал так называемый «черно-белый бум», т. е. стремительное вторжение *манга*, который по традиции редко изменяет своей монохромной традиции. Тиражи изданий росли в геометрической прогрессии. На этой волне возникает ряд крупных издательств – крупнейших импортеров *манга*. Одно из них – компания «Viz Communication, Inc.», основанная в 1986 г. в Сан-Франциско как американский филиал крупнейшего японского издательства «Сёгакукан», владельцы которого сразу же поняли своевременность такой инициативы.

Это издательство в свою очередь заключило партнерский контракт с компанией «Eclipse Comics» и совместно выпускает несколько ставших популярными комиксов: книгу в ниндзя-стиле Санпэй Ситаро «Легенда о Камуи», военный экшен Синтани Каору «Зона 88» и ряд творений Рёити Икэгами. Огромный успех вышедших комиксов доказывает правоту выбранной политики компании и то, что американский рынок готов к приходу японского *манга*.

В 1988 г. контракт с «Eclipse Comics» заканчивается и, стремясь сохранить уникальный японский стиль, присущий *анимэ* и *манга*, «Viz» решает стать независимым распространителем этой продукции. После первого самостоятельного выпуска комикса «Серый», вступление к которому было написано известным американским публицистом Харланом Эллисоном, «Viz» получает признание и становится седьмым крупнейшим издателем комиксов в США.

Исследовав потребности рынка, «Viz» сконцентрировалась на трех основных категориях, включающих истории для аудитории всех возрастов, для девочек (*сёдзё-манга*) и для взрослых (*отона-манга*). Применяя японскую маркетинговую стратегию, «Viz» выпускает комиксы в виде маленьких брошюр. Этот формат сохранился и до сегодняшнего дня.

Используя опыт издания *манга*, «Viz» решает организовать первый на территории США *манга-анимэ* журнал. В ноябре 1992 г. в США

выходит «Animerica premiered» – журнал, который до сих пор остается самым авторитетным изданием, посвященным японской мультипликации и комиксам. В дальнейшем журнал обзаводится собственными специальными изданиями, такими, как «Animerica Extra», которое рассчитано на молодых читателей, и «Pulp», ориентированный на более взрослого потребителя.

В 1993 г. «Viz» приступает к переводу и распространению, возможно, самого популярного сериала в истории «Рамма 1/2» Такахаси Румико. Сейчас компания «Viz Communication Inc.» продолжает работу в *анимэ*. Она обладает правами на более чем 20 наименований *анимэ*.

Раньше, при издании переводного *манга* страницы обычно зеркально переворачивались, чтобы их можно было читать так, как было привычно западному читателю – слева направо. Некоторые создатели *манга* выступают против такой практики и требуют от иностранных издательств публиковать их работы в оригинальном виде. Благодаря многочисленным просьбам любителей *манга* издатели все чаще выпускают эту печатную продукцию в «не зеркальном» виде.

«Viz» также идет навстречу пожеланиям авторов и японских издателей и продолжает вводить новшества для англоязычных читателей. В 1998 г. «Viz» издал популярнейшее произведение этого жанра «Новое поколение Евангелион» в формате фолианта, который читался справа налево. Это дало читателям шанс узнать историю в первоначальном японском формате и имело огромный успех. Теперь Viz издает «Дракон Болл» и «Дракон Болл Z» – наиболее популярные в мире *манга* – исключительно в формате справа налево. Они стали самыми продаваемыми комиксами компании.

Другая крупная американская компания «Токуорар» также принципиально не адаптирует *манга* под западные нормы и именно в этом видит свое преимущество в конкурентной борьбе за своего читателя. Чаще всего *манга* выпускается в 30-страничных буклетах. Японцы называют их «хонъяку комиккацу» – переводные комиксы или «эйгобан» (английская версия).

Рынок *манга* во Франции также неплохо развит. В этой стране популярны работы многих жанров, не нашедших отклика у читателей за пределами Японии, как например, драматические произведения для взрослых, экспериментальные и авангардные работы. Не особенно известные на Западе авторы, как, например, Танигучи Дзиро, во Франции обрели большую популярность. Это отчасти объясняется тем, что в этой стране сильны позиции своей культуры комиксов.

Во Франции, где национальный элемент в культуре защищен законодательно (ограничивая возможности иностранным лентам и музыке

доминировать в национальном медиабизнесе), *манга* не рассматриваются как угроза национальной культуре. Они воспринимаются, прежде всего, как феномен «культурного моста между Западом и Востоком», способного дать возможность понимания иных культурных и исторических ценностей уже с малого возраста.

В Германии в 2001 г. впервые за пределами Японии *манга* начали издаваться в формате «танкобон» – «телефонных книг» на японский манер. До этого на Западе *манга* публиковались в формате западных комиксов – ежемесячными выпусками под одной главой (переиздаваясь потом в виде отдельных томов). Было запущено два таких журнала. Один из них для юношей, другой – для девочек. Новый для западного читателя периодический формат стал успешным, и сейчас почти все зарубежные издатели *манга* отказываются от отдельных выпусков, переходя на «телефонные книги».

Однако в США и европейских государствах *манга* завоевывает своих читателей намного медленнее, чем в Азии – в странах, близких в историческом и геополитическом отношении к Японии. На одно из лидирующих мест по распространенности *манга* недавно вышла Индонезия, где эта разновидность японской массовой культуры стала одним из самых быстро развивающихся направлений местного медиарынка и заложила основу для развития собственной индустрии комиксов. Особенно большой популярностью в Индонезии, Таиланде и Малайзии пользовались *манга*-книжки 60-х годов, большая часть из которых была переведена на местные языки.

Манга в оригинале или переведенный на китайский язык можно было также найти практически во всех крупных малайских городах. Особенным успехом пользовались детские серии. *Манга* «Дораэмон» зачитываются от мала до велика. В то же время *манга* для взрослых, подпадающие под всякого рода цензурные ограничения, – культурное явление, мало известное в этих странах. Аналогичная ситуация складывается и в Сингапуре, где часто в японских журналах изъяты целые страницы по цензурным соображениям.

Уже много лет *манга*, переведенный на китайский язык, необычайно популярен на Тайване. Этому способствовало большое количество «бутлегов» – комиксов, выпущенных с нарушением авторских прав, т. е. «пиратской» продукции. Они обладали многими преимуществами: были близки к оригиналу, интересны, дешевы и широко доступны для местного населения. Поэтому слабый перевод, цензурные и иные проблемы не смогли подавить энтузиазма покупателей.

Сейчас ситуация меняется в лучшую сторону – рынок *манга* становится более цивилизованным. Жесткое наступление на *манга*-пиратов

на Тайване и в соседних государствах, где наблюдались подобные явления, заставило когда-то подпольных издателей покупать права на «перевод» оригиналов и их издание у себя в стране.

В последние годы на Тайване и в близлежащих странах наступил настоящий бум *манга*, что привело к созданию целой сети специализированных магазинов и библиотек. При этом среди разнообразия жанров *манга*, предложенных на рынке Тайваня, как и повсюду, есть и свои пристрастия. Здесь любят *манга* для девочек, самостоятельные издания – «додзинси» и японских культовых авторов, таких, как содружество художников «Clamp».

Работы японских художников пробудили на Тайване не только огромный интерес к своей продукции, но и способствовали стремительному росту национальной комикс-продукции, а также появлению в этой стране нескольких высококлассных художников, таких, как Цай Чин Чюнг, Чен Вен и др. Их работы переводятся на японский язык, а некоторые тайваньские мастера работают исключительно для японских журналов.

Похожая ситуация складывается и в Гонконге, где необычайная популярность японской *манга*-продукции стимулировала зарождение и стремительное развитие национальной индустрии комиксов. Правда, темы и сюжеты для них здесь, как и на Тайване, черпают не из японских источников, а из такого же популярного жанра китайской литературы.

Но дело здесь не только в сюжете, но, прежде всего, в уровне профессионализма местных художников, которые пока еще не могут составить достойную конкуренцию своим японским коллегам, успешно работающим в сходном формате, Хара Тэцуо, Рёиси Икэгами, Цукаса Ходзё. Японские читатели очень мало знакомы с этим жанром. Речь может идти только о некотором знакомстве с работами тайваньского художника Чен Вен и корейца И Джи Хак, которые в основном работают на японское издательство «Коданся».

Одно время на японский язык переводились работы и знаменитого гонконгского художника Ма Вин Син, который ощутил в своем творчестве большое влияние японского искусства. На протяжении долгих лет *манга* широко пропагандировались в Гонконге еженедельным журналом «Family Comics». В 1993 г. по ряду обстоятельств журнал был закрыт, в результате чего началась безумная гонка за правами на публикации *манга* среди местных издателей. Сегодня цена и качество издания *манга* значительно выросли, и это стало большим легальным бизнесом для многих издателей. Как и во всей Азии, особенно велики тиражи в Гонконге известного во всем мире *манга* для мальчиков «Дракон Болл» и др.

Манга «Короткий бросок» совершил целую революцию и в умах корейских читателей. Однако в связи с довольно продолжительным запретом на ввоз в Южную Корею культурной продукции из Японии, этот комикс, как и многие другие, подвергся значительному редактированию. Одна из причин кроется в антияпонских настроениях, которые еще до сих пор сильны на Корейском полуострове как отголоски колониального господства Японии в Корее в 1910–1945 гг. Тем не менее, даже и здесь весьма велика тяга к японской массовой культуре, особенно среди молодежи, несмотря на то, что и японская музыка, и комиксы, и журналы мод и другие образцы японской массовой культуры долгие годы циркулировали здесь в основном как «андеграунд».

Подлинным прорывом в этом культурном поле стали японские специализированные *манга*-журналы, которые получили широкое хождение в Южной Корее. На корейском книжном рынке сейчас вращается примерно вдвое больше *манга*-продукции, ориентированной на женскую читательскую аудиторию, чем книг для мальчиков, также популярна тематика, связанная с боевыми искусствами.

Вслед за Японией в Корее, Гонконге и на Тайване открылись и процветают *манга*-библиотеки. Несколько позже эта идея была реализована в странах Запада. Сейчас на смену *манга*-библиотекам все более стремительно приходят *манга*-кафе.

Что касается нашей страны, то из арсенала японской массовой культуры представлено практически все, что хотя бы в той или иной степени популярно в мире. Первым официально изданным в России был *манга* «Рамма ¹/₂». На данный момент в нашей стране существуют всего два легальных и несколько нелегальных издательств по выпуску этой продукции, однако нет на нее и большого спроса, который в значительной степени перекрывается растущей популярностью *анимэ*. Те же, кто проявляет интерес к этому виду искусства, удовлетворяют его через Интернет, через сеть «отаку».

В 1996 г. возникла Российская ассоциация *анимэ* и *манга* (или клуб «R.An.Ma»). Она предвосхитила массовую моду в нашей стране на эту культурную продукцию. Клуб создавался практически на пустом месте несколькими энтузиастами через самый удобный на тот момент времени способ пропаганды японской массовой культуры – Интернет. Поэтому почти сразу же после своего появления клуб «R.An.Ma» обзавелся двумя веб-страницами, ставшими его рупором.

Подобные клубы существуют и в США, правда, там они образовывались в основном вокруг университетских кампусов, и многие из них быстро обзаводились всеми необходимыми атрибутами: постоянным местом встреч в каком-нибудь университетском кинозале, видеопроек-

ционной аппаратурой, а также узнаваемой символикой. При поддержке компаний-посредников, выпускающих *анимэ* на американский рынок, стали проводиться ежегодные фестивали, на которые приглашались знаменитые гости.

В России не было ни университетских кампусов, ни компаний, легально выпускающих *анимэ*. Сегодня, спустя 10 лет после основания «R.An.Ma.» представляет собой ассоциацию *анимэ*-клубов, которая имеет филиалы в более чем 20 городах по всей России. Ассоциация связана с аналогичными клубами в Японии, Европе, США, Израиле, Прибалтике и т. д. Здесь важно заметить, что никакой коммерческой деятельности «R.An.Ma.» не ведет, а клубные фонды являются, по сути, частными коллекциями *анимэ*, владельцы которых разрешают копировать фильмы безвозмездно, но исключительно для просмотра членами многочисленных клубов и филиалов.

У каждого регионального клуба – свои особенности. Например, тот же воронежский филиал состоит в основном из физиков и прикладных математиков, в Екатеринбурге активисты филиала изучают японский язык, ведут просветительскую работу и т. д. Основной же целью существования ассоциации по-прежнему является популяризация искусства Японии доступными способами.

И все-таки вначале были фильмы – «Роботек» и другие фантастические сериалы, которые иногда появлялись на каналах телевидения. Сегодня в России продвижением культуры *анимэ* занимается компания «MC Entertainment». Эта фирма около пяти лет выпускает фильмы на лицензионных носителях, издает журнал для поклонников жанра, а также устраивает *анимэ*-вечеринки, вошедшие в ночную жизнь Москвы и других крупных городов чуть более двух лет назад.

Посетители *анимэ*-вечеринок с удовольствием танцуют под японские шлягеры, распевая со сцены под *караокэ* японские песни или же самозабвенно размахивают руками перед мигающими огнями удивительных игровых автоматов – Dance Dance Revolution и Para Para Paradise, пришедших в столичные игровые центры из большого мира культуры *анимэ*. В России есть объединение любителей этого танца-игры и проходит российский чемпионат среди ее любителей.

В рамках *анимэ*-фестивалей все это выглядит более внушительно. Программа фестиваля, помимо демонстрации японской анимации, обычно включает в себя самые разные направления того же косплея: воспроизведение популярных сценок из любимых *анимэ*, дефиле-показ *анимэ*-стилей, в том числе костюмов известных японских рок-музыкантов и т. д., конкурсы-выставки рисунка (арт, фан-арт, детский рисунок), конкурсы-выставки фото-косплея, в том числе фотосессия,

караокэ, показ *анимэ*-клипов и т. д. Причем эта довольно специфических атмосфера молодежной тусовки гармонично сочетается со строгим академизмом – с целой серией мастер-классов по традиционной культуре, включая каллиграфию, оригами, чайную церемонию и т. д.

В крупных городах такие фестивали приобрели уже регулярный характер. Так, в Санкт-Петербурге они уже несколько лет проводятся четыре раза в год. Это – «Манифест», «Виктория-Анифест», «Анимациури» и «Ветер с Востока», которые рассчитаны на широкий круг людей, увлеченных как современной, так и традиционной классической японской культурой.

Исследования показали, что *анимэ* вызывает большой интерес у нашего зрителя. При этом в случае с *анимэ* совершенно не работает классическое телевизионное правило, когда возраст целевой аудитории фильма или передачи соответствует возрасту главного героя. Возрастных границ у поклонников *анимэ* в России нет.

Возможно, секрет кроется в психологических моделях, предлагаемых в японских фильмах. Они не похожи на российские мультфильмы, где добро и зло, черное и белое всегда однозначны. *Анимэ* – это явление азиатской культуры, для которой нехарактерно красить мир в черно-белые тона. Один и тот же герой может совершать и добрые, и злые поступки. Подобное происходит и в жизни. С таким героем зрителю легче себя ассоциировать. Он ему ближе, чем безупречный храбрец или стопроцентный злодей.

В этом одна из причин столь огромной популярности японской комикс-культуры во многих странах. Но дело не только и не столько в психологических моделях. Ни для кого не секрет, что за успехами *манга* и *анимэ* стояла процветающая японская экономика. Не случайно 80-е годы признаны «золотым веком» в истории *манга* и *анимэ*. Однако не последнюю роль в этом процессе сыграло и то, что японцы изначально не относились к графической массовой культуре как к чему-то второстепенному. Японские художники комиксов взяли физическую форму у Запада, соединили с традицией иллюстрированного рассказа и юмористическими рисунками, внесли свои оригинальные идеи и тем самым дали рождение этому жанру. Примерно таким же был и процесс рождения *анимэ*.

В начале 40-х годов в Токио был устроен закрытый просмотр диснеевской «Белоснежки», на котором присутствовали правительственные чиновники и кинематографисты, в том числе молодой Куросава Акира. Японцы были буквально поражены красочным зрелищем – они впервые видели на экране цветной фильм (первый японский мультипликационный фильм был сделан в 1956 г.). После этого про-

смотра в кулуарах пронесли неутешительные суждения о решительном превосходстве не только американского киноискусства над японским, но всех американских технологий в целом. Некоторые из зрителей даже предсказывали неизбежную победу США в начавшейся войне, признавая невозможность в чем бы то ни было конкурировать со страной, создающей такую анимацию.

Действительно, войну японцы проиграли, но выиграли конкуренцию с Соединенными Штатами в другом: они создали собственную культуру *анимэ* и *манга*, успешно конкурирующую с западной теперь уже в мировом масштабе.

Пожалуй, самое сложное препятствие на пути распространения *анимэ* и *манга* в других странах – цензурные ограничения, с которыми с последние годы японское массовое искусство сталкивается в большинстве стран мира, в первую очередь, в такой пуританской стране, как США, в консервативной Великобритании, отчасти в Испании, не говоря уже о многих странах Азии.

Сегодня привычный стереотип *манга* и *анимэ*-культуры претерпел серьезные коррективы. По мнению критиков, а, может быть, просто конкурентов этой весьма прибыльной японской продукции, для нее куда более актуальны – секс, жестокость и бесконечные космические миры. Японцев за рубежом все чаще стали обвинять в перенасыщенности их лент насилием, порнографией, апокалипсическими настроениями, глобальными катаклизмами, а иногда и в полном уходе в космические и виртуальные миры.

Реки крови, обилие откровенных сексуальных сцен, вызывающие формы не по-японски пышнотелых красавиц и бесконечные роботы – вот, пожалуй, тот набор тем, который подвергается сегодня самой острой критике за рубежом.

В своем стремлении защитить нравственность американцы порой стараются найти чрезмерно откровенные сцены даже там, где есть только скрытый намек на интимность. Так, например, в американском каталоге фильм «Рамма ¹/₂» назван секс-комедией. Однако во всем сериале нет ни одной «постельной» сцены. Главные персонажи даже не целуются, не считая, правда, одного поцелуя во время школьной игры, но даже тогда губы героя были заклеены скотчем.

Конечно, во многих японских лентах и рисунках есть откровенные сцены сексуального характера, которые могут шокировать своей изощренностью широкую западную аудиторию. Но это далеко не во всех фильмах. Более того, эти сцены не связаны с основной линией сюжета. А пышнотелые красавицы настолько же вездесущи в *манга* и *анимэ*, как и в американских комиксах о супергероях. Можно предположить,

что именно стереотипный американский стиль невероятно мускулистых парней и фигуристых девушек является одним из факторов, повлиявших на сексуальность фигур девушек и бицепсы парней в *анимэ* и *манга*.

И все же, почему именно японцы практически постоянно провоцируют зарубежную публику и, особенно, зарубежную цензуру? Думается, что дело отчасти в своеобразии художественной национальной традиции и ее абсолютном несовпадении с морально-этическими представлениями, сложившимися на Западе. В Японии человеческая плоть всегда являлась естественной частью природы. Чувству стыда в европейском понимании этого слова всегда было противопоставлено естественное, природное начало в человеке, что тесно связано с синтоистскими верованиями и обрядами.

Древние японские мифы полны сексуальных эпизодов, среди которых самый известный – миф о возникновении японских островов как плода любви двух богов Идзанаги и Идзанами. В первой половине знаменитой японской исторической хроники «Кодзики» (712 г.) 35 эпизодов имеют непосредственное отношение к сексу. В древних памятниках нет и намек на неодобрительное отношение к сексу. Они говорят о нем открыто и почти без иносказательных слов. «Эта откровенность в рассказе о сексе в литературных материалах, – пишет японский культуролог Ёнэяма Тосинао, – сохранилась вплоть до нашего дня. В японской культуре не было сознания первородного греха в отношении секса, как это имело место в христианских культурах»⁸.

Насилие и жестокость подвергается не менее острой критике в адрес японской продукции. Возьмем, например, сложившееся представление на американском телеканале «CNN»: «Стандартный мультфильм в японском стиле: как правило, серии кровавых побоищ на космических просторах в будущем»⁹. В действительности, даже в фильмах для детей можно услышать хруст костей жертвы или скрежет меча, пронзающего живот.

Однако главное заключается в том, что японцы смотрят на эти сцены иными глазами и воспринимают их иначе, чем в США и других странах. Для них жестокость выглядит как комбинация стилизации и крайнего натурализма в театре Кабуки конца эпохи Эдо. Насилие в японской культуре зачастую превращается в искусство для искусства. Кровавопролитие эстетизируется в такой степени, что это трудно представить западному человеку.

«На Западе насилие, как и секс, нуждаются в оправдании, чаще всего фальшивом, – утверждает российский исследователь М. Н. Корнилов. –

⁸ Yoneyama Toshinao. Sex: Seventy-seven Keys to the Civilization of Japan. Osaka, 1985, с. 293.

⁹ <http://anime.ua.com>

Японская эстетика вообще не имеет дела с моралью, потому что разделяет уайльдовское мнение, что красота аморальна, она считает, что и герои, и боги могут быть аморальны. Это не значит, что японская аудитория жестока и садистски настроена, но она более чем какая-либо другая в мире терпима к крайнему насилию, свидетельством чему являются телевизионные программы для детей, напичканные насилием»¹⁰.

Англичанин Й. Бурума, в свою очередь, так объясняет причину этого явления: «Полное отсутствие моральных абсолютов: в Японии насилие и секс не греховны сами по себе, они только подлежат социальным ограничениям»¹¹. Он считает, что от него человек освобождается только при помощи *асоби* – игры. Чем сильнее ограничения, тем гротескнее игра. Удовольствие от насилия – это возможность дать выход эмоциям. Нечто подобное происходит даже на некоторых религиозных праздниках. Страшные картины художника эдосской эпохи Экина (1813–1876) служили украшением храмов. На них, как правило, изображались самые кровавые сцены из театра Кабуки.

Но если существуют столь огромные различия в художественных традициях и образной системе Запада и Востока и жесткая цензура в других странах в плане морально-эстетических норм, особенно со стороны американских *манга*-издательств и анимационных студий, как же продукция культурной японской индустрии попадает к зарубежным потребителям?

Буквально все книги японских комиксов или анимация проходят через жесткий отбор местной цензуры. Во многих странах они подвергаются серьезной редакции и адаптации к местным реалиям и вкусам. И переводчики зачастую не совсем адекватно переводят диалоги или субтитры в адаптированных изданиях. Это иногда приводит к тому, что покупателям прав на показ того же фильма в других странах приходится заново переводить его с языка-оригинала и восстанавливать целые смысловые блоки. Такая судьба, например, ждала все тот же прославленный «Призрак в доспехах» при прокате его в России.

Уже давно стало притчей во языцех то, что сотворили, например, с таким любимым детским фильмом, как «Красавица-воин Сейлор Мун», и даже с теми же «Покемонами» при переносе их на зарубежные экраны. Цензура порой доходила до того, что симпатичная короткая майка героини превращалась в бесформенный балахон, очень короткие и облегающие шорты становились обычной убогой тряпкой, купальник – черным водолазным костюмом, а все шутки на сексуальную тему оказывались просто вырезанными.

¹⁰ Корнилов М. Н. Образ и сущность. – Гуманистические аспекты. Ежегодник. М., 2000, с. 178

¹¹ Buruma I. A Japanese Mirror..., p. 193.

Героям ленты «Покемоны» поменяли японские имена на американские прежде, чем фильм вышел на телеэкраны США. И теперь местная детвора наблюдала за захватывающими поединками не Мусаси и Кодзиро, а Джесси и Джеймс. Вместо палочек для еды в руках у персонажей фильма оказались стаканы с лимонадом. Из фильма были удалены практически все японские реалии, иероглифические надписи и другие детали национального колорита, не совпадала также артикуляция героев и даже продолжительность диалогов при озвучивании фильма на английский язык. Но самое поразительное заключалось в том, что полностью было изменено музыкальное сопровождение и т. д. Если в японском оригинале музыка звучит только в самые важные моменты действия и усиливает их эмоциональное воздействие, то в американской версии, как это принято в США, ровный звуковой фон сопровождает весь фильм. А в результате получилось совершенно иное художественное прочтение японского фильма. По существу, получилась американская мультипликация для американских детей. Достаточно сказать, что работа над каждой серией этого фильма заняла у телевизионщиков около трех месяцев и стоила около 100 тыс. долл. Стоило ли все это таких затрат? Безусловно, американцы с уверенностью ответили бы утвердительно. И примерно такая же судьба была уготована фильму «Покемоны» практически во всех странах Европы и Латинской Америки.

Что же в конечном итоге получается на поверку: оригинал, адаптированный к местным условиям, или это уже новая версия японской истории, построенная по канонам другого национального жанра? Этот риторический вопрос еще раз подтверждает вполне очевидную ситуацию: для завоевания мировой аудитории продюсерам *анимэ* предстоит заново осмыслить, какие проекты следует предлагать на зарубежных рынках. Показательно, что даже такая полнометражная лента Отомо Кацухиро «Мальчик на паровом двигателе», на производство которой потребовалось девять лет и 22 млн. долл., дебютировав марте 2002 г., собрала в США всего 410 тыс. долл.¹² По-видимому, фантастика в стиле ретро (действие происходит в викторианской Британии) не увлекала фанатов этого режиссера, который в свое время привлек огромное внимание зрителей и специалистов к своему фильму «Акира».

Существует мнение, что «японские анимационные компании должны делать ленты, интересные мировому зрителю. Если оно будет хорошим, то люди станут его смотреть»¹³. Именно по такой формуле всегда работал Голливуд. И хотя в Японии *анимэ* пользуется большим

¹² Там же.

¹³ Там же.

успехом, чтобы реализовать свой потенциал и выйти на международную арену, японским производителям *анимэ* еще предстоит решить ряд сложных проблем для дальнейшего развития.

Одна из них, как ни парадоксально, – преодоление структурного кризиса самой отрасли, где за стремительно развивающимися сюжетами и образами стоит практически мелкое кустарное производство. По идее, к настоящему времени в Японии уже должна была появиться компания наподобие «Walt Disney Co.» – медиа-гигант, который бы стал носителем лучших традиций и многолетнего опыта японской анимации.

Вместо этого в Японии насчитывается 449 студий *анимэ*: от крупных студий, подобных «Гибли» Миядзаки со 150 мультипликаторами, до небольших мастерских из двух-трех человек, зарабатывающих на жизнь дешевыми мультсериалами для детских каналов.

Лишь немногие японские анимационные студии освоили навыки маркетинга, без знания которого конкурировать с американскими гигантами индустрии развлечений нереально. Благодаря успеху студии «Гибли», фильмов «Покемоны», «Ю Ги О» родился миф о прибыльности отрасли. Но на каждые 100 *анимэ* приходится всего 10 фильмов, реально приносящих прибыль¹⁴.

Чтобы сделать 21-минутную программу для обычного телевизионного ролика, над ней работает примерно 100 человек в течение 3–3,5 месяцев. Несмотря на то, что для выпуска такой программы необходимо примерно 13 млн. иен, производственная компания получает от телекомпаний в среднем всего 9–10 млн. иен¹⁵. Если *анимэ* становится хитом, прибыль делится между членами производственного комитета – телекомпанией, рекламным агентством и другими организациями, финансирующими производство фильма. Часто студия, создавшая *анимэ*, в этот комитет не входит.

«Проблема в том, что производственные компании имеют очень мало конкурентной силы по сравнению с телеканалами, рекламными агентствами и торговыми компаниями, получающими наибольшую прибыль», – отмечает Конаи Масахиро, работающий в токийском районе Сугинами, где сконцентрировано 17% компаний по производству *анимэ* в Японии¹⁶. Учитывая, что в Японии, как уже было отмечено, 449 компаний по выпуску анимационных фильмов, конкуренция за эфирное время чрезвычайно жесткая. Это заставляет многие компа-

¹⁴ <http://www.livejournal.com>

¹⁵ Там же.

¹⁶ <http://www.dn-weekly.kiev>

нии соглашаться на невыгодные условия и таким образом бороться за экономическое выживание.

Еще один серьезный производственный вопрос – это нехватка кадров в этой сфере культурной индустрии, которая приобретает особую остроту в условиях постоянно растущего спроса на анимационное искусство и заставляет многих экспертов предвещать неминуемое снижение художественного уровня этой продукции в сложившихся производственных условиях.

По оценке токийского «Media Development Research Institute», за последние пять лет число профессиональных аниматоров сократилось с 3,5 тыс. до 3 тыс. Дело в том, что молодые японцы больше не хотят работать. Сегодня художники-мультипликаторы предпочитают работать в более прибыльной индустрии видео-игр. В этой связи, по мнению главного менеджера лицензионного отдела компании «Bandai Visual» Фудзикава Масаюки, «до тех пор, пока не появится система, при которой деньги будут возвращаться к создателю фильма и которая сделает анимацию привлекательной работой, индустрия не сможет процветать»¹⁷.

Это опасение усиливает еще один существенный фактор: самая трудоемкая работа в последние годы перемещается в более дешевые азиатские страны, такие, как Китай, Корея, Филиппины и т. д. (почти 70% продукции). Это грозит истощением индустрии. По данным «Korea Animation Producers Assn.», 2/3 ведущих анимационных студий используют корейских художников. Основную работу для прокатной и телевизионной версий «Ю Ги О» сделали 1000 художников из крупнейшей студии Южной Кореи «Dongwoo Animation Co.», получившей Гран-при на Токийском фестивале анимации.

Самые успешные студии обращаются не только к услугам зарубежных художников. Достаточно сказать, что даже студия Миядзаки продает свои фильмы за пределы Японии через «Disney». При этом очень много студий так и не смогли пробиться на иностранные рынки, передав права на распространение своей продукции японским телекомпаниям. Специалисты считают, что для реализации своего потенциала японским продюсерам не хватает агрессивной маркетинговой стратегии, подобной той, что применяется крупными голливудскими студиями. Достаточно показательно в этом отношении, что «Шрек 2» собрал в США 437 млн. долл. по сравнению с 10 млн. долл., полученных в США фильмом «Унесенные призраками» – самой успешной на сегодня лентой *анимэ*.

¹⁷ Там же.

В Японии каждую неделю в эфир выходит около 70–80 анимационных фильмов¹⁸. И хотя такой объем, безусловно, беспрецедентен, но и он не отвечает в полной мере запросам мирового рынка. Именно с ростом экспорта *анимэ* связывают сегодня свои надежды японские эксперты и руководители ведущих зарубежных медиа-компаний. Это, в свою очередь, тесно связано также с задачами распространения широкополосного Интернета и других новых средств передачи данных, которые предоставят создателям *анимэ* лучший доступ на рынок и укрепят их рыночную позицию по сравнению с телевизионными компаниями.

Продюсеры, представители правительства и аналитики в Японии заявляют о необходимости принятия в срочном порядке первоочередных мер, без реализации которых долгосрочные перспективы индустрии – не более чем миф. Японское правительство отреагировало на сложившуюся ситуацию рядом новых инициатив. Частные инвесторы также оказывают поддержку этому виду массового искусства.

Другое направление политики правительственных и бизнес-кругов в этом вопросе – активное продвижение *манга* и *анимэ* за рубеж. Сегодня популярность *анимэ*, пожалуй, не коснулась только развивающихся стран, где просто нет средств на покупку прав для их проката. Япония стремится восполнить этот культурный вакуум, и в целях углубления культурных контактов, а также расширения рынка сбыта этой продукции предоставлять на безвозмездной основе мультфильмы для показа в этих государствах. С этой целью японское правительство по каналам МИДа и находящегося под его юрисдикцией «Japan Foundation» осуществляет покупку прав на прокат этих лент в зарубежных странах у компаний-производителей.

В мае 2006 г. внешнеполитическим ведомством Японии в рамках стратегии создания благоприятного имиджа своей страны за рубежом был выдвинут новый проект в сфере культуры – утверждение международного *манга*-приза, за который могли бы бороться за рубежом юные *мангака*¹⁹. Японское министерство наземного сообщения и транспорта приглашает иностранных туристов на международный *манга*-саммит, который пройдет в 2008 г. в Киото.

В этом же направлении действуют и муниципальные власти. Так, сравнительно недавно, при поддержке муниципального правительства в Токио прошла Всемирная анимационная выставка, собравшая 197 японских анимационных компаний. На этот своеобразный *анимэ*-саммит съехались мультипликаторы и кинопродюсеры со всего мира.

¹⁸ <http://www.livejournal.com>

¹⁹ Йомиури симбун. 21.05.2006.

Не отстает от властных структур и бизнес. Компания «Sony Pictures Entertainment» после успеха открытого в 1998 г. телеканала «Animax», ставшего каналом №1 для поклонников *анимэ* в Японии, а также одним из самых популярных в кабельных и спутниковых сетях, в 2004 г. перекинула свои ресурсы на Азию. В Сингапуре был создан первый за пределами Японии круглосуточный телеканал, посвященный *анимэ*. Этот канал рассчитан исключительно на молодежную аудиторию. Кроме сингапурских зрителей, канал будет смотреть в Гонконге, Тайване и ряде других государств Азии, где, по данным «Сони», потенциальные телезрители японского *анимэ* составляют около 98 млн.

Япония меняется буквально на глазах. Когда-то бесспорный мировой экономический лидер, которому буквально завидовал весь западный мир, и один из самых успешных экспортеров высокотехнологической продукции, пережив тяжелый экономический кризис, меняет ориентиры в своем развитии. Сегодня Япония постепенно превращается в одного из главных мировых поставщиков высокотехнологичного интеллектуального продукта, став, прежде всего, законодательницей мод в киноискусстве, анимации, дизайне и других областях массовой культуры.

Азиатское издание журнала «Time» в одном из сентябрьских номеров за 2003 г. приводит цитату Итии Накамура из «Media Lab» Мас-сачусетского технологического института: «Японское общество превратилось из индустриального в поп-культурное»²⁰. В том же номере «Time» директор центра прогнозирования компании «Марубэни» Су-гиура Цутуму говорит, что за последние 10 лет японский «культурный экспорт» (доходы от продажи и лицензирования фильмов, *анимэ*, музыки) утроился и составил 12,5 млрд. долл., в то время как промышленный экспорт вырос лишь на 20%. Конечно, указанная сумма кажется весьма невысокой, если сравнивать ее с ежемесячными доходами компании «Тоёта» (11 млрд. долл.), но динамика роста не может не удивлять.

Аналитики всерьез расценивают успех японской поп-культуры как шанс дополнительного стимулирования экономики Японии после экономического кризиса. В связи с этим американский журнал «Foreign Policy» в 2002 г. даже ввел в обиход звучный термин «валовая национальная крутизна» (Gross National Cool). В своей публикации автор Дуглас Макгей доказывает: способности японцев перенимать и ассимилировать все лучшее, что может предложить заграница, вполне достаточно для того, чтобы сделать страну настоящей культурной сверх-

²⁰ Там же.

державой²¹. Опережая соседей на 20–30 лет (все-таки поп-культура – продукт развитой экономики), Япония предоставляет широкий спектр удивительно привлекательного культурного ассортимента. И хотя экономическая составляющая такого экспорта еще сравнительно невелика, «валовая национальная крутизна» Японии растет в геометрической прогрессии: страна уверенно заявляет о высочайшей конкурентоспособности в области массовой культуры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Денисов Юрий Дмитриевич</i>	кандидат технических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Жуков Александр Евгеньевич</i>	кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Катасонова Елена Леонидовна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Кимура Хироси</i>	профессор политических наук, Институт международных отношений, Университет Такусёку (Япония)
<i>Куланов Александр Евгеньевич</i>	главный редактор, «Японский журнал – japon. ru»
<i>Лебедева Ирина Павловна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Маркарян Седя Багдасаровна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Матрусова Татьяна Николаевна</i>	кандидат экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Молодяков Василий Элинархович</i>	доктор философии, доктор политических наук, университет Такусёку (Япония)
<i>Молодякова Эльгена Васильевна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Стрельцов Дмитрий Викторович</i>	доктор исторических наук
<i>Тимонина Ирина Львовна</i>	доктор экономических наук, Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова

²¹ www.wisesoft.ru – журнал «Страна игр». 2003, ноябрь.

CONTRIBUTORS

<i>Denisov Yuri Dmitrievich</i>	Ph. D. (Technology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Zhukov Aleksander Evgenyevich</i>	Ph. D. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Katasonova Yelena Leonidovna</i>	Ph. D. (Philology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Kimura Hiroshi</i>	Prof. (Political Science), Institute of World Affairs, Takushoku University (Japan)
<i>Kulanov Aleksandr Evgenyevich</i>	Chief Editor of the “Japanese magazine – japon.ru”
<i>Lebedeva Irina Pavlovna</i>	Ph. D. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Markarian Seda Bagdasarovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Matrusova Tatyana Nikolayevna</i>	Ph. D. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Molodyakov Vasily Elinarkhovich</i>	Ph. D. (Philosophy, Political Science), Takushoku University
<i>Molodyakova Elgena Vasilyevna</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Streltsov Dmitry Viktorovich,</i>	Ph. D. (History)
<i>Timonina Irina Lvovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Afro- Asian Studies, Moscow State University

Центром японских исследований Института востоковедения РАН

изданы в 1995–2006 гг.
индивидуальные и коллективные монографии:

Лебедева И. П. Японские корпорации: стратегия развития. М., 1995
Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Японское общество: книга перемен.
М., 1996
Япония: конец XX века. М, 1996
Японский феномен. М., 1996
Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы.
М., 1998
Япония 90-х: кризис системы или временные сбои. М., 1998
Япония: мифы и реальность. М., 1999
Матрусова Т. Н. Организация профессиональной подготовки в Японии.
М., 1999
Япония: консерватизм и традиционализм. М., 2000
Япония и современный мировой порядок. М., 2002
Тимонина И. Л. Япония: региональная экономика и политика. М., 2002
Герасимова М. П. Киотоский альбом. М., 2002
Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в
послевоенный период. М, 2002
Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003
Катасонова Е. Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра
великих держав. М., 2003
Лебедева И. П. Малый бизнес в Японии. М., 2004
Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004
Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Мацури. Традиционные праздники
Японии. М., 2004
Катасонова Е. Л. Последние пленники второй мировой войны:
малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005
Портрет современного японского общества. М., 2006
Продолжается издание Ежегодника *Япония*.

Центр изучения современной Японии
The Center for Contemporary Japanese Studies

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

Портрет современного японского общества

Дизайн обложки *И. Плигин*

редактор	Н. П. Дмитриевская
технический редактор	М. А. Кононов
корректор	С. В. Виноградов

Ответственный за выпуск А. Г. Макаров

Подписано в печать с оригинал-макета 01. 08. 2007.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офс. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 18. Тираж 600 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»

107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.

Телефон: (095) 466-16-35. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
